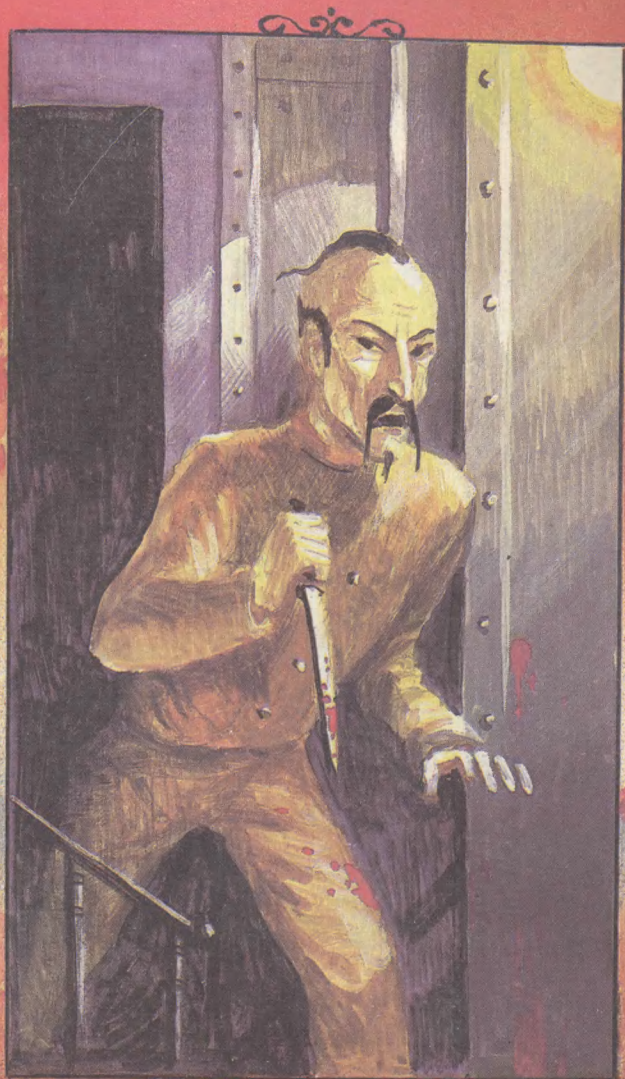

Луи Буссенар

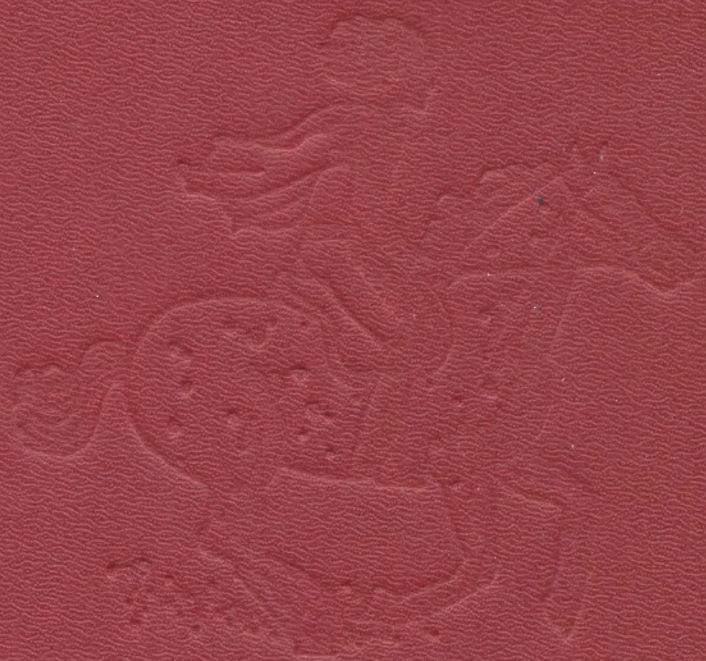
Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

LOUIS

BOUSSENARD

Les Secrets

de monsieur

Synthèse

MOSCOU • 1993

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Тайны господина Синтеза

Перевод с французского

МОСКВА • 1993

ББК 84.4 Фр
Б 92

Перевод
Е. Квитницкой-Рыжовой

Примечания
Л. Лебедевой

Художник
А. Махов

Б 4703010100-036 Без объявления
593(03)-93

ISBN 5-86218-070-2 (Серия 2. т. 3)
ISBN 5-86218-002-8

© Е. Ю. Квитницкая-Рыжова.
Перевод, 1993.
© Л. И. Лебедева. Примечания,
1993.
© А. С. Махов. Иллюстрации,
1993.
© Научно-издательский центр
«Ладомир». Оформление,
литературная правка текстов,
1993.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством
запрещается.*

Тайны господина Синтеза

ПРОЛОГ

УЧЕНЫЕ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ*

ГЛАВА I

*В кабинете префекта полиции**.— Украденный бумажник.— Рапорт агента номер 27.— Господин Синтез.— Сто-миллионный кредит.— Человек, живущий без еды и сна.— Пятьсот скафандров доставлены заказчику.— Удар ножом.— Агент номер 32.— Профессор «взрывчатых веществ».— Алексис Фармак.— Слова улетают, написанное остается.— След.— Снова господин Синтез.— Таинственный дом по улице Гальвани.— Запертые двери.— Строжайший запрет.— Флот господина Синтеза.— Великое Дело.*

В тот день,— а именно в первых числах апреля 1884 года,— дел у господина префекта было по горло.

Сидя за большим, заваленным бумагами письменным столом, он внимательно изучал содержимое какого-то бумажника, поминутно теребя свои тоненькие, уже начинающие сесть усики и вороша завитки красиво подстриженных подковкой волос. Однако эта процедура лишь усилила сжигавшее его нетерпение. Он внезапно вскочил, отшвырнул ногой жалобно скрипнувшее кресло и, сам не свой, заметался по кабинету, натываясь на стены, обитые зеленым репсом***, тем неизменным репсом, без которого уже невозможно представить внутреннее убранство современных административных зданий.

* В старом переводе (издание П. Сойкина) роман выходил под названием «Тайна доктора Синтеза».

** Префект полиции — начальник центрального полицейского управления, подчиненный непосредственно правительству (министру внутренних дел).

*** Репс — хлопчатобумажная или шелковая ткань в рубчик, используется как обивочная и декоративная.

— Еще этот недотепа все никак не идет! — бормотал префект, искоса бросая взгляды на свое отражение в большом висящем над камином зеркале в черной раме.

Уже третий раз его палец опускался на кнопку из слоновой кости, приводя в действие целый хор электрических звонков. Наконец преисполненный важности свежевыбритый судебный исполнитель*, блестя лысиной, появился на пороге и, сделав несколько шагов вперед, застыл, словно памятник, в самом центре вытканного на ковре рисунка.

— Номер двадцать семь? — отрывисто бросил хозяин кабинета.

— Только что прибыл и ожидает в приемной возможности предстать перед господином префектом.

— Пускай войдет! Да поживей! — поторопил начальник невозмутимого секретаря, чья поступь вопреки приказу не стала быстрее, а фигура не утратила степенности.

За сим префект, облегченно вздохнув, вновь опустился в кресло, прикрыл бюваром** раскрытый бумажник, чтобы немного успокоиться, достал пилочку для ногтей и, предварительно придав лицу бесстрастное выражение, приготовился ждать.

— Номер двадцать семь! — возвестил секретарь.

— Хорошо. Меня ни для кого нет.

Оглядев вошедшего мужчину лет тридцати с умным и мертвенно-бледным лицом, префект, даже не поздоровавшись, рывкнул:

— Ну наконец-то! Хороши, нечего сказать. Явились в десять утра, а должны были когда?! Вчера вечером! Возложив на вас секретную миссию, я настоятельно рекомендовал действовать как можно быстрее, вы же заставляете меня двенадцать часов сидеть тут словно на иголках!

— Но, господин префект...

— Молчать! Пока не знаю, хорошо ли, плохо ли вы справились с заданием, однако вижу, прохлаждаетесь, ворон считаете, вместо того чтобы стремглав мчаться сюда. И к тому же, как последний ротозей, позволяете стащить у себя бумажник не только с инструкциями, но и с рапортом чрезвычайной важности!

Агент, совершенно сбитый с толку тем, что началь-

* Судебный исполнитель — должностное лицо, призванное следить за точным и своевременным исполнением судебных решений.

** Бювар — настольная папка с письменными принадлежностями.

ник, оказывается, осведомлен о происшествии, известном, как он считал, лишь ему самому да вору, не удержался от жеста изумления и скорчил такую мину, которую, если расшифровать игру лицевых мускулов, можно было бы понять следующим образом: «Эге, видно, шеф — тонкая бестия! Что, как он во мне усомнился?! И само это ограбление — не его ли работа? Если да, то зачем?!»

— Ну что, так и будем молчать?! Или все-таки соблаговолите дать мне какой-нибудь вразумительный ответ?

— Да, должен признаться... У меня действительно вытащили бумажник... И сделал это настоящий ловкач!..

— Вор у вора дубинку украл! Правда, на сей раз стащили-то ее у вас, голубчик!

— Ну, так уж и дубинку! Ведь в бумажнике гроша ломаного не было, а донесение записано шифром, ключ от которого известен мне одному.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно, господин префект.

— А ежели я вам предъявлю этот документ, вернее, его перевод на превосходный французский язык, что вы тогда запоете? — не без ехидства спросил начальник.

— Быть того не может!

— Взгляните, мой мальчик, вот оригинал, собственно-ручно вами написанный, а вот и перевод! Читайте-ка вслух свое донесение, а я тем временем буду сличать тексты!

Но агент, совершенно опешив, стоял как громом пораженный. Да что же это? Не спит ли он?.. Руки его повисли словно плети, и он, казалось, даже не замечал протянутую шефом шифровку.

С минуту начальник улыбался, наслаждаясь своим торжеством, но затем снова раздраженно воскликнул:

— Вы что же, не видите? Я жду!

Могучим усилием воли агенту номер 27 удалось взять себя в руки. Он достал из кармана платок, вытер пот, струившийся по его бледному до прозрачности лицу, и, взяв листок, внезапно охрипшим голосом стал читать:

— «Дело Синтеза». Согласно приказу шефа, я собирал сведения о личности, которая вот уже почти месяц остается загадкой для парижского общества.

— Да, в литературе, предназначенной для грошовых журнальчиков, я — полный профан*, — съязвил началь-

* Профан — человек, полностью не осведомленный в какой-либо области; невежда.

ник.— Однако мы сравниваем тексты, так что продолжайте! Критические замечания последуют в свое время.

— Вышеупомянутая особа представляется как «господин Синтез» и проживает в Гранд-отеле. Это высокий мужчина, моложавый и подтянутый, словно юноша. Точный возраст его определить трудно, однако есть основания утверждать, что ему уже перевалило за шестьдесят...

— Чем дальше, тем больше напоминает газетный роман с продолжением,— пробормотал префект.

— По национальности он скорее всего голландец или швед,— продолжал агент номер 27.— Его образ жизни становится час от часу все более странным: посетителей он принимает редко. Служат ему два угрюмых негра крайне отталкивающего вида — настоящие церберы*. Всех входящих они подвергают проверке, требуя, чтобы те называли пароль, и каждого, кто не знает условленной фразы, безжалостно выталкивают за порог.

Ходят слухи, будто бы господин Синтез — ученый-маньяк, чье постоянное и любимое занятие — мараить бумагу химическими формулами и алгебраическими уравнениями, именно поэтому он так стремится к уединению. Говорят также, что сей господин безумно богат, что в его квартире буквально повсюду валяются драгоценные камни — бриллианты, сапфиры, рубины и что он владеет множеством сундуков, полных такими вот камушками.

Возможно, эти сведения несколько преувеличены, однако я смело могу утверждать,— господин Синтез располагает кредитом в сто миллионов у Ротшильда**.

— Я не ослышался? Вы сказали «сто миллионов»?!

— Я получил справку у главного кассира банка.

— Черт побери! Вот это да!

— Конечно, мифические самоцветы*** вполне могут оказаться простыми стекляшками, но золото Ротшильдов наверняка чистой пробы!

— Продолжайте!

— Утверждают также, и это более чем доказано свидетельствами гостиничной прислуги, что господин Синтез

* Цербер (Кербер) — в греческой мифологии чудовищный трехглавый пес, охраняющий вход в подземное царство; в переносном смысле — свирепый и неумолимый страж.

** Банк Ротшильда — крупнейшее в Европе разветвленное банковское предприятие, основанное в XVIII в. во Франции М. А. Ротшильдом.

*** Мифические самоцветы — здесь: драгоценные камни, о существовании которых известно лишь понаслышке.

ничего не ест и никогда не спит. Он ни разу не спускался в ресторан, не заказывал еду в номер, и не было случая, чтобы его черномазые слуги доставляли в гостиницу какую-нибудь снедь. Они же сообщают всем желающим слушать их болтовню, будто бы их хозяин не знает, что такое сон. К тому же в номере нет ни кроватей, ни диванов, ни шезлонгов.

Таковы более чем необычайные странности господина Синтеза. Уже одного этого, вероятно, было бы достаточно, чтобы со всей возможной деликатностью содержать данное лицо под тайным надзором властей.

— Что верно, то верно. Иногда и в вашей литературе проскакивает искра здравого смысла. «Со всей возможной деликатностью...» Надо держать ухо востро с оригиналом, способным снять со своего банковского счета сто миллионов! Недурно бы разузнать о нем поподробней.

— Со всей возможной деликатностью... — повторил агент номер 27, приободренный похвалой шефа. — Итак, продолжим. Один абсолютно реальный факт загадочного существования данной особы привлек наше внимание: через день после прибытия в Париж господин Синтез вступил в контакт с известной фирмой «Рукероль и Денейруз»* и заказал ей пятьсот скафандров уникальной конструкции.

Аппараты снабжены резервуарами приблизительно с солдатский подсумок; кислород, наполняющий эти резервуары, позволяет ныряльщику погружаться в воду на шесть часов. Таким образом, отпадает необходимость в насосах, ранее качавших воздух для дыхания водолаза, а также в соединительных шлангах. Такие скафандры называют «независимыми».

Партия товара, оплаченная наличными, пять дней тому назад была доставлена на Сен-Лазарский вокзал и оттуда специальным поездом отправлена в Гавр. Пятьсот аппаратов погрузили в трюм большого парохода «Анна», стоявшего на якоре в доке Люр.

— На сей раз это все?

— Да, господин префект.

— Ладно. Ваши иероглифы** точь-в-точь соответствуют моему переводу. Не могу поставить вам в вину стиль

* Фирма «Рукероль (Рукейроль) и Денейруз» — французская фирма, изготавливавшая снаряжение для подводных погружений.

** Иероглифы — рисуночные знаки египетского, китайского, японского письма; в переносном смысле — загадочные, зашифрованные тексты.

рапорта — он удачно контрастирует с прозой отчетов моих подчиненных. Расследование, однако, пока находится в зачаточном состоянии. Не сомневаюсь, что вы вскоре сможете извлечь из этой цепи загадок прекрасно обоснованную полицейскую докладную, строгую как математическое уравнение, в котором все эти странности найдут удовлетворительное объяснение. Но впредь будьте внимательны и не позволяйте так глупо себя обкрадывать.

— О господин префект, мне вовсе не улыбалось лишиться бумажника, да еще и получить удар ножом...

— Вы?! Удар ножом? Когда это случилось? Где?

— Вчера вечером в девять часов, приблизительно через полчаса после того, как у меня украли бумажник. Потрясенный всем происшедшим, я возвращался к себе домой на набережную Бетюн, обдумывая по пути докладную. И тут какой-то незнакомец — наверно, он шел за мной по пятам — вдруг обгоняет меня, останавливается, круто повернувшись, секунду смотрит мне в лицо, размахивается и... Удар пришелся прямо в грудь. Огни газовых фонарей заплясали у меня перед глазами, я закричал и рухнул на мостовую... Когда на мой крик прибежали двое полицейских, незнакомец уже убежал.

Меня подняли, привели в чувство и отвезли в больницу Отель Дье. Дежурный фельдшер наложил повязку и сказал, что рана не опасна, однако велел остаться на ночь в больнице и лишь полчаса назад выпустил на волю. Только поэтому, господин префект, я не смог явиться в назначенное время.

— Ай-ай-ай, бедняга, отчего ж вы мне не сказали об этом раньше?! Подумать только — пырнули ножом! Неужто и впрямь на улицах Парижа могут убить?

— Сдается, что так, господин префект.

— Да-с, ситуация усложняется! Кстати, довольно играть в загадки. Вам знаком сей предмет?

— Это мой бумажник.

— Укрavший его человек вскоре ввязался в драку, был арестован и препровожден в комиссариат. При обыске у него обнаружили записную книжку с вашим удостоверением личности и бумаги, которые у комиссара хватило ума сразу же переслать мне. Я нашел ваш рапорт и приказал одному из служащих его расшифровать, что не составило большого труда. А вот история с покушением, жертвой которого вы стали, кажется, не так проста. Нет ли между этими двумя неприятными происшествиями какой-либо связи?

— Очень может быть.

— Надо поразмыслить. Отдохните несколько дней дома, вы, вероятно, «засветились». А пока — кое-что в утешение. — Префект открыл сейф, достал несколько луидоров* и сунул их агенту в руку; тот, рассыпавшись в благодарностях, спрятал деньги. — Еще несколько слов напоследок. Присядьте на минутку. Я все время думаю об этой партии в пятьсот скафандров. Вот ведь загвоздка... Пускай себе господин Синтез обходится без еды и сна, нам нет до того дела. Пусть повторит эксперимент доктора Таннера, пусть даже превзойдет эксцентричного американца! Но — скафандры!

— Ваша правда, господин префект.

— Владей он хоть всеми жемчугами Цейлона** или вбей себе в голову мечту стать единственным держателем акций Виго, — я хочу сказать, будь он архимиллионером или архисумасшедшим, — ему, частному лицу, все равно незачем приобретать оборудование для целой подводной армии!

— Верно! Пускай не для армии, но, уж во всяком случае, для целого полка водолазов. Коль вы мне оказываете честь, интересуясь моим мнением, позвольте заметить, что недурно было бы наложить эмбарго*** на судно господина Синтеза.

— Это слишком важное решение, и я должен доложить о нем министру. Необходимо помнить, что вышеупомянутая персона является иностранным подданным — так легко нажить дипломатические неприятности... Но не можем же мы выпустить из французского порта в неизвестном направлении пять сотен скафандров! Последнее время мир переживает разного рода кризисы — политические, аграрные, финансовые, торговые... Растет число недовольных. Различные индивидуумы**** злоумышляют, партии спорят, армии вооружаются!.. Люди завидуют ближнему своему, народы друг друга ненавидят... Как знать, может, загадка, над которой мы сейчас бьемся, невидимыми нитями связана со всеми нынешними беспо-

* Луидор — французская золотая монета, названная в честь короля Людовика (Луи) XIII.

** Цейлон — остров в Индийском океане у южной оконечности полуострова Индостан; современное название Шри Ланка.

*** Эмбарго — запрет на вывоз или ввоз золота, иностранной валюты или каких-либо товаров.

**** Индивидуум — отдельный человек, личность.

рядками. Почувствовать-то все это можно, а словами выразить трудно... Кто поручится, не напали ли мы на след заговора против монарха или против всего народа?

Велико должно было быть замешательство префекта полиции, если он начал думать вслух и произносить такой длинный монолог перед одним из своих скромных служащих! Опомнившись, префект прервал свою тираду и отпустил агента номер 27, еще раз порекомендовав ему вести себя более осмотрительно. Только он собрался воспользоваться редкой минутой одиночества, чтобы еще раз все-сторонне обдумать загадку по имени «господин Синтез», как в кабинет вновь явился напыщенный и важный секретарь.

— Агент номер 32 ожидает в маленьком кабинете,— прозвучал его елейный голос*.

— Впустите,— ответил префект с покорностью человека, знающего, что время ему не принадлежит.— Какими судьбами? Я думал, вы в Швейцарии ведете наблюдение за эмигрантами-нигилистами**.

— Я уже неделю как вернулся.

— И до сих пор не явились?

— Я следил за одним частным лицом, доставившим мне кучу хлопот. К тому же, чувствуя за собою «хвост», решил повременить, дабы не навести его на Центр.

— И правильно поступили. Что у вас нового?

— Много чего, господин префект.

— Вы составили обстоятельную докладную?

— Только устный рапорт, господин префект.

— Отчего же не письменный?

— Потому что поговорка «*Verba volant, scripta manent*» ложна, как и большинство поговорок.

— «Слова улетают, написанное остается»?

— Совершенно верно.

— Рассказывайте вашу историю и не скупитесь на подробности. Все, что касается людей, за которыми вам надлежит следить, имеет первостатейное значение.

— Я провел в Женеве пять недель и благодаря аген-

* Елейный голос — неискренне ласковый, лицемерный.

** Эмигранты-нигилисты — здесь речь идет о бежавших из России участниках революционных движений 2-й половины XIX века, подвергавшихся на родине полицейскому преследованию. Нигилистами их называли в основном в реакционных кругах за их отрицательное отношение к официально признанной культуре, морали, к общественному строю, против которого они выступали.

там московской полиции, работавшим в городе, был превосходно осведомлен о каждом шаге эмигрантов. Надо сказать, наблюдение за теми, кто направлялся во Францию или возвращался из нее в Швейцарию, не составило большого труда.

Мое особое внимание привлек некий господин, чье поведение было весьма странным, внешность примечательной, национальность невыясненной, зато профессия не вызывала сомнений. Человек этот — химик. Но такой, каких нынче уже не увидишь. Казалось, он вышел из старинной лаборатории, заставленной перегонными кубами*, ретортами**, причудливыми аппаратами, чучелами крокодилов, словом, всем тем, чем практиковали средневековые алхимики***, занимаясь своим колдовством. Все в нем было необычайно, даже его имя, которое меня сразу же поразило. Он назывался, вернее его называли, Алексисом Фармаком.

— Но это же не имя, это каламбур!****

— Именно так я и понял, обратившись к толковому словарю Пьера Ларусса*****.

— Быть может, это кличка!

— Более чем вероятно. Но как бы там ни было, мой Алексис Фармак был владельцем уединенного дома на окраине предместья, где он оборудовал великолепную лабораторию, в которой дни и ночи напролет изготавливая всевозможные взрывчатые вещества.

— Черт побери!

— Соль гремучей кислоты*****, пироклетчат-

* Перегонный куб — устройство для разделения путем горячей перегонки жидкой смеси на составные части.

** Реторта — стеклянный лабораторный сосуд, полый шар с изогнутой трубкой.

*** Алхимик — в средневековой Европе так называли людей, занимавшихся отысканием так называемого философского камня, при помощи которого будто бы можно было превратить любой металл в золото или серебро; в переносном смысле — человек, занимающийся сложными и «загадочными» химическими опытами.

**** Каламбур — игра слов, разных по значению, но сходных по звучанию; французское слово (произносится: алексифармак) означает «противоядие».

***** Ларусс (Larousse) Пьер (1817—1875) — французский ученый, основатель издательства универсальных энциклопедических словарей; само издательство, а также выпускаемые им словари носят имя основателя («Большой Ларусс» и т. п.).

***** Соль гремучей кислоты — так называемая гремучая ртуть, взрывчатое вещество, образующееся в результате нагревания смеси ртути со спиртом и крепкой азотной кислотой.

ка*, нитробензол**, беллинит, серанин, петролит, себастин, панкластит, матазет, тонит, глоноин, динамит, глиоксилин, нитроглицерин*** и множество других, чьих названий я не знаю. Он постоянно экспериментирует, прекрасно уживаясь с молниями, запертыми в колбы, а между делом преподает химию русским эмигрантам (в основном те ее разделы, где речь идет о взрывчатых веществах).

Я стал одним из его учеников, пусть не самым образцовым, но зато едва ли не самым старательным.

Жизнь нашего профессора не изобиловала событиями: опыты, уроки, опыты... И вдруг одним прекрасным утром письмо из Парижа оторвало Алексиса Фармака от лаборатории, от формул, от экспериментов.

— Зовут в Париж,— заявил он без обиняков.— Один ученый, кстати сказать, большая знаменитость, приглашает к себе. Я буду получать, хоть это меня мало заботит, превосходное жалованье и, главное, заниматься высокой наукой в качестве ассистента господина Синтеза...

— Что?! — воскликнул ошеломленный префект.— Вы сказали «Синтеза»?!

— Да, господин префект. Мало нам Алексиса Фармака, так вот вам еще одно имечко! Тоже, наверное, псевдоним. У этих ученых все не как у людей.

Итак, не теряя ни минуты, профессор с нами распрощался, лабораторию сдал внаем за смехотворную сумму одному из своих русских приятелей и, набив чемодан рукописями, первым же поездом выехал в Париж.

Я нюхом почуял — здесь какая-то авантюра. Сделав все возможное, чтоб не быть узванным, сажусь в тот же поезд и еду следом.

— Превосходно! Молодчина!

— По прибытии направляюсь за его экипажем на

* Пироклетчатка или нитроклетчатка — продукты обработки различных видов клетчатки (хлопка, древесного дуба и т. п.) азотной кислотой или смесью азотной и серной кислот: применяется для изготовления пороха и других взрывчатых веществ.

** Нитробензол — искусственное горькоиндальное масло, получаемое при обработке бензина азотной кислотой.

*** Беллинит, серанин, петролит, себастин, панкластит... и т. д. — различные взрывчатые вещества группы динамитов.

улицу Гальвани — это новая улица, проложенная между улицей Ложье и бульваром Гувьен-Сен-Сир. Фиакр* останавливается перед массивной оградой, с маленькой калиткой и большими железными воротами. На первый же звонок ворота широко распахнулись, а затем, вслед за проехавшим экипажем, тотчас же закрылись, лишь на миг позволив мне увидеть в глубине сада просторный одноэтажный дом и в отдалении хозяйственные постройки. Битый час я напрасно жду, когда фиакр выедет снова, и в конце концов, несолоно хлебавши, возвращаюсь домой, поклявшись себе, что уж завтра чуть свет все раз узнаю.

В принципе, совсем несложно войти в парижский дом, несложно кой-кого порасспросить и выудить сведения о жильцах. Люди нашей профессии владеют такого рода приемами. Но я странным образом был вынужден отказаться от своих намерений. Обескураживало, что двери неизменно оставались запертыми, люди рта не раскрывали, их правила поведения казались нерушимыми, а сами они — неприступными...

Тайна сущается, но я, естественно, дела не бросаю. Используя любой предлог, любые средства, пытаюсь завязать знакомства или хотя бы просто проникнуть внутрь.

Напрасно я поочередно становился то рассыльным, то разносчиком телеграмм, то газовщиком, то водопроводчиком, напрасно тщательно обдумывал каждый новый маскарад; стоило мне позвонить в проклятую дверь, громадный негр в ливрее, черт бы его побрал, возникал на пороге и заговаривал со мной на каком-то непонятном языке. А так как я изо всех сил пытался объяснить с ним по-французски, он отваживал меня с ухмылкой, делавшей его рожу похожей на морду бульдога.

Бешенство мое росло. Несколько раз я видел, как в ворота, действовавшие автоматически, влетала на рысях карета, запряженная быстрой, словно ветер, вороной лошастью. Поскольку обратно она не выезжала, равно как и фиакр моего так называемого учителя, я заключил, что существует второй выход на бульвар Гувьен-Сен-Сир.

Именно у этих вторых ворот я вчера днем установил

* Фиакр — легкий наемный экипаж.

наблюдение, явившись туда в экипаже, которым правил один из наших агентов.

— Прекрасная мысль! — воскликнул все более и более заинтригованный префект.

— И представьте себе, мое терпение чуть ли не сразу было вознаграждено. Не прошло и часу, как в стене, скрывавшей, как мне думается, пустырь, распахнулись ворота, выехал экипаж и полетел словно выпущенная из лука стрела. Мой кучер помчался за ним во весь опор. После фантастической гонки по улицам Парижа мы остановились на углу площади Сорбонны*, против большого магазина химреактивов «Фонтен и К°», и тут-то я имел удовольствие увидеть выходящего из кареты Алексиса Фармака собственной персоной.

Выждав, пока он зайдет в магазин, начинаю с видом праздного зеваки прогуливаться взад-вперед по тротуару. Улучив минуту, когда профессор, уладив свои дела, показался в дверях, я изловчился ненароком его задеть, якобы по рассеянности.

— Вы ли это, дорогой мэтр?! ** — воскликнул я восторженно.

— Любезнейший! Какими судьбами?!

— Меня привела в Париж тяжелая болезнь отца. А в данный момент я направляюсь в Сорбонну, хочу подать в секретариат заявление о зачислении на естественный факультет.

— Значит, продолжаете трудиться?

— Под вашим умелым руководством вошел во вкус и горячо желаю продолжить так прекрасно начавшееся обучение.

— Похвально, похвально, поздравляю!

— А вы, дорогой мэтр, как поживаете?

— О, нахожусь на вершине блаженства! Представьте себе, я руковожу огромной лабораторией, почти такой же большой, как в Сорбонне и в Коллеж де Франс***, вместе взятых, под началом у меня — выдающиеся химики, а мой патрон**** — самая необычайная личность как в Старом, так и в Новом Свете.

— Ах да, это господин Синтез. Припоминаю странную

* Сорбонна — распространенное второе название Парижского университета.

** Мэтр — здесь: почтительное обращение к господину и учителю.

*** Коллеж де Франс — одно из старейших (основано в 1530 г.) учебных и научных заведений во Франции (Париж).

**** Патрон — покровитель, хозяин.

кличку, которой вы называли его на прошлой неделе в Женеве.

— Его настоящее имя, хотите вы сказать. Необыкновенная, превосходная, неподражаемая личность! Более знающий ученый, чем вся Национальная библиотека*, бóльший богач, чем все финансисты мира, более могущественный, чем принцы и монархи, чьи имена записаны в Готтском альманахе!**

— Из этого следует,— начал я наугад,— что вы отказались от специального изучения взрывчатых веществ?

— Эге, дорогой мой, стоит ли говорить об этих детских игрушках, когда мы стоим на пороге гигантского, неслыханного, фантастического дела, при одной мысли о котором меня охватывает восторг, почти страх!

Не могу найти слов, чтобы описать мои чувства, язык бессилён выразить мысли, теснящиеся в моем мозгу! К тому же это чужой секрет, я не имею права дальше об этом распространяться. Знайте только, что вы скоро о нас услышите! Господина Синтеза и его скромных сотрудников узнает весь мир. Воплотив гениальную концепцию*** моего хозяина, мы совершим Великое Дело! Однако всего хорошего, прощайте или, вернее, до свидания. Время не терпит, надо закончить наши последние приготовления.

— Значит, вы скоро уезжаете?

— Дней через восемь-десять, со всем моим многочисленным персоналом. Четыре парохода, подумать только, четыре больших парохода, набитых разнообразными химическими веществами, неизвестными машинами, прекрасной аппаратурой, повезут господина Синтеза и его помощников.

— Это колоссально!

— Вы нашли верное слово — колоссально! Вот вам лишь одна деталь, могущая дать кое-какое представление о важности нашего предприятия и его масштабах. Знайте же, среди прочего оборудования на одном из судов будут транспортировать пятьсот скафандров!

* Национальная библиотека — крупнейшая французская библиотека в Париже (основана в 1480 г.).

** Готтский альманах — дипломатический и статистический ежегодник, издается с 1763 года в Готе (Германия), с 1767 года выходит на немецком и французском языках; содержит сведения о королевских династиях Европы, о лицах, занимающих ответственные государственные посты, и о крупнейших политических событиях.

*** Концепция — руководящая идея, ведущий замысел.

ГЛАВА 2

Тяжелые думы префекта полиции.— В Гранд-отеле.— Гражданское состояние господина Синтеза.— Индусы-бхили.— «Документы» господина Синтеза.— Письма знатных вельмож.— Сборник дипломов.— Автографы монархов.— Витрины с орденами.— Господин Синтез охотно признает, что делает бриллианты.— «Все правильно, месье!» — Проект межзвездной связи.— Перемещение земной оси.— «Если планета не идет ко мне, я иду к планете!» — Удельный владелец Земли.— «Я сплю, и я голоден».*

Префекта полиции все больше и больше занимала тайна, окружавшая господина Синтеза. Несмотря на множество обязанностей — и как главы парижской полиции, и как депутата, — отнимающих немало времени, он постоянно размышлял об этом загадочном человеке, личность которого никак не удавалось установить. Эта проблема стала для полицейского чем-то вроде навязчивой идеи. Раздираемый с одной стороны профессиональным любопытством, а с другой — чиновничьей боязнью совершить ложный шаг, префект колебался, вилял, досадовал и в конечном счете не пришел ни к какому выводу.

Последнее время он подвергался нападкам прессы самой разной партийной ориентации, которая не жалела для него шпилек и издевательств, обвиняя в высокомерии, называя его замашки диктаторскими, а манеры жеманными**. Давно известно, что репортерам, этим стоглазым Аргусам***, довольно одной оплошности, одного промаха, сущего пустяка, и они, не щадя своей луженой глотки, набросятся и пригвоздят любого к позорному столбу, сделав всеобщим посмешищем...

Ах, возникни подобная ситуация в начале его карьеры, когда наш префект проявлял такое усердие, что любые препятствия были ему нипочем, все неприятности мигом остались бы позади! Но, к несчастью, его служебную репутацию уже омрачили несколько мелких случаев превышения власти; раздутые газетами, они стоили ему порядочной выволочки. Сам министр внутренних дел хоть и в узком

* Индусы-бхили — индийские горцы, по религии индуисты, отличаются силой, отвагой и предприимчивостью.

** Жеманный — неестественный, лишенный простоты.

*** Стоглазый Аргус — в греческой мифологии великан, который стерег по велению ревнивой богини Геры возлюбленного ее мужа, главы богов Зевса; в переносном смысле — бдительный страж.

кругу сослуживцев, но с оскорбленным видом обронил:

— Избегайте неуместного рвения, дружище, а главное — будьте половчей.

Быть половчей — вот где собака зарыта! Что бы ты ни делал, что бы ни говорил, существует лишь одно непреклонное условие — не попадайся на язык злопыхателям!

В коридоре палаты депутатов он было подступился к министру, намереваясь поделиться своими тяготами, но, открыв рот, тут же смолк — даром что не робкого десятка, — услышав отповедь шефа, сделанную в обычном для него насмешливом тоне:

— Вы, дорогуша, префект полиции и наделены неограниченными полномочиями, так что уж будьте добры выпутывайтесь сами!

Хорошо говорить — выпутывайся, а как быть, когда донесения агентов запутывают тебя еще больше!

Начнем с вопроса, где живет господин Синтез. В Гранд-отеле или в таинственном особняке на улице Гальвани? Ученый, богач, оригинал, который не ест и не спит, зато владеет целым флотом пароходов, командует целой армией ученых и, наконец, нанимает к себе в ассистенты человека, близко связанного с российскими нигилистами. Действительно ли это одно и то же лицо?! Или под именем Синтеза скрывается целое сообщество неустановленных лиц, преследующих свои тайные цели и, быть может, даже имеющих преступные намерения? В противном случае зачем тогда вся эта секретность, зачем двойное местожительство, зачем поездки взад-вперед на бешеной скорости, зачем скрытая от посторонних глаз лаборатория и все эти невиданные машины, чье назначение никому не ведомо? Зачем, наконец, такое несусветное количество скафандров?!

Совершенно замороченный префект полиции продолжал нанизывать свои бесконечные «зачем», не находя ни одного логического или хотя бы просто приемлемого «затем, что»...

— Черт побери! — отрубил он наконец тоном человека, принявшего окончательное решение. — Я сам займусь этим делом, я пойду ва-банк, будь что будет! Пусть говорят, что кресло мое шатается, но чистая совесть важнее! Нечего поручать расследования этим забитым неумехам, моим сотруdnичкам, надо самому немедленно приниматься за дело! До сегодняшнего дня, как это ни огорчало моих дражайших врагов-журналистов, мне всегда везло

и в Париже, и в департаменте!* Я лично повидаю господина Синтеза, он не сможет отказать мне как префекту, как депутату в конце концов.

Боясь передумать, префект безотлагательно позвонил и вызвал экипаж:

— В Гранд-отель!

Недолго вращались колеса его кареты; вот он уже стоит перед роскошным караван-сараям** и глядит, как мельтешит разноязыкая толпа людей, прибывших со всех концов света.

Будучи человеком предусмотрительным, ничего не оставляющим на волю случая, префект призвал управляющего гостиницей, назвал себя и приказал для начала подать список проживающих, где должна была иметься отметка о вселении господина Синтеза. И действительно, на первой же странице он прочел следующее: «Господин Синтез, Элиас-Александр, рожден 4 октября 1802 года в Стокгольме (Швеция), последнее местожительство — Калькутта; мадемуазель Анна Ван Прот, рождена 1 января 1866 года в Роттердаме (Голландия), последнее местожительство — Калькутта; двое слуг-негров...» Дата прибытия в гостиницу — 26 января 1884 года.

— Хорошо, благодарю вас. А теперь проводите меня в апартаменты*** вашего постояльца.

— Он живет на третьем этаже, вход с улицы. Не желаете ли воспользоваться лифтом?

— Нет, благодарю,— рассеянно бросил префект и мысленно добавил: «Восемьдесят два года! По национальности швед... Наверняка поклонник Сведенборга**** и не чужд мистицизму, а в голове — туман, словно в родимых дюнах...»

Как и всякий уважающий себя француз, любитель философии и изящной словесности, господин префект не мог не знать имени Сведенборга, этого странного фантазера и одновременно крупнейшего ученого. Но здесь сведения нашего интеллектуала о Швеции исчерпывались...

В передней господина Синтеза находился один из его телохранителей. Однако оказался он вовсе не негром, как

* Департамент — здесь: отдел министерства.

** Караван-сарай — постоянный и торговый двор на Востоке; здесь слово употреблено в переносном смысле.

*** Апартаменты — многокомнатное жилое помещение (во дворе, гостинице, богатом особняке).

**** Сведенборг Эмануэль (1688—1772) — шведский ученый и религиозный философ.

сообщалось о том в рапорте агента номер 27 и в гостиничном списке, а бхилем из Индустана.

Ошибка, кстати говоря, простительная для тех, кто не изучал антропологию*, ибо этот индус с кожей цвета сажи, грубыми чертами лица и почти плоским носом свободно мог сойти за негра, если бы не его длинные прямые гладкие волосы и густая борода.

При виде незнакомца, приближающегося в сопровождении гостиничного слуги, он вскочил, как на пружине, и стал в дверях, лопоча что-то на языке, непонятном префекту. Пришедший достал из кармана визитную карточку, протянул ее слуге, отчеканив:

— К господину Синтезу!

Индус издал нечто похожее на ворчанье, открыл дверь и скрылся за ней для того, чтобы почти тотчас же вернуться. Однако столь краткое отсутствие круто изменило отношение к гостю,— словно по волшебству высокомерие и враждебность сменились почти любезным видом. Округло взмахнув руками над головой и почтительно кланяясь, индус знаком пригласил префекта следовать за собой.

Пройдя две комнаты, расположенные анфиладой**, они вступили в роскошно обставленную гостиную, наскоро переделанную в кабинет. Индус тотчас же вернулся обратно на свой пост. И тут префект заметил неподвижно сидящего на тростниковом*** с очень длинными ножками стуле высокого старика со спокойным, слегка задумчивым взглядом, который одновременно и очаровывал, и странным образом будоражил.

Старик чуть приподнялся, наклоном головы ответил на церемонное приветствие гостя, приветливым жестом пригласил его садиться и снова неподвижно застыл. В ответ на это молчание, очень похожее на вопрос, префект полиции счел уместным начать с извинений за свой сугубо официальный визит и повторить то, что обычно говорят люди, явившиеся без приглашения и тем самым нарушившие светские приличия. Рассыпаясь мелким бесом, как адвокат, для которого словоблудие стало уже не просто привычкой, а внутренней потребностью, префект

* Антропология — наука о происхождении и развитии человека, образовании человеческих рас.

** Анфилада — примыкающие одна к другой комнаты, дверные проемы которых расположены по одной линии.

*** Тростниковый стул — легкий и прочный стул, изготовленный из стеблей особого вида тростника.

исподтишка разглядывал загадочную персону, столь живо интересующую его последнее время.

Сидящий перед ним человек не только полностью соответствовал созданному воображением префекта образу, но даже в чем-то превосходил его. По-настоящему выразительное лицо старика напоминало посмертную маску великого Дарвина*, в последнее время часто мелькавшую на страницах иллюстрированных журналов,— тот же огромный лоб мечтателя, монументальный свод, если можно так выразиться, удваивающий мыслительную мощь черепной коробки; черные глубоко посаженные глаза, прикрытые широкими полуопущенными, но едва тронутыми увяданием веками, напоминали шары из вороненой стали**, блеск которых не пригасили ни длительные бессонницы, ни неусыпные труды, ни прожитые лета.

Безукоризненная по форме, правда, несколько двусмысленная вступительная речь префекта полиции вызвала на губах господина Синтеза легкую улыбку, что позволило пришельцу с удивлением убедиться,— рот старика, как и рот Виктора Гюго***, полон ровных, совершенно целых зубов, ни один из которых не был обязан протезисту своим появлением на свет.

Такая по-юношески здоровая челюсть должна была бы служить для господина Синтеза, как служила в свое время нашему бессмертному поэту, предметом тщеславия и поводом для кокетства. Кокетства, кстати говоря, вполне оправданного, ибо в пожилых людях нет ничего более привлекательного, нежели органы, сохранившиеся вопреки времени и позволяющие нам при виде восьмидесятилетнего старца не думать о разрушении.

Однако улыбка господина Синтеза тут же погасла. Он погладил — казалось, ему свойственно это движение — заостренную бородку, обнаружив очень маленькую, смуглую, волосатую руку с узловатыми, необычайно тонкими пальцами, и наконец медленно промолвил глубоким, но звучным, приятного тембра голосом без малейшего иностранного акцента:

— Ваш визит ничуть не оскорбителен для меня, его

* Дарвин Чарлз Роберт (1845—1912) — английский ученый, создатель теории происхождения видов живых организмов и их эволюции.

** Вороненая сталь — сталь, обработанная нагреванием или химическим воздействием для образования цветного (коричневого, темно-синего) и защитного поверхностного слоя.

*** Гюго Виктор-Мари (1802—1885) — французский писатель-романтик, прозаик, поэт и драматург, произведения которого проникнуты гуманистическими и демократическими идеалами.

также трудно назвать и обременительным. А вот если бы вы прислали ко мне кого-нибудь из своих подчиненных и если бы тот переусердствовал или оказался недотепой, я вынужден был бы выдворить его вон с помощью моих индусов Апаво и Вирамы.

— Вашим телохранителям цены нет...

— Они неподкупны и преграждают путь парижскому нескромному любопытству. Я живу, как вам уже известно, очень замкнуто, поскольку главнейший и единственный смысл моего существования — работа, требующая полного уединения.

Неудивительно, что, с одной стороны, затворничество, к которому я стремлюсь и которого всей душой желаю, а с другой стороны, осуществляемые в данное время приготовления к экспедиции создали мне репутацию оригинала*. Это никоим образом не стану перед вами отрицать.

«А-а, вот и добрались до дела!» — подумал префект, обрадованный благоприятным оборотом разговора.

— Должно быть, про меня ходят странные слухи? — продолжал господин Синтез.

— Действительно весьма странные...

— И эти рассказы полны преувеличений?

— Они изобилуют нелепостями...

— Поэтому вы решили, что наша с вами беседа, быть может, рассеет уже наверняка сложившееся у вас предубеждение? Полноте, не возражайте! Хотя мне и безразлично мнение и суждения о себе своих современников, я прекрасно понимаю, что некоторые особенности моего образа жизни должны встревожить всегда недоверчивые и подозрительные власти. Это совершенно естественно! Будучи гостем другой страны, я подчиняюсь ее законам, правилам и традициям, обязательным как для ее граждан, так и для чужеземцев. В силу этого я сделаю все от меня зависящее, чтобы исчерпывающим образом удовлетворить ваше любопытство.

Вы желаете знать, кто я такой? Старый студент, пытающийся вот уже на протяжении семидесяти лет вывести у природы ее секреты. Откуда я? Можно сказать — отовсюду, ибо нет такого отдаленнейшего закоулка на земном шаре, где бы мне не пришлось побывать. Куда я направляюсь? Об этом вы скоро узнаете. Но вам, наверное, желательно получить сведения о моей особе как

* Оригинал — здесь: человек, который поступает необычно и необъяснимо.

о гражданине? Будучи законопослушным путешественником, хочу предъявить вам, как предъявляют удостоверение жандарму, все свои документы. Вы только гляньте — их у меня изрядная коллекция! Бумаг при мне достаточно.

Вот свидетельство о рождении, подтверждающее, что родился я 4 октября 1802 года в Стокгольме от состоящих в законном браке отца Жакоба Синтеза и матери, урожденной Кристины Зорн. Вот перед вами недурная подборка почти двухсот дипломов на всех языках мира, присужденных вашему покорному слуге различными научными обществами. Мне пришла в голову мысль их переплести, и теперь они образуют собой весьма оригинальный том.

Эти дворянские грамоты*, снабженные сургучными печатями, удостоверяют мое звание дворянина уже и не припомню какого количества стран. Во всяком случае, я являюсь английским баронетом**, графом Священной Римской империи***, герцогом чего-то, заканчивающегося на-берг в Германии, принцем датским, гражданином Соединенных Штатов, гражданином республики Швейцария и т. д., и т. д.

Некоторые коронованные особы удостоили меня своей дружбы. Вот их письма, адресованные вашему покорному слуге. Не угодно ли узнать, с какими словами обращались ко мне король Голландии, престарелый германский император, обходительный и высокообразованный властитель Бразилии, монархи Австрии и Италии? Тогда ознакомьтесь с подшивкой, она представляет некоторый интерес.

Можно расспросить также и мертвых. Расшифруйте эти мелкие каракули, нацарапанные покойным российским самодержцем Николаем, человеком, кстати говоря, довольно суровым — уж он-то не жаловал ученых! Или необычные резкие буквы, начертанные Бернадоттом****, тоже дарившего меня своей дружбой...

* Дворянские грамоты — документы, подтверждающие принадлежность их обладателя к дворянскому сословию той или иной страны.

** Баронет — наследственный дворянский титул в Англии.

*** Священная Римская империя основана в 962 году германским королем Оттоном I и просуществовала с конца XV века, именуясь Священной Римской империей германской нации, до 1806 года. Помимо Германии, включала Италию, Чехию, Бургундию, Нидерланды, Швейцарские земли. Постепенно власть императора приобретала номинальный характер, а с 1848 года империя представляла собой конгломерат независимых государств.

**** Бернадотт — представитель шведской королевской династии, правящей с 1818 года.

А вот на моем письменном столе лежит совсем уж современный документ — всего-навсего чек на сто миллионов, подписанный господами Ротшильдами. Это мне на карманные расходы.

— На карманные расходы?! — ахнул, отшатнувшись, префект.

— Конечно. В Английском банке у меня пятьсот миллионов, столько же в банке Франции и почти вдвое больше в Америке. Я мог бы в короткое время, если бы мне вдруг в голову пришла такая фантазия, потратить два миллиарда. И это далеко не все, чем я владею, у меня существуют и другие способы сколотить денег. Но если желаете, продолжим далее обзор моих справок.

Взгляните вот сюда... Как вам этот комплект цветных пустиков? Не правда ли, они похожи на коллекцию бабочек, собранных энтомологом?

Со все растущим удивлением префект стал рассматривать причудливую чешую, образованную всевозможными орденами самых разных форм и отчеканенных в самых разных странах; здесь были розетки*, ордена на цепочках, наивысшие знаки рыцарского достоинства, кресты, звезды — все это сверкало и переливалось россыпями драгоценных камней.

— Излишне говорить, — продолжал господин Синтез все так же официально, — что я не придаю ни малейшего значения безделушкам такого рода. Для меня не имеют ценности даже украшающие их камешки. Я ни у кого не запрашивал наград, мне вручали их по собственной инициативе, а храню я и эти ордена, и эти дипломы, образующие второй том форматом ин-фолио**, только из вежливости. Какая, в сущности, разница — быть командором, кавалером или простым рыцарем Большого креста или Большого орла, того или иного ордена?*** К тому же последние лет двадцать мне их почти и не вручают по той веской причине, что они едва ли не все уже у меня имеются. Кстати, забыл сообщить, что все эти ювелирные побрякушки имеют одну оригинальную особенность — они украшены сделанными мною драгоценными камнями.

— Как?! — завопил префект, чье удивление возраста-

* Розетка — здесь: орденский знак округлой формы, который прикрепляется к одежде.

** Ин-фолио — формат издания, при котором размер страницы равен 1/2 бумажного листа.

*** Командор, кавалер (ордена), простой рыцарь (ордена) — звания, принятые в духовно-рыцарских орденах (перечислены от высшего к низшему).

ло с каждой минутой.— Вам действительно известен секрет изготовления драгоценных камней?! Значит, то, что о вас рассказывают,— правда?!

— Все это подлинная правда, месье. Вы слышите — все! Кстати сказать, недурная работа — делать бриллианты. Многие ваши соотечественники тоже пытались добиться такого результата. Во всяком случае, до уровня мельчайших кристаллов они добрались. Хвати у них терпения — и успех был бы обеспечен, еще немного, и они смогли бы получить образцы желаемого размера.

Итак, как вы сами понимаете, если бы я решил наводнить рынок бриллиантами, то уже на следующий день это было бы сделано. Но зачем опошлять доброкачественный товар, для чего разорять процветающую ветвь промышленности и пускать по миру торговцев и мастеровых — тех, кто благодаря алмазу может честно зарабатывать свой кусок хлеба? Потому-то я и оберегаю свою тайну. Вот, взгляните еще на эти образцы,— продолжал господин Синтез, зачерпывая из бронзовых чаш пригоршни белых, черных, светло-желтых бриллиантов, смешанных с рубинами.

— Значит, это правда,— пролепетал гость, борясь с охватившим его волнением.— Неужели такое возможно на самом деле?..

— А вы в этом сомневались? — Хозяин слегка нахмурился.— Разве я похож на мистификатора?!* Не довольно ли с вас предъявленных мною доказательств?

Повторяю вам, что все это чепуха, мелочи, тина, оседающая на дне потока. Главное — мой гигантский план, венец моих стремлений, единственное оправдание всей моей жизни. Что может сравниться с таким замыслом, с такой целью?.. — И резко, без перехода, добавил: — Скажите, как вы думаете, есть ли что-либо невозможное для науки?

— Клянусь честью, в наш век пара, электричества, телефона, фонографа**, аэростатов, дирижаблей я начинаю думать, что наука способна осуществить решительно все!

— Правильно. В то же время, отдавая должное усилиям ученых, приветствуя их успехи, я констатирую, что сами по себе все осуществленные на сегодняшний день открытия приложимы лишь к нашему земному шару.

* Мистификатор — человек, пытающийся своими словами или поступками ввести кого-либо в заблуждение.

** Фонограф — один из первых приборов для записи и воспроизведения звука. Изобретен в 1877 году Т. А. Эдисоном (США).

— Неужели этого недостаточно?!

— Конечно же нет. Лично я целюсь выше и куда как дальше. Вот, между прочим, пример; не хотелось бы вам, префекту полиции, человеку, призванному знать поступки ваших современников и факты их жизни, быть в курсе того, что происходит на звездах, в нашей планетарной Вселенной?

— Разумеется, хотелось бы. Даже не говоря о профессиональном интересе, я был бы просто по-человечески счастлив узнать сокровенные тайны вращающихся вокруг Солнца планет.

— Тем лучше. Если вы располагаете временем, я опишу вам в нескольких словах мой проект сообщения между Землей и Марсом. Это обычный воздушный путь. Не примите мои слова за каламбур — в его осуществлении нет ничего невозможного.

В настоящее время мы располагаем осветительной аппаратурой такой мощности, что свет, посланный с Земли, не может быть не замеченным жителями Марса. Я лично убежден, что последние уже начали подавать нам сигналы, хотя никто из землян, кроме меня, должно быть, не задумался пока над тем, как принимать эти сигналы.

Однако сумеем ли мы, учитывая отдаленность наших двух планет, с одной стороны, и несовершенство существующих ныне оптических приборов — с другой, установить регулярную связь? Вот о чем я спрашиваю себя.

— Мне кажется, такое невозможно.

— Добавлю: при современном состоянии наших технических средств. Но если оптика окажется недостаточной и оптические законы восстанут против нас — а этого я опасюсь, — то инженерное искусство, которое еще не сказало своего последнего слова, должно вмешаться... Ибо такова моя воля.

— Но...

— Инженерная мысль сократит расстояния, разделяющие звездные миры...

— Каким образом?

— Позвольте ответить, перефразируя знаменитые слова пророка: «Если планета не идет ко мне, я иду к планете»*. Вернее, мы все идем к планете, так как в дальней-

* «Если планета не идет ко мне, я иду к планете» — измененное крылатое выражение: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Магомет (Мухаммед) — основатель религии ислама, фраза о горе не имеет реального отношения к событиям его биографии.

шем я собираюсь изменить путь движения Земли в космическом пространстве.

«Ну вот,— подумал префект.— До сих пор он рассуждал как человек пусть эксцентричный, но вменяемый. Что за нелепые идеи? Очевидно, господин Синтез одержим маниакальным бредом... Надо как можно скорее отклоняться, не нарушая приличий».

— Вы считаете меня сумасшедшим! — продолжал странный старик, распаясь.— Но это лишь потому, что мои взгляды на много столетий, а может быть, и тысячелетий, опережают взгляды современников! И это после того, как вы признали всемогущество науки! До чего же все одинаковы! Но давайте же поразмыслим. Сколько на Земле жителей? Как вы думаете?

— Статистика утверждает, что приблизительно миллиард.

— Глупости! Население составляет около полутора миллиардов, я могу это доказать.

— Склонен с вами согласиться.

— Задумывались ли вы о гигантской работе, которую способны проделать пятнадцать сотен миллионов человек, оснащенные наимогущественными современными машинами, если они будут работать не покладая рук? Сколько можно перекопать земли, сколько перенести грунта, скал, гор, если хотите — передвинуть с места на место целые континенты!

— Действительно огромное количество! Однако какова цель проведения таких всемирных работ?

— Цель — изменение формы земного шара.

— Зачем же ее менять?

— Чтобы сместить земную ось и таким образом изменить орбиту вращения планеты.

— Я готов поверить в возможность реализации такой грандиозной гипотезы... * Но хорошо ли вы представляете себе те трудности, которые будут возникать на каждом шагу? Как правители цивилизованных стран или варварских племен, являющиеся зачастую хозяевами своих земель, отнесутся к вашим работам?

— Я скуплю их владения за наличные, а они заставят работать свои народы. Все реально, если предложить настоящую цену. Возможно, что в будущем я стану хозяином Земли.

— Но если все станут копать, то как решить вопрос выживаемости? Ведь надо чем-то питаться, а у землекопов аппетит хороший!

* Гипотеза — предположительное суждение о закономерной связи явлений.

— Они не будут есть. Во всяком случае, не будут питаться в вашем понимании этого слова. Посмотрите на меня — вот уже тридцать лет в мой организм не поступало ни одного атома хлеба или мяса, а я себя чувствую отнюдь не хуже, даже наоборот! Так что это несущественные детали. Вернемся к кошмару бесконечности, который не дает мне покоя.

Форма нашего сфероида будет изменена, земная ось переместится, Земля станет по-иному реагировать на законы всемирного тяготения. Она отклонится от своего пути. Кстати, для меня не составит труда вычислить предполагаемое отклонение и привязать его ко времени и к месту.

Согласно моей воле, Земля помчится в космическом пространстве, и я намереваюсь ею управлять — ведь материя должна быть покорена. Нахлестывая свою планету, я отправлюсь посмотреть на своих братьев тиранов, руководителей иных планет; я сыграю свою партию в этом сонме* властелинов звездных миров, которые в час битвы выстраивают целые созвездия и бомбардируют друг друга астероидами**...

В течение некоторого времени префект уже не пытался следить за прихотливыми извилинами мысли своего собеседника. Он заметил, что тот внезапно повернул голову и стал пристально вглядываться в металлическое зеркальце, укрепленное на штативе какого-то, по-видимому весьма сложного, прибора, которое начало вдруг стремительно вращаться.

Господин Синтез несколько секунд сидел, застыв в одной позе, высоко держа голову, казалось, погруженный в некий экстаз***, и, не моргая, во все глаза смотрел в зеркальце, излучающее довольно сильный свет. Потом по телу его прошла дрожь, губы полуоткрыл легкий зевок.

— Что с вами, месье? — спросил префект, который уже перестал чему-либо удивляться.

— Ничего страшного, — спокойно ответил господин Синтез. — Моя жизнь отрегулирована, как хронометр. Ни за что на свете я не хотел бы поменять режим. В данный момент я сплю и я голоден.

* Сонм — великое множество.

** Астероид — малая планета, тело Солнечной системы диаметром от 1 до примерно 1000 км. Орбиты большинства астероидов находятся между орбитами Марса и Юпитера (так называемый пояс астероидов).

*** Экстаз — самозабвенно-восторженное состояние.

ГЛАВА 3

Обед человека, который ничего не ест.— Заменитель двух килограммов мяса.— Научный пир в ничтожно малых количествах.— Элементы плоти.— Вещества, из которых состоят эти элементы.— Искусственно изготовленное мясо.— Химический синтез.— Разнообразное меню.— Сон человека, который не спит.— Гипноз и внушение.— Человек, проживший шестьдесят лет, приблизительно двадцать из них отдал сну.— Чтобы не упустить ни единого мгновения жизни.— Внушение мысли об отдыхе.— Еще раз о скафандрах.— Господин Синтез заявляет, что собирается создать новый континент, а префект полиции думает, что его обвели вокруг пальца.

Едва господин Синтез произнес эти загадочные слова: «Я сплю, и я голоден»,— как его лирическое настроение мигом улетучилось. Однако ничто в его поведении не выдавало сонливости — походка была тверда, глаза открыты, жесты раскованны. Но все же если предположить, что он намеревался перекусить, пусть даже на скорую руку, то казалось странным, что для этого не делалось никаких приготовлений; слуга по-прежнему занимал свой пост в прихожей, а в комнате не было ни намека на трапезу.

Префект молча наблюдал. Старик, словно не замечая гостя, медленно направился к вмурованному в стену сейфу, откуда был извлечен и водружен на стол металлический ящик. Затем, с торжественным видом человека, собирающегося совершить важный акт, он нажал пружинку, и крышка ящика, отливающая сталью и украшенная замечательной красоты фигурками, отскочила, открыв для взоров изумленного префекта всего-навсего дюжину хрустальных флаконов с притертыми пробками, уставленных рядами, как в портативной аптечке бродячего лекаря.

С просиявшим лицом, с радостью в глазах господин Синтез молча взял один из флаконов, вытащил пробку, опустил ее в предназначенную для этой цели выемку, достал ложечку и, нагнув над нею флакон, выкатил шарик размером с плод дикой вишни, долил из другого флакона прозрачной жидкости и, обращаясь к префекту, заявил:

— Вы позволите? Мой желудок чрезвычайно требователен, когда приближается время единственного в день приема пищи. А сегодня я уже и так припозднился на целую минуту. Медлить больше нельзя!

И, не дожидаясь соизволения гостя, которое тот поторопился дать, извиняясь за свое нескромное присутствие, старик мигом проглотил содержимое ложечки. Затем, со странной поспешностью, вытряхнул следующую пилюлю, залил той же самой жидкостью, снова проглотил, почмокал языком и принялся готовить новую порцию. Он повторил эту процедуру десять раз и, наконец, закрыв ящик, поставил его в сейф и вернулся на свое прежнее место.

Судя по тому, как взбодрился хозяин, он и впрямь испытывал животворящее действие своей странной трапезы. На лице его было удовлетворенное выражение плотно пообедавшего человека.

— Вот я и поел,— сказал господин Синтез со вздохом,— что рассматриваю как основополагающую, можно сказать, единственную в своем роде функцию материальной жизни. Этого хватает на двадцать четыре часа. Как видите, моя кухня весьма необременительна, а время, затрачиваемое на восстановление сил, строго ограничено.

— Как,— вскричал префект,— вы ничего больше не съедите, кроме этих таблеток?!

— Ничего. Я же говорил вам, что питаюсь таким образом вот уже тридцать лет.

— Это изумительно!

— Не столько изумительно, сколько в высшей степени рационально.

— Теперь меня не удивляют слухи о том, что господин Синтез обходится вообще без пищи,— ведь никто из не посвященных в тайны вашего существования никогда не видел, чтобы вы ели или собирались есть.

— Мысль о самой возможности обходиться совсем без пищи абсурдна*. Что представляет собой органическая жизнь? Постоянный износ элементов, составляющих живой организм. Это похоже на процесс непрерывного сгорания: перестань подкладывать в очаг хворост — и огонь погаснет... Если не восполнять понесенные организмом потери при помощи веществ, соответствующих утраченному, он захиреет и погибнет.

Что касается меня, то, признаюсь, я не из тех, кто, как говорят в народе, «питается святым духом», аппетит у меня недюжинный.

— Вы не шутите?

* Абсурд — нелепость, нечто далекое от реальности и осмысленности.

— Вот вам доказательство. Сейчас, на ваших глазах, я потребил эквивалент двух килограммов говядины. Как видите, мой обед, хоть и научный, далеко не платонический*, невзирая на свой малый объем.

— Значит, вы доводите питательный материал, например, мясо, до ничтожно малого объема, что позволяет...

— Не угадали. В стенах моей лаборатории никогда не бывало даже миллиграмма мяса.

— Решительно, я понимаю вас все меньше и меньше.

— В то же время это очень просто. В сущности, что такое плоть? Вещество, состоящее из различных элементов, в зависимости от породы животного соотнесенных в различных пропорциях. К примеру, возьмем быка. Я не открою вам ничего нового, если скажу, что в состав его мяса входит альбумин, фибрин, гематозин, креатин, инозин, креатинин, желатин и т. д., и т. д. Кроме того, как вы знаете, в нем присутствуют соли — хлористые соединения, фосфаты, карбонаты, щелочные сульфаты**, железо, марганец — всего более сорока семи наименований, а также семнадцать процентов воды.

— Воды?! Значит, плоть содержит воду? В ростбифе, в бараньей ножке, в филе — вода?!

— Совершенно верно. В мясе вода составляет около четырех пятых веса; ее и некоторые, непригодные для

* Платонический — нематериальный.

** Альбумин — простой белок. Содержится в яйце, молоке, сыворотке крови, семенах растений; фибрин — нерастворимый белок, образующийся в процессе свертывания крови; гематозин — вещество, способствующее кроветворению; креатин — органическая кислота, входящая в состав фосфокреатина — запасного энергетического вещества в составе мозга и мышц; инозин (инозит) — так называемый мясной сахар, один из спиртов, входящих в состав растительных и животных тканей; желатин — продукт тепловой обработки коллагена — белка соединительной ткани животных организмов; в биологии используется как питательная среда для культивирования микроорганизмов; хлористые соединения (соли) — химические соединения, содержащие хлор (к ним относится, например, поваренная соль — NaCl); фосфаты — соли фосфорных кислот; карбонаты — соли угольной кислоты; сульфаты — соли серной кислоты;

насыщения вещества, например, хондрин* и желатин, можно безболезненно изъять и тем самым уменьшить массу данного продукта.

Этого краткого изложения достаточно, чтобы дать вам представление о том, до каких крошечных размеров могут быть доведены наиболее активные элементы, затерянные среди инертных компонентов** мяса.

— Кажется, я наконец понял: вы извлекаете эти активные элементы и изготавливаете из них пилюли, которые только что принимали...

— Терпение! Все названные мною вещества — альбумин, фибрин, креатин и другие отнюдь не однородны. Они в свою очередь состоят из соединенных в определенной пропорции атомов кислорода, водорода, углерода, азота. Вместо того, чтобы с величайшим трудом извлекать их из возможно изначально недоброкачественного сырья, я с помощью необходимых составляющих сам изготавливаю свой фибрин, свой креатин, свой альбумин и т. д.

— Вы сами изготавливаете... искусственно... мясо?!

— Вне всякого сомнения. Для этого довольно соединить в желаемых пропорциях водород, углерод, азот и кислород, то есть простые вещества, входящие в состав сложных, чья совокупность образует материю мяса. Таким образом я получаю химически чистые продукты питания. Вы слышите, химически чистые! И усваиваемые без малейших потерь, безо всякого остатка!

— Но позвольте, каким образом можно в заданных пропорциях составить смесь простых веществ, которые в природе в чистом виде не встречаются?

— С помощью серии реакций. Их может понять и оценить только химик-профессионал. Приведу лишь один пример — простейший, — по аналогии вы поймете все остальное. Вам известно, что воду можно изготовить искусственно?

— Должен признаться, что имею об этом довольно смутное представление — курс элементарной химии я слушал много лет назад.

— Следует пропустить электрический разряд через смесь, состоящую из двух частей водорода и одной части кислорода. В момент прохождения искры газы образуют жидкость, эта жидкость и есть вода. Я для своих целей

* Хондрин — клей, вываренный из животных хрящей.

** Инертные компоненты — составные части вещества, не вступающие в химические реакции.

пользуюсь способом в принципе аналогичным — воздействую одними простыми веществами на другие для получения сложных и наоборот.

— Но тогда вы создаете все на свете!

— Мною решительно ничего не создается. Никто не может сотворить что-либо из пустоты. Я создаю комбинации простейших веществ, повсюду находящихся в природе, идя от простого к сложному, от общего — к частному, от абстрактного — к конкретному.

— Если не ошибаюсь, такая система называется, как и в философии...

— Синтезом, господин префект, синтезом!

— Ваша фамилия, так поначалу меня поразившая!

— Я последний потомок династии алхимиков, чьи корни теряются в глубине веков. Основоположник нашего рода, не теряя времени на всякую ерунду, занимавшую умы его современников, попытался воссоздать сложные вещества. Он изобрел систему, лишь в наше время обеспечившую химии невиданный взлет, и дал ей громкое греческое имя «синтез», ставшее впоследствии его фамилией, которая ничем не хуже любой другой. Вот отчего я зовусь «Синтез».

Мною унаследовано не только имя и труды предков, но и неодолимое влечение к наукам, в частности, к химическому синтезу... Добавлю, что если сегодня мне удастся совершать вещи, потрясающие не только простых смертных, но и специалистов, то я обязан этим в большей степени своим скромным силам, нежели трудам моих предков. В каком-то смысле сидящий перед вами господин — живое воплощение синтеза, результат многовековых усилий, итог десятков поколений самозабвенных и неутомимых тружеников, чьими открытиями мне приходится пользоваться.

Как видите, я не колдун и не мистификатор, я просто ученый, который может дать документальное обоснование всему, о чем говорит. Кстати, возьмите на пробу несколько моих питательных шариков! Не бойтесь! Они столь же безвредны, сколь и эффективны. Ручаюсь, в течение двадцати четырех часов вы не почувствуете голода.

— Благодарю,— засмеялся префект.— Но признаюсь вам по секрету в одном своем недостатке: я — гурман *.

* Гурман — любитель вкусно и изысканно поесть.

Боюсь, что вашей таинственной амброзии * недостает вкусовых качеств.

— В моей амброзии, как вы изволите ее именовать, нет ничего таинственного. Пусть она и безвкусна, зато оставляет желудок легким, а в голове от нее странным образом проясняется. У вас не будет ни приливов крови, вызванных трудолюбивым пищеварением, ни обострений гастрита **, которые особенно донимают людей, ведущих сидячий образ жизни, ни подагры ***, ни ожирения. Вместо этого — быстрая усвояемость пищи, регулярное восстановление сил, легкая регенерация****...

— Еще раз благодарю, но, право слово, я страшусь режима питания, отмеченного элементарностью и однообразием.

— Но у меня каждый день разное меню! Завтра в рационе будут углеводороды, лишенные азота и призванные обеспечить организм теплом. Словом, эта пища дыхательная, и, так как я немного переутомлен, добавлю к ней, пожалуй, кокаина или кофеина.

— Нет, нет, спасибо! Я действительно не голоден и признаюсь, что наилучшему кофеину предпочел бы глоток более или менее настоящего «мокко». К тому же мне пора. Прошу прощения за свой непрошенный и слишком затянувшийся визит.

— Помилуйте, мне нечего вам прощать. Вы хотели получить сведения, вы удовлетворены?

— Более чем! Это даже трудно выразить словами! И все же, могу ли я решиться...

— Конечно! Не так-то уж я суров.

— Вы любезно посвятили меня в тайну вашего питания. Не будете ли вы так добры в двух словах открыть мне секрет вашего сна? Вот вы недавно произнесли фразу: «Я сплю, и я голоден». Я видел, как вы ели, но не заметил, чтобы вы спали!

— И тем не менее я сплю. Вам известно об искусственно вызываемом у людей гипнотическом сне ***** и об интереснейших, недавно поставленных профессорами

* Амброзия — в греческой и римской мифологии пища олимпийских богов, дающая им бессмертие.

** Гастрит — воспаление слизистой оболочки желудка.

*** Подагра — болезнь суставов, вызванная отложением в них солей.

**** Регенерация — восстановление.

***** Гипнотический сон — сон, вызванный применением гипноза.

Шарко * в госпитале Сальпетриер в Париже и Беренгеймом в Нанси опытах над загипнотизированными?

— Известно, как и всей широкой публике, то есть очень поверхностно — по газетным статьям и несколькими отрывкам из научных журналов.

— Этого достаточно. Вы знаете, что такой сон вызывают разными путями. Например, экспериментатор держит перед глазами испытуемого блестящий предмет и заставляет неотрывно на него смотреть, чем достигается полная зависимость усыпляемого от усыпляющего. Я имею в виду не столько физическую, сколько моральную зависимость.

— Понятно. Гипнотизер полностью властен над своим подопытным. Он может внушить ему самые причудливые мысли, подсказать идеи как нелепые, так и гениальные, заставить невозмутимо разглагольствовать на темы, о которых тот не имеет ни малейшего представления, может даже отнять у него воспоминания о собственном «я» и переселить его в чужую шкуру. Говорят также, будто бы подопытный может поддаться непреодолимому желанию совершить преступление и совершает его под влиянием навязанного ему внушения, противиться которому он не в силах.

— Совершенно верно, но это еще не все. Вы должны также знать, — впоследствии загипнотизированный может сохранить в памяти все то, что происходило с его сознанием во время гипнотического транса **, для чего требуется, чтобы тот, кто погружал его в сон, позаботился об этом при переходе к бодрствованию. Бывает, что первоначально состояние гипноза достигается с большим трудом, зато после ряда сеансов сон наступает почти мгновенно.

— Кажется, все это экспериментально доказано учеными, чью добросовестность нельзя поставить под сомнение.

— Ну так вот, вы видите перед собой человека, находящегося в состоянии гипнотического транса.

— Вас?!

— Меня.

— Но вас же никто не усыплял!

— Ежедневно я сам себя гипнотизирую, смотря несколько секунд в маленькое металлическое зеркальце.

— Вы гипнотизируете себя... сами?!

* Шарко Жан-Мартен (1825—1893) — французский ученый, создавший научный метод лечения нервных и психических заболеваний.

** Транс — помрачение сознания, полная отрешенность от действительности.

— Да.

— Я думал, такое невозможно!

— Напротив. Это с незапамятных времен практиковалось на Востоке: индийские факиры за милую душу по своей воле погружались в транс. Одни какое-то время, скосив взгляд, смотрели на кончик своего носа, другие разглядывали собственный пуп и, после более-менее длительного созерцания, достигали того же результата. Именно они навели меня на мысль заняться самогипнозом. Только я пользуюсь зеркальцем — так значительно удобнее.

— Но с какой целью вы подвергаете себя действию этого феномена?*

— Сколько часов в сутки вы тратите на сон?

— Часов семь-восемь.

— То есть треть вашей жизни проходит в постели, не так ли? Значит, из шестидесяти лет жизни двадцать уходит впустую.

— Но ведь сон так же необходим, как и пища, иначе человек умирает!

— Я вам только что доказал — пища пище рознь. Теперь докажу, что и сон на сон не приходится.

Мое время слишком драгоценно, поэтому я был вынужден попытаться найти средство давать отдых своему организму, не прекращая интеллектуальной и трудовой жизнедеятельности его. Гипноз подарил мне такую возможность еще сорок пять лет тому назад, позволив сэкономить пятнадцать лет, которые в противном случае были бы безвозвратно потеряны, ибо (хоть мне и удавалось до сих пор решать кое-какие проблемы, считавшиеся ранее неразрешимыми), я никогда не смогу увеличить длительность человеческой жизни и даже на мгновение оттянуть фатальный исход **, называемый смертью! Следовательно, стремясь использовать каждую минуту своей жизни, я погружаюсь в транс, отдав самому себе неукоснительный приказ и в искусственном сне продолжать ту же умственную работу, что и наяву. Таким образом, взаимоотношения с людьми, работа, учеба и научные опыты продолжаются.

— И вы не ощущаете ужасающего мозгового перенапряжения?

* Феномен — здесь: определенное явление, полученное или узнанное опытным путем.

** Фатальный исход — неотвратимая гибель.

— Ни в коей мере. Внушая разуму идею продолжения умственной деятельности, я внушаю телу идею отдыха.

— И этого довольно?

— Вполне. Сами знаете — результаты внушения неоспоримы. То есть тело мое отдыхает потому, что я хочу, чтобы оно отдыхало.

— Как все это необычно!

— Ничего подобного. Предположим, я вас загипнотизировал. Во время искусственного сна я заставил вас часов семь-восемь — время, обычно отводимое вами на сон — заниматься утомительным физическим трудом. Предположим также: пробуждая вас, я внушил вам мысль о том, что вы спокойно спали. Будете ли вы испытывать усталость от проделанной во сне работы? Конечно же нет! Вы будете чувствовать себя бодрым и отдохнувшим, словно только что встали с постели! Вот вам секрет человека, не спавшего уже сорок пять лет, — он спит наяву.

Сами видите, мой случай не представляет собой ничего загадочного, и — говорю это безо всякого упрека — власти ошибаются, выслеживая старого добряка ученого, все чудачество которого состоит в отсутствии у него кровати и кухонной утвари.

— Позвольте мне все же заметить, что в жизни нет ничего случайного. Иногда самые, казалось бы, невинные человеческие отношения могут быть неверно истолкованы и бросить тень на самую безупречную личность. Так, ваш новый ассистент-химик...

— Алексис Фармак? Какие опасения может вызывать этот славный парень, который мало того, что и мухи не обидит, так еще и химик, какого поискать!

— Правда и то, что все последнее время он поддерживал близкие отношения с русскими заговорщиками, а также, в частности, преподавал им разделы химии, посвященные взрывчатым веществам.

— Ну и что из этого следует? Вы боитесь, что я взорву динамитом мост Пон-Неф* или Нотр-Дам?** Знайте же, я — не разрушитель! Я был бы не я, если бы не посвятил всю мою жизнь строительству и созиданию!

Для того, чтобы исчерпать тему о моем ассистенте, скажу, я нанимаю служащих лишь при условии, что они люди порядочные и, главное, сведущие.

* Мост Пон-Неф — мост в Париже («Новый мост»), построенный к 1607 году.

** Нотр-Дам — собор Парижской Богоматери, построен на о. Сите в Париже в 1163—1257 годах.

Вообще-то мы, иностранцы, намного меньше подвержены предрассудкам, чем вы, французы. Приведу лишь один пример: князь де Галль счел неловким взять гувернером эмигранта, своего и вашего соотечественника, но бывшего коммунара, который в то время преподавал французский язык в Оксфорде.

— Ладно,— сказал префект, вставая и собираясь откланяться.— Оставим в стороне эти вопросы, так как вы человек, способный собственным достопочтеннейшим именем прикрыть любое, пусть даже несколько сомнительное знакомство. Но...

— «Но»?

— Скажу вам откровенно, хотелось бы расстаться с вами, не имея никакой тяжести на душе...

— Что вы хотите этим сказать?

— Спрошу напрямик: как будут использованы пятьсот скафандров фирмы Рукеролля, в данный момент находящиеся в трюмах одного из ваших кораблей?

— Господи, да почему вы меня раньше об этом не спросили?! Здесь нет никакой тайны! В настоящее время идет подготовка к эксперименту, начало которого раньше откладывалось по имевшимся у меня на то веским причинам. Теперь час настал. Я приступаю к тому, что называю своим Великим Делом. Я приступаю к опыту, задуманному мною лет эдак пятьдесят назад. Этот опыт предполагает создание ранее не существовавшей суши.

Мне надо произвести предварительный синтез целинных земель, составив их из различных веществ, в результате чего со дна морского появится новый остров. Вот зачем понадобилась такая многочисленная команда подводников. Что же касается назначения этого острова, сейчас еще находящегося в стадии молекул*, несущихся в морских просторах, то это — мой секрет. Прощайте, господин префект. Надеюсь, через год вы обо мне услышите.

«Уж конечно услышу,— рассуждал про себя префект, следуя за сторожевым индусом-бхили в коридор,— несомненно, услышу раньше, чем через год. Черт возьми, я развесил уши, как мальчишка, заслушавшийся бабушкиной сказкой! Да уж! Этот проклятый старик так умеет заговаривать зубы, так голову морочит, так задевает за живое, что не поймешь, где кончается реальность и где начинают

* Молекула — микрочастица, образованная из атомов и способная к самостоятельному существованию.

ся басни. Я буду спокоен только тогда, когда обеспечу ему умного и неболтливого спутника который меня проинформирует что и как, а также скажет мне: действительно ли архимиллионер (а может быть, архибезумец) господин Синтез поддерживает свое существование питательными экстрактами, действительно ли он, с помощью своих дьявольских методов, собирается сотворить новую сушу... Поглядим!..»

ГЛАВА 4

Ученый спор.— Наука и Книга Бытия.— Обмен любезностями между учеными мужами.— Тип средневекового алхимика.— Современный ученый.— Алексис Фармак и юный господин Артур.— Quos ego! — Мэтр.— Несколько чрезвычайно горьких истин, могущих служить штрихами к биографии господина Артура.— Второй помощник господина Синтеза и не помышляет больше о протесте.— Как профессор университета стал простым чернорабочим.— Химик не доверяет.— Что подразумевает господин Синтез под «Великим Делом».*

— Но таким образом вы придете к спонтанной генерации!**

— Меня это ни капельки не волнует! Кстати, моногенез*** или гетерогенез — это две системы. Да что говорить — системы! Это просто слова, и они ничего не значат и ничего не доказывают! Во всяком случае, мне!

— Тяжелый вы человек!

— Вы хотя бы имеете более-менее приемлемое определение вашей «спонтанной генерации»?

— Вне всякого сомнения. Я называю этим термином любое воспроизведение живого существа, которое не имеет связи с представителем того же вида. То есть это одно из проявлений первичной генерации, это творение.

— Прекрасно.

— Прекрасно? Что именно?

— Сформулированная подобным образом мысль давным-давно для меня очевидна, и не стоило давать ей такое претенциозное**** название.

* Я вас! (лат.)

** Спонтанная генерация — самопроизвольное рождение.

*** Моногенез — здесь: происхождение живых существ от одной первоначальной пары — в отличие от упомянутого в тексте далее гетерогенеза.

**** Претенциозный — заявляющий без достаточных на то оснований свои права на значительность, оригинальность.

— Претенциозное?!

— Черт подери! И кто это с незапамятных времен посеял вражду между выдающимися учеными, которые, казалось бы, должны находить общий язык?!

— И все же господин Пастер...*

— ...Доказал двадцать лет тому назад, путем достоянной серии опытов, что во всех случаях, когда мы наблюдаем, пользуясь вашим термином, «спонтанную генерацию», на самом деле мы наблюдаем организмы, развивающиеся за счет привнесенного извне зародыша.

— Ну и что из этого?

— Сам по себе результат, конечно же, очень важный, но ни в коей мере не опровергающий теорию в целом, и подтвердил это один из самых уважаемых сотрудников Пастера господин Шамберлан, заявивший, что не способен экспериментально доказать невозможность генерации, называемой спонтанной.

Подбирайте аргумент к аргументу, предъявляйте любые тексты, проводите какие угодно опыты, ссылайтесь на каких желаете авторов, но предоставьте мне — так как это вы затеяли дискуссию, я к ней не стремился — научное объяснение зарождения жизни на Земле.

— Ну, это проблема скользкая, я ее, кстати сказать, вовсе не подымал...

— Ай-ай-ай, вот и признайте свою несостоятельность и ступайте препарировать своих зверушек!

— Как вы смеее!

— Скажете, мои кристаллы стоят ваших зверушек, не так ли?! И тут я с вами соглашусь, поскольку одни неизбежно произошли от других.

— Как?! Вы осмеливаетесь утверждать, что живая материя произошла от неживой?!

— Именно так, мой юный еретик!

— Я — еретик?!**

— Безусловно, потому что вы, кажется, опровергаете Священное писание, которое гласит, что все живое берет свое начало в неживой материи. Да вы хотя бы знаете эти тексты?

— Должен признать в этом вопросе свое полное невежество.

* Пастер Луи (1822—1895) — французский ученый, основоположник микробиологии; опроверг теорию самозарождения организмов.

** Еретик — человек, пытающийся оспаривать догмы какой-либо религии; здесь слово употреблено в ироническом и переносном смысле.

— Ну, так я вам процитирую: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» (Книга Бытия, I, 11).

· «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (Книга Бытия, I, 20).

«И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так» (Книга Бытия, I, 24).

«Земля» и «вода» на старом добром французском означают именно ту неодушевленную материю, которая по приказу Иеговы* зачала тварей и злаки, а вы отказываете ей в какой бы то ни было животворящей силе.

— Позвольте, но вы просили у меня научного обоснования, а сами предъявляете объяснения, требующие поверить в чудеса.

— Вы, голубчик, тоже человек нелегкий! Кстати говоря, мне нравится ваша претензия на роль эдакого потрясателя научных основ, эдакого безбожника, не любящего фетишей**, которым поклоняются члены всех этих Королевских, Императорских и Национальных академий, стремящиеся примирить науку с Библией. За это вы не станете на меня обижаться?

— Я слушаю вас, продолжайте.

— Мне остается только подвести итог. Итак, Земля когда-то имела сугубо минеральную структуру и была разогрета до температуры, которую органические соединения*** выдержать не могли. В этом причина того, что она была совершенно избавлена от каких бы то ни было зародышей, то есть она была, как теперь говорят, «стерильна». Но в то же время, несмотря на таковое бесплодие, на отсутствие органического оплодотворителя, жизнь на Земле все-таки возникла.

— Вы хотите убедить меня в том, что живая клетка появилась ни с того ни с сего, сама собой, из какого-нибудь одного или из множества кристаллов?!

— Совершенно верно. Но не внезапно, как вы на то

* Иегова (Яхве, Саваоф) — имя Бога в иудаизме.

** Фетиш — предмет слепого, не рассуждающего поклонения; в языческих культах этим словом обозначаются священные ритуальные предметы (скульптурные изображения богов, маски, надеваемые во время обрядов и т. п.).

*** Органические соединения — соединения углерода с другими элементами.

намекаете, а путем последовательных изменений. Царство животное и царство растительное связаны неразрывной цепью; причина же такого единения — скромная минеральная молекула.

— Последнюю гипотезу надо как минимум доказать.

— Не отрицайте очевидного, иначе я заподозрю вас в предвзятости и прекращу дискуссию.

— Однако в природе существуют не только кристаллы, но и аморфные тела*.

— Аморфность, мой дорогой, всего лишь еще одна форма...

— Ну, это уж слишком! Шутка хороша, когда безобидна; но в устах химика, в невежестве своем систематически или ситуативно игнорирующего биологию**, она неуместна! Так что прекратите...

— Сами вы прекратите! И не переходите на личности, господин физиолог, иначе я пошлю вас к устрицам, пиявкам, ракам и лягушкам, так горячо вами любимым.

— Сами ступайте к вашему купоросу, к маслам, к кислотам, к вашей кухонной утвари, к вашим склянкам, к вашей металлической посуде!

— Подите вон, вы, хлыщ, и трясите своими манжетами перед светскими шаркунами, которым вы преподаете всякую дешевку вместо науки!

— А вы, аптекаришка задрипанный, оставайтесь у своих печей и стряпайте свои дрянные снадобья!

— Живодер во фраке!

— Поджигатель!

— Комедиант из амфитеатра! Факультетский шарлатан!

— Профессор-отравитель! Комнатный динамитчик!

После вежливой поначалу дискуссии они мало-помалу распались, и сейчас в лаборатории господина Синтеза перебранка шла полным ходом: оба орали во всю глотку.

Хотя в споре участвовало только два человека, в nonetheless по улице Гальвани было так шумно, что казалось, будто по заведенному на рынках обычаю, по меньшей мере десять рыбных торговых бранились во все горло. Посторонний наблюдатель, попади он случайно в разгар

* Аморфные тела — здесь: вещества, не имеющие кристаллической структуры (например, стекло), атомы в которых расположены, в отличие от кристаллических структур, без определенного порядка.

** «...систематически или ситуативно игнорирующего биологию» — т. е. или вообще, или в ряде случаев не принимающего эту науку во внимание.

перепалки, вряд ли поверил бы, что видит перед собой двух научных светил. Тем не менее, несмотря на то что выражения, изрыгаемые учеными мужами, становились час от часу хлеще, а непристойности — солонее, так оно и было на самом деле. Еще немного — и они схватились бы за грудки. Во всяком случае, один из участников полемики явно намеревался завершить ее потасовкой.

Это был добрый молодец неопределенного возраста — ему можно было дать как тридцать пять, так и пятьдесят лет — длинный, как день без хлеба, и тощий, как смычок от контрабаса*. Фигура его определялась единственным измерением — высотой, а руки и ноги напоминали лапки паука-сенокосца. Это сооружение завершала странного вида голова, ярость же придавала его лицу выражение одновременно гротескное и злое. Из гривы жестких, стоящих дыбом, как у клоуна, волос, казалось, сыпались искры, словно из шерсти ангорской кошки во время грозы. Единственный выпученный фосфоресцирующий глаз освещал лишь одну половину мертвенно-бледного, изрытого морщинами лица; на месте второго, левого, вздувался лиловый рубец, а плоский, как стрелка солнечных часов, и с крючком на конце, словно клюв хищной птицы, невиданных размеров носище был настоящим вызовом, брошенным эстетике** всех времен и народов. Добавьте еще торчащую во все стороны, спутанную, как пакля, бороду, причудливо окрашенную кислотами, газами, испарениями, реактивами и взрывами в цвета, чей спектр*** простирается от бледно-голубого до рыжего и чернильно-черного, и вы получите более-менее точный портрет Алексиса Фармака, бывшего «профессора взрывчатых наук», а ныне химика-ассистента господина Синтеза.

Фармак бешено жестикулировал, топоча по полу здоровенными подметками, изгибался, как учитель фехтования, и, выбрасывая вперед руку с тонкими, словно у скелета, обожженными реактивами пальцами, намеревался схватить противника за ворот. Последний же держался молодцом и казался не слишком напуганным угрозами бесноватого профессора.

Представляющий разительный контраст с первым, второй участник этой сцены был молодой человек лет тридцати, блондин, чья несколько блеклая физиономия

* Контрабас — самый большой по размеру и самый низкий по звучанию струнный смычковый музыкальный инструмент.

** Эстетика — здесь: представления людей о красоте.

*** Спектр — здесь: сочетание различных окрасок.

могла показаться поверхностному наблюдателю незначительной. Правильные черты лица, обрамленного красивой, несколько курчавившейся бородкой, алые губы, несколько мясистый, но хорошей формы нос, румянец сангвиника* — внешность хоть и не равняющая его с Антино-ем**, но отличающаяся благопристойностью и заурядной миловидностью. Очень высокий, слегка блестящий лоб с уже наметившимися залысинами и приличествующая ученому мужу стрижка не портили гармонии, а скорее добавляли новый штрих, сглаживающий первоначально производимое этим лицом впечатление кукольности.

Человек этот был среднего роста, слегка заплывший жирком, торс его плотно обтягивал пошитый у хорошего портного редингот***. Пухлые, холеные руки высывались из ослепительно белых широких манжет. Обут он был в изящнейшие туфли из шевровой кожи****, а его светло-серые панталоны могли быть созданы только настоящим артистом своего дела.

Вообще, подобную внешность дипломата, биржевого маклера или административного чиновника высоко ставят министры, банкиры, а также будущие тещи. Однако, всмотревшись повнимательней, замечаешь, что за стеклышками пенсне в черепаховой оправе сверкают зеленоватые в желтую крапинку глаза, чей взгляд, тяжелый и ускользающий, разрушает буржуазную гармонию его бесцветного облика. Встретив такой взгляд, тот, в ком уже зарождалась симпатия, начинает чувствовать своего рода опаску, и даже самый непредубежденный собеседник испытывает непреодолимое желание отдалиться от этого молодого человека, который предупредительнейшими манерами, медовыми речами, безмятежной улыбкой не только не смягчает, а скорее усугубляет впечатление, производимое своим «зеркалом души». Таков господин Артур Роже-Адамс, с недавнего времени работающий в лаборатории господина Синтеза в качестве зоолога.

Хотя функции двух ученых и были строго разграниче- ны, завистливая и деспотическая натура зоолога тяготи-

* Сангвиник — живой, эмоциональный, быстро возбудимый человек.

** Антиной — прекрасный юноша, любимец императора Адриана; погиб в 130 году и был обожествлен.

*** Редингот — длиннополая верхняя мужская одежда особого покроя, предназначенная для верховой езды.

**** Шевровая кожа — кожа для обуви, выделанная из козьей шкуры.

лась соседством химика. Для начала он стал осыпать насмешками незаурядную внешность своего коллеги. Никакого впечатления. Защищенный тройным панцирем равнодушия, а может быть, и презрения, химик делал вид, что не понимает, в чем соль более или менее завуалированных колкостей «юного господина Артура», как он его неизменно называл. Но «юный господин», будучи далеко не дураком, быстро заметил, что «алхимик» — человек необычайно образованный, ходячая энциклопедия, знающая все на свете, и это наблюдение, естественно, уже через несколько дней преобразовало первоначальную неприязнь в непримиримую ненависть.

Как мы видели, обыкновенная научная дискуссия спровоцировала взрыв этой ненависти, выразившейся сначала в очень оживленном и красочном диалоге, за которым должна была последовать рукопашная схватка. В тот момент, когда, услышав о «комнатном динамитчике», Алексис Фармак, вне себя от ярости, готов был вцепиться в ворот собеседника, большие двери лаборатории бесшумно распахнулись и на пороге появился господин Синтез.

— В чем дело? — спросил он своим негромким, но до странности звучным голосом.

И это «Quos ego!» действовало на двух неприятелей не меньше, чем действовал на разбушевавшиеся ветры бог Нептун*, — ярость улеглась, диалог прервался, оба застыли как вкопанные. Последовала долгая пауза, которую вновь нарушил медленный и торжественный голос господина Синтеза:

— Так что же все-таки случилось, господа? Что означает весь этот крик?

— А то случилось, Мэтр, — начал химик, трясаясь от негодования, — что этот салонный всезнайка отрицает последовательное развитие, которое от аморфной материи до органической субстанции...

— Я вам запретил переходить на личности, вы, ученый-копченый! — перебил зоолог.

— Вы не имеете право ни на какие запреты там, где команду только я, — возразил, не повышая голоса, господин Синтез.

— Но, месье!..

— Меня здесь называют «Мэтр»! Вы что, забыли об этом?

* Нептун — в римской мифологии бог морей.

— Но...

— Молчать! Вы имеете склонность слишком много разговаривать. Придется это пресечь. К тому же, мне кажется, вы несколько преувеличиваете значимость своей персоны. Воспользуюсь случаем поставить вас на место и указать вам ваши обязанности. Говорить я буду в первый и в последний раз, отчасти чтобы принести вам пользу, но в большей мере для поддержания нормальной работы моей лаборатории.

Заметив, что химик из деликатности решил удалиться, господин Синтез остановил его:

— Алексис, мальчик мой,— произнес он,— останьтесь, вы здесь совсем нелишний, скорее наоборот. А вам, юноша, придется выслушать ряд мелких, вас касающихся истин и извлечь из них урок.

Вы — сын настоящего ученого, моего друга, который в первые ряды крупнейших научных знаменитостей вышел исключительно благодаря своим собственным достоинствам. Очень умно, очень ловко быть сыном своего отца — вот первейший из ваших талантов.

Человек вроде вас, но не имеющий такого громкого имени, стал бы заместителишкой на каком-нибудь факультете провинциального университета, и, прежде чем получить кафедру, ему пришлось бы долго обивать пороги. Вы же, носитель прославленной фамилии, с первых шагов оказались на виду и заставили окружающих принимать себя всерьез, хотя не стоило так злоупотреблять фактом родства со столь знаменитым ученым. Но я не вижу ничего дурного в том, что вы, не чинясь, сразу же вскарабкались на пьедестал, принадлежащий вашему батюшке, и что вас с него никто не сдернул. А вот если вы надеетесь ослепить и нас всей той пылью, которой засыпаете глаза общественному мнению, если вы вознамерились вещать и перед нами, то предупреждаю, мы — стреляные воробьи и этого не допустим.

Чтобы стать кем-то, мало быть только папенькиным сыночком, молодой человек! А вам, при всех своих отрицательных качествах, еще не только кем-то, но и чем-то не удалось стать! Вы — человек, признающий лишь членов своего кружка, завидующий становлению чужой доброй репутации, враг новоутверждающихся талантов, непререкаемый, властный, захлопывающий двери перед всяким, кто не принадлежит к официальным кругам; вы человек, всегда готовый поднять на смех автора новой смелой идеи, даже если она гениальна; вы привыкли расстилаться перед теми, кто велик и силен...

Слушая такую резкую отповедь, чувствуя себя все более не в своей тарелке и на глазах позеленев от злости, юный господин Артур стиснул зубы от бешенства, но подавил свою ярость и не возразил и словом.

Господину Синтезу действительно надо было обладать необычайной властью, чтобы так жестоко отхлестать ученого, занимающего, как бы там ни было, важное место среди профессуры на одном из крупнейших наших факультетов.

— Правда, мне все это безразлично,— продолжал господин Синтез,— ибо, несмотря на ваши недостатки и пороки, вы все-таки человек науки. Но не задирайте нос! Потому что чаще всего ученым называют человека, всего лишь начиненного знаниями. Иными словами, ученый — это знающий все, что где пишут и говорят, это одержимый зубрила, постоянно как бы готовящийся к конкурсному экзамену на замещение вакантной должности, то есть человек всеядный, заглатывающий любую информацию. Вот почему Клод Бернар* сказал о таких, как вы: «Они напоминают мне уток».

Не жалея времени, вы пересчитываете количество волосков на человеческом черепе, измеряете длину прыжка блохи, на четыре части распиливаете нить паутины и прекрасно умеете извлекать выгоду из этой нелепой работы. Вы — члены всех без исключения научных обществ, даже самых малоизвестных, самых дурацких. Вы — те, кто штампует свои ученые записки, доклады, сообщения и мемуары под восторженные аплодисменты публики. Вы не способны смело воспарить над убожеством так называемых «салонных ученых», вы не изобретаете никакой своей гениальной теории, в вас нет той божьей искры, которая горела в Галилее**, Ньюtone, Ламарке, Биша или Пастере, но вы все-таки специалист достаточно ловкий, чтобы стать чернорабочим.

* Бернар Клод (1813—1878) — французский физиолог, основоположник экспериментальной медицины.

** Галилей Галилео (1564—1642) — итальянский ученый, один из основателей научного естествознания, сторонник и продолжатель теории геоцентрического строения Солнечной системы; Ньютон Исаак (1643—1727) — английский ученый, математик и физик; открыл законы всемирного тяготения; Ламарк Жан Батист (1744—1829) — французский естествоиспытатель, научный предшественник Ч. Дарвина, создал учение об эволюции живой природы; Биша Мари-Франсуа-Ксавье (1771—1802) — французский врач и ученый, основоположник патологической анатомии и гистологии (науки о строении тканей организма).

— Чер... чернорабочим?! — пролепетал наконец совершенно раздавленный молодой человек.

— Именно — чернорабочим! И добавлю: чернорабочим, труд которого будет оплачен так, как никогда не оплачивали работ самого выдающегося ученого. Хотя в вас и нет гениальности, вам в поразительной степени присущи три качества, необходимые в моей работе. Во-первых, вы, как никто другой, владеете микроскопом — вещь в наше время редкая, несмотря на постоянно растущую необходимость изучать бесконечно малые величины; во-вторых, вы, с ранних лет занимаясь анатомированием и вивисекцией*, приобрели превосходные навыки, хорошо набили себе руку; и в-третьих, вы замечательно фотографируете микроскопические препараты. Вот что является в моих глазах вашими главными, вернее единственными, достоинствами.

Ясное дело, для факультетского профессора знать немного микрографию**, фотографию и зоологию — вещь довольно заурядная, но мне ничего другого и не нужно, ничего другого я от вас и не потребую. Заключая контракт, вы обязались в течение двух лет находиться в полном моем распоряжении в качестве микрографа, фотографа и зоолога. Из чего следует, что вы поедете туда, куда мне заблагорассудится вас повезти, и будете выполнять все мои приказы беспрекословно, иначе я вас уволю. Вот, юноша, что я подразумеваю под словом «чернорабочий».

В заключение добавлю: вы все еще вольны отказаться, хотя, думаю, ваша страсть к деньгам остановит вас.

— Как уже было сказано, я подписал контракт, я дал слово... Я остаюсь... Но знайте, что, несмотря на всю вашу жестокость по отношению ко мне, не шкурный интерес, а возможность сотрудничать с вами, пусть даже на самых скромных ролях, определила мое решение.

Выслушав этот протест, произнесенный хоть и взволнованно, но не без достоинства, господин Синтез посмотрел

* Вивисекция (живосечение) — операция на животном с научно-экспериментальными целями.

** Микрография — получение рисунков с предметов, видимых лишь под микроскопом.

на собеседника, и взгляд его из-под опущенных век напоминал солнечный луч, блеснувший сквозь тучи.

Алексис Фармак вперил в распекаемого свой единственный круглый глаз и про себя подумал: «Врет! Согласился он, во-первых, из жадности, а во-вторых, в надежде украсть у хозяина какой-нибудь из его секретов. Ну, это мы еще посмотрим!»

Не ответив на казалось бы искреннее заявление Артура, господин Синтез холодно произнес:

— Так как вы подтвердили, что принимаете мои условия, я требую также мира и согласия в стенах лаборатории. Пускай же никогда ни малейшего конфликта не возникнет между вами и вашим коллегой. Впредь вы будете как бы две руки одного тела, голова которому — я. Долой всякую личную инициативу!

Вы слышите меня? Какие бы ни возникали обстоятельства, пусть самые странные, пусть исполненные опасностей, вы должны пекься лишь об одном: слепо выполнять мои приказы. Я не требую от вас взаимной любви или даже симпатии — для моей работы это значения не имеет. Вы — два моих инструмента в области природоведения, обязанности ваши различны, но вы служите одной и той же цели.

Скажу еще несколько слов. Так как, принадлежа мне душой и телом, располагать по своему усмотрению временем вы не можете, должен проинформировать: мы выезжаем через восемь дней.

Оба ученых, удивившись, но так и не посмев задать ни одного вопроса, ограничились тем, что взглянули на старика с любопытством. Как бы одобряя такую молчаливую покорность, тот добавил:

— Приготовьтесь отсутствовать месяцев этак пятнадцать. С собой возьмите только самые необходимые личные вещи. Одежда ваша должна отвечать требованиям знойного климата, при котором то жара, то дожди. С сегодняшнего дня вам открыт более чем достаточный кредит. Понятно? Остальное касается меня, и только меня.

Зоолог и химик одновременно склонили головы в знак согласия, не решаясь вымолвить ни слова.

— Вот и все, что я пока хотел вам сообщить,— заключил господин Синтез.— Разве что дать некоторое удовлетворение вашему, кстати сказать, вполне закономерному любопытству?..

Сперва мы зайдем в Макао* и найдем пять-шесть сотен китайских кули**, затем направимся в Коралловое море. Там я намерен открыть гигантскую лабораторию, назначение которой можно и впрямь больше не держать от вас в тайне. Я воздвигну ее на сотворенной мною земле, которая по моей воле поднимется из морских вод. Затем, в специальном аппарате особым, лишь мне известным способом я попытаюсь произвести биологическую эволюцию животного мира, начиная от монеры***, кончая человеком.

— Человеком?! — не удержался ужаснувшийся зоолог.

— Совершенно верно,— продолжал господин Синтез, как будто такой ошеломляющий план был наизураднойшей вещью на свете.— Я намереваюсь взять простейшую органическую клетку, поместить в среду, благоприятствующую ее развитию, и с помощью энергетических и других специально разработанных факторов меньше чем за год воспроизвести все феномены трансформаций, которые происходили с момента зарождения на Земле органической жизни, представленной этой клеткой, до момента появления человека.

Что для этого нужно? С помощью науки ускорить процесс модификации**** живых существ, последовательно длившийся миллионы столетий, истекших с того времени, когда наша планета стала обитаемой. Не вижу в этом ничего невозможного.

Вас я выпущу на свободу тогда, когда эта человеческая особь, в каком-то смысле искусственная, так как у нее не будет ни отца, ни матери, выйдет живой из моих аппаратов. Это будет не слабый и беспомощный ребенок, чей интеллект еще дремлет, а взрослый человек, способный выдержать борьбу за существование.

* Макао — территория на побережье Южно-Китайского моря; современное название Аомынь.

** Кули — название чернорабочих в Китае, Индии и других странах Азии.

*** Монера — простейший одноклеточный организм без ядра.

**** Модификация — видоизменение; в биологии — изменения в организме, возникающие под влиянием условий внешней среды.

ГЛАВА 5

Население приморского города очень заинтриговано.— Неудовлетворенное любопытство.— Четыре парохода.— Груз гидравлической извести.— К чему такая таинственность?— Химические реактивы.— Пушки и пулеметы.— Пересуды.— «Анна».— Новое разочарование зевак.— «Инд», «Ганг», «Годавери».— Происшествие перед самым отплытием.— Пассажирский поезд.— Старые знакомые.— Два непримиримых врага.— Отплытие.— Испуг двух грузчиков.— В море.— На палубе «Анны».— Прерванный разговор.— Внучка господина Синтеза узнает, что вскоре станет невестой.

Какими бы трудолюбивыми, какими бы занятыми ни были рабочие торговых портов, все равно любопытства им не занимать и языки почесать они всегда рады. Нет такого судна, входящего в порт или выходящего из него, стоящего на рейде или в сухом доке, чьего названия, груза, места назначения, экипажа и капитана эти ребята не знали бы. Они всегда на глазок прикинут скорость корабля, тоннаж и регистровую вместимость*, а придется, так и нараскажут про него множество замысловатых, порой и совершенно невероятных историй.

И впрямь, плавающие дома, побывавшие на краю света и вновь готовые к отплытию, окружены ореолом экзотики, что очень способствует рождению самых разнообразных сплетен. А посему, несмотря на вздохи пара, на свистки машин, на скрип лебедок, на шорохи трущихся друг о друга бесчисленных тюков и крики грузчиков, сплетни находят свои пути и, передаваясь из уст в уста, превращаются в легенды. Попади в такой многолюдный порт, как Гавр или Марсель, заинтересованный и даже просто любопытствующий человек, то худо-бедно, в большем или меньшем объеме, но всегда, не сходя с места, он получит информацию обо всем, что может его интересовать.

Тем более необычным было появление в одно прекрасное утро в Гавре четырех судов под шведским флагом, которые, неподвижные и мрачные, застыли теперь на тихих водах дока Люр, словно четыре загадки из дерева и металла, пожираемые глазами любопытной и болтливой толпы на набережной. Превосходные корабли — водоизмещением** пятнадцать-шестнадцать сотен тонн, они

* Регистровая вместимость корабля — объем его внутренних помещений, измеряемый в регистровых тоннах.

** Водоизмещение — характеристика размеров судна, определяемая количеством воды, вытесняемой им на плаву.

отличались большим изяществом и походили на великолепные пароходы Трансатлантической компании.

Что это за суда? Откуда они пришли? Кому принадлежат? Для чего предназначены? Вот какие вопросы целый месяц волновали всех, начиная с судовладельцев, грузополучателей, рассыльных, грузчиков и кончая офицерами, матросами кораблей, стоящих на рейде, и даже пугливыми обывателями, чье единственное занятие — с видом знатоков наблюдать за таинственными сигналами семафоров*. Но всеобщее любопытство до сих пор не получило удовлетворения.

На четырех пришвартованных рядом кораблях экипажи несли службу так, словно судно находилось в открытом море да к тому же во время боевых действий или проводимых военно-морским флотом учений. Офицеры вообще не сходили на берег, а великолепно одетые члены экипажа лишь иногда отправлялись закупать продовольствие, ни разу не посетив значные места, где матросы, со ставшей нарицательной бесшабашностью, вознаграждают себя за долгие дни воздержания и тяжелых корабельных работ.

Ничего нельзя было вывести у этих людей, вышагивавших важно, как солдаты под ружьем, хранивших молчание и подчинявшихся, судя по всему, каким-то своим собственным строгим правилам. Быть может, они не понимали вопросов, задаваемых моряками, которые в своих бесчисленных странствиях стали полиглотами** и прибегали к особому наречию, составленному из обиходных выражений, принятых во всех цивилизованных странах? Такое, конечно, возможно. Но, несмотря на то, что обмундирован экипаж был самым классическим образом — береты, матросские блузы, синие мольтоновые штаны, — с первого взгляда было видно, что многие из них не являются ни европейцами, ни американцами. Скорее всего, они были индусами — смуглая кожа, плавные движения, тонкие конечности.

Надо полагать, портовое начальство было в курсе дела и все необходимые формальности, касающиеся входа в порт и стоянки, были улажены, однако, кроме заинтересованных лиц, никто не знал, как долго все это будет продолжаться.

Так прошла неделя, но ничего примечательного, могущего дать пищу растущему любопытству толпы не происходило. И вот, в одно прекрасное утро, на набережной,

* Сигналы семафоров — здесь: сигналы, передаваемые с корабля на корабль при помощи условных движений рук с флажками.

** Полиглот — человек, свободно владеющий многими языками.

как раз напротив пришвартованных кораблей, остановился поезд. Угрюмая тишина внезапно сменилась бурным оживлением на палубах. Казалось, четыре парохода вдруг очнулись от спячки, пробужденные резкими свистками, несущимися со всех сторон.

Четыре экипажа, человек эдак сто, собрались на судне, стоявшем ближе всех к набережной, и, ответив на сигнал с берега, выстроились в две шеренги на палубе. Снова зазвучал свисток и началась погрузка на корабли содержимого прибывших вагонов.

Слухи о происходящем быстро распространились в порту. Заранее предвкусывая раскрытие тайны, тройное кольцо зевак окружило поезд. Но долгий вздох разочарования пронесся над толпою,— все вагоны были полны аккуратно уложенными зеленоватыми мешочками. Их тут насчитывалось сотни и сотни тысяч. На каждом большими буквами было выведено: «Портлендский цемент*, Д. и Л., Булонь-сюр-Мер».

Кто б мог подумать, что изысканные, с такими утонченными формами суда, в которых любители всего чудесного готовы были заподозрить корабли, прорывающие блокады, на худой конец корабли чилийских или перуанских корсаров**, а быть может, участников будущей войны против Поднебесной империи***, всего-навсего простые грузовозы! Вместо пороха и ядер эти, с позволения сказать, пираты преспокойно перевозят гидравлическую известь! К чему же тогда такая таинственность? Зачем такой экзотический экипаж и железная дисциплина? Да это же чистой воды мистификация!

Не обращая внимания на всеобщий ажиотаж, вызванный погрузкой, интригующей еще больше, чем все предыдущие события, матросы таинственной флотилии работали как проклятые. Двадцатипятикилограммовые мешки с головокружительной скоростью спускались по деревянным желобам напрямик в трюмы, где их аккуратно складывали.

Две вахты трудились так споро, что не прошло и четырех часов, как вагоны были опустошены, а трюмы на три четверти заполнены. Тотчас же задраили люки, подошедший локомотив отогнал состав, люди разошлись по местам, и все пришло в прежний порядок.

* Портлендский цемент — особый вид цемента — водоупорный и потому употребляемый для подводных сооружений.

** Корсар — морской разбойник, пират.

*** Поднебесная империя — Китай.

Через неделю разнеслась весть, что прибыл новый поезд, чей груз предназначен для второго корабля, на котором, как и в первый раз, собрались все четыре экипажа, чтобы произвести выгрузку и погрузку.

На сей раз зевак было меньше, однако любопытствующие получили некоторое удовлетворение, конечно, весьма приблизительное, но для людей, лишенных каких бы то ни было объяснений, и то пожива! Вагоны были битком набиты небольшими, но крепкими, добротно сделанными ящиками, на которых неизменно красовались всего два слова: «Химические реактивы».

Химические реактивы... Это уже лучше! Это сразу же наводит на мысль о динамите, отчего мороз продирает по коже даже самых равнодушных. Это вам не вульгарная гидравлическая известь. Химические реактивы! Черт побери! Бывают среди них и безобидные вещества, но встречаются и ого-го какие! — их состав и действие известны далеко не всем, а лишь посвященным! К тому же предосторожности, принимаемые экипажем, избегавшим толчков и соприкосновений между предметами, красноречиво свидетельствовали о том, что хранение такого груза по меньшей мере небезопасно. Поэтому-то зрители и не скрывали своего удовлетворения, словно им посчастливилось проникнуть в самую суть дела.

Кстати сказать, после очень длительной и тщательной погрузки на фок-мачте* взмыл красный вымпел, извещающий по международному сигнальному коду, что судно имеет на борту взрывчатые вещества.

В следующие дни все только и говорили о превосходных стосорокамиллиметровых пушках и пулеметах Нордтенфельда, якобы доставленных в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить всем четырем судам отменное вооружение. Разочарование, вызванное прибытием партии гидравлической извести, рассеялось совершенно, на смену ему пришли порою самые разноречивые догадки по поводу назначения этих судов.

В дальнейшем грузы стали поступать беспрерывно; были среди них и огромные тяжеловесные ящики — под их весом трещали лебедки и лопались стропы. Скорее всего в них были упакованы машины или аппараты, однако на добротно сработанной упаковке не было ни фирменного клейма изготовителя, ни имени получателя. Все это добро мгновенно разгружалось и проваливалось, как в колодцы, в бездонные люки.

* Фок-мачта — носовая мачта судна.

Вскоре три корабля были полностью загружены. Кроме того, каждый из них принял на борт свой запас провизии и пресной воды. Четвертый же пока не получил ничего, кроме оружия. Он был самым маленьким, хотя отличался наиболее изысканными формами и особой роскошью отделки. Зеваки из толпы окрестили его «адмиральским». Он же, единственный из всех, имел имя — золотыми буквами по белому фону на корме было написано «Анна». На остальных трех не было ничего, кроме номеров.

Но вот и трюмы «Анны» распахнулись, чтобы принять бесконечную вереницу белых деревянных пронумерованных ящиков, с красовавшимся на них схематичным изображением скафандров для спуска под воду. Насчитали их около пятисот. Зеваки, знающие ориентировочную стоимость одного костюма, восхитились такому доселе не виданному размаху затрат.

Наконец, казалось, приготовления были закончены. После бурной работы на всех четырех судах воцарились тишина и покой, бесившие зрителей, чье любопытство было раздражено, но удовлетворено далеко не полностью. Как все сердились, как негодовали на этих пришлых, которые самостоятельно справились со всеми погрузочными работами, вежливо, но решительно отклонив помощь местных портовых грузчиков!

Та же участь постигла и маклеров* страховой компании, — их услугами также не воспользовались, хотя проявленная ими настойчивость была достойна лучшей участи. Но ни один из кораблей так и не был застрахован от превратностей морского путешествия, что подтвердили депеши корреспондентов из Европы и Америки. Пренебречь такой важнейшей мерой предосторожности казалось чуть ли не извращением! Лишний раз возникал вопрос — кто тот, что с легкой душой вверяет коварной стихии этакое богатство, не сделав ни малейшей попытки обеспечить его сохранность?

Чужеземцам ставили в вину еще и то, что они выдержали натиск иностранных журналистов и репортеров городских газет, против обыкновения, вернувшихся с охоты за новостями ни с чем.

Наконец, потеряв терпение, люди сдались перед невозможностью что-либо прояснить и решили оставить

* Маклер — посредник в торговых операциях или биржевых сделках.

в покое суда, пребывавшие в такой изоляции, словно находились в карантине. Так продолжалось, считая с момента, когда «Анна» приняла на борт скафандры, двенадцать дней. На тринадцатый день утром все нерешенные вопросы вновь стали животрепещущими.

Густые клубы черного дыма вдруг повалили из труб всех четырех пароходов, а темные силуэты их корпусов стали слегка подрагивать на держащих их швартовах. Суда пускали пары, готовясь к скорому отплытию. К тому же корабли, ранее помеченные лишь номерами, обрели имена; первый, груженный портлендским цементом, назывался «Инд»; второй, с химреактивами,— «Годавери»; а третий, с громоздившимися в трюме огромными ящиками,— «Ганг».

Инд, Ганг, Годавери... Три великие реки Индии... Ничего предосудительного нет в этих названиях. Для чего же было до сих пор прятать их имена под большими полотнищами? Что за новая фантазия таинственного судовладельца?

Но вскоре все домыслы смолкли перед неожиданным событием, которое случилось незадолго перед отплытием. На железнодорожной ветке, ведущей в доки, вдруг прозвучал свисток,— небывалая вещь, по рельсам медленно проследовал и остановился прямо перед «Анной» пассажирский поезд. Это был специальный состав из трех багажных вагонов, одного спального, одного салон-вагона и двух вагонов первого класса.

Не успели заглохнуть паровые машины, как с «Анны» спустились по трапу и подошли к дверям спального вагона консул Швеции в сопровождении канцлера и двух чиновников министерской канцелярии. Дверца вагона с грохотом распахнулась, выскочили два негра и помогли сойти величественного вида высокому старцу, перед которым в ответ на его вежливое приветствие низко склонились все четыре официальных лица. Старик перемолвился с ними несколькими словами и подал руку ослепительно красивой девушке, прыгнувшей на землю с грациозной легкостью газели и радостно воскликнувшей:

— Дедушка, дорогой, так вот он, ваш сюрприз! Мы снова выйдем в море! Я так его люблю! Скоро ли отплытие?

— Тотчас же, дитя мое. Ведь все готово, не так ли? — обратился старик к консулу.

— Так точно, ваше превосходительство. Все формальности исполнены, и флотилия может отчаливать.

— Прекрасно. Примите мою благодарность, а вот это раздайте от моего имени персоналу консульства.

— До свидания, ваше превосходительство. Счастливого плавания!

— До свидания, месье. Я не забуду ваших услуг.

После этого краткого диалога старик взял девушку под руку и, вместе с нею поднявшись по сходням, устланым великолепным ковром, направился в каюту капитана.

— Ну, как дела, Кристиан? — спросил он так, словно вернулся к себе домой после краткого отсутствия.

— Ничего нового, Мэтр, — откликнулся офицер, снимая обшитую золотым галуном фуражку.

— Когда можем трогаться?

— Как только погрузят ваш багаж, то есть минут через пятнадцать.

В это время из вагонов первого класса вышли пять женщин — две белые и три негритянки. За ними следом по трапу поднялись мужчины — четверо европейцев, в двух из которых посетитель особняка по улице Гальвани узнал бы юного господина Артура и его заклятого врага Алексиса Фармака.

Старик и девушка, желая избежать любопытных глаз, удалились в маленький салон на полуюте. Капитан подал знак; главный боцман пронзительно засвистел в свисток, и человек двадцать матросов кинулись к багажным вагонам так, как будто хотели взять их штурмом. В мгновение ока они, со свойственными морякам быстротой, ловкостью и натиском, перегрузили множество чемоданов, образовавших большую груду на палубе, и застыли в ожидании новых приказов.

Прилив был в разгаре, больше нельзя было терять ни минуты. Шлюзы открылись, «Анна» отдала швартовы, подняла на мачте шведский флаг и, осторожно вытягивая канат, привязанный на носу, медленно отошла от причала.

В это самое время поезд, непрерывно подавая сигналы, чтобы отпугнуть любопытствующих, запрудивших колею и пялившихся во все глаза на «Инд», «Ганг» и «Годавери», собиравшихся повторить маневр «Анны», двинулся в обратном направлении. Несмотря на оглушительные свистки паровоза, какой-то мужчина, одетый грузчиком, так увлекся созерцанием, что его чуть не задело буфером и не швырнуло на рельсы.

— Ты что, рехнулся? — поспешно оттаскивая его за рукав, прикрикнул на него товарищ.

— Черт побери, тут немудрено и рехнуться! — ответил казавшийся сильно озадаченным первый.

— Почему же? Разве наши подозрения подтвердились? Пусть корабли и впрямь принадлежат господину Синтезу, пусть он собственной персоной отплыл на «Анне»... Но, дорогой мой, нас ведь об этом предупреждали!..

— Не обо всем. Мы знали только об «Анне», а имя владельца остальных трех судов нам до сих пор было неизвестно.

— Какое это имеет значение в данный момент?

— И то правда. Здесь я с тобой согласен... Сам не пойму, что именно меня беспокоит и заставляет лезть прямо под колеса поезда.

— Так в чем же дело?

— Ты говоришь, я рехнулся...

— Ну?

— Пускай дьявол, наш с тобой общий хозяин, сломит мне шею, если принц не находится на борту!

— Принц?! Ты сказал — принц?! — Второй собеседник так разволновался, что голос его дрожал и срывался. — А что же делать?! Ведь тот думает, что принц мертв... Он посчитает нас предателями... И тогда мы пропали!

— Верно, пропали. Во всем свете не найдется уголка, где мы смогли бы укрыться...

— Значит, сейчас нам надо все бросить и попытаться смыться! В конце концов умереть — дело нехитрое, лучше бороться до конца!..

«Берегись! Берегись!» — во всю глотку орал железно-дорожник и, пока поезд шел задним ходом, стоя на подножке, размахивал красным флажком. Два таинственных незнакомца, пользуясь начавшейся суматохой, скрылись в толпе.

Меньше чем за час суда господина Синтеза кильватерной колонной* проплыли вдоль мола и вышли из Гаврской бухты, держа курс в открытое море.

Капитан «Анны» получил четкий приказ касательно курса, а также инструкции на случай, если непогода, шторм или туман рассеют флотилию. Сейчас его корабль опережал остальные три парохода приблизительно на

* Кильватерная колонна — строй кораблей, следующих по курсу один за другим.

милю. Держась друг от друга на относительно равном расстоянии, суда шли носом к встречной волне, что вызывало порядочную качку.

Не подверженные морской болезни, так отравляющей первые часы плавания людям, лишенным морской жилки, старик и девушка на корме полной грудью вдыхали морской бриз* и оживленно беседовали. Их глубоко личный разговор имел невольного слушателя,— отрывки разговора отчетливо доносились до ушей матроса, стоявшего у румпеля**. Из деликатности он несколько раз громко хмыкнул, как бы предупреждая: «Я здесь и слышу то, что меня не интересует».

Однако господин Синтез уже успел произнести довольно загадочные, но, видимо, определяющие цель экспедиции слова:

— И это существо, обладающее всеми физическими и моральными совершенствами, станет твоим женихом.

* Бриз — приморский ветер, днем дующий с моря на сушу, ночью — с суши на море.

** Румпель — рычаг на верхней части рулевой оси, служит для поворота руля.

Часть первая

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

ГЛАВА I

Большой Барьерный риф.— Коралловое море.— Трудности навигации.— Среди коралловых рифов.— Флот господина Синтеза.— Китайские кули.— Атолл.— Ныряльщики.— В глубине лагуны.— Назначение гидравлической извести.— Организмы-строители.— Колонии полипов адсорбируют сульфат извести из морской воды и производят известковые карбонаты.— Гигантские работы мельчайших существ.— Речь идет о новой суше, которую господин Синтез хочет создать из многих составляющих и воздвигнуть над гладью вод.

На северо-востоке от Австралии, омывая архипелаги Санта-Круц и Новые Гебриды, а также острова Луизиады и Соломоновы острова, простирается та часть Великого или Тихого океана, которой сэр Мэтью Флендерс дал характерное название Кораллового моря.

Не имея никаких, даже приблизительных ограничителей на востоке, Коралловое море имеет строгую границу на западе, проходящую не по берегу Австралийского континента, как можно подумать, а вдоль гигантской природной плотины — Большого Барьерного рифа.

Эта колоссальная подводная стена, длиной приблизительно две тысячи шестьсот километров полностью кораллового происхождения, оставляет между собой и берегом полосу свободного моря, чья ширина колеблется от двадцати пяти до ста шестидесяти километров.

Предохраняемый Большим Барьерным рифом от волнений и ветров, этот природный фарватер* представляет

* Фарватер — безопасный для судов проход по водному пространству.

собой очень надежную дорогу, часто проходимую кораблями, направляющимися к Торресову проливу. Но, благоприятствуя каботажному плаванию*, гидрографическое положение рифа делает очень сложным вход в Коралловое море. Немногие рисковали войти в крайне редкие проливы этой своеобразной плотины, даже в Рейнс-Инлет, на 11°35' южной широты, отмеченной маяком. Капитаны предпочитали огибать ее с юга или с севера — путь неизмеримо более длинный, но позволяющий избежать опасного перехода.

Если мы с вами посмотрим на подробную морскую карту Полинезии, то едва ли сможем сосчитать бесчисленные острова, островки, рифы, косы, мели, которыми усеян океан, не говоря уже о невидимых, коварно расположенных на небольшой глубине подводных препятствиях, чьи торчащие под водой пики при приближении невозможно обнаружить обычными способами морской разведки. Здесь зонд показывает глубину во много сотен морских саженей**, немного дальше он вовсе не достает до дна и вдруг на глубине менее двух метров натывается на подводный риф, способный пропороть днище корабля.

Сколько ужасных кораблекрушений произошло в этих местах! Сколько кораблей погибло! И не только обычных торговых судов, которыми командовали безрассудные или неопытные капитаны, но и кораблей, ведомых первоклассными навигаторами, уж им-то хватало и опыта, и мощных исполнительных средств, и надежных помощников.

Даже в наше время, когда благодаря паровым машинам был достигнут огромный прогресс, несмотря на новые, эффективные способы пеленга***, на многие усовершенствования в древнем искусстве судоходства, остаются места, куда корабли не отваживаются войти. Зачем, кстати говоря, лезть на рожон, если тебя не гонит туда ни научный интерес, ни какое-либо другое, пусть не такое возвышенное, но не менее сильное побуждение?

Само собой разумеется, здесь не идет речь ни о тех, ныне широко известных районах Тихого океана, где изо дня в день крепнет торговля, ни даже о тех более-менее обжитых архипелагах, где цивилизованные нации жадно

* Каботажное плавание — судоходство между портами одной страны.

** Морская сажень — морская мера длины, равная 1 м 83 см.

*** Пеленг — положение судна относительно какого-либо видимого предмета на берегу; определяется при помощи пеленгатора — особого угломерного инструмента.

заявляют свои права, мотивируя это приблизительно таким образом: «Вот острова, на которых испокон веков жили черонокожие. Значит, эти острова ничьи. А раз они ничьи, мы их просто-напросто аннексируем»*.

Так как политика колониальной экспансии** еще не сказала своего последнего слова, остается полагать, что полинезийцы***, не знавшие до сих пор оспы, туберкулеза и алкоголизма, рано или поздно присоединенные к метрополии****, будут приобщены и к этим благам цивилизации. В таких вопросах согласие достигается просто при условии, что на данной территории имеется местное население, а почвы достаточно плодородны, чтобы давать урожаи зерновых, которые отправятся на экспорт.

Но Коралловое море омывает и другие клочки суши — они не соблазнят даже самого заядлого колонизатора. О них-то в данном случае и будет идти речь.

Можно ли назвать, в прямом смысле слова, землей островки или группы островков, в большинстве своем лишенных культурного слоя, безнадежно бесплодных и твердых, как гранит? Это настоящие неприступные подводные камни, омываемые прибоем Великого океана, обдуваемые ураганами; здесь не только человек, но и низшие живые организмы не находят средств к существованию.

Таков Большой Барьерный риф, таковы странные круглые островки, чьи выступающие косы образуют совершенно пустынные и бесплодные атоллы. Редко-редко где увидишь кокосовую пальму, под сенью которой бессмысленно копошатся изголодавшиеся огромные крабы, — единственные в этих местах представители как фауны*****, так и флоры*****.

Учитывая огорчительное бесплодие здешних мест, полные почти непреодолимых препятствий подступы к ним, а также то, что они ни в коей мере не могут вызывать ни научного, ни коммерческого интереса, любой путешественник, волею случая заброшенный в точку пересечения меридиана на 145° восточной долготы и 12° южной парал-

* «...мы их просто-напросто аннексируем» — т. е. захватим силой.

** Экспансия — незаконный захват чужой территории.

*** Полинезийцы — группа народов (маори, самоанцы и др.), населяющих Полинезию, которая включает несколько групп островов в центральной части Тихого океана.

**** Метрополия — страна, владеющая и управляющая колонией.

***** Фауна — животный мир.

***** Флора — мир растений.

лели, то есть оказавшись посреди Кораллового моря, мог бы, даже не будучи человеком впечатлительным, оторопеть при виде столь странного, сколь и неожиданного в этих географических широтах зрелища, напоминающего театральное действо.

Посреди бесчисленных каменных рифов самых разнообразных форм и самой разной величины появились четыре больших корабля и остановились метрах в двухстах друг от друга.

Глядя, как суда, нечувствительные к морской зыби, стоят почти правильным полукругом, можно было подумать, что они сели на мель или, точнее, вросли в коралловые заросли, настолько их присутствие в этом месте казалось безумным вызовом искусству навигации. Какой невероятный путь проделали они, чтобы сюда добраться? Такая мысль пришла бы в голову любому, даже далекому от кораблевождения зрителю. Но факт остается фактом — пароходы пришли сюда не только естественным путем, но и не получив никаких повреждений.

Сolidные темные корпуса были причалены к ближайшим рифам с помощью простой, но очень ловко придуманной системы швартовых. Чтобы не перенапрячь удерживающие корабли канаты, чтобы не подвергать их действию ветра с моря и придать им большую устойчивость, паруса оставались подняты лишь на нижних мачтах. Опыт кораблевождения подсказал и другие сразу же принятые меры предосторожности (описывать их излишне), направленные на преодоление трудностей здешней природы, столкновение с которой могло бы кончиться катастрофой.

Предпринятые маневры, тщательность их исполнения, выбор места стоянки, сам внешний вид кораблей — все наводило на мысль, что флотилия остановилась здесь надолго. Многочисленный штат, привезенный на пароходах, составлял целую колонию, довольно живописную и оригинальную.

На одном из коралловых островков, имевшем форму браслета, очертившего часть морского простора, — такое водное пространство называют атолом, — разместились человек пятьсот-шестьсот китайцев. Нечувствительные, во всяком случае внешне, к полуденному солнцу, они ходили босиком по каменному выступу, с внешней стороны кораллового кольца, и удили свою любимую морскую

кубышку (ее еще называют трепангом*). Тут же, на маленьких очень изобретательно сделанных плитках, работавших на каменном угле, варился рис. Не занятые ловлей китайцы или курили опиум, чей ядовитый дым наполнял раскаленный воздух характерным запахом, или, лежа навзничь, подмостив под затылок косы и покрыв лица похожими на абажуры шляпами из грубой соломки, спали на голых скалах.

Выгруженные на берег мешки с гидравлической известью были приготовлены для гашения в выбитых в твердой толще кораллов углублениях, имеющих форму желобов. Около этих желобов в строжайшем порядке лежали никелевые шлемы скафандров (в отличие от медных, окисляющихся гораздо слабее), баллоны со сжатым воздухом, свинцовые подошвы, служащие водолазу балластом, оцинкованные железные ведра, веревочные лестницы, мастерки, бухты тросы,— словом, все атрибуты** подводных работ, в данный момент прерванных, но готовых возобновиться по первому же сигналу.

К северу от кораблей, ориентированных на восток, можно было заметить надводную коралловую дорожку-мостик, длиной метров триста, связывающую атоллы ослепительно-белым рифом, на котором стояли просторные палатки из крашеной ткани. Туда, по всей вероятности, удалялись на ночь рабочие-азиаты, окончив работу.

Следует отметить, что все четыре парохода были вооружены мощной артиллерией; расчехленные стосорокамиллиметровые пушки и пулеметы были нацелены на атолл, очевидно, для того, чтобы в случае необходимости простреливать и остров с лагуной, и коралловый мостик, и риф с расположенным на нем лагерем. Бронзоволицые моряки, одетые в куртки и в белые полотняные штаны, стояли на круглосуточной вахте возле орудий, готовые по команде открыть ураганный огонь.

Если бы речь шла не о китайцах, имеющих необычайную природную склонность к бунту и грабежу, такая предосторожность была бы излишней. Но «Джона-китайца», как говорят англичане, следует опасаться, невзирая ни на его внешнее бесстрашие, ни на его корректное поведение, ни на его кажущуюся покорность.

Жадные до наживы, корыстные, хитрые, жестокие ки-

* Морская кубышка, или трепанг — иглокожее беспозвоночное животное класса голотурий (морских огурцов).

** Атрибуты — здесь: принадлежности.

тайцы ни перед чем не остановятся для того, чтобы удовлетворить свою алчность. Они очень умны и имеют несколько иные понятия о нравственности,— цель для них всегда оправдывает средства. Поэтому сыны Поднебесной империи с их чисто восточным преклонением перед силой, находясь под дулами пулеметов, чувствовали себя прекрасно и где-то даже испытывали, несмотря на их вошедшее в поговорку презрение к «западным варварам», нечто похожее на почтение к организатору такого «вооруженного мира».

Но вот выстрел сигнальной пушечки возвестил об обеде. Рыболовы тут же бросили удочки, спящие проснулись, курильщики опиума аккуратно спрятали трубки и, достав из своего багажа жестяные круглые котелки (неприменную принадлежность каждого кули), шумно гогоча, вытягивая шеи, как птицы на птичнике, двинулись на обед, состоящий из риса и консервированного мяса. Все было съедено в одно мгновение. Затем каждый китаец помыл свою тарелку в море, аккуратно вытер ее полый блузы, умыл лицо и руки и получил пайку питьевой воды, дабы запить обильную трапезу.

А теперь — за работу!

Пять или шесть европейцев в матросской форме, но с нашивками старшин, как в военно-морском флоте, обходят группы и свистками зывают рабочих по бригадам. Те, с трудноожидаемым при их обычной вялости проворством, натягивают на себя непромокаемые одежды ныряльщиков, привязывают к ногам свинцовые подошвы, надевают ранцы с кислородными баллонами, всовывают головы в никелированные шлемы с хрустальными окошечками и помогают друг другу затянуть застежку на горле. Затем они строятся в шеренги вдоль берега лагуны, а матросы с нашивками, их бригадиры, проверяют работу дыхательных аппаратов.

Веревочные лестницы привязывают к железным шипам, вбитым в коралловые склоны рифа, и бросают в море. Каждый ныряльщик, держась за канатный поручень, повернувшись спиной к атоллу, медленно спускаясь, погружается в море.

Вскоре на широком коралловом кольце, очертившем внутреннее озеро, остаются только бригадиры и наземные рабочие, тщательно размешивающие в заданных пропорциях гидравлическую известь с водой; они наполняют ею ведра, спускаемые на веревках подводникам, которые, использовав раствор, посылают их снова наверх... И так без перерыва в течение всего рабочего дня.

Тому, кто знаком со свойством гидравлической извести становиться твердой, словно камень, при соприкосновении с водой, легко себе представить, какого рода операции производились в глубине лагуны. Что же касается ожидаемого результата от описываемых нами работ, то узнать об этом можно, лишь ознакомившись с намерениями господина Синтеза, уже известного читателю по предыдущим главам.

Итак, корабли господина Синтеза, покинувшие после грандиозных приготовлений Гавр, находятся сейчас в указанной нами точке, где и будет проводиться гигантский опыт, но, прежде чем узнать его суть, следует вкратце ознакомиться с местом, где он будет поставлен. Это поможет нам также безошибочно понять, какого рода операции производят сейчас рабочие-азиаты.

В мире существует множество живых существ, образующих при скоплении известняки. Но эти залежи не имеют ничего общего с природой рифа как такового,— своим появлением на свет он обязан маленьким организмам-строителям, которые при жизни под воздействием ударов морских волн воздвигают в океане целые массивы, по прочности не уступающие скалам. Среди таких совсем крошечных архитекторов выделяются колонии полипов*, на них мы остановимся особо.

Полипы, как, впрочем, и им подобные, адсорбируют и включают в состав своих тканей известь. Известковый карбонат, выработанный этими крохотными существами из находящегося в морской воде сульфата, постепенно твердея, образует общий для многих особей скелет, по твердости не уступающий мрамору. Этот скелет называется кораллом.

Таким образом, утвердись на завоеванной для своего развития основе, вырастают целые коралловые плантации, постоянно отмирающие у подножия и в своей верхней части продолжающие расти. Отмершие ветки образуют что-то вроде известковых зарослей, в щели между которыми попадают отломленные волнами части еще живых особей. Эти обломки, омываемые теплыми известковыми водами, заполняя все промежутки нижних зарослей, сплавляются между собой и становятся в конце концов скалой.

* Полипы — сидячие (прикрепленные) морские организмы, в том числе коралловые полипы, образуют колонии из множества особей.

Но если другие виды организмов-строителей, таких как мшанки* или гидроиды**, могут жить и развиваться где угодно, то кораллы — другое дело, им для развития требуются специальные физические условия. Так, коралл нуждается прежде всего в тропическом климате, поскольку он не сможет расти, если ночная температура наименее теплого месяца в году опускается ниже двадцати градусов тепла. Вдобавок он не умеет приспособиться к глубине, превышающей сорок метров, с одной стороны, а с другой — неминуемо гибнет, если остается на открытом воздухе дольше, чем длится отлив; кораллы имеют потребность в чистой воде, а посему соседство с ручьем, несущим в море песок и тину, губительно для них. А вот неистовые удары волн, напротив, благоприятствуют их росту и способствуют продолжению кораллового рода; чем сильнее прибой, чем больше бушует море, тем быстрее растут кораллы и тем более мощными становятся отдельные особи. Вот почему — и это следует отметить особо — внешний берег рифа, штурмуемый волнами, всегда лучше развит и более высок, чем противоположный.

Вышеназванные условия — температура, глубина и чистота воды — главные определяющие жизнедеятельности полипа. Взятые в совокупности, они приводят к созданию кораллового рифа, разделяющегося, в зависимости от его соотношения с материком, на три типа: первый — прибрежный риф, почти вплотную подходящий к суше; второй — барьерный риф, образующий на некотором расстоянии от берега некую подводную постройку, и, наконец, третий — атоллы или кольцеобразные рифы, отделяющие от океана круглую лагуну, центр которой либо свободен, либо занят одним или несколькими маленькими островками.

Так как именно атоллы интересуют нас больше, чем другие типы рифов, остается уяснить себе механизм их образования, чтобы узнать причину столь странной, но часто встречающейся в Тихом океане конструкции.

Атоллы всегда или почти всегда возникают на кратерах подводных вулканов, перенимая форму своего основания. По логике вещей, атолл должен постепенно подниматься вверх, как колонна, формируя целостный блок. Но

* Мшанки — класс водных, большей частью морских животных типа щупальцевых. Живут большими колониями.

** Гидроиды — подкласс водных беспозвоночных животных типа кишечнополостных. Большинство из них — живущие колониями морские животные.

мы знаем, что внешний берег, то есть окружность, штурмуемая океаном, нарастает быстрее, к тому же размножение полипов с внутренней стороны замедляется тем, что куски кораллов отрывает и уносит прибой. Следовательно, в момент появления над водой атолл имеет форму кюветы*, лишь круглые края которой видны на поверхности.

Размеры атоллов различные — они достигают десяти, пятнадцати, двадцати километров в диаметре, но могут исчисляться также всего лишь несколькимистами метров. На некоторых из них в течение тысячелетий скопьялись растительные останки, принесенные морем и образовавшие подобие культурного слоя, на котором брошенные птицами семена превратились в деревья.

Один-единственный пример достаточен, чтобы дать представление о немыслимой активности микроскопических тружеников, не превышающих в диаметре и трех миллиметров. Архипелаг Каролинов, ставший недавно причиной спора между Испанией и Германской империей, насчитывает несколько тысяч малюсеньких континентов, самый крупный из которых — *Понапи* — имеет в диаметре всего двадцать километров, а маленькие представляют собой просто торчащие из воды острые шпильки. Так вот, все эти образования вместе взятые занимают площадь, достигающую двух тысяч восьмисот квадратных километров!

Ничто не может быть одновременно таким неожиданным и трогательным, как контраст, представляемый этими рифами. С одной стороны, неугомонная, яростная, необузданная работа безбрежного моря, смывающего колоссов животного мира и людские постройки, считавшиеся нерушимыми; с другой — скромные зоофиты**, хрупкие живые существа, неустанно возводящие непреодолимый барьер, о который, сколько бы ни ярились стихии, разбиваются силы волн и ветра. Потому-то, как бы ни кипели и ни пенились воды, штурмуя внешнюю сторону кораллового кольца, внутренняя лагуна атолла остается гладкой словно зеркало, а вода в ней — прозрачной. Жизнь бьет здесь ключом, и человек на досуге с восхищением наблюдает за сверкающим цветением полипов, под ласковым тропическим солнцем, как цветы, раскрывающих свои венчики...

* Кювета — здесь: плоский прямоугольный водоем.

** Зоофиты — животные, по внешнему виду напоминающие растения (кораллы, медузы).

Размеры атолла были относительно небольшими: диаметр внутреннего бассейна не превышал и ста метров. Что касается ширины кольца, то она составляла метров двадцать — двадцать пять. Кольцо выступало из воды на достаточную для того, чтобы его не заливало ни прибоем, ни приливом, высоту.

Стоянка кораблей располагалась рядом с имевшимся в нем десятиметровым разрывом, позволявшим водам лагуны свободно сообщаться с морем. Эта случайная, вернее натуральная, брешь перекрывалась шлюзом*, ворота которого были снабжены для облегчения хода зубчатыми передачами**.

В данный момент сообщение с морем перекрыто — тяжелые металлические створки опущены. Вскоре сыны Поднебесной империи, работавшие уже более двух часов и явно уставшие, начнут постепенно подниматься на поверхность. Они снимут аппараты, а затем, тщательно протерев металлические части и выпустив воздух из баллонов, унесут все свое снаряжение в палатки, и на коралловом кольце останутся лишь матросы с нашивками.

После ухода последнего ныряльщика с борта ближайшего корабля прозвучал свисток. Несколько мужчин спустились по веревочной лестнице в лодку и, менее чем за минуту преодолев пространство между судном и атоллом, высадились на стоящий на сваях причал близ шлюза. Это господин Синтез, весь в белом, как плантатор, за ним два ассистента — Алексис Фармак и Артур Роже-Адамс, а чуть в стороне — капитан «Анны».

— Что новенького? — обращается последний к матросам.

— Наложение непромокаемого слоя окончено.

— Вы в этом уверены?

— Настолько, черт возьми, насколько можно быть уверенным в том, что проверил сам. Мы, с вашего разрешения, откроем шлюзы, затем, когда мутная вода в бассейне будет заменена морской, спустимся на дно с обычной ежедневной проверкой.

* Шлюз — сооружение для подъема или опускания судов с одного уровня воды на другой. Обычно состоит из системы особого устройства ворот, запирающих проход.

** Зубчатая передача — механизм, в котором два зубчатых колеса (или колесо и рейка) образуют с неподвижным звеном (стойкой, корпусом) вращательную или движущуюся пару.

— Хорошо. Я с вами.

Затем, повернувшись к господину Синтезу, который задумчиво смотрел на гладь лагуны, помутневшую от нерастворившихся частиц гидравлической извести, офицер доложил:

— Мэтр, имею удовольствие сообщить, что ныряльщики закончили свою работу; вся поверхность атолла, кроме некоторых незначительных стыков, покрыта портлендским цементом и совершенно водонепроницаема. Я через несколько минут намерен собственными глазами в этом убедиться.

— Нет, дружище. Сегодня не стоит, подождите до завтра.— Обернувшись к ассистентам, старик добавил: — Господа, скоро ваше тягостное бездействие кончится, я горю нетерпением использовать ваши таланты. Приготовьтесь к каторжной работе, так как мне необходима ваша помощь в создании новой земной тверди.

ГЛАВА 2

Подводная экскурсия капитана Кристиана.— Внутренний риф атолла.— Водонепроницаемый бассейн.— Ветвь живого коралла.— Состав коралловой материи.— Морская вода.— Как живут кораллы и каким образом господин Синтез вознамерился изменить условия их существования.— Сон бодрствующего человека.— Сон или реальность.— Таинственный пришелец.— Пандит Кришна.— Никто безнаказанно не вторгается в область, где действуют силы природы.— Оба ненасытны.— Странный опыт пандита.— Паника в китайском палаточном городке.— Корабль трясет, как соломинку.— Тайна.*

На следующее утро, согласно приказу господина Синтеза, капитан Кристиан посетил в сопровождении двух матросов площадку подводных работ, произведенных китайскими ныряльщиками. Эта очень длительная и тщательная инспекция оказалась весьма удовлетворительной, так как на «Анну» после почти двухчасового погружения офицер вернулся сияющим. Господин Синтез со своими помощниками ожидали его в носовой кают-компании, переоборудованной под лабораторию.

* Пандит (от санскр. «пандита» — ученый) — почетное звание ученого брахмана, члена высшей жреческой касты в Индии.

— Присядь, дружище,— сказал старик ласково, что не вязалось с его обычно холодным и серьезным тоном,— и давай рассказывай!

— Я только что убедился, Мэтр, что ваши приказы выполнены абсолютно точно. Я не заметил ни единой щели, откуда могла бы просачиваться вода, и считаю себя вправе утверждать, что изнутри лагуна, при условии закрытия шлюзов, полностью отделена от океана.

— Превосходно! Скажи мне теперь, как себя чувствуют кораллы. Не пострадали ли они из-за производимых ныряльщиками рядом с ними работ?

— Никким образом, Мэтр. Я достаточно внимательно смотрел, и они показались мне если не более сильными, то, уж во всяком случае, никак не менее, чем в день нашего прибытия. Кстати, вы сами можете в этом убедиться: я отломал для вас коралловую ветку, и мои люди подняли ее на поверхность в сосуде с водой. К тому же, согласно вашей инструкции, был снят профиль лагуны*. Вот набросок, сделанный стилетом** на грифельной доске. Размеры выдержаны точно, изображение дано в масштабе один к пятидесяти.

— Дай сюда.— Бегло осмотрев грифельную доску, хозяин, по-видимому довольный увиденным, протянул ее своим ассистентам.— Посмотрите, круговая стена лагуны, выходя с относительно небольшой глубины, вздымается почти отвесно.

— Ровно десять метров,— вмешался офицер.

— Вот-вот, десять метров. Эта стена, еще недавно состоявшая из живых кораллов, теперь представляет собой лишь грубую каменную кладку, под которой замурованы колонии полипов. Видите, как старательно сохранены кораллы? Каковы размеры утолщения, занимающего нижнюю часть кюветы?

— Двадцать пять метров в диаметре и шесть метров в высоту.

— То есть во время прилива днище прикрыто всего-навсего четырехметровым слоем воды?

— Да, Мэтр.

— Таким образом, на сегодняшний день мы имеем закрытый бассейн, на дне которого, как в аквариуме, находится подводный риф неправильной, отдаленно напоминающей цилиндр формы, состоящий из живых корал-

* Профиль лагуны — форма ее дна в разрезе.

** Стиллет — короткий кинжал с трехгранным клинком.

лов и в своей верхней части образующий платформу площадью около девяноста метров.

— Совершенно верно, Мэтр. По истечении более или менее длительного срока, который я не берусь предсказать даже приблизительно, риф появится над поверхностью воды.

— Более или менее длительного срока... Это ты верно сказал, дружище,— перебил господин Синтез, и слабая улыбка внезапно осветила его суровые черты.— Десять лет назад я измерял этот атолл, тогда внутренний риф имел высоту всего три метра. Значит, нормальный его прирост составляет тридцать сантиметров в год. То есть зоофитам, чтобы достичь поверхности воды, потребуется еще тринадцать лет... Каково ваше мнение, господин зоолог? — обратился старик к Роже-Адамсу.

— Я думаю, Мэтр, что растут эти кораллы чрезвычайно быстро, не припомню, чтобы ученые, занимающиеся полипами, отмечали подобные темпы роста.

— Провести бы вашим кабинетным ученым хоть один сезон в Коралловом море, много бы чего они узнали новенького. Однако их высокопросвещенное мнение меня мало интересует, я хотел бы знать ваше. Если вы его еще не имеете, то советую поторопиться.

В этот момент один из матросов отворил дверь кают-компании и с чрезвычайной осторожностью внес широкий стеклянный сосуд, до половины наполненный водой, в котором помещалось самое яркое, самое изысканное соцветие, когда-либо созданное феей морских вод.

В емкости находилась великолепная коралловая ветвь цвета чистого пурпура*, с распустившимися, казалось, прелестными цветами, напоминающими крохотные флердоранжи**, озаренные лучом солнца, проникающим сквозь приоткрытый бортовой портик***.

— Чего бы я только не отдал,— прошептал господин Синтез,— чтобы создать такое чудо, чтобы получить хотя бы частичку живой материи!..— И тут же, резко себя оборвав, по-прежнему холодно, как всегда, когда он обращался к ассистенту-зоологу, добавил: — Установите разновидность и постарайтесь выяснить причину столь быстрого роста этого коралла.

Ассистент осторожно взял в руки ветку, избегая сопри-

* «...цвета чистого пурпура» — т. е. темно-красного цвета.

** Флердоранж — белые цветы померанцевого дерева, подвенечный убор невесты.

*** Бортовой портик — проем в бортовом ограждении корабля.

косновения со щупальцами (чтобы не сказать венчиками), ибо даже легкое прикосновение тонких ресничек так же неприятно для кожи, как прикосновение крапивы. Увы, розы без шипов не бывает...

Очарование мгновенно разрушилось. Извлеченные из воды, зоофиты, как настоящая мимоза*, тотчас же сжались, съежились и теперь имели вид бесформенных наростов, угнездившихся на ветке. Тот, кого отставной профессор «взрывчатых наук» пренебрежительно именовал «юным господином Артуром», всего секунд пятнадцать внимательно осматривал подопытный экземпляр, вертя его в пальцах, затем отломил маленький кусок и поместил ветвь обратно в воду.

— Это древовидная Горгона,— кратко сообщил он тоном человека, уверенного в своей правоте.

— С удовольствием отмечаю, что вы разбираетесь в полипах,— заметил господин Синтез.— Стало быть, вы должны знать и их свойства.

— Свойство Горгоны — выделения в большом количестве твердой материи, образующей древовидное разветвление.

— Из чего следует...

— Что рифы, образованные представителями данного вида, растут неизмеримо быстрее, чем рифы, создаваемые за счет иных разновидностей секретирующих колоний полипов**.

— Хорошо. Теперь ваша очередь, Алексис. Каков химический состав этой минеральной веточки, классифицированной только что вашим коллегой с точки зрения зоологии?

Однако ассистент-химик, вместо того чтобы продемонстрировать свою обычную ясность ума, неожиданно замаялся и вместо ответа стал теревить костлявыми пальцами свою лохматую бороду и молча хлопать единственным глазом.

— Вы сомневаетесь? — удивился старик.

— Сомневаюсь, Мэтр,— со всей откровенностью признался химик.

— Отчего же?

* Мимоза — род растений семейства бобовых (около 500 видов); при малейшем прикосновении тонкие перистые листья мимозы складываются.

** «...секретирующих колоний полипов» — т. е. выделяющих в процессе упомянутой далее секреторной деятельности особые вещества — секреты, необходимые для жизнедеятельности организмов.

— Оттого, что я не уверен в точности анализа, проделанного почти полвека тому назад. Насколько мне известно, по этой теме была опубликована всего лишь одна работа.

— Да, я знаю,— анализ Вогеля, тысяча восемьсот четырнадцатый год.

— Следовательно, прежде чем выразить свое окончательное мнение, осмеливаюсь вас просить позволить мне провести исследование. Уж за него-то я буду целиком и полностью отвечать.

— Нет, сейчас в этом нет необходимости. Мне довольно формулы Вогеля. Вы ее помните?

— Помню, Мэтр. Вот точные цифры. Углекислота — 0,27; известь — 0,50; вода — 0,03; магнезия* — 0,03; известковый сульфат — 0,01; соединительная органическая субстанция приблизительно — 0,20; окись железа, придающая окраску,— 0,01. Должен добавить, что, согласно Фреми, это нестойкое красящее вещество не зависит от окиси железа. Завтра же выясню точнее.

— Занимайтесь этим для самообразования, меня такие подробности совершенно не интересуют. Главное — узнать, в каких точных пропорциях зоофиты получают из морской воды соли, используемые ими для строительства коралловых напластований. А чтобы установить взаимосвязь между количеством усваиваемых солей и материей, полученной в результате секреторной деятельности, небесполезно вспомнить о составе морской воды.

— Нет ничего проще, Мэтр. В ста граммах морской воды содержится в среднем: воды 96,470; хлористого натрия 2,700; хлористого кальция 0,070; хлористого магния 0,330; известкового сульфата 0,140; известкового карбоната 0,003; бромистого магния 0,002. Кроме того, для точности укажем, что потери при анализе составляют 0,023.

— Превосходно. Кроме следов хлористого серебра, йодистого калия и натрия, растворенных в морской воде, нам известно семь видов солей, только три из которых употребляются коралловыми колониями.

— Да, Мэтр. Это известковый сульфат, хлористый магний и углекислая известь.

— Таким образом, даже если бы некоторых солей не доставало, колонии полипов могли бы производить камнеобразное вещество, составляющее коралл.

* Магнезия — окись магния, белая, мягкая, очень легкая масса.

— Думаю, что так, Мэтр.

— Но при условии сохранения должного количества органических веществ, необходимых кораллам для пропитания, ибо они существуют не только за счет солей. А сейчас, когда атолл со всех сторон закрыт, как по-вашему, что станется с этими интереснейшими зоофитами? Ведь они не будут больше постоянно получать из открытого моря минеральную и органическую пищу.

— Будут жить как и жили, пока не исчерпают питательных веществ, содержащихся в лагуне. Но так как шлюзы всегда можно будет открыть и восстановить сообщение с морем...

— Шлюзы останутся наглухо закрытыми.

— Тогда кораллы погибнут, как экипаж корабля в открытом море, на борту которого не осталось никакой провизии.

— Не преувеличивайте. Какова, по-вашему, емкость лагуны, превращенной в бассейн?

— Здесь нужны математические расчеты, и, если позволите, я посчитаю...

— Не стоит. Как моряку, а также как математику экспедиции, этим следовало заняться капитану. Не так ли, Кристиан?

— Совершенно верно, Мэтр. И вот полученные мною результаты. Вместимость атолла должна достигать приблизительно 78 540 000 литров.

— Учел ли ты наличие кораллового блока на дне, чей объем нельзя сбрасывать со счетов?

— Да, Мэтр. Объем этого блока составляет около 2 945 кубических метров, то есть в бассейне остается не более 75 594 510 литров.

— Ты можешь назвать мне количество солей, растворенных в водах бассейна?

— Безусловно. Плотность воды колеблется в зависимости от географической широты. В центре кораллового моря она, согласно данным капитана Маури, составляет 1,10. Следовательно, общий вес этих 75 594 510 литров составит 83 153 961 килограмм, которые включают в себя 19 125 килограммов сернокислого магния, 11 641 килограмм известкового сульфата и 249 килограммов известкового карбоната.

— Совершенно верно. А каковы будут последствия, когда, вместо того чтобы дать кораллам возможность исчерпывать солевые и органические вещества, содержащиеся в воде бассейна, мы добавим в нее известкового

карбоната, известкового сульфата и сернокислого магния? Ответьте вы, господин зоолог!

— Кораллы продолжают размножение при условии, конечно, что органической материи, необходимой для питания, не станет меньше.

— Это само собой разумеется. А если мы увеличим вдвое, впятеро, вдесятеро количество этих веществ?

— Я думаю, Мэтр, что нам тогда не обойтись и сотней тысяч килограммов, но даже если мы их достанем и растворим в бассейне, зоофиты неизбежно погибнут в таком перенасыщенном растворе.

— А в этом вы ошибаетесь, молодой человек. Каково ваше мнение, Алексис?

— Мне кажется, (я тоже боюсь ошибиться,— физиология отнюдь не мой конек), что, наоборот, полипы не только выживут, но их секреция чудесным образом ускорится. Правда, вынужденные поначалу хочешь не хочешь поглощать такую уйму минеральных веществ, они скорее всего заболеют от избыточного питания. Зато потом с кораллами произойдет то же, что и с домашней птицей в Амьене или, например, в Страсбурге. Все мы знаем, что, удваивая или утраивая рацион домашней птицы, за очень короткое время увеличивается ее начальный вес, а ее печень достигает просто-таки невиданных размеров.

— Именно так,— подтвердил господин Синтез.— И ваш оригинальное сравнение не лишено точности. Да, кораллы, невзирая на избыток пищи, будут жить. Их примитивные организмы не будут реагировать, во всяком случае первое время, на чрезмерное количество пищи; процессы известковой секреции усилятся и вместо двадцати пяти — тридцати сантиметров прироста в год они дадут в десять, двадцать или тридцать раз больше утолщение пласта.

— Но тогда,— не удержавшись, вскричал Алексис Фармак, хотя господин Синтез и не любил, когда его перебивают,— риф достигнет поверхности не за тринадцать лет, а за несколько месяцев! Это потрясающе!

— За два месяца. Вы слышите, господин дипломированный профессор естественной истории? Невзирая на ваши прогнозы, понадобится всего лишь два месяца. И это не пустое предположение, так как на борту «Годавери» находятся химреактивы в количестве, с лихвой превышающем необходимое.

Итак, подготовительные работы закончены, опыт начинается с завтрашнего дня. Через шестьдесят дней мои

кораллы, вынужденные усваивать избыточное количество солей магния, натрия и извести, покажутся над поверхностью бассейна.

Что касается тебя, Кристиан, ты приведешь в действие аппарат для создания искусственного шторма в лагуне — необходимое условие для жизнедеятельности зоофигов.

По причине того, что все вы, согласно своим обязанностям, будете принимать участие в производимых работах, я чуть позже напому вам, на каких принципах они зиждутся. А сейчас можете быть свободными.

После беседы, не оставившей у подчиненных господина Синтеза ни малейших сомнений касательно ближайших планов хозяина, остаток дня каждого из них прошел в лихорадочных приготовлениях.

Внезапно ночная мгла опустилась на этот когда-то столь пустынный, а теперь такой оживленный остров. Наступила настоящая тропическая ночь, непроглядная, тяжелая, давящая на нервы, со своим безлунным и беззвездным небом, покрытым тучами, со своим время от времени вспыхивающими зарницами.

Под прицепами пушек, покрытых перед грозой просмоленным брезентом, застыл китайский палаточный городок — здесь царит тишина, как в некрополе*. Вдали, дробясь о рифы, грохочет прибой, вода плещет о борт безмолвных кораблей. Все спят, кроме вахтенных матросов и человека, так оригинально разрешившего проблемы еды и сна. Он сидит в одиночестве в своих апартаментах, расположенных позади паровой машины.

Господин Синтез, только что «отобедав», проводит сеанс самогипноза; в течение нескольких секунд он пристально смотрит на электрическую лампочку, свет которой, смягченный шаровидным абажуром матового стекла, заливает каюту. Затем, не обращая внимания ни на изнурительную жару, ни на духоту, вызванную грозowymi тучами, старик внимательно просматривает том ин-квартио**, стоящий рядом с ним на пюпитре.

Внезапно его с ног до головы сотрясает дрожь — более чем странное проявление у такого уравновешенного

* Некрополь — буквально (*греч.*): «город мертвых», т. е. кладбище.

** Ин-квартио — формат книги в одну четверть листа.

человека, отличающегося необыкновенным самообладанием; рука нервно переворачивает страницу и застывает в воздухе, глаза скользят по строчкам, глубокая морщина залегает между бровями. Он неподвижен — как бы в преддверии какого-то таинственного события. Вскоре легкий шум открываемой двери гостиной и едва слышный шелест за спиной достигают его слуха. Легкая улыбка тотчас же оживляет застывшие черты господина Синтеза, и он, не оборачиваясь к вошедшему, произносит:

— Это ты, Кришна... Добро пожаловать.

— Я, Синтез. Да будет мир с тобою. Ты не ждал меня сегодня, да еще в таком месте, не правда ли?

— Я не ждал тебя, это правда, но я думал о тебе...

— Знаю, Синтез. Поэтому и пришел.

— Присядь, если ты устал.

— Я никогда не устаю.

— И то верно... Каким счастливым ветром тебя сюда занесло?

— Меня привело желание помочь тебе избежать опасности, угрожающей и твоему рассудку и твоей жизни. Ведь нельзя забывать, что ты нужен людям.

— Говори, Кришна, и сядь рядом со мной.

Незнакомец, чье появление было сродни чуду и который явился как дух, медленно ступил вперед, в круг света, и на секунду застыл перед господином Синтезом.

Это был высокий худой человек необычайно изящного и хрупкого сложения. Взгляд широко расставленных, со светло-голубой в коричневую крапинку радужной оболочкой, глаз, походивший на взгляд человека, видящего галлюцинации, тревожил душу. Черные густые брови сходились у переносицы, тем самым как бы оттеняя блеск этих удивительных глаз. Лицо его было бледно; матовая, непрозрачная, но очень тонкая кожа странным образом контрастировала с темной, заостренной бородкой. Тонкий нос с трепещущими ноздрями и гордой орлиной горбинкой придавал этому лицу еще большее выражение отваги и энергии.

Одет он был в большую белую чалму, повязанную поиндусски; в длинный, до колен, кафтан из грубой ткани бурого цвета; на ногах были туфли без задников из коричневой кожи.

Невозможно определить возраст пришедшего, не рискуя ошибиться лет эдак на двадцать, но держался он прямо, его костлявая грудь и скорее нервные, чем мускулистые руки свидетельствовали не столько о силе, сколько

о ловкости. Не обратив внимания на приглашение садиться, незнакомец заговорил звучным, приятного тембра голосом:

— Ты никогда не сомневался ни в моем могуществе, ни в моей дружбе, Синтез?

— В дружбе еще меньше, чем в могуществе, Кришна.

— Для того, чтобы я стал искать тебя здесь, должны были сложиться крайне важные обстоятельства, в которых понадобится действие как первого, так и второго.

— Я знаю, Кришна, и я тебе благодарен.

— Не благодари, друг, это мой долг. Ведь я читаю в душах, ты же сам знаешь.

— Да, ты необыкновенно проницателен, и иногда твои прорицания...

— Я пришел не за тем, чтобы начинать научную дискуссию, я перейду прямо к цели, ведь время не ждет... Мы не виделись уже два года. Никто мне не сообщал ни где ты, ни чем занимаешься... И все же твои намерения мне известны.

Послушай меня, Синтез! Никто безнаказанно не вторгается в область нерушимых законов творения. Оставь эту химеру*, друг. Несмотря на свои универсальные познания, несмотря даже на науку, поставленную тобою на первое место, ты всего лишь человек. Не пытайся украсть частичку у бесконечности... Она, какой бы слабой ни была, непременно раздавит тебя!

— На этот раз, друг, твое чудесное провидение тебя подвело. Речь идет вовсе не о том, чтобы чинить насилие над природой, и даже не о том, чтобы изменять природный порядок. Я хочу лишь ускорить эволюционные процессы. Это просто-напросто лабораторный опыт. Опыт, ясное дело, крупномасштабный, но не имеющий ничего общего с творением в прямом понимании этого слова. Моя цель — преобразование, творить я не умею... Во всяком случае, пока не умею...

— Ты ненасытен, друг!

— Ненасытен в своей жажде познания. А ты сам, Кришна? Где и когда ты остановишься?

— Эта жажда составляет нашу главную, чтобы не сказать единственную, точку соприкосновения,— во всем остальном мы абсолютно разные.

— Как знать. А что, если, исходя из противоположных принципов, мы стремимся к одной цели?

* Химера — здесь: несбыточная мечта, нереальный замысел.

— Нет, Синтез! Твои возможности, в отличие от моих, материальны, а значит — ограничены.

— Объяснись.

— Это очень просто. Поясню на примерах. Еще вчера я был в Сиккиме*, в Гималаях, а теперь здесь, между берегами Австралии и Новой Гвинеи. У тебя же этот путь занял более двух месяцев. Ты, например, долго искал и почти разрешил проблему жизни без пищи, это верно. Я же позволил себя похоронить в Бенаресе** на глазах целой комиссии, состоящей из английских офицеров и ученых. Меня положили в тройной гроб, который опустили в глубокую яму. Могилу засыпали, на ней посадили разные растения. Многочисленный караульный пост охранял место моего погребения в течение *девяти месяцев*. А через девять месяцев меня извлекли из могилы живым. Можешь ли и ты проделать такое? Я могу приводить все новые и новые примеры. Но зачем? Ты ведь меня знаешь.

Видишь ли, друг, для достижения идеала совершенства ты выбрал наиболее длинный путь, в результате он не приведет тебя к цели, которую достигну я. По моему мнению, ты ступил на ложную дорогу.

— Ты утверждаешь (и даже с поверхностного взгляда кажешься правым), что мы, люди Запада, ошибаемся, когда исследуем научные проблемы с помощью наших телесных чувств, поскольку они далеко не всегда непогрешимы и их действие волей-неволей ограничено. Вы, люди Востока, считаете, что познаете все науки, и достигаете могущества путем длительных голодовок, медитаций***, неукоснительного напряжения всех умственных способностей, устремленных к избранной цели.

— Да, это так. Ослабляя путы, которыми душа привязана к материи, дух становится свободен, он вселяется на время в одушевленные или неодушевленные предметы, получая об этих предметах углубленное знание, остающееся в душе навсегда... Ах, зачем ты не *пандит*! Зачем ты не посвященный!

— Увидим позже, Кришна! Я не намерен сейчас устанавливать преимущества одной системы над другой.

* Сикким — княжество в Индии, в Восточных Гималаях.

** Бенарес — город в Северной Индии, культурный и исторический центр, место религиозного паломничества индуистов и буддистов. Современное название — Варанаси.

*** Медитация — размышление, цель которого — приведение психики человека в состояние углубленности и сосредоточенности.

Я пойду своим путем, полагаясь на свой метод, повинуюсь лишь первому побуждению своего разума. А позже... Позже, вероятно, надо соединить обе системы.

— Если хватит времени, Синтез. Прости, что я настаиваю, друг, но твоя дорога ложна, и она усеяна опасными подводными камнями.

— Я справлюсь.

— Нет. Ах, если бы я мог быть рядом с тобой!

— Ты не сделаешь погоды на этих кораблях, находящихся в полной безопасности, на борту которых царит абсолютный порядок.

Ироническая улыбка скользнула на губах ясновидца. Он медленно обернулся, взглянул на затерянный в ночной тьме палаточный городок китайских кули.

— Там живут пятьсот или шестьсот бандитов, отбросы трущоб Макао... Кто знает, рано или поздно не придется ли тебе с ними расправиться?

— Не думаю. Я хорошо им плачу, их хорошо кормят, с ними обращаются гуманно. К тому же мне известно, какое почтение китайцы оказывают людям образованным, хорошо знающим их язык.

— Между тем довольно одного ненароком брошенного слова, одного жеста, чтобы в них проснулась жадность и они превратились в яростную, крикливую толпу, напоминающую стаю демонов.

— Ты думаешь?

— Хочешь доказательств?

При этих словах Кришна протянул руку к северу и пристально посмотрел в иллюминатор, темный, как колодезный сруб. Несколько мгновений он оставался неподвижен, затем тихо выдохнул:

— Послушай!

В этот момент, заглушая шум прибоя, послышались разноголосые крики. На корабле началась внезапная суета — стали раздаваться торопливые звуки шагов, свистки, команды. Вахтенный офицер включил электрический ламповый прожектор и направил его слепящий луч на риф, где располагался палаточный городок.

— Я знаю, ты предпринял меры предосторожности,— продолжал пандит.— Но где гарантии, что хотя бы часть этих людей, бросившись вплавь, не возьмет приступом твою флотилию? Правда, сейчас ничего такого не случится.

Внезапно, как если бы сыны Поднебесной повиновались магнетической силе, исходящей от этого необычайного человека, крики смолкли, как по волшебству, чудесным образом вновь воцарился покой.

— Ну что, теперь ты убедился?

— Убедился, что при приближении грозы моих китайцев охватила паника. Но они — народ благоразумный, вот и побоялись моих матросов, получивших на сей счет строжайшие указания. Увидели, что за ними наблюдают, и решили, что не время быть при виде молний, как собаки на луну.

— Ты отрицаешь мое влияние,— усмехнулся пандит,— ты хочешь сбросить со счетов его результат. Хочешь, я представлю еще одно доказательство?

— Поступай, как тебе угодно, Кришна.

— На сей раз моей мишенью будут не малодушные, нервные люди, боящиеся стихий, а неодушевленная материя. Хочешь, я начну трясти, как соломинку, этот мощный пароход, неподвижный на своих якорных цепях, эту гору из дерева и железа?

— Ну что ж, попробуй.— В спокойном и ровном голосе господина Синтеза прозвучала чуть заметная ирония.

Не говоря более ни слова, пандит резко топнул ногой и, скрестивши на груди руки, выпрямился во весь рост с крайне вызывающим видом. Казалось, что человек этот и впрямь мог управлять стихиями.

Не прошло и нескольких секунд, как пароход, поднятый на гребень гигантской волны, устремился в пучину между двумя валами, завибрировал и вернулся в прежнее положение только после того, как едва не пошел ко дну. Все предметы, которые не были прочно закреплены, с грохотом сдвинулись со своих мест. Мачты затрещали, корпус судна жалобно застонал.

— Ну что,— тихо заговорил пандит,— теперь ты убедился?

— Нет еще, Кришна. Скажу как на духу — я вижу в этом лишь совпадение мертвой зыби с твоим наитием. Однако от этого я не стал тобою меньше восхищаться, напротив. Благодаря неслыханному совершенству твоих

чувств, благодаря их непостижимой чуткости ты заранее предсказал момент, когда китайцев охватит паника, заранее почувствовал приближение морской волны. Именно это в моих глазах представляется более чудесным, чем что-либо сверхъестественное.

— Прощай, Синтез,— без лишних слов оборвал его посвященный.

— Ты покидаешь меня, Кришна?

— Завтра я должен быть в Бенаресе и вырвать одного невинного из лап англичан, собирающихся убить его по приговору суда. Время не ждет.

Последний раз говорю: откажись от своего плана. Мне не хотелось бы увидеть, как погаснет светоч такого разума, как оборвется такая полезная жизнь. Подумай, друг, и можешь рассчитывать на меня в минуту опасности. Прощай, Синтез. Да пребудет с тобой мир.

— И тебе мир, Кришна!

При этих словах ослепительный свет электрической лампочки постепенно начал меркнуть, и вот уже салон погрузился в полумрак, при котором трудно различать предметы. Густой туман поплыл перед иллюминатором, полностью закрыв его. Внезапно свет загорается по-прежнему ярко, туман рассеивается. Господин Синтез одиноко сидит у пюпитра, перед ним — раскрытый том ин-кварти.

— Странно,— произносит он.— Если бы я спал, как все остальные люди, я подумал бы, что это мне приснилось. Однако, кто знает — быть может, и при гипнотическом сне возможны галлюцинации, вызванные резкой сменой атмосферных явлений?.. Вот гальванометр*, он и впрямь указывает необычайно высокое электрическое напряжение. Нет ничего удивительного,— наш организм особо остро реагирует на такого рода природные явления.

Старец вновь принимается за чтение, но он не может сдержать жест удивления, увидев как бы умышленно оставленную перед ним на ковре одну из туфель пандита.

* Гальванометр — прибор для определения направления и силы электрического тока.

ГЛАВА 3

Господин Синтез никогда не меняет своих решений.— Меры предосторожности.— Груз «Годавери».— Новый аппарат.— Чтобы благоприятствовать работе природы.— «Лощадка» принялась за работу.— Два соперника.— Последние приготовления.— Интенсивное кормление зоофитов.— 340 000 килограммов химреактивов.— Они живы! — Ассистент-зоолог удивлен, как никогда в жизни.— Вновь кораллы «перекармливают», как рождественских гусей.— Риф растет на пять сантиметров в день.— Предвидение оправдалось.— Кораллы заболевают, они становятся белыми.— Кораллы появились на поверхности.

Господин Синтез никогда ничего не делает наобум. Сначала он медленно обдумывает свои планы, кропотливо все взвешивает, а уж затем приступает к их воплощению. В результате этого подготовительный период всегда долог, а порой и тягостен. Но зато потом задача обречена на решение.

Итак, странная, необъяснимая попытка пандита Кришны не достигла цели — она не повлияла на последствия твердо принятого и давно обдуманного плана. Несмотря на мрачные пророчества этого таинственного персонажа, предпринятый опыт проходил, как было задумано, минуя необходимые, предначертанные экспериментатором фазы.

Однако ночные события были поучительны; будучи человеком предусмотрительным и не склонным полагаться на случай, господин Синтез счел необходимым воспользоваться этим уроком.

Он пока не стал доискиваться причины ночных воплей китайских кули. Пусть даже это была попытка бунта или просто желание попугать. Что с того? Но, поскольку факт имел место, господин Синтез решил немедленно устранить китайцев и с атолла, и с кораблей. Взрывом мадрепоровой гряды* был образован непреодолимый разлом глубиной метров десять, над которым навели подвесной мостик. При желании его можно было убрать, что намного снижало возможность нападения с этой стороны.

Однако, обсудив с капитаном Кристианом ночное происшествие на «Анне», господин Синтез стал в тупик — выяснилось, что остальные корабли не почувствовали или почти не почувствовали качки.

* Мадрепоровая гряда — гряда, образованная обызвестковавшимися скоплениями полипов.

Капитан не мог не верить собственным чувствам и напрасно прилагал все усилия, чтобы найти этому феномену, идущему вразрез с его опытом морского волка, какое-нибудь разумное объяснение. Господин Синтез со своей стороны все же решил, что его флотилия не гарантирована от действия внезапного сильного прилива. На всякий случай он предусмотрительно приказал удвоить швартовы якобы для того, чтобы предотвратить возможный разрыв якорной цепи.

Принятые меры успокоили господина Синтеза, и из трюмов «Годавери» незамедлительно началась выгрузка части грузов. Ящики, содержащие известковый карбонат, а также сульфаты соды и магния, были выгружены на коралловое кольцо, окружающее атолл, в ожидании, пока их содержимое в нужных пропорциях бросят в зацементированный бассейн, отделенный от моря железными шлюзами.

Пока шла выгрузка, господин Синтез велел установить посреди бассейна легкую несущую конструкцию, состоящую из четырех вертикальных брусьев оцинкованного железа, соединенных сверху поперечными перекаладинами. Эта конструкция, напоминающая четырехугольные монтажные вышки, охватила собой подводную скалу из живых кораллов. Кстати говоря, вертикальные брусья находились на строго рассчитанном расстоянии от колонии зоофитов и абсолютно не мешали их органической жизнедеятельности.

Когда подпоры, прочно вмурованные в дно кюветы и поддерживаемые перекаладинами, застыли на месте, два вертикальных бруса, в каждом из которых на уровне поверхности воды просверлили круглые отверстия, были соединены неким подобием горизонтальной оси, с широкими гайками на концах, предназначавшимися для противодействия боковому смещению. На одном из концов оси имелся также барабан полуметрового диаметра, с накручивающимся, как бесконечный приводной ремень, стальным кабелем, ведущим к кораблю. Затем была установлена поперечная деревянная ось с наполовину выступающими из воды металлическими лопастями.

Китайцы с видом людей, привыкших ничему на свете не удивляться, невозмутимо выполнили эту задачу и возвратились в палаточный городок, по обыкновению гогоча, как вспугнутые гуси.

Аппарат был готов к работе. Капитан Кристиан, руководивший монтажом с предприимчивостью морского

волка, подал сигнал, немедленно подхваченный свистком главного боцмана.

На борту корабля раздался второй свисток. Сразу же стальной кабель, приводимый в действие «лошадкой»*, резко натянулся и деревянная ось, покорно повинаясь силе пара, начала вращаться, образуя с помощью пластин волнение на море. Короткие быстрые волны с белыми барашками на гребне с плеском стали разбиваться о внутреннюю стену атолла, пена и брызги, сверкая на солнце, полетели во все стороны.

— Черт побери! Я догадался! — весело закричал чей-то голос. — Не правда ли, капитан?

— Все правильно, — отвечал офицер со свойственной ему холодной вежливостью. — Этот аппарат, столь же простой, сколь и хитро задуманный, предназначен для того, чтобы искусственно создавать морское волнение, столь необходимое для быстрого роста кораллов.

Алексис Фармак в широкополой белой шляпе, которая делала его похожим на длинный и уродливый гриб, потирая руки, уставился своим единственным живым глазом на аппарат, крутящийся все быстрее и быстрее.

— Буря в стакане воды! — едко бросил из-под зонта как всегда с иголочки одетый ассистент-зоолог.

— Вот-вот, — парировал химик, — сохраняйте вашу важность признанного ученого, протестуйте, не расставаясь со своими крахмальными воротничками, но постарайтесь, чтобы патрон вас не услышал. Пока мы с вами одни, это не приведет к серьезным последствиям, хотя я не люблю слушать, как вы высмеиваете работу человека, которого я обожаю, которого я боготворю...

— О, вы!..

— Что? Не хотите ли сказать, что я преклоняюсь перед авторитетом, тогда как раньше... Ни слова больше! Вас не касается мотивировка моих поступков. А патрону вы не достойны даже чистить ботинки. Зарубите это себе на носу, мой милый!

— Не стесняйтесь, продолжайте! Посмотрим, что будет, когда вы обкормите этих несчастных зоофитов солями, из которых одна является слабительным, а вторая вообще нерастворима.

— Нерастворима?! Вы имеете в виду известковый карбонат? Ну и что с того? Я мог бы сделать ее растворимой,

* Так в просторечии называют маленькую паровую машину, предназначенную для нагнетания воды в котельное отделение, а также при загрузке и разгрузке кораблей. (Примеч. авт.)

добавив в избытке угольной кислоты, но у хозяина свои планы на сей счет; карбонат превращен в пыль и руками его не потрогаешь. Мэтр собирается заставить кораллы поглощать его в натуральном виде. Вам это что, мешает?

— Мне? Ничуть! Простоя свои подозрения, скаждым днем перерастающие в уверенность, держу при себе. Эти злосчастные зверушки, вначале таким способом «подлеченные» не на жизнь, а на смерть...

— «Подлеченные»?! Вы хотите сказать — «подкормленные»?

— Я настаиваю на своем определении. Итак, через какую-нибудь недельку они вымрут все до единого.

— Можно подумать, такая перспектива доставляет вам некоторое удовольствие?

— А вам-то что? Я присутствую здесь для констатации фактов, а не для дачи им своей оценки.

— В то же время, вы говорите...

— Просто прогноз, о котором я упоминаю вскользь, глядя на эксперимент, по моему мнению, обреченный на провал.

Эта кисло-сладкая беседа, угрожавшая все более превратиться в полностью кислую, была прервана новым маневром, к началу которого офицер, невозмутимый ее слушатель, подал сигнал.

Члены экипажа, разделившись на группы, под предводительством бригадиров, получивших подробные инструкции, установили на обводе атолла наклонные желоба, предназначенные, вне всякого сомнения, для того, чтобы легче было сбрасывать в бассейн химические реактивы.

Чтобы предохранить желоба от волн, их закрепили тросом кабельного спуска, привязанным к штырям, вбитым в скалу. Эти приспособления длиной десять метров сходились в направлении к центру бассейна, занятому аппаратом, который отныне должен был вращаться безостановочно.

Закончив приготовления, матросы, несмотря на обескураживающие прогнозы профессора зоологии, сразу же приступили к сбрасыванию в воду солей. Вооружившись лопатами, они принялись ссыпать в бассейн химреактивы.

Пятьдесят человек, выполняя это задание в течение четырех часов, сбросили в лагуну ровно 20 тонн килограммов сульфата магния, 12 тонн килограммов сульфата извести и всего 200 килограммов известкового карбоната. Можно было подумать, что привнесенное в воду большое количество инородных веществ, в частности, сульфата извести, может стать заметным в таком относительно ма-

леньком водоеме. Но этого не произошло, вода оставалась по-прежнему прозрачной, во всяком случае там, где не бурлила от вращения колеса.

Назавтра произвели повторное выбрасывание. И так продолжалось десять дней подряд. После чего господин Синтез, все это время оставшийся на борту своего корабля, приказал прекратить операцию.

Мало-помалу вода приобрела молочный оттенок, а к вечеру десятого дня стала совсем мутной. Из вычислений капитана Кристиана следовало, что кораллы в атолле получили к своему рациону громадную добавку в сумме 332 тонны химикатов, извлеченных из трюма «Годавери». Господин Синтез не поскупился, чтобы вдоволь насытить зоофитов.

Молодой господин Артур все это время бил баклуши и не устал потешаться над ассистентом-химиком, чья вера несколько пошатнулась.

Ввиду полученного от Мэтра категорического запрета не вмешиваться в ход эксперимента, все его сотрудники горели нетерпением услышать распоряжение, разрешающее им отправиться осматривать риф.

Наконец господин Синтез приказал ассистентам облачиться в скафандры и спуститься в водоем в сопровождении капитана Кристиана, бывшего, по всей видимости, доверенным лицом Мэтра, и поднять на поверхность образцы кораллов. Никогда никакого поручение не было столь желанным и не исполнялось с таким рвением. После не более чем десятиминутного погружения троица поднялась на поверхность, нагруженная охапками кораллов.

Не успели отвинтить металлический шлем скафандра Алексиса, как химик, словно помешанный, закричал:

— Они живы! Они живы!

Ему захотелось подбежать к Мэтру. Он позабыл про тяжелые свинцовые подошвы, привязанные к его ногам для балласта, позабыл и про то, что не может с этими грузилами передвигаться по земле, как по дну морскому, а посему, сделав лишь несколько шагов, грохнулся, покатылся и наконец растянулся во весь рост, бранясь на все лады.

Капитан, как всегда невозмутимый, с видом человека, совершающего не подлежащий обсуждению обряд, передал в руки матросу собранные экспонаты и спокойно направился к «Анне». Что же до профессора зоологии, то он был потрясен. Вся его спесь исчезла начисто. Ничего не видя, ничего не слыша, господин Артур тупо созерцает ветвь кораллов, судорожно зажав ее в руке.

— Это абсурд! Это безумие! Это противоречит здравому смыслу! — бормотал он себе под нос, наступая капитану

на пятки.— Кораллы живы!.. И не только живы, но даже, кажется, и не больны! К тому же за столь короткий срок они фантастическим образом увеличились в размерах. Быть не может, чтоб это было следствием воздействия веществ, растворенных в водоеме. Без сомнения, старик добавил туда какую-то неведомую субстанцию! Но как узнать, какую именно? Как раскрыть этот секрет? Химик конечно же ничего не знает. Придется набраться терпения.

Когда шлюпка, подвижно прикрепленная к одному из тянущихся с корабля тросов, пришвартовалась к «Анне», Алексис Фармак, совершенно выбитый из колеи, забыв даже снять со спины резервуар со сжатым воздухом, вскарабкался по веревочной лестнице с ловкостью четверорукого животного и, как ураган, ворвался в лабораторию.

— Мэтр! Они живут! Они растут! Они растут как грибы!

Тут только он заметил, что одет несколько карикатурно, вспомнил, что в лабораторию вломился с неприличной поспешностью, что Мэтр не одобряет подобной развязности.

Химик застыл, заикаясь и бормоча какие-то извинения. Но легкая улыбка осветила суровые черты старика; он понял и простил такое вторжение, учитывая мотивы, которыми оно вызвано.

— Ладно, ладно, мой мальчик,— добродушно сказал господин Синтез.— А вы что же, сомневались? Я удивился бы, если было бы иначе. Они еще себя покажут, и очень скоро, поверьте. А-а, вот и Кристиан. Что нового, друг мой?

— Вот образцы, Мэтр. Они во всей своей красе. Ваши предвидения блистательно оправдались.

— Значит, риф поднимается?

— Растет, можно сказать, на глазах. Это действительно потрясающе,— прирост равен пяти сантиметрам в день.

— Именно пяти сантиметрам. Ведь мы с вами подсчитали, что зоофиты поднимут риф на трехметровую высоту в течение двух месяцев.

— И это еще не все. Прошу прощения у господина Роже-Адамса за то, что вторгаюсь в его область, но количество особей тоже неисчислимо возросло. Поглядите-ка только на эти ветки!

— Точно. Что скажете, господин профессор зоологии?

— Скажу только, Мэтр, что это невиданный феномен и причины его я не понимаю. Так как чудовищно интенсивное питание зоофитов привело не только к активиза-

ции известковой секреции, но, можно сказать, до бесконечности увеличило количество секретирующих особей.

— Что вам за дело до причин! Констатируйте лишь последствия, и вы сразу же вспомните о непомерно увеличенной печени перепончатопалых птиц, специальным образом откармливаемых.

— Вне сомнения, Мэтр, перекармливание объясняет гипертрофию * известковых отложений, но оно не объясняет гипертрофию размножения.

— Повторяю, оставьте это. Как вы думаете, они заболеют?

— Мы их только что рассматривали на дне бассейна. Они выглядят весьма крепкими. Хотя по логике вещей должны быть больными.

— Составить себе мнение вы сможете, препарируя некоторые особи, а затем фотографируя препараты. И не бойтесь умножить число опытов. А вы, Алексис, сделаете анализы окаменевших веточек и посмотрите, в норме ли количество органической материи. Надо, чтобы результаты анализов были особо точными. Видите, окраска кораллов все время слабеет.

— Ваша правда,— ответил химик.— В своем основании ветвь ярко-красная, но, по мере того как происходит секреция, известковая материя чем дальше, тем светлее.

— Сдается мне, совсем скоро она станет чуть розовой, быть может, и вовсе белой. В конечном итоге мне это безразлично — важно, чтобы вырос риф, какова бы ни была его окраска. Прощайте, господа... Оставляю лабораторию в вашем распоряжении.

Таким образом все предсказания этого странного человека полностью сбылись. Он смог влиять на законы природы, даже насиловать их, применяя в конечном счете средства, в которых, хотя бы внешне, не было ничего необыкновенного. Успех, казалось, был обеспечен.

Опыты препаратора-зоолога не выявили никаких органических изменений у простых организмов. Выяснилось, что они прекраснейшим образом переносят такое, ни в какие рамки не укладывающееся, кормление. Строение окаменевшего скелета осталось неизменным. Лишь щупальца немного уплотнились, а жгучее действие волосков значительно усилилось.

Химический анализ, с редкой тщательностью произведенный Алексисом, тоже не выявил ни малейшего изменения вида или количества составляющих зоофиты солей.

* Гипертрофия — чрезмерное увеличение или разрастание.

Химик заметил только, что вещество коралла сделалось чуть более ломким. Такой феномен, впрочем, был вполне закономерен и обусловлен активностью и быстротой этой повышенной секреции.

И наконец, несмотря на то, что в воду бассейна не добавляли органической материи, ее ни в коей мере не убавилось. Так как оба исследователя сошлись во мнениях и признали, что в своем невежестве бессильны объяснить подобную стабильность, господин Синтез в нескольких словах объяснил в чем дело.

В водоеме, огражденном стенками атолла, осталось множество голотурий. Выжить в перенасыщенной солями воде они не смогли и все погибли, началось разложение, увеличив в воде количество органических веществ, усваиваемых зоофитами.

Господин Синтез прикинул, что случайной органической материи ему будет достаточно, и решил пока не трогать имеющиеся на борту запасы. Казалось, природа, сама того не желая, стала сообщницей отважного ученого, чье странное предприятие, неуместное и бесполезное на первый взгляд, сейчас утверждалось и крепло, с каждым днем приближаясь к успеху.

В это самое время китайцы, обреченные на безделье, убивали время на рыбалке, курили опиум, ели и спали, погруженные в безмятежную лень, такую дорогую сердцу восточных людей. Безучастные, как всегда, ожидая возобновления работ, они были спокойны, ничего не требовали, и это спокойствие плохо вязалось со странным возбуждением, охватившим их при таинственном появлении пандита.

Матросы экипажа, которым подобное бездействие надоело бы очень скоро, занимались множеством вещей, что помогало им держаться в хорошей форме; они кормили кораллы солями, привезенными на «Годавери», носились на шлюпках от одного судна к другому, с помощью дистилляторов* опресняли воду, тянули снасти, чистили корпус судна, такелаж**, роторы машин*** и т. д.

А два ассистента и капитан Кристиан работали не покладая рук. Ежедневно они, облачась в скафандры

* Дистиллятор — прибор для очищения жидкостей от посторонних примесей.

** Такелаж — вся оснастка судна.

*** Роторы машин — вращающиеся детали электродвигателей, турбин и т. п., обычно расположенные внутри неподвижных частей (статоров).

и опустившись на дно, наблюдали за ростом внутреннего рифа. Зоолог внимательно следил за ростом зоофитов,—препарировал, фотографировал, фиксировал все изменения их состояния. Химик со своей стороны делал анализ за анализом. Определяя состав продуктов их секреции, измеряя содержание в воде солей с целью вычислить их количество, ежедневно потребляемое кораллами, он дозировал новые бросаемые в воду порции, стараясь поддержать соленасыщенность на одном уровне.

Все эти тончайшие операции, требовавшие огромной сноровки, виртуозной точности движений, ежесекундного напряжения внимания, выполнялись двумя соперниками со свойственной им обоим необычайной ловкостью. Господину Синтезу незачем было и желать лучших помощников.

Старик все так же мало говорил и много размышлял. Он почти все время проводил в своей каюте и лишь на полчаса заходил в лабораторию, чтоб выслушать отчеты капитана и двух ассистентов. Всякий раз доклады были исчерпывающими. Затем, осмотрев представленные капитаном коралловые ветви, господин Синтез жестом отпускал всю троицу. Как он проводил все остальное время, не знал никто, кроме его слуг и девушки, о присутствии которой на борту свидетельствовали только доносящиеся иногда звуки чудесной музыки.

Поскольку господину Синтезу, девушке и их прислуге принадлежал почти весь корабль, за исключением лаборатории, расположенной на носу под спардеком, такое затворничество не должно было быть особо тягостным.

Так проходил день за днем, и ничто не менялось с тех самых пор, как в морские воды были заброшены тысячи и тысячи килограммов солей и зоофиты начали свой изумительный рост.

Здоровье всех членов экипажа, начиная от главы экспедиции и кончая последним юнгой, было в отличном состоянии, и все предвещало Великому Делу господина Синтеза счастливую развязку.

Примечательное событие произошло лишь на третий день. Господин Роже-Адамс, который все с тем же неослабным вниманием и тщательностью наблюдал зоофитов, констатировал, что их щупальца значительно утолтились, а тела сильно вздулись. Он поделился своими наблюдениями с Мэтром.

— Кораллы больны. Больны полнокровием,—резюмировал старик.— Это было предусмотрено. Ведь их жизнедеятельность изрядно усилилась. А секреция станет еще более активной.

— Боюсь, чтоб они не погибли...

— Они и впрямь погибнут, но не ранее чем через месяц. А что со скелетом? Его состав остается прежним?

— Он тоже меняется,— ответил химик.— Количество карбоната извести значительно увеличилось.

— Прекрасно.

— Что касается отмерших особей, то со вчерашнего дня они стали совершенно белыми.

— Не важно. *Моя земля будет не красной, а белой.*

С этого дня господин Синтез ничем больше не намекал, для чего предназначается неустанно подрастающий риф. Все терялись в догадках, ища, разумеется, наиболее простое, наиболее рациональное объяснение. Все разъяснилось на утро шестидесятого дня, после заставивших вздрогнуть господина Синтеза простых слов капитана:

— Мэтр, кораллы в лагуне вышли на поверхность воды!

ГЛАВА 4

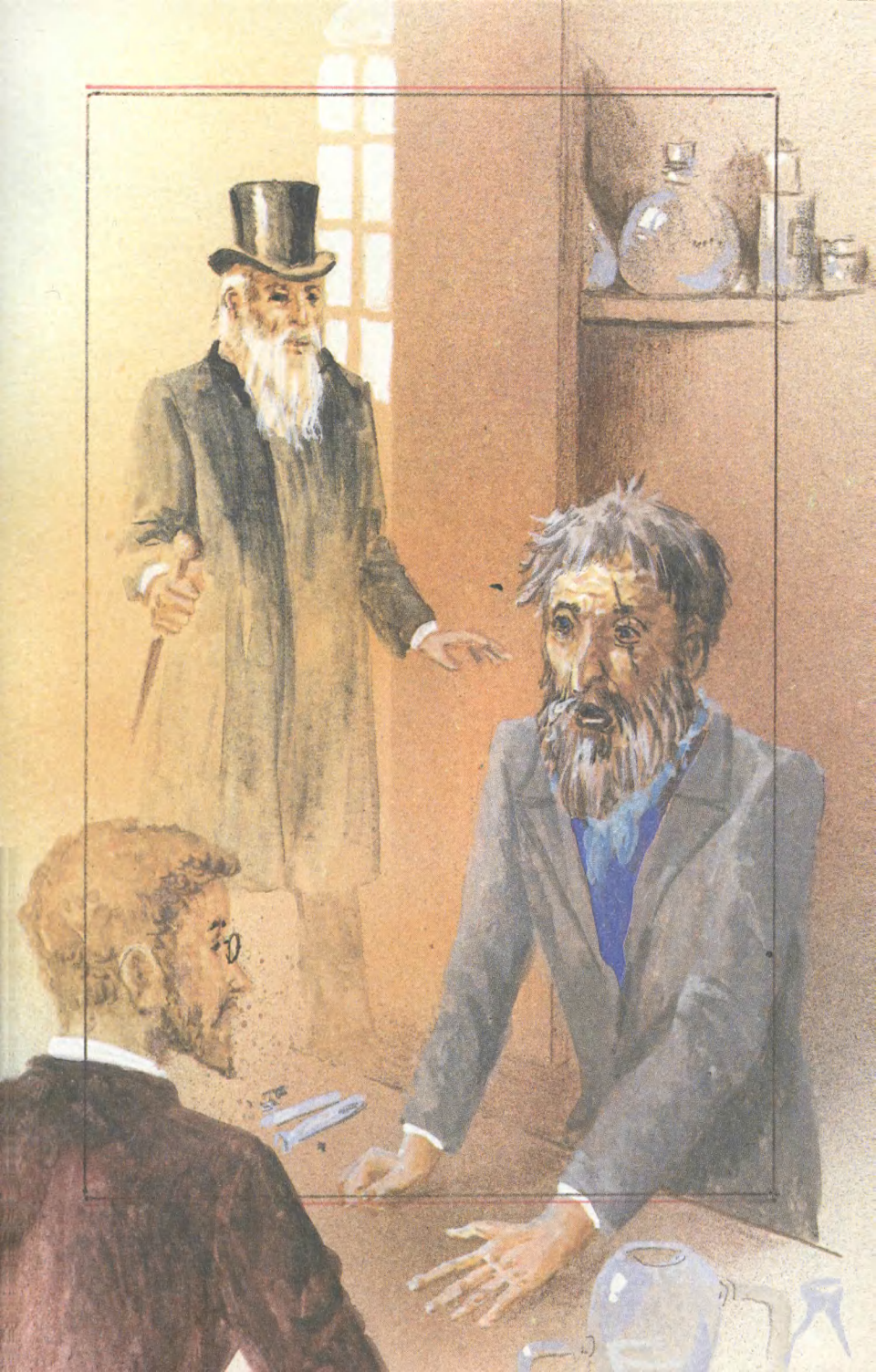
*Земля господина Синтеза.— Во время отлива.— Структура острова.— Шумное пробуждение.— Зоолог в трансе.— Пушечные выстрелы.— Праздник на борту.— Фрак, цилиндр и светло-желтые перчатки.— Почетная гвардия.— Сипаи господина Синтеза.— Юный господин Артур считает, что Мэтру идет его костюм магараджи *.— Русалка из скандинавских легенд.— Поклон опытного шаркуна.— Мнение Алексиса Фармака о его коллеге.— Вступление во владение.— Девиз.— Et ego creator!***

Итак, до сих пор все предсказания господина Синтеза с блеском оправдывались. Подкрепив их тщательными расчетами, опытами, предварительно поставленными над кораллами, он сумел усилить работу природы, активизировать биологические функции зоофитов и в относительно короткий срок соорудить свой коралловый риф.

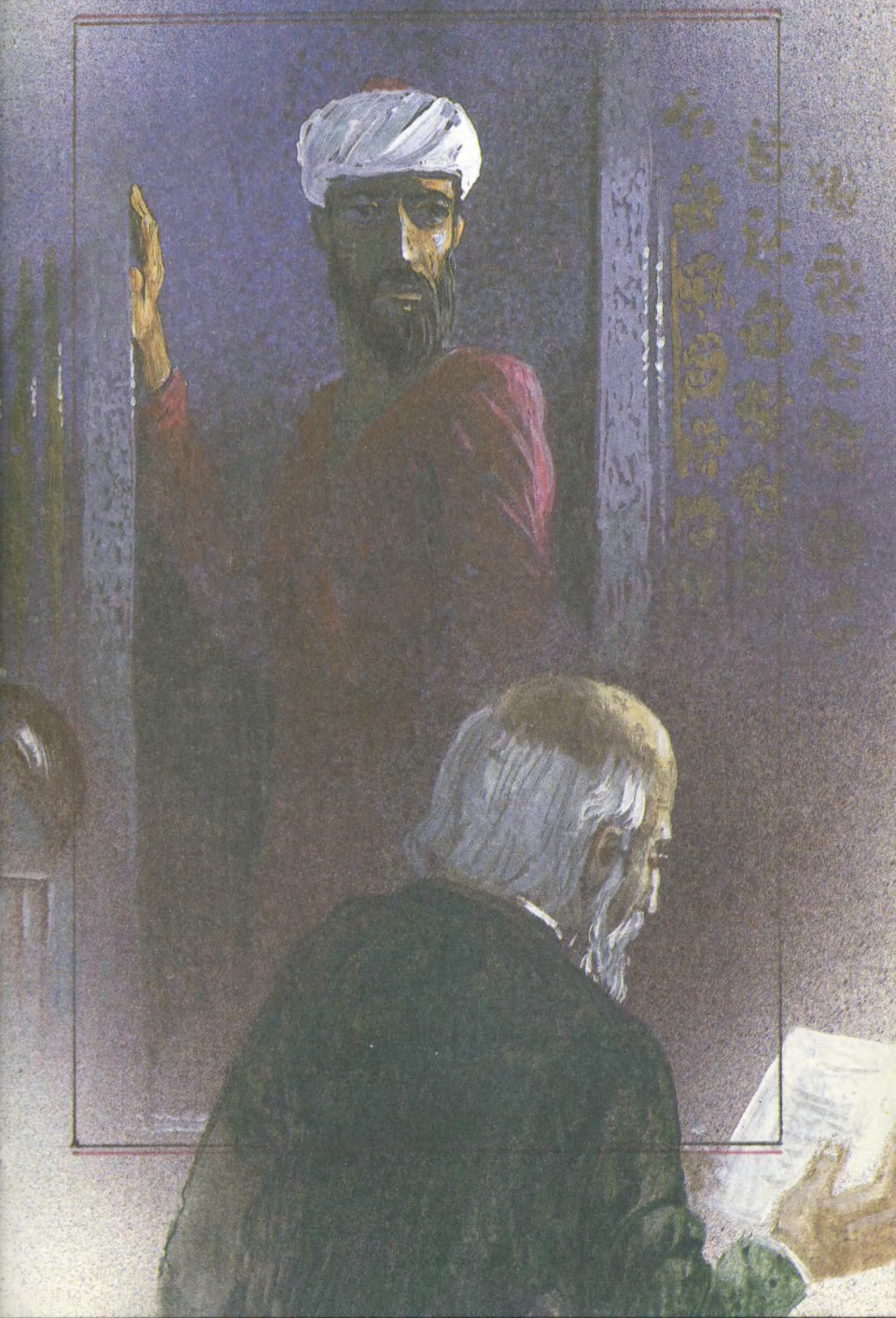
С какой целью? Зачем предпринята эта длительная экспедиция в неведомые моря? Для чего и такие значительные затраты, и этот флот, ставший на якорь средь

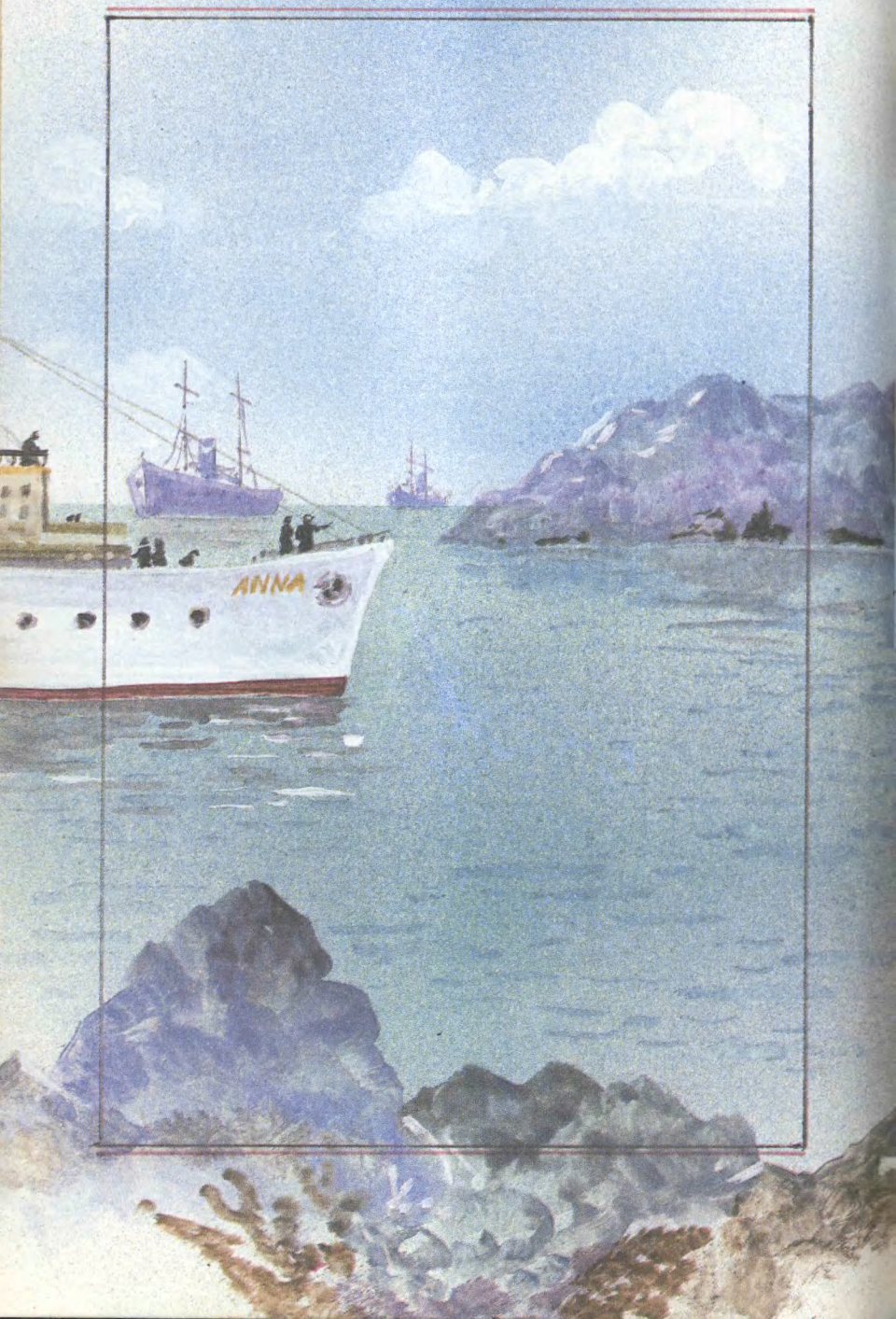
* Магараджа — великий князь, титул правителей больших княжеств в Индии.

** Я — творец! (лат.)

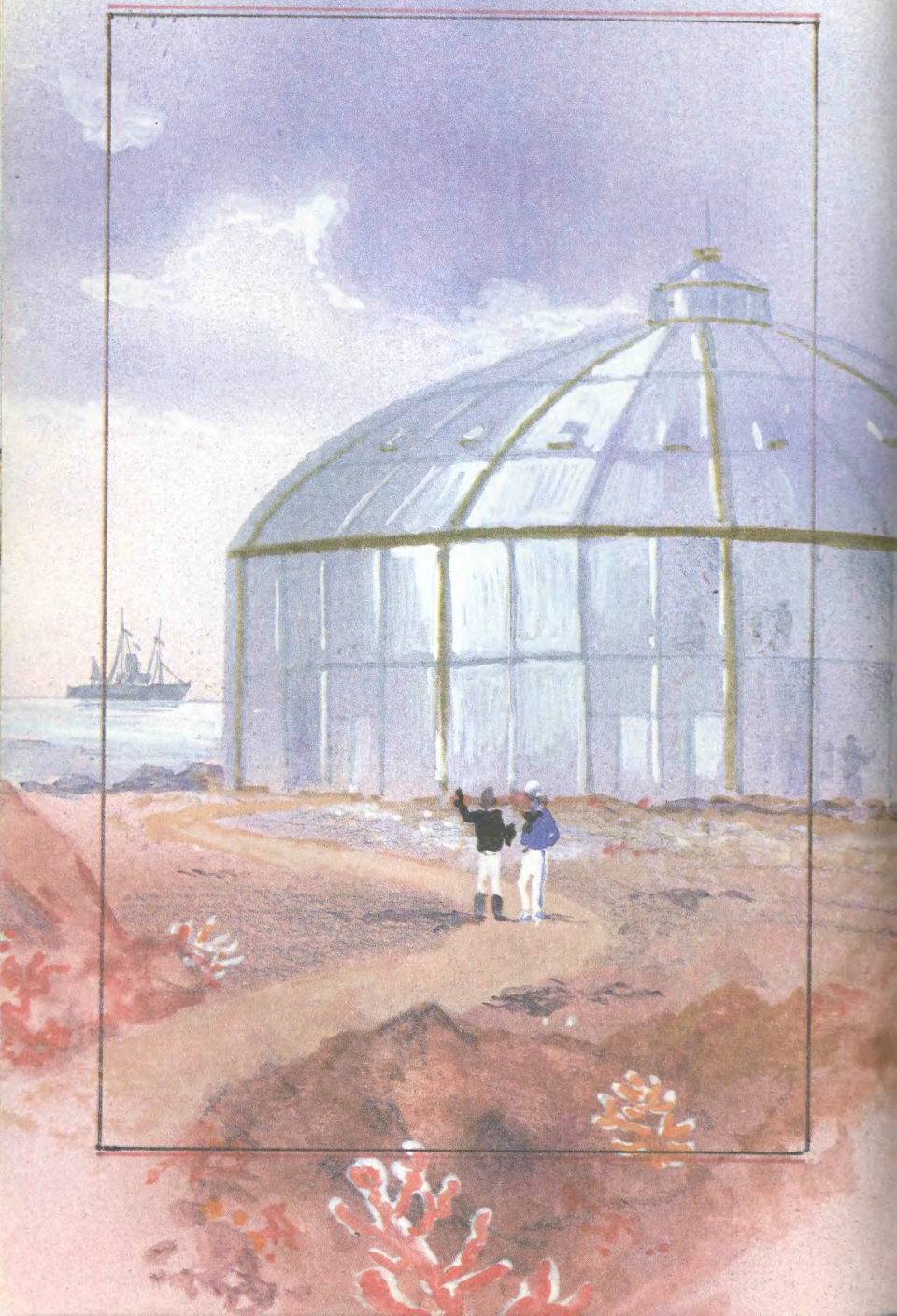

морских бурунов, и эти тяжелые работы, и многочисленный персонал, стремящийся создать маленький риф, затерянный на протяжении тысяч квадратных лье* среди множества себе подобных в океане? Но господин Синтез не был склонен удовлетворять чужое любопытство, вот почему ответ на все волнующие вопросы, до сих пор оставался гипотетическим**.

Быть может, один лишь Алексис Фармак в своих догадках был недалек от истины. А ведь именно слова Мэтра «*моя земля*» стали для человека такого чуткого, как бывший профессор взрывчатых веществ, настоящим откровением. В конечном счете вскоре и все остальные получают полную информацию. А пока достойнейший химик не без некоторого самодовольства посматривал на своего коллегу, господина Артура, застывшего во внушительной невозмутимости.

Не успел капитан Кристиан произнести: «Мэтр, кораллы в лагуне вышли на поверхность воды», как господин Синтез, помолодевший, изменившийся в лице, внезапно вышел из лаборатории и по лестнице спустился к постоянно пришвартованному у платформы парому, чтобы в сопровождении своих помощников направиться к круглой стене, ограждающей атолл.

На море в это время был отлив. Воды лагуны, герметически закрытой с помощью шлюзов во время прилива, при начале работ на один метр превышали уровень океана. В центре водоема высилась белая, совершенно плоская масса, всего на несколько сантиметров покрытая водой.

Несколько секунд господин Синтез созерцал кораллы, вскормленные в течение двух месяцев необычайно большим количеством химических веществ.

— Прикажите открыть шлюз,— обратился он к капитану.

Офицер, как всегда готовый вмиг исполнить приказ, повторил слова хозяина старшему боцману, стоявшему близ металлических затворов. Четверо мужчин налегли на рукояти рычагов, ведущих к зубчатым передачам. Прозвучал свисток. Шестерни тотчас же пришли в движение, и обе дверцы плавно отворились, победоносно выдержав натиск хлынувшего потока.

Все это длилось менее минуты, и вот уже шлюз полно-

* Лье — французская миля, равная 4 км; в XX веке эта мера длины вышла из употребления.

** Гипотетический — предположительный, не имеющий точного значения.

стью открыт, образуя в стене, защищающей атолл, десятиметровый проем. Беловатая вода лагуны полилась каскадом, бассейн частично опустел, уровень водоема сравнялся с уровнем океана, и обнажившийся риф предстал перед очарованными взорами присутствующих.

Невзирая на трепет, внушаемый Мэтром, и не более, чем раньше, понимая суть происходящего, все, дружно захлопав в ладоши, громогласно закричали «ура!». Но господин Синтез, несмотря на свой триумф, оставался невозмутим. Его интересовал лишь появившийся островок неправильной цилиндрической формы, двадцати пяти метров в диаметре, чья выступающая над водой поверхность казалась идеальной.

Действительно, кораллы, находившиеся в одном и том же режиме, снизу доверху росли одинаково и, оказываясь на губительном для них воздухе, резко прекращали свой рост. Их переплетенные ветви образовали монолитный блок. Но были они, как и ожидалось, не красными, а белыми, точнее сказать сероватыми, напоминающими цветом глину.

Мэтр, желая поближе рассмотреть свое творение, приказал капитану подогнать шлюпку. Он сел в нее в сопровождении одного капитана и двух гребцов, которые несколькими взмахами весел приблизили его к этому крохотному, искусственно созданному континенту, состоящему из громадных коралловых деревьев. Ветви некоторых особей были толщиной с руку, даже щупальца зоофитов в десятки раз превышали нормальные размеры. Однако сам кальцит* был более ломким и не обладал крепостью известковой окаменелости обычных кораллов, но это обстоятельство существенно не влияло на устойчивость островка.

К рифу невозможно было причалить, так как маленькие архитекторы усеяли всю его поверхность грозными, словно капканы, шипами; они напоминали колючки *acacia triacanthos***, пусть не столь острые, но столь же опасные. В полном молчании обогнув риф, господин Синтез обратился к капитану:

— Завтра с утра пораньше ты утрамбуешь риф так, чтобы поверхность его стала совсем гладкой. Затем свя-

* Кальцит — известковый шпат, минерал класса карбонатов (солей угольной кислоты).

** *Acacia triacanthos* — акация трехшиповая, дерево богатого видами семейства акациевых, обладающее острыми и длинными колючками, расположенными в пучках по три.

жешь его с атоллom. С помощью подставок, образцы которых я тебе давал, наведешь мост так, чтоб один его конец опирался на стену атолла, а другой — на островок. Срок выполнения работ — два часа.

— Слушаюсь, Мэтр.

— Прикажи немедленно закрыть шлюзы. Начинается прилив, а вода в лагуне, вплоть до нового приказа, должна оставаться ниже уровня океана.

Затем, не сказав больше ни слова, не сделав ни единого жеста, этот удивительный человек вернулся на борт и скрылся в своих апартаментах.

Назавтра два ассистента, накануне засидевшиеся допоздна, живейшим образом обсуждая происшедшее, проснулись от страшного грохота, который тут же стих.

Вскоре странный грохот возобновился, и мелкие вещицы, разбросанные в каютах, завибрировали.

— Это пушки стреляют, — жалобно простонал зоолог, героически пытаясь натянуть одеяло на голову.

— Ты смотри — пушки! — радостно воскликнул бывший профессор взрывчатых наук, хорошо знакомый с любого рода взрывами.

Затем через равные промежутки времени прозвучало еще три залпа, как если бы суда отвечали на выстрелы «Анны».

— Господи! Ну что там еще стряслось? — снова застонал юный господин Артур, не имевший, казалось, ничего общего со своим воинственным тезкой, героем Круглого стола*.

— Быть может, бунт?!

— Боже мой, что с нами будет?!

У химика глаза блестят, ушки на макушке, волосы торчком. Как старая гарнизонная лошадь при звуке трубы, он мигom одевается и, перескакивая через ступеньку, мчится по лестнице на палубу. При виде корабля, расцвеченного всеми флагами, как в праздник, при виде экипажа в парадной форме у него вырывается возглас радостного удивления.

Три других судна тоже украшены флагами, гирляндами разноцветных вымпелов играет бриз. Время от време-

* «...господин Артур, не имевший, казалось, ничего общего со своим воинственным тезкой, героем Круглого стола» — т. е. с королем бриттов Артуром (V—VI вв.), боровшимся вместе со своими союзниками, рыцарями Круглого стола, против англосаксонских завоевателей.

ни то по одному борту, то по другому возникают облачка белого дыма, вслед за которыми слышатся звуки выстрелов, чье эхо разносится над островами. Это матросы, обрадовавшись неожиданному развлечению, палят, не щадя пороха, и веселятся, как блаженные. Тут же химик, заметив второго помощника, который, заложив руки за спину, прогуливается по палубе, заводит с ним беседу, с удовольствием поддерживаемую офицером.

Тем временем юный господин Артур, чья первоначальная легкая тревога сменилась настоящим ужасом, тихонько пробирается вверх по лестнице и является — прозрачный, бледный, потный от страха, готовый в любую минуту вновь нырнуть в люк, как чертик в табакерку. Но, выслушав сообщение Алексиса Фармака, он разом успокаивается. С несвойственной в разговоре со своим коллегой приветливостью, химик, сообщив ему о предстоящем празднике (информация, полученная от господина офицера), добавил:

— У нас еще час, чтобы переодеться по-парадному.

— Что вы подразумеваете под парадной одеждой? — спросил зоолог, чей голос становился все суше и суше.

— Ну... фрак, цилиндр, лакированные туфли, перчатки... Мы с вами примем участие в официальном шествии, дорогой мой.

— Так вырядившись, в кругу людей, чьи костюмы, по крайней мере, отмечены оригинальностью, мы будем выглядеть достаточно нелепо.

— Что вы хотите сказать? Ведь таково желание господина Синтеза!

— И зачем ему весь этот маскарад! Вот уж бы не подумал, что столь могучий ум может снисходить до такой пошлости!

— Вы же знаете, Мэтр никогда ничего не делает зря! Быть может, он хочет, воспользовавшись случаем, развеять тяжелое однообразие моряцкой жизни и, с неизвестной мне целью, поразить воображение таких суеверных и любящих празднество людей, как жители Востока. Наше пребывание обещает быть очень долгим, и, как мне кажется, немаловажно показать рабочим, что мы здесь не только переводим гидравлическую известь, травим зоофитов и фабрикируем скалы для аквариумов. Эта церемония, как бывает всегда, когда почтеннейшая публика не понимает в спектакле ни слова, произведет на них приятное впечатление.

— А еще что?

— Э-э, дорогуша, как вы думаете, зачем короли и императоры при коронации устраивали себе пышные чествования, хотя, казалось бы, куда как проще безо всякой помпы наследовать своему предшественнику? Да и президентам республик для чего так торжественно обставлять смену кабинета?

— Ваша правда!

— Почему вам кажется странным, что наш хозяин, завершив блестящий опыт биологического синтеза, хочет с некоторой торжественностью вступить во владение маленьким континентом, сотворенным им самим?

— Из этого следует, что надо напялить этот нелепый костюм? — огрызнулся зоолог и, с меланхолическим видом мужественно решив покориться, направился к себе в каюту, где провел целый час, старательно прихорашиваясь и пытаясь облагородить такую неуклюжую одежду, как всеми проклятый, но все же необходимый в официальной обстановке фрак.

Профессор зоологии выбрал самое тонкое белье, надел самый внушительный стоячий воротничок, вдел в петлицу красивые орденские ленточки, натянул перчатки, словом, умудрился стать, особенно на фоне безвкусно одетого химика, настоящим красавцем. Однако времени для обмена взаимными комплиментами, по дороге к подножию грот-мачты, где собирались участники процессии, у них было немного.

Чрезвычайно пышное убранство, приготовленное для нынешнего торжества, поразило обоих; все пространство между грот-мачтой, бизань-мачтой* и полуютом** было устлано превосходным ковром; справа и слева от мачт встали в карауле четырнадцать матросов-индусов, отобранных из команд четырех кораблей и ради торжественного случая разодетых в роскошные и живописные одежды сипаев. Бронзовые, как двери пагод, бородатые люди с блестящими немигающими глазами, с кривой турецкой саблей на бедре и карабином у ног, они были действительно великолепны, эти полудикари, чей фанатизм более всякой дисциплины обращает их в самых образцовых солдат.

Четыре барабана и четыре трубы образовали позади грот-мачты изгородь таким образом, чтоб из апартаментов

* Бизань-мачта — кормовая мачта.

** Полуют — слегка приподнятая часть верхней кормовой палубы.

господина Синтеза вел широкий проход. Метрах в шести от дверей гигант в костюме сипая держал широкий стяг из белой ткани, упирая в ковер его черное, блестящее, как полированное эбеновое дерево*, древко.

· Не менее чем на полкабельтова** в радиусе атолл являл собой феерическое зрелище. Матросы всех четырех экипажей при полном параде в сопровождении офицеров вышли на коралловое кольцо, очертившее лагуну, и, стоя на нем, образовали разноцветную движущуюся ленту, над которой, сверкая на стальных частях оружия, ярко сияло солнце.

Сзади теснилась толпа восхищенных китайцев в одинаковых, делавших их похожими на грибы, конусообразных шляпах. Быть может, впервые выведенные из обычного для себя состояния равнодушия, они вытягивали шеи и всю таращили раскосые глаза.

На острове — земле господина Синтеза, разровненной стараниями капитана Кристиана, — больше не было опасных сплетений окаменевших веток. А добраться до островка было тем более легко, что между ним и кольцом атолла повис на подпорах мостик, устланный коврами, спускавшийся до самой воды.

Было полдесятого. На «Анне» трижды пробил колокол. Тотчас же два индуса-бхили распахнули створки дверей, ведущих в апартаменты господина Синтеза, и он появился на пороге. Застучали барабаны, затрубили трубы, сипаи*** взяли на караул, знаменосец салютовал знаменем.

— Ну и ну! — бормотал про себя ассистент-зоолог. — Моего хозяина просто подменили! Черт побери, я его вовсе не узнаю. Клянусь честью, он выглядит величественно.

И это была святая правда. По случаю торжества Мэтр снял с себя европейское платье, и теперь, великолепный, помолодевший, неузнаваемый, он медленно выступал, одетый в роскошный, выглядевший необычайно величаво восточный костюм. Это был не тот суровый ученый, совер-

* Эбеновое дерево (черное дерево) — тропические деревья (брауна и др.) с темной, почти черной древесиной, очень твердой и красивой в обработке.

** Полкабельтов — половина кабельтова, навигационной единицы длины, равной 185,2 м (десятая часть морской мили).

*** Сипаи — наемные солдаты, вербовавшиеся англичанами из местных жителей.

шенно не интересующийся внешними проявлениями чего бы то ни было, не тот с виду надменный человек, безразличный ко всему, что принято называть «представительством».

Вообразите себе, если сможете, одного из тех старых раджей доколониальных времен, которые странным образом воплощали в себе Индию, прежде чем англичане привнесли туда пробковые шлемы, анемичных мисс*, содовую воду и лаун-теннис. Индию загадочную и девственную, с ее легендами, с ее брахманами, пагодами**, мечетями, с ее варварской пышностью, ослепительными празднествами, преступлениями, добродетелями и неизбывной оригинальностью...

Таким предстал господин Синтез, облаченный в тогу*** из белого кашемира****, увенчанный чалмой с красиво выложенными складками, закрепленными эгретом*****, при одном виде которого свихнулся бы самый пресыщенный ювелир.

Но какой смысл описывать невероятное изобилие, невиданное богатство гемм***** и драгоценностей, рассыпанных по белому кашемиру, если знаешь тайну открытий господина Синтеза! Верно заметил химик — должно быть, все это наносное, внешнее, пускание пыли в глаза индусам, уже не представляющим себе господина без подходящих его рангу украшений, знаков богатства и могущества.

Кстати сказать, судя по их одновременно и восторженным и почтительным лицам, Мэтр раньше не пользовался таким авторитетом, не был так обожествляем, как в эту минуту. Теперь он был всесильный, непререкаемый начальник, в которого как бы переселилась душа древних

* «...анемичных мисс» — т. е. малокровных, бледных и вялых девиц.

** Пагода — буддийский храм в Китае, Индии, Японии и ряде др. стран Азии, чаще всего выстроенный в виде многоярусной, богато украшенной башни.

*** Тога — верхняя одежда граждан Древнего Рима, длинный и широкий плащ.

**** Кашемир — легкая шерстяная или бумажная ткань с наклонным рубчиком; название происходит от области Кашмир в Азии.

***** Эгрет — украшение из перьев, скрепленных драгоценными камнями, или только из драгоценных камней или жемчуга, расположенных по форме пера.

***** Гемма — камень с вырезанным на нем рисунком или с вырезанной надписью.

сатрапов Визапура, Голконды или Пунаха*, перед которым все трепещет, все самоуничтожается.

Не успели эти мысли молниеносно пронестись в головах обоих европейцев, как они оцепенели, раскрыв рты от удивления и восторга. Юная девушка, виденная ими раньше только мельком и издали (вольности по отношению к пассажирам с кормы были строжайше запрещены), вслед за Мэтром появилась на пороге и заняла свое место по левую руку от старика.

Одетая в простое белое платье со шлейфом, без единого украшения, кроме своей ослепительной красоты и кроме весны своих восемнадцати лет, она двинулась вперед скользящим шагом, заставлявшим волноваться ее платье, и нежным, как поцелуй, взглядом лаская корабль, атолл, море, волны которого, поднимая бриллиантовую водяную пыль, разбивались вдали о скалы.

Белокурая, словно русалка из скандинавских легенд, она не совершила непростительной ошибки и не прибегла к ухищрениям, известным под омерзительно банальным названием «парикмахерского искусства»; ее лоб, чистый, как лепесток лотоса, обрамляли расчесанные на пробор золотые пряди, а на грудь спускались тяжелые косы, подобные тем, которыми поэт наградил свою Офелию**. Эту роскошную шевелюру*** осенял скрепленный диадемой**** белый шелковый шарф из такой тонкой ткани, что он казался сотканным из паутинок бабьего лета...

Ее увлажнившиеся ласковые глаза с чудесными сапфировыми отблесками растроганно остановились на дедушке, а ее пурпурные губки цвета спелого граната раскрылись в невинной и нежной улыбке.

Застывшие под ружьем сипаи, выстроившиеся в шеренги матросы, обсыпанные порохом канониры, измазанные углем машинисты — все смотрели на эту пару в молчании, полном восторга и почтения, как будто созерцали внезапно явившиеся перед ними божества.

Два ассистента с непокрытыми головами оцепенели под натянутым на корме матерчатым тентом, поддавшись очарованию, как и все остальные. Но волнение, охватив-

* «...душа древних сатрапов Визапура, Голконды или Пунаха» — перечислены средневековые индийские государства; сатрап — здесь в значении: самовластный правитель.

** Офелия — героиня трагедии У. Шекспира «Гамлет», изящная и хрупкая красавица.

*** Шевелюра — волосы, прическа.

**** Диадема — женское украшение в виде короны.

шее юного господина Артура, оказалось хоть и сильным, но скоротечным. Будучи человеком, стяжавшим славу во время ритмизованных скачек под звуки пианино в буржуазных салонах, несмотря на намечающееся брюшко и ярко выраженную лысину, наш молодой человек еще не отказался от желания нравиться. Уверенный в том, что никто, кроме него, в данный момент не является носителем светских традиций, он решил незамедлительно их продемонстрировать.

Так как господин зоолог и его коллега были одни, кто надел черные фраки, взгляд юной девушки на мгновение задержался на одном, представляющем собой тип слегка модернизированного* средневекового алхимика, и на другом, как две капли воды походившем на свадебного шафера.

Свято уверенный в неотразимости своих манер «светского льва», господин зоолог церемонно приветствовал проходящих, очертив цилиндром дугу слева направо и отведя утонченный поклон опытного шаркуна.

— Ну и придурок этот парень! — прошептал себе в бороду Алексис Фармак, оценивая со свойственной химиком точностью нелепость ситуации.

Но дедушка и внучка уже прошли мимо них. Чары сразу же развеялись. На смену тишине, которая встретила появление героев праздника, пришли иные звуки — грохот артиллерии, голоса фанфар, раскатистые крики «ура!».

Кортеж тронулся в путь. Следом за стариком и девушкой два индуса-бхили несли большие зонтики, далее шел знаменосец с белым стягом, за ним — два ассистента, для которых было оставлено место на втором корабле. Капитан Кристиан находился несколько в стороне от процессии.

С вошедшим в поговорку проворством сипаи поставили трап и натянули поручни на мостике, связующем атолл с островком. Господин Синтез медленно прошествовал по мостику и ступил на риф, сопровождаемый лишь внучкой и двумя индусами-бхили.

Старик своими мощными руками принял у знаменосца белый стяг, чье древко заканчивалось острым штырем, и одним ударом вонзил его в мадрепоровую почву. Затем, гордо выпрямившись во весь рост, с глазами, мечущими молнии, с вдохновенным видом, он простер вперед руку и звучным голосом заговорил:

* Модернизированный — осовремененный.

— Повинуясь моей, и только моей, воле, силы природы принялись за работу, и из пучины вод морских восстала суша! Теперь по моему слову эта бесплодная земля будет населена живыми организмами! Здесь возникнет жизнь, как возникла она когда-то на Земле. Народятся виды, преобразуются и погибают, чтобы вновь возродиться, преобразоваться и снова погибнуть. Так из примитивной монеры появится человек, человек Синтеза. Здесь свершится мое Великое Дело!

И когда порыв морского ветра развернул знамя, в середине белого полотнища, на плотной бархатистой ткани ослепительно, ярче солнца засверкала вытканная черными бриллиантами надпись: «Et ego creator».

Два француза остолбенели. Лишь девиз господина Синтеза помог им оценить всю широту размаха его предприятия.

— Далеко нас заведут эти три слова,— сдавленным голосом пробормотал зоолог.

ГЛАВА 5

Затворничество Мэтра.— Состояние Земли перед появлением жизни. — Что могут содержать в себе корабли водоизмещением в пятнадцать сотен тонн.— Лаборатория господина Синтеза.— Строительство купола.— Химик-архитектор.— Витраж.— Алексис Фармак — самый занятый из всех членов командного состава.— Господин зоолог бьет баклуши.— Снисходительный счастливцев.— Злопыхательство.— Небьющееся стекло.— Конкурент доктора Фауста.— Бельенская, как парафин.— Зависть.— Наследница.— У старика — гангрена.— Сочтены ли дни господина Синтеза?

Всю следующую неделю после торжественного введения во владение земельной собственностью жизнь господина Синтеза можно было охарактеризовать двумя словами: строжайшее затворничество.

По причинам, которые никто не мог объяснить, всем было заказано приближаться к Мэтру, за исключением капитана Кристиана, имевшего право входить к хозяину и днем и ночью. Но несмотря на это обстоятельство, работы шли своим чередом и подвигались вперед с поразительной быстротой.

Маленький континент подготовили в указанный срок, но работы еще было немало; прежде чем внедрить в це-

линную землю примитивные организмы, когда-то первыми возникшие на нашей планете, прежде чем повторить, хоть и в очень маленьких, но верных пропорциях, феномен медленного преобразования, проистекавший в течение долгой череды веков, важно было воссоздать со всей возможной точностью условия и среду, необходимые для этих преобразований.

Общеизвестно, что сперва, находясь еще в газообразном состоянии, Земля, как сегодня Солнце, прошла период непомерного раскалывания. Затем, постепенно конденсируясь, она стала охлаждаться* и из газообразной сделалась жидкой.

Охлаждение, шедшее от поверхности к ядру, образовало твердь. Однако отверждение не было полным, ибо вокруг Земли продолжал сохраняться газовый ореол — атмосфера. Первоначально атмосфера эта отнюдь не была, как ныне, пригодной для дыхания, так как в испарениях содержались все виды минералов, которые по мере охлаждения падали на земную кору.

Судя по тому, что жизнь зародилась в виде простейших организмов, атмосфера тогда и близко не походила на сегодняшнюю. Наполненная водными парами, не до конца избавившись от насыщавших ее газов (в частности, от углекислого газа), пронизанная электрическими разрядами, она смахивала на гигантскую лабораторию, где постепенно появлялись примитивнейшие существа.

Жизнедеятельность вновь появившихся элементарных организмов, поставленных в другие условия развития, не могла быть полностью подобна их сегодняшнему существованию. Следовательно, господин Синтез непременно должен был воспроизвести среду, в которой происходила эволюция. Вот почему он приказал безотлагательно превратить атолл в задуманную им лабораторию.

Так как построение этого гигантского аппарата входило в компетенцию химика, наблюдение за строительством и пуском Мэтр поручил Алексису Фармаку. Ему, несмотря на неограниченные полномочия исполнителя, был тем не менее предложен разработанный во всех деталях план, оставалось лишь строго его выполнять.

Оказалось, что совершенно новые обязанности, возложенные на бывшего профессора взрывчатых наук, ни

* «...постепенно конденсируясь, она стала охлаждаться» — выражение не совсем точно, т.к. конденсация, т.е. переход вещества из газообразного состояния в жидкое происходит в результате охлаждения, а не вызывает его.

в коей мере не помешали ему с первых же шагов зарекомендовать себя необыкновенно практичным зодчим.

На кораблях с лихвой были припасены все необходимые для строительства материалы. Легко себе представить, сколько можно загрузить на судно водоизмещением в пятнадцать сотен тонн! А их у господина Синтеза было целых четыре, к тому же нагруженных до отказа!

Именно на «Ганге» прибыло все необходимое для создания лаборатории. Капитан Кристиан — человек в экспедиции универсальный — дал приказ разгружать трюмы корабля по мере необходимости.

Лаборатория, не имеющая себе подобных ни по своему предназначению, ни по своим размерам, должна была опираться на наружное коралловое кольцо, образующее атолл, и покрывать всю внутреннюю часть лагуны так, чтобы полностью отгородить ее от внешнего мира.

Несущая конструкция, хоть и легкая, но, учитывая ее громадные размеры, весьма прочная, состояла из трубок оцинкованного железа, длиною всего три метра, дугообразной формы. Трубки эти соединялись между собой, легко ввинчиваясь друг в друга, пока не стопорились с помощью фланца*, препятствовавшего дальнейшему скольжению. Кроме того, соединение подстраховывали два болта. Все монтировалось так, чтобы ни во время ведения работ, ни впоследствии не возникло ни одного разъема.

Не вдаваясь здесь в технические подробности строительства куполов, не упоминая ни о прочности материалов, ни о способах их применения, ни о путях достижения устойчивого равновесия, скажем только, что создание купола представляет немалые трудности, хотя в данном случае и менее значительные, поскольку камень заменили металлом. К тому же Алексис Фармак имел незаменимого помощника в лице капитана — перед этим человеком склонялись все препятствия.

Что касается техники исполнения, то она была предельно облегчена благодаря участию китайских кули и матросов с кораблей, а также наличию на судах необходимых материалов.

Бригада из пятидесяти китайцев получила приказ пробуричь в коралловом кольце ряд скважин метровой глубины в метре друг от друга. Эти скважины должны были

* Фланец — соединительная часть труб, резервуаров; обычно это плоское кольцо или диск с отверстиями для болтов.

служить гнездами для железных опор — будущего основания меридионального каркаса* купола. Несмотря на необычайную крепость коралловой скалы, работы выполнили с такой быстротой, что уже через два дня по всей окружности зияли триста пятнадцать отверстий, в которые были вставлены и зацементированы вертикальные опоры.

В данный момент строящаяся лаборатория являла собой зрелище довольно странное: частокол железных штырей высотой полтора метра, к которым крепился второй, третий и так далее ряд дугообразных трубок. Благодаря фланцу они точно садились на свое место, оставалось лишь затянуть болты.

Еще один слой — и меридианы каркаса достигнут четырех с половиной метров в высоту. Однако здесь возникли трудности. Если продолжать наращивать трубки, вся конструкция, не успев взмыть вверх, тут же и обрушится под тяжестью все новых и новых секций арки.

Во избежание такого поворота дел следовало скомпенсировать силу тяжести свода. С этой целью извлекли со склада большое количество прямых метровых металлических прутков с отверстиями на концах, равными ширине меридианных трубок. По мере наращивания каркаса, прутками стягивали соседние колена арочных дуг в местах соединения дугообразных трубок друг с другом. Таким образом, триста пятнадцать меридианов оказались крепко связанными параллелями, что позволило и превратить все строение в целостный блок.

Эта операция, кажущаяся легкой только на первый взгляд, закончилась без каких бы то ни было происшествий, достойных упоминания. Кули с удивительной быстротой, но при этом сохраняя полную бестрепетность небьющейся китайской вазы, воздвигли весь громадный металлический частокол с необыкновенной сноровкой и ловкостью.

Кстати сказать, все составные части купола изначально были так хорошо подогнаны друг к другу, что их оставалось только составлять и затягивать болтами. Наиболее сложным оказался их подъем с помощью канатов. Но и эта операция — единственная, требующая приложения

* Меридиональный каркас — каркас, опорные ребра которого расходятся от вершины к нижним краям подобно линиям меридианов на глобусе.

некоторой силы,— выполнялась более чем достаточными по численности бригадами и не вызвала каких-либо осложнений.

Когда каркас полностью собрали, прежде чем приступить к монтажу стеклянного покрытия, Алексис Фармак, действуя, как всегда, согласно плану Мэтра, приступил к установке некоторых аппаратов, назначение которых должно было выясниться лишь впоследствии.

Многочисленные медные стержни пяти сантиметров в сечении и длиной в пять, семь и десять метров с размещенными на концах сферами более тридцати сантиметров в диаметре были установлены под куполом на фарфоровые изоляторы. Они размещались на разной высоте и были снабжены проводами, покрытыми гуттаперчевой изоляцией*.

Задействовано было и большое количество трубок из вулканизированного каучука**, чтобы впоследствии установить коммуникации между аппаратурой, расположенной внутри, и многочисленными аппаратами, установленными снаружи.

Затем китайцы, успевшие побывать и водолазами, и строителями, превратились в стекольщиков-вitraжистов***. Из трюмов всех судов безостановочно извлекались ящики, наполненные тысячами и тысячами кусков листового стекла. Задача состояла в том, чтобы превратить громадное сооружение в некую разновидность теплицы.

Химик пользовался теми методами, к которым прибегают строители оранжерей, с той только разницей, что каждое стеклышко промазывали быстро сохнущей герметизирующей замазкой, вскоре становившейся такой же твердой, как само стекло.

Эта операция (от нее зависела водонепроницаемость купола) исполнялась с крайней тщательностью. Рабочие трудились под неусыпным вниманием бригадиров. Сам Алексис Фармак, желая удостовериться, что работы про-

* Гуттаперчевая изоляция — электроизоляционный материал, изготовленный из гуттаперчи, твердого кожеобразного вещества, получаемого путем особой обработки млечного сока каучуконосных растений.

** Вулканизированный каучук — каучук, к которому добавлены так называемые вулканизирующие вещества (сера, некоторые смолы и др.), повышающие его эластичность, твердость, тепло- и холодоустойчивость.

*** Витраж — стекло (чаще всего цветное), заключенное в тонкую металлическую рамку.

изводятся со всей возможной тщательностью, собственной персоной несколько раз в день влезал на купол.

Достоинейший химик, принимая — и совершенно справедливо — свои задачи всерьез, стал таким образом самым занятым человеком из всего командного состава. Дни для него пролетали с такой скоростью, что он почти полностью потерял чувство времени.

А его коллега-зоолог? Тот бил баклуши и для человека, который с самого детства с головой ушел в учебу, вел себя по меньшей мере странно. Вот уже две недели для юного господина Артура часы тянулись нескончаемо; он ни разу не открыл книги, не написал ни единого слова.

Все видели, как зоолог с меланхолическим видом слоняется из каюты в лабораторию и обратно или долгими часами полулежит в качалке и наблюдает, как трудятся рабочие. Даже его прекрасный аппетит был уже не тот, что несказанно огорчало корабельного кока, большого мастера своего дела, который очень любил, когда его талантам отдавалось должное настоящими гурманами. (Господин Синтез, хоть и не питался, как обычные смертные, тщательно подбирал поваров, а его хлебосольный стол бы столь же обильным, сколь и разнообразным.)

В конце концов молодой профессор почти перестал спать, его свежий цвет лица поблек, под глазами образовались круги, брюшко опало.

Так как с первого же момента господин Артур вызвал живейшую неприязнь у всего командного состава, раздражив и капитана, и его помощников, и даже механиков своим высокомерием и чванством, своей претензией на роль всезнайки и остроумца, его вежливо, но неуклонно избегали, и таким образом он находился в полной изоляции — не с кем было даже перекинуться словом.

Однако само по себе одиночество не могло быть причиной столь разительных перемен, во всяком случае, оно не должно было отбить у него тягу к знаниям. Здесь крылась какая-то загадка, впрочем, загадка, пожалуй, никого не интересующая.

Между тем юный господин Артур, устав качаться в шезлонге и слоняться по палубе как неприкаянный, подался на атолл — якобы вблизи посмотреть на ход работ, а на самом же деле, чтобы сбежать от своего мучительного одиночества.

В душе Алексис Фармак был человек добрый. Если не нападать напрямую на его научные убеждения и не делать ядовитых намеков на его пристрастие к взрывчатым веще-

ствам, то он оставался склонным к всепрощению и ни на кого не держал зла. Фанатично преданный науке и любящий ее ради нее самой, наш профессор углублялся в свои занятия без тени выгоды или корысти, доходя до полного небрежения практическими сторонами жизни. Поэтому-то, как только господин зоолог прекратил сомнительные шуточки в его адрес, Алексис Фармак тотчас же выкинул из памяти все прежние ссоры со своим коллегой.

Поступив на службу к господину Синтезу, Алексис Фармак стал счастливейшим химиком прошлых, настоящих и, должно быть, будущих времен. Мысль, что он участвует в Великом Деле выдающегося ученого, опьянила его, и чувство это, хоть и чисто платоническое, было весьма уповательно.

Склонный, как все счастливые люди, к снисходительности, Фармак охотно принимал общество зоолога и выслушивал его сетования. А тот, раздражительный, нервный, задиристый, уже не сыпал, как раньше, эпиграммами*, но, рискуя вновь остаться одиноким, словно прокаженный, принимался критиковать и сам проект господина Синтеза, и правильность его исполнения.

Сначала господин Артур утверждал, что лаборатория не устоит ввиду своих колоссальных размеров. Увидев не без тайного недовольства, что она почти закончена, он начинал шельмовать ее общее устройство, все до последнего стеклышка.

— Послушайте,— едко спрашивал зоолог,— разве могут простые стекляшки выдержать натиск непогоды?

— Ой-ой-ой! Как знать! — потирал руки химик.

— Но их же первый налетевший град обратит в осколки!

— Ошибаетесь, дражайший коллега, ошибаетесь! Это стекло — изобретение хозяина. Оно небыющее! Слышите, не-бью-ще-е-ся. Наш шеф — человек крутой, он, пускаясь в такое предприятие, все до мельчайшей детали обмозговал.

— Что да, то да... И богач к тому же...

— Верно, он так богат, просто дух захватывает.

— Подумать только — столько денег выбросить на ветер!

— Разве то, что мы сейчас делаем, означает выбрасывать деньги на ветер?

— Я не о том! На его месте я бы предпочел насладиться всеми доступными человеку удовольствиями...

* Эпиграмма — короткое насмешливое стихотворение.

— Всего-навсего как доктор Фауст? * Это иногда плохо кончается, милейший. Нет, дорогуша, мы, ученые, стоим не из одного желудка!

А зоолог, словно одержимый навязчивой идеей, снова твердил свое:

— Говорят, на борту «Анны» неслыханное количество драгоценных камней...

— Очень может быть. Капитан сообщил, что некоторые детали приборов сделаны из бриллиантов. Что нам эти камушки!

— Легко вы ими разбрасываетесь!

— Легко! Уверю вас, легко!

— Не могу сказать того же о себе. Я бы предпочел быть богатым, жить на широкую ногу, а не прозябать здесь, получая жалкие двенадцать или пятнадцать тысяч в год!

— Ну и аппетит у вас! А я счастлив, когда зарабатываю сто су в день!

На мгновение зоолог замолк. Затем брякнул безо всяких оценок:

— И юная девушка, почти дитя, когда-нибудь станет полной хозяйкой всего этого!

— Что? Девушка? Какая девушка?

— Как? Вы что, сумасшедший? Вы не заметили ее три недели тому назад, когда господин Синтез предстал перед нами во всей своей красе?

— А ведь и правда! Черт возьми, я совсем запмятовал!

— Вы непостижимый человек!

— Позабыл... Такая маленькая, беленькая, как парафин...** Вы ее имеете в виду? Кстати говоря, очень скромно одетая, во всяком случае, на фоне патрона, который сверкал, словно солнце... Кажется, припоминаю, ее вид меня поразил, хотя я вообще-то не интересуюсь женщинами, а царевнами из сказок «Тысяча и одной ночи»*** и подавно.

— Беленькая, как парафин!.. — воскликнул в ответ

* Доктор Фауст — персонаж немецких народных легенд, якобы заключивший союз с дьяволом; образ этот вошел во многие литературные произведения, из которых всемирно известен «Фауст» И. В. Гете.

** Парафин — воскообразное вещество, получаемое главным образом из нефти.

*** Сказки «Тысячи и одной ночи» — многотомный сборник арабских сказок, переведенный на многие языки мира. Название получило оттого, что сказки эти будто бы рассказывает только по ночам мудрая Шахразада своему мужу царю Шахрияру.

ошеломленный профессор.— Это все, что вы можете сказать об этом чудесном создании?!

— Разумеется. Необыкновенная прозрачность ее кожи по аналогии натолкнула меня на мысль о смеси гидроводорода, именуемой парафином. А вы... куда вы клоните?

— А вам не пришло в голову, как пришло мне, что мадемуазель Анна Ван Прет станет богатой наследницей?

— Откуда вы знаете ее имя? Ах да! В ее честь назван наш корабль, я в этом ни минуты не сомневался! Что же до ее наследства, то прежде надо, чтобы господин Синтез соизволил сказать «прощай» радостям жизни. А в скорости этого момента я сильно сомневаюсь.

— Да, знаю,— чем старики ближе к гробу, тем больше они хватаются за жизнь.

— Оставьте ваши шуточки, тем более такого сорта! Хотя... Что-то патрона давно не видно. По-вашему, он болен?

— Конечно, болен. Как все восьмидесятилетние старики. А болезнь их состоит в том, что им восемьдесят лет.

— Ну, если дело только в этом, то я спокоен. Господин Синтез — человек незаурядный. Не удивлюсь, если лет через двадцать, к своему столетию, он будет выглядеть еще вполне бодрым.

— Нет.

— Как это — нет?

— Я хочу сказать, что роковой конец куда ближе, чем вы полагаете. У господина Синтеза сочтены не только годы, но и месяцы, а быть может, и дни.

— Что вы плетете?!

— Я говорю чистую правду, дорогой мой.

— Но это невозможно!

— Вы что, врач?

— К сожалению, нет. На это мне всегда не хватало времени. А вы?

— Выпускник медицинского факультета Парижского университета, работал интерном во многих больницах.

— И это вам позволило заметить у господина Синтеза какой-то тяжелый недуг?

— Чрезвычайно тяжелый, который раньше чем через год непременно сведет его в могилу.

— Вы приводите меня в ужас! Эксперимент ведь только начал! А как же Великое Дело, на которое мы все работаем?..

— Боюсь, вы не увидите его завершения. Разве что на себя возьмете руководство.

— Погодите, объясните толком, что вы заметили?

— Всего лишь несколько белых с желтизной пятнышек на руках нашего патрона.

— И каково значение этих пятнышек?

— Они свидетельствуют о начинающейся сенильной гангрене*.

— Это еще что такое?

— Болезнь, которой, как следует из определения «сенильный», что значит «старческий», подвержены исключительно старики. Вызвана преимущественно нарушением кровообращения. У пожилых людей некоторые ткани организма, в частности артерии, подвержены ороговению,— кальциевые соли, откладываясь в сосудах, закупоривают их.

— Это мне известно. Они образуют в системе кровообращения скопления фосфата и известкового карбоната.

— Совершенно верно. Данное явление называют окостенением. Скопление солей в сосудах в большей или меньшей степени перекрывает кровоток, в результате чего к периферийным органам кровь, поддерживающая их жизнедеятельность, не поступает. Отсюда гангрена — омертвление отдаленных от сердца частей тела, то есть рук и ног.

Хорошенько запомните, дорогуша, что все старики предрасположены к такого рода заболеваниям. Именно это заставило Биша, часто посещавшего престарелых пациентов, сказать: «Можно подумать, что, накапливая в наших тканях эту чужеродную и несовместимую с жизнью субстанцию, природа хочет незаметно подготовить нас к умиранию».

Боюсь, как бы опаснейшая для других стариков гангрена не стала еще более опасной для нашего патрона.

— Почему?

— Вы что, позабыли о режиме, которого господин Синтез придерживается в течение целого ряда лет? Ведь он поглощает в чистом виде кальциевые вещества, и они полностью усваиваются в его организме, что чрезвычайно способствует их отложению.

— Увы, все, что вы говорите, звучит вполне логично...

— Заметьте, я не обсуждаю сам принцип химического питания, я говорю лишь о его последствиях.

* Гангрена — омертвление ткани вследствие травмы, закупорки кровеносного сосуда и т. п.; в романе речь идет о гангрене, возникающей из-за возрастного изменения кровеносных сосудов.

Думается, вся артериальная система господина Синтеза, включая сердце, забита кальцием. Это напоминает, с учетом разности пропорций, историю со злополучными кораллами, так бурно разросшимися за два месяца.

Теперь наш Мэтр представляет собой не столько человека, сколько монолит в процессе его формирования,— добавил зоолог со злобной усмешкой.

— Но господин Синтез, знающий все на свете, должно быть, сыскал средство от опасной болезни. Наверное, он нашел растворители, реактивы, способные или воспрепятствовать накоплению, или обеспечить выведение из организма вышеназванных веществ.

— Хотел бы надеяться, однако твердо рассчитывать не смею.

— Но уверены ли вы, что природа замеченных вами пятнышек именно такова, как вы говорите? Быть может, это следы кислоты, капнувшей на кожу во время недавних лабораторных исследований?

— Я их подробно рассмотрел, незаметно для хозяина, пока он изучал коралловую ветвь, поднятую со дна лагуны. Вывод мой однозначен: пятна имеют гангренозное происхождение. Впрочем, признаки болезни еще не так явны, быть может, она продлится дольше, чем я предполагаю. Как бы там ни было, поверьте мне и перед лицом печальной очевидности примите свои меры предосторожности, а я приму свои. Потому что по имеющимся признакам господин Синтез обречен.

ГЛАВА 6

Старый знакомый.— Помощник кочегара.— Из префектуры полиции.— В Коралловое море.— Инструкции, полученные секретным агентом.— На борту «Анны».— Как агент номер 32 оценивает работы господина Синтеза.— Электродинамическая машина.— Лаборатория полностью оборудована.— Речь идет о превращении шестисот китайцев в фаши.— Пока раздували пары главной машины, чтоб получить электрический ток.— Обморок.— Бред.— Два помощника кочегара оказались отнюдь не помощниками кочегара.

Господин префект!

Безотлучно проводя нескончаемые дни между небом и водой, затерянный в таинственном море, причудливо усеянном рифами, почти забыв, в каком полушарии Земли

нахожусь, я не знаю, когда и каким образом отошлю вам этот рапорт и дойдет ли он до вас вообще.

Пишу со всей необходимой тщательностью скорее из чувства профессионального долга, чем в надежде обрести счастливый случай передать докладную вам.

Случай! Вот единственный гонец, на которого и сейчас и впредь мне придется рассчитывать. Еще и еще раз я надеюсь на него со всем рвением узника или, во всяком случае, затворника.

Лично не знакомый ни с кем, кроме одного из ассистентов господина Синтеза, моим бывшим «профессором взрывчатых наук» Алексисом Фармаком, я без малейшего колебания решил исполнить поручение, которое имел честь от вас получить и которое состоит в наблюдении в интересах Центра за участниками экспедиции, предпринятой господином Синтезом.

Я предполагал, что человеку, тем паче профессионалу, нетрудно будет затеряться среди персонала, да еще такого многочисленного, как команды четырех кораблей. Мои расчеты оказались верными. Единственная трудность была — не выглядеть на судне как некая прибалудная личность, а стать человеком, имеющим свои определенные обязанности, чье присутствие не вызывает ни у кого никаких подозрений.

Учитывая свое полное невежество в области мореходства, я по прибытии в Гавр избрал себе профессию, не требующую предварительной подготовки, но позволяющую держаться в тени и находиться в отдалении, хотя свою внешность мне все равно пришлось изменить с помощью грима.

Профессия эта — помощник кочегара — имеет не только большие преимущества, но и причиняет страшные неудобства. На борту пароходов подачу топлива из угольного бункера осуществляют угольщики (так называют помощников кочегаров). Заточенные в закутки, напоминающие тюремные камеры, расположенные вблизи топок, лишённые свежего воздуха, палимые адским жаром, обливаясь потом, эти люди, пока корабль находится в рейсе, ведут нестерпимо тяжелую жизнь... Но хватит об этом. Это всего лишь незначительные подробности. Теперь несколько слов о том, как мне удалось проникнуть на корабль.

Пока суда господина Синтеза грузились топливом в Гавре, я ухитрился свести дружбу с одним из кочегаров, страдавшим, как и все его коллеги, хронической «жа-

ждой». Путь к его сердцу я нащупал через желудок, то есть добросовестно поил моряка по каждому случаю. Вскоре нас было не разлить водой, мне удавалось даже по ночам уводить его с корабля с целью устроить загул в припортовых кабаках.

В конечном итоге вечером накануне отплытия я умудрился напоить своего нового приятеля еще больше, чем обычно,— буквально до положения риз. Затем проворно стащил с него одежду, натянул на себя его ветошь, оставив ему свое платье и сто франков в придачу, чтобы несколько утешить его после пробуждения. Поручив беднягу неподкупной хозяйке заведения, я вышел и, вымазавшись угольной пылью у ближайшего вагона, сделался совершенно неузнаваемым.

Преображенный таким образом, я смело поднялся на борт, притворяясь пьяным. Вахтенный для проформы на меня рывкнул, но моряки снисходительны по отношению к пьяным. Его великодушие простерлось до того, что он самолично соблаговолил проводить меня в кубрик. Подпирая меня своим могучим плечом, он размышлял вслух:

— Сильно нажрался парень. При его вонючей работенке как глотку не промочить? Хорошо, что сейчас такая темень, не то офицер живенько б его турнул продолжать пьянку на суше.

Не имея понятия о том, где живу, каков номер моей койки, я, естественно, улегся прямо на полу и заснул.

На рассвете меня тотчас же отправили в угольный бункер с моими товарищами, нанятыми всего за несколько дней до того, так что они совсем не знали или знали едва-едва человека, которого я так неожиданно подменил.

Пароход разводил пары. Я приступил к исполнению своих обязанностей под именем Жака Пледена, члена корабельной команды на «Анне». Незачем беречь себе душу, вспоминая первые шаги, это было ужасно... К счастью, по мере продолжения плавания, ситуация стала улучшаться. Мы бросили якорь в Порт-Саиде, затем двинулись дальше, чтобы по Суэцкому каналу пройти в Красное море.

Наш рабочий график был составлен так, что короткие часы работы перемежались с продолжительным отдыхом, наступившим как нельзя кстати, ибо, несмотря на мое рвение и недюжинную физическую силу, я уже еле волочил ноги.

Пока суд да дело, я отпустил бороду, окончательно изменив свою внешность,— мой бывший преподаватель

теперь меня точно не узнает. А ведь это не человек, а сущий дьявол! Пусть он и одноглазый, но не преминет всполошиться, ежели хоть что-нибудь покажется ему подозрительным.

Когда судно прибудет на место, мы погасим топки и я наконец-то покину свой угольный ад. Простите, господин префект, что я так рассусоливаю все эти с виду незначительные подробности. Необычная ситуация, в которой я оказался, меня оправдывает. Мне так одиноко в среде своих сотоварищей! Иногда тянет поговорить с самим собой и, чтобы хоть как-нибудь развеять скуку этой продолжительной стоянки, стараюсь, «выговориться» на бумаге. Ясное дело, из-за этого рапорт несколько растянут, зато ситуация будет освещена полнее. К тому же, как вам станет ясно из дальнейших событий, некоторые детали, касающиеся моей профессии кочегара, не помешают.

Совершив дальнейший переход без особых происшествий, мы вошли в Коралловое море, расположенное, как вам известно, на северо-востоке от Австралии. Я еще не смог узнать точную широту и долготу нашего местопребывания (деталь, кстати сказать, не имеющая никакого значения, во всяком случае на данный момент). Памятуя ваш приказ узнать истинное назначение скафандров, химреактивов, машин, вообще всех материалов, погруженных на корабли господина Синтеза, а также смысл слов, произнесенных им во время вашей беседы об опыте, предполагающем создание ранее не существовавшей суши, я решил выяснить, каким способом сей господин вознамерился осуществить свой проект и каковы будут последующие события?

Должен сразу же оговорить тот факт, что касательно новой земли этот чудака сказал вам истинную правду. Он действительно создал небольшой островок диаметром около двадцати пяти метров. Вы спросите: «Как?» Способ, выбранный им, потрясает своей оригинальностью.

Взяв за основу принцип образования кораллового рифа, господин Синтез, исходя из своих умозаключений, сбросил в огромный бассейн с морской водой, где жили кораллы, весь груз одного из кораблей, того, что vez химреактивы. Перенасытившись и обьеvшись, зверушки сфабриковали ему коралловый риф, чей кубический дециметр, между нами говоря, влетел ему в копеечку. Он называет этот риф своей землей.

По моему скромному разумению, раз уж господину Синтезу так приспичило обладать новой сушей, довольно

было прямо на дне нарастить бетонный блок, а не пичкать тварей разными химикатами. Хотя, возможно, с точки зрения ученого, это далеко не одно и то же.

Я им восхищаюсь, все принимая на веру, ибо не в моей компетенции по достоинству его оценить. Каковы бы ни были мотивы, побудившие господина Синтеза к действию, я не вижу в этой дорогостоящей *помещичьей* прихоти ничего предосудительного или противозаконного, — все его действия не содержат покушения на свободу народов или отдельных лиц. Риф господина Синтеза не препятствует судоходству, так как его омывают миллионы лье океана, где и без того рифов пруд пруди. Одним больше, одним меньше — какая разница? К тому же он расположен не во французских водах.

Итак, по одному пункту ясность внесена.

Надо сказать, что, прежде чем войти в Торресов пролив, чтобы далее взять курс в Коралловое море, наша флотилия зашла в Макао и приняла на борт большое количество китайских кули. Господин Синтез нанял шесть сотен этих макак, чтобы они выполняли всевозможные работы в качестве чернорабочих. Контракт был подписан по всей форме, в присутствии португальского прокурора и шведского консула, в агентстве по делам иммигрантов, куда судовладелец официально обратился.

С этой стороны — не подкопаетесь. Кроме того, господин Синтез не является французским подданным. А пользование вольнонаемным трудом желтокожих разрешено международным сводом законов.

Как только сыны Поднебесной империи прибыли в Коралловое море, они тотчас же облачились в скафандры, дабы зацементировать с помощью портлендского цемента дно бассейна, предназначенного для откорма кораллов. Итак, пока все идет по законам логики. Скафандры использовались строго по назначению: опасения должностных лиц по поводу их приобретения оказались беспочвенными.

С самого начала было очевидно, что господин Синтез вряд ли остановится на достигнутом. И впрямь, после этого фантастического предисловия последовало не менее фантастическое продолжение...

В итоге сейчас, когда я пишу вам, островок покрыт гигантским, держащимся на металлических лесах аппаратом в форме стеклянного купола, что делает его похожим на колоссальную теплицу. Это настоящий вызов архитектуре — в диаметре не менее ста метров! Почти в полтора

раза превышает купол собора Святого Петра в Риме и более чем в четыре раза купол Пантеона*. Вот вам и объяснение, на что пошла значительная часть закупленных грузов.

Я начинаю искренне восхищаться человеком, по мановению которого такое чудо было воздвигнуто всего за три недели. Согласен, что все происходящее необычайно, но даже самый предубежденный человек не усмотрит здесь ничего подозрительного.

Этот купол, эту утепленную оранжерею многозначительно именуют лабораторией, и, судя по установленной внутри аппаратуре, она вполне оправдывает свое название: через стекло видны хитросплетения ровных или гнутых трубок разнообразных сечений. Заизолированные от попадания морской воды, кислот и газов, пригнанные с величайшей точностью и снабженные металлическими кранами, позволяющими по желанию устанавливать или прерывать подачу перекачиваемых по ним веществ, они тянутся к находящимся за пределами лаборатории химическим аппаратам моего бывшего учителя Алексиса Фармака. В его ведении — котлы из листового железа, плавильные печи, газовые горелки, горны, реторты, короче говоря — бесчисленное множество различных приспособлений этой фантастической кухни.

На одном из кораблей установили громадных размеров машину Эдисона**, чьи провода с медными штоками на концах включаются в розетки, вделанные в свод лаборатории. Насчет назначения электрогенератора у меня пока нет никаких предположений. Будет ли господин Синтез экспериментировать над электрической энергией или устраивать комнатные грозы, понятия не имею. Надеюсь вскоре добыть дополнительные сведения по данному вопросу.

Между тем все эти престранные вещи живейшим образом возбуждают любопытство команды. Я прислушиваюсь к тому, о чем говорят моряки европейского происхождения (они любят поспорить и пообсуждать происходящее).

Приблизительно две трети экипажа и почти вся обслуга — индусы. Эти люди ничему не удивляются, ничего не замечают, их ничто не смущает, самые невероятные вещи кажутся им естественными. Короче говоря, будучи фана-

* Пантеон — здесь: усыпальница великих людей в Париже.

** Машина Эдисона (электрогенератор) — машина, преобразующая механическую энергию в электрическую.

тиками и фаталистами, они всей душой преданы своему повелителю господину Синтезу.

Но среди лиц, имеющих определенные неведомые азиатам представления, необходимые для успеха экспедиции, распространяются странные слухи. Один из таких слухов возник на полубаке*, — здесь наслушаешься самых фантастических рассказов, затмевающих любую сказку. Вообще, на кораблях, как в монастырях или в казармах, народ склонен почесать язык, это объясняется отгороженностью от внешнего мира. К тому же моряки, как правило, суеверны и склонны верить самым нелепым выдумкам.

Так вот, о господине Синтезе родилась и молниеносно распространилась среди команды легенда; болтают, будто, сфабриковав новую сушу, он задумал в своей лаборатории создавать людей нового типа, таких совершенных, что мы на их фоне покажемся ничуть не лучше самых паршивых обезьян. Для этой цели предназначаются злополучные китаезы, которые сейчас кемпингуют на отдельном рифе. Они послужат основой или, если вам больше нравится, материалом для этого генезиса**, как ранее кораллы послужили материалом для сотворения рифа.

Мои сотоварищи полагают, что китайцев сперва порубят на кусочки, измельчат, растолкут и обратят в фарш. Затем их пропустят через ряд аппаратов, воздействуют на них реактивами, электрическим током и т. д. Из этой человеческой материи, грубо обработанной согласно какой-то неведомой формуле, будут воссоздавать высшие существа, которыми господин Синтез желает заселить свои владения и, где, скажем в скобках, им будет тесновато...

Идея показалась мне оригинальной, а главное, смелой, хотя в данный момент я в нее не верю. Однако осмелюсь утверждать, что, если господин Синтез и впрямь решил учинить подобную бойню, если и впрямь она необходима для воплощения его замысла, он ни перед чем не остановится. Я же в общем-то думаю, что для создания живого организма мой «подопечный» избрал бы менее варварский способ. Как бы там ни было, готовится огромное событие в науке, и мы еще увидим совершенно необыкновенные вещи.

Но это не все. Как ни ничтожно занимаемое мной положение помощника кочегара, но оно помогло мне про-

* Полубак — слегка приподнятая часть носовой палубы судна.

** Генезис — происхождение и последующий процесс развития.

никнуть в одну тайну, которая, быть может, будет иметь неожиданные последствия для кое-кого из командования.

Дело было совсем недавно, так как произошло оно уже после установки электродинамической машины Эдисона. Вам известно, что принцип работы этой машины зиждется на добыче электроэнергии путем движения. Поскольку источником движения является преимущественно пар, электродинамическая машина черпает эту силу у паровой машины. Соответственно, установленный на нашем корабле прибор Эдисона своим двигателем имел непосредственно наши генераторы.

Когда машина проходила испытания, нам, естественно, пришлось разжечь топки, из чего следует, что помощники кочегаров после долгого бездействия вновь засучили рукава. Я заступил на первую вахту, а напарником моим был один очень молчаливый парень, сущий человеконенавистник, — он никогда ни с кем и словом не перемолвился, а большую часть свободного времени проводил, прячась в самые укромные закоулки на судне.

Человек этот меня заинтересовал, несмотря на свою молчаливость, и я решил, чтобы скоротать время, немного понаблюдать за ним. Судите сами, каково было мое удивление, когда я заметил, что он постоянно обменивается многозначительными взглядами, знаками, даже перебирается словом-другим с индусами из команды и даже со слугой капитана.

Еще я заметил, что человек этот что-то уж слишком блюдет толстый слой сажи, покрывающий ему лицо. И мне захотелось узнать, почему он один из всей команды старается ни на секунду не смывать с себя этой омерзительной маски. (А я-то теперь благодаря бороде с наслаждением мылся в корыте с морской водой, не боясь быть узнанным.) Было очевидно, что этот тип тоже скрывается, что в морском деле он новичок, а, как я уже говорил, профессия кочегара — самый лучший вариант в такой ситуации.

Прошло довольно много времени, прежде чем я, не без некоторого тайного удовлетворения, убедился в правильности своего предположения. Это произошло в день запуска электродинамической машины. Была жуткая пятидесятиградусная жара, и, так как корабль стоял на рейде, вентиляционные трубы не пропускали в нашу парилку ни единого дуновения свежего воздуха. К тому же мы успели отвыкнуть от этой адской работы и вскоре уже совсем вывалили языки.

Несмотря на всю свою энергию, мой товарищ скопы-

тился первым. Задыхаясь, он тяжело повалился на кучу угля. Не знаю, что придало мне силы, скорее всего любопытство, нежели сострадание, но я, сам почти теряя сознание, схватив его в охапку, выволок, как тюк, из переднего трюма и потащил в лазарет, по счастью на то время пустовавший.

Я воспользовался этим случаем и, чтобы рассмотреть лицо моего сотоварища, решил умыть его морской водой. Каково же было мое удивление, когда из-под омерзительного налета угольной пыли появились матовая белая кожа, прекрасные и тонкие благородные черты, короче говоря, совершенный образец мужской красоты, настоящего индийского бога!

Мой пациент оказался совсем молодым человеком, лет двадцати — двадцати пяти. Он постепенно пришел в себя. Когда его взгляд остановился на мне, в нем появился испуг. Юноша забормотал что-то бессвязное; мелькнуло имя господина Синтеза, затем угрозы убить старика. (После почти трехмесячной жизни бок о бок с индусами я немного нахватался языка хинди* и даже научился без труда понимать некоторые общеупотребимые фразы.)

Мой больной оказался врагом господина Синтеза, притом, судя по яростному выражению, искажившему его лицо, пока он бредил, врагом заклятым! Внезапно он опомнился и узнал меня.

— Ты говоришь по-английски? — без обиняков спросил он.

Я родился в Булон-сюр-Мер, и английский наряду с французским мне, можно сказать, родной**. Кивком головы я ответил утвердительно.

— Я только что разговаривал... Ты слышал...

— Но я не понимаю языка хинди!

— Лжешь! К тому же ты видел мое лицо.

— Ну и что с того? Скажи, дружище, это твоя благодарность за оказанную тебе услугу?! А если бы я не вытащил тебя сюда, если бы бросил в трюме?! Ты б и пятнадцати минут не протянул!

* Хинди — один из самых распространенных языков Индии, в настоящее время является государственным языком.

** «Я родился в Булонь-сюр-Мер, и английский наряду с французским мне... родной». Булонь-сюр-Мер — портовый город у пролива Па-де-Кале, разделяющего Францию и Англию. В этот порт приходят суда из Англии с пассажирами, едущими на континент. Многие жители Булони-сюр-Мер в той или иной степени владеют английским языком.

— Твоя правда. Но ты узнал тайну, а тайна убивает.

— Не говори глупостей и не устраивай мелодрам. Я тоже непрост, меня не запугаешь. Поговорим спокойно. Чего ты хочешь?

— Чтобы ты обо всем забыл.

— О, это совсем легко, ведь я ничего не знаю.

— И мои слова, и мое лицо...

— Если тебе это доставит удовольствие, то я — со всей душой!

— Поклянись!

— Ладно, клянусь. Ты доволен?

— А теперь вернемся к работе. Никто не должен видеть мое настоящее лицо.

Мы возвратились в трюм, где этот голубчик вновь загримировался с величайшей тщательностью.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он меня шопотом.

— Как видишь, таскаю уголь в ручной корзине. Поганая работа.

— Это не твоя профессия. Ты, как и я, не настоящий помощник кочегара.

«Ну и ну! Попал прямо в яблочко!» — отметил я про себя.

— Отвечай! Зачем ты здесь?

— Этот секрет мне не принадлежит. К тому же к тебе он не имеет ни малейшего отношения и никого, кроме господина Синтеза, не касается!..

— Значит, ты здесь не из-за нее?

— Ты о ком?

— О находящейся на борту юной девушке. О той, из-за которой я терплю все эти адские муки... О той, которая цепями приковала к себе мою душу...

— А-а... Знаю, дружище, знаю! Нет-нет, успокойся, я тебе не соперник.

— Клянешься?

— У тебя, приятель, навязчивая идея все время клясться. Сам посмотри, похож ли я на героя романа?

— Да уж... — Он слабо улыбнулся, окинув взглядом мою вполне заурядную фигуру и ничем не примечательную физиономию.

— Но, — необдуманно брякнул я, — если ты питаешь

столь нежные чувства к внучке, почему так люто ненави-
дишь деда?

— Наконец-то ты признался!.. Ты слышал, как я угрожал
ему в бреду!

— Ну и что, раз я пообещал держать это в секрете?
Послушай, давай заключим договор — откровенность за
откровенность, молчание за молчание. Я — детектив, по-
сланный французской полицией следить за господином
Синтезом.

— Ничего ты о нем не узнаешь. К тому же он не
представляет никакого интереса для правосудия твоей
страны. Французам он не враг.

— А кому он враг?

— Англичанам.

— Быть того не может! Но почему?

— Не знаю. Только могу сказать, что когда-то госпо-
дин Синтез был другом старого раджи из Битура. Он
воспитал в его приемном сыне Дхондопукт-Нанаже эту
ненависть...

— Не слышал о таком...

— Вы, европейцы, называли его Нана-Саибом*.

— Этого знаю. Горе-герой великого восстания тысяча
восемьсот пятьдесят седьмого года, инициатор резни
в Канпуре...

— Совершенно верно. Синтез сделал Нана своим ин-
струментом и тайно руководил восстанием.

— Будь по-твоему. Но это же дела давно минувших
дней, современников они не интересуют, амнистия была
давно. Кроме того, надо еще доказать... Тебе-то что за
дело?

— Не важно. Знай только, что Синтез был злым гени-
ем моей семьи, из-за него хищники сожрали труп моего
отца, а я потерял свою касту, стал парией**. Однако

* Нана-Саиб (Нана Сахиб) — один из руководителей антиан-
глийского восстания в Индии в 1857—1859 годы.

** «...потерял свою касту, стал парией». — В Индии с древ-
ности существовало деление общества на замкнутые в специальном
отношении группировки — касты; высшей среди них является каста
брахманов, а среди низших каст есть такие, члены которых называются
«неприкасаемыми» (мусорщики, могильщики и т. п.), или париями. Член
высшей касты, вступивший в общение с париями, сам становится «непри-
касаемым».

хватит. Тебе известна часть моего секрета, мне — твоего. Мы квиты и должны жить разумно, в добром согласии, не стараясь навредить друг другу. А скажешь хоть слово Саибу (хозяину), сразу же умрешь — ведь у меня здесь сообщники, и ты их не знаешь. За работу!

Вот в какую странную историю я влип. Зачем? Убей Бог, не знаю. Этот загадочный юноша, имени которого я даже не спросил, говорил, как человек цивилизованный, а ненавидел, как дикарь. Мне казалось, такой способен совершить преступление. Должно быть, выжидает удобного случая, чтоб избавиться от господина Синтеза и завладеть девушкой. Это будет нелегко — старика хорошо охраняют. Видимо, инстинкт подсказывает ему, что следует остерегаться.

Что прикажете делать мне в подобных обстоятельствах? Все рассказать Саибу, как они его тут окрестили? Тогда пришлось бы ему выложить, что я специально послан Центром. Вряд ли господину Синтезу это может понравиться. К тому же мой коллега, наверное, убьет меня, что не входит в мои планы. Не лучше ли промолчать? Надо, чтоб и овцы были целы, и волки сыты. Буду тайком радеть о безопасности старца, а самому, во всяком случае внешне, следует оставаться пассивным сообщником моего незнакомца хотя бы для того, чтобы вовремя расстронть его замыслы.

Я лично вовсе не симпатизирую господину Синтезу и в других обстоятельствах не стал бы вмешиваться. Но меня заинтересовал его опыт, и я хотел бы узнать, чем все закончится. Это мой профессиональный долг.

Таким умозаключением, свидетельствующим не столько о человеколюбии автора, сколько о наличии у него философской жилки, агент номер 32 завершил свой рапорт. Аккуратно сложил тонкие листки бумаги для прокладки гравюр, написанные микроскопическим почерком, обмотал их вокруг карандашного грифеля и все вместе вставил в закручивающийся футлярчик, который спрятал за подкладку робы.

Предписание.— Ужас зоолога при чтении этой бумаги.— Предстоящее погружение на пять-шесть километров под воду.— Юный господин Артур не в восторге от перспективы отправиться в такую даль на поиски bathybius haeckelii. — «Морской крот».— Аппарат глубоководного зондирования.— Тибоды.— Возле «Лота» и «Подводника».— Шестикилометровый стальной трос.— Господин Синтез промыл свои сосуды.— Последние приготовления подводной экспедиции.— Запертые в металлической капсуле.— Спуск.— Море освещено электрическим светом.— Разговор на глубине пяти тысяч двухсот метров.*

Несмотря на затворническую жизнь господина Синтеза, его прекрасно составленные планы воплощались в жизнь как по мановению волшебной палочки. Приказы отличались такой четкостью, прорабы проявляли такую смекалку, а рабочие трудились так рьяно и сноровисто, что подготовительный период пролетел очень быстро.

Чудо-лаборатория, воздвигнутая на атолле и снабженная всеми пристройками и службами, а также разнообразнейшей аппаратурой, была готова к тому, чтобы в ее стенах воплотилось Великое Дело господина Синтеза. Но пока тут еще царит покой. Электродинамическая машина накрыта большим брезентом, под сводом купола, причудливо сплетаясь, застыли неподвижные трубки, а солнце ослепительно сверкает на витраже. Печи и реторты, котлы и жаровни ждут появления таинственной субстанции, чья формула известна только Мэтру. По всему видно, что все эти многочисленные приспособления готовы вступить в действие — и гигантская машина тотчас же придет в движение по первому слову старого ученого.

Невзирая на пугающие прогнозы Роже-Адамса относительно состояния здоровья господина Синтеза, ничто, казалось, не изменилось в замыслах старика. Даже капитан Кристиан, навещавший его два-три раза в день, имел вид как никогда веселый. Зная преданность капитана хозяину, оставалось предполагать, что или мрачные предсказания зоолога не оправдались, или он ошибся в диагнозе. Иначе бы лицо капитана день ото дня не светило бы все большей радостью.

* Bathybius состоит из двух греческих слов, означающих «живущая на больших глубинах». Хаксли назвал ее в честь Гекеля, профессора Иенского университета, глубоко изучившего и описавшего монеровидных. (Примеч. авт.)

Наконец утром, ровно через месяц после начала монтажа лаборатории, господин Роже-Адамс, хранивший все время выражение меланхолии и озабоченности, ворвался с искаженным лицом в каюту своего коллеги. Алексис Фармак в марокканской одежде* возлежал на койке рядом с открытым иллюминатором и наслаждался дуновениями морского ветерка.

— Господи! Что с вами? Что случилось? На борту пожар? Нет, вы заболели! Вы желты, как айва... У вас что, печень пошаливает? Уже целый месяц вас как подменили... Надо подлечиться, дорогуша.

Зоолог пропустил мимо ушей весь этот словесный поток и сокрушенно ответил:

— Нет, хуже!

— Как, хуже пожара?.. Хуже желтухи?..

— Посудите сами, вот предписание... Прочтите эту распроклятую бумажонку, которую наш с вами господин — черт бы его побрал! — соизволил прислать мне со слугой.

И зоолог протянул своему коллеге маленький листок плотной бумаги, на котором были написаны острым почерком, похожим на почерк древних алхимиков, несколько слов.

— Ты смотри, автограф хозяина! — обрадовался химик.

— Можно подумать, сам Вельзевул** начертал! — скорбно молвил зоолог.

— Но это же так интересно!

— Вам хорошо говорить!

— Я лично завидую, что вам посчастливится выполнить этот так кратко сформулированный приказ: «Господину Роже-Адамсу предписывается ровно в два часа пополудни занять свое место в «Морском кроте». Предстоит погружение на глубину пять-шесть тысяч метров под воду, где должен водиться *bathybius haeckelii*. «Морской крот» будет оборудован электрическими лампами и микроскопами». Подпись. Ничего не скажешь, — написано точно и ясно.

— Это приводит меня в отчаяние!

— Да что вы?! Так расстраиваться из-за увлекательнейшей морской прогулки? Ведь на глубине пяти-шести километров под водой через иллюминатор «Морского крота» вы увидите столько чудес! Вы достигнете той глубины, на которую еще не спускался ни один живой человек!

* Марокканская одежда — т. е. такая, какую носят в Марокко (Северная Африка).

** Вельзевул — дьявол; владыка ада.

— Я достигну ее не живым, а мертвым!..

— Но ведь шеф же отправится вместе с вами! Неужели вы думаете, что он дорожит своей шкурой меньше вашего? Повторяю, вам повезло, я завидую...

— Благодарю вас, вы очень добры!

— С таким человеком, как наш хозяин, я пошел бы к черту на рога и глазом не моргнув.

— Он вас положительно околдовал.

— Да, я, околдован его выдающимися достоинствами, необыкновенной ученостью, его гением. Да, я рад и горжусь в этом признаться.

— Моя натура не так восприимчива...

— Ваше дело. Но как бы там ни было, с энтузиазмом или нет, вы хочешь не хочешь совершите в «Кроте» это замечательное погружение на глубину пяти или шести тысяч метров. Не кажется ли вам, что для пожираемого гангреной старца наш шеф еще куда как энергичен?

— Глазам своим не верю! Я-то думал, что после этого месяца, который он провел отшельником, увижу перед собой умирающего.

— А я — наоборот! Или я очень ошибаюсь, или мы скоро увидим его сильным как никогда. Между нами говоря, думаю, что он использовал этот месяц одиночества для того, чтобы, как говорится, сменить кожу или, если хотите, освободить свои артерии от солевых отложений.

— Это невозможно сделать при помощи лекарств.

— Невозможно для вас, для меня, для всех прочих смертных, но не для него!.. Что же касается вашей вылазки на поиски bathybius и предполагаемого риска, то еще есть время сделать завещательные распоряжения. Отрадно, не так ли? А быть может, вы предпочтете вместе со мной осмотреть эти два превосходных аппарата для подводного спуска, которые уже приготовлены ввиду предстоящего погружения? Это вас успокоит.

— За неимением лучшего, увы, я согласен, — тяжело вздохнул как никогда растерянный зоолог.

Аппараты, о которых с таким восторгом говорил химик, были в чем-то схожи между собой в том смысле, что оба предназначались для глубоких погружений, однако они резко различались размерами. Первый — прибор для зондирования — вместе с кабелем весил не более ста пятидесяти килограммов, второй — для спуска подводников — включая вес троса, семь-восемь тонн.

Операция, предваряющая каждую подводную экспедицию, состоит в непрерывном измерении глубины исследуемой местности. Поэтому начнем с краткого описания того снаряда, который первым пускают в дело.

Установлен он был непосредственно на палубе и представлял собой большую лебедку, с намотанной на нее стальной проволокой миллиметрового сечения, длиной около десяти тысяч метров. По направляющей проволока поднималась к блоку со стопором*, обеспечивающим работоспособность установки при любом крене судна. Неподвижный блок, размещенный на планшире** судна, был жестко закреплен на палубе и имел червячную передачу***, приводящую в движение два зубчатых колеса. На одно из них нанесли разметку до десяти тысяч метров. Так как каждый оборот составлял один метр, число, указанное на зубчатых колесах, означало глубину. Такое ловко придуманное размещение создавало автоматический счетчик непогрешимой точности. Действовало это приспособление просто и почти не требовало приложения силы.

Лебедка со стальной проволокой имела на оси тормозные колодки, управлявшиеся рычагом, на конце которого находился шкив****, закрепленный на каретке*****. По мере вращения блока давление стальной проволоки увеличивалось или уменьшалось, вследствие чего каретка скользила вверх или вниз вдоль грузовой стрелы*****, в большей или меньшей степени надавливая на тормоз, что регулировало скорость разматывания нити. Это устройство называлось лотом. Вес лота достигал семидесяти пяти — восьмидесяти килограммов.

Перед тем как замерить глубину, необходимо было при помощи рычага установить счетчик на нулевую отметку. После чего отпускался тормоз и лот погружался под воду до тех пор, пока не касался дна. Чтобы узнать точную глубину, оставалось лишь взглянуть на счетчик — прибор, являвший собой одновременно счетчик, регулятор и регистрирующее устройство. Его изобретению мы обязаны французу, господину Гибодье, выдающемуся инженеру национального судостроения.

* Стопор — деталь или устройство для закрепления частей механизма в определенном положении.

** Планшир — округленный деревянный брус, который проходит по верхней части фальшборта, ограждающей палубу.

*** Червячная передача — механизм для передачи вращения между валами; состоит из винта (червяка) и сопряженного с ним колеса с нарезкой.

**** Шкив — колесо, на котором крепится ремень канатной передачи.

***** Каретка — передвигающаяся в обе стороны по определенной линии часть механизма.

***** Грузовая стрела — устройство на корабле для погрузки угля (иногда и других грузов).

Еще несколько слов о металлической проволоке, внедрение которой обеспечило настоящий прогресс в глубоководном зондировании. Несмотря на то, что сечение ее не превышает одного миллиметра, она не рвется даже тогда, когда удерживает груз весом сто сорок килограммов. Кроме того, эта проволока имеет еще одно очень большое достоинство: сопротивление потоку воды настолько мало, что результаты измерения будут тем точнее, чем тяжелее груз.

В старину, когда для подобных целей пользовались пеньковыми веревками, замеры, особенно на больших глубинах, были очень неточны. Чтобы выдержать вес лота, канат должен был быть довольно толстым, ввиду чего морское течение, действуя на его большую, нежели необходимо, поверхность, относило лот довольно далеко. Вот почему ошибки, допущенные при блестящих научных исследованиях на «Талисмане» в Атлантике, были исправлены после применения лота Тибодье.

Аппарат для подводного спуска располагался на носу корабля. Как было сказано выше, он был гораздо больше первого,— вместо лота в воду погружался настоящий монумент. Высота его равнялась пяти метрам, а диаметр в основании — двум метрам шестидесяти сантиметрам.

Представьте себе чудовищный ребристый снаряд, образца 1864—1866 годов, ныне замененный снарядами с медными ободками. Это сходство подчеркивалось еще и двумя рядами хрустальных иллюминаторов, опоясывавших ребра аппарата, словно ободки в нарезном стволе старинного артиллерийского орудия. Верхняя, цилиндрической формы, часть капсулы заканчивалась усеченным шишаком. Можно было предположить, что и вес ее, и прочность были вполне достаточны, чтобы на указанной в предписании глубине, выдержать огромное давление воды. Установленный вертикально возле фок-мачты непосредственно под лебедкой, аппарат мог быть перемещаем по горизонтали слева направо и справа налево.

Кабель, удерживавший эту махину, тоже был металлическим, сплетенным из девяти жгутов, каждый из которых состоял из стальных нитей, обкрученных вокруг одной, изолированной гуттаперчей. Несмотря на то, что канат состоял из семидесяти двух жил, диаметром он не превышал восемнадцати миллиметров. Однако прочность его была так велика, что, втрое превышая прочность в четыре раза более толстого пенькового каната, обеспечивала грузоподъемность пятнадцать тонн. Длина кабеля равнялась ровно шести тысячам метров.

Для спуска и подъема подводного аппарата, названного его создателем инженером Тозели «Морским кротом», использовалась лебедка, приводимая в движение машиной мощностью тридцать лошадиных сил, и громадная чугунная катушка, на которую с помощью еще одной машины мощностью десять лошадиных сил наматывался кабель. Кстати говоря, ход обеих машин регулировался таким образом, чтобы достигалась абсолютная слаженность движения.

Долго рассматривали два ассистента все узлы этого столь же мощного, сколь и хитроумного механизма. Алексис Фармак не без некоторой иронии утешал коллегу, а юный господин Артур казался все более удрученным. Наконец склянки пробили час, который зоолог упрямо продолжал считать роковым.

С хронометрической точностью человека, не признающего не только препятствий, но и обыкновенных помех, господин Синтез вышел из своих апартаментов и простествовал по палубе к зонду. Капитан и матросы, назначенные выполнять маневр, заняли свои посты.

Мэтр, холодно ответив на почтительные приветствия и сделав знак следовать за собой, легко зашагал вверх по лестнице. Взгляды ассистентов непроизвольно устремились на его руку, лежащую на поручнях. Крик удивления чуть было не сорвался с их губ — желтоватые пятнышки, в происхождении которых наметанный глаз врача не мог ошибиться, исчезли. Кожа была совершенно чистой и прозрачной, под ней пульсировали голубоватые вены. Не осталось ни малейших следов гангрены!

— Это дьявол, а не человек! — прошептал в сторону не верящий глазам своим профессор зоологии.

«Черт возьми, а он почистился! — подумал химик. — Этот коновал просто дурак, а патрон — крепкий орешек!»

— Готов ли лот к работе? — прозвучал как всегда спокойный голос господина Синтеза.

— Все готово, Мэтр.

— Хорошо. Приступим.

Тотчас же матрос, взявшийся за рычаг, установил счетчик на нулевую отметку, блок закрутился, проволока начала разматываться и лот исчез под водой. После пятиминутного ожидания, во время которого господин Роже-Адамс покрылся гусиной кожей, вращение внезапно прекратилось.

— Глубина пять тысяч двести метров! — глянув на счетчик, прокричал капитан.

— Хорошо,— отозвался господин Синтез.— Прикажи выбрать зонд и проводи нас к «Кроту». Господа; прошу следовать за мною.

Они подошли к тяжелому аппарату, чьи иллюминаторы блестели на солнце как огромные бриллианты.

— Открыть затвор! — приказал Мэтр.

По команде капитана четверо матросов установили вокруг «Крота» четыре шпангоутных шеста*, закрепив их сверху и снизу траверсами, привязанными пеньковым тросом. На это четырехугольное основание навели настил для капитана с двумя его помощниками. Стоя на образованном помосте, они на целый метр возвышались над усеченным конусом, образующим верхушку «Морского крота».

В кольцо, невидимое снизу, был продет железный штырь, за концы которого взялись два матроса и начали с силой вращать его, как ворот. Послушная этой силе, головка ракеты повернулась справа налево и, произведя семь или восемь оборотов, обнаружила блестящую, словно золото, винтовую нарезку,— аппарат для подводного спуска наглухо завинчивался, что обеспечило его полную герметичность.

— Стоп! — скомандовал считавший обороты капитан.

Он несколько раз дунул в свисток, и за дело взялись два механика, повернувшие пусковые рычаги машин, выбирающих трос, и тот медленно заскользил по неподвижно закрепленному на конце лебедки блоку. Тяжелая крышка поднялась на высоту двух с половиной метров и по команде застыла. К величайшему неудовольствию Роже-Адамса, у которого буквально подкашивались ноги, вход в «Морской крот» был открыт. По знаку Мэтра капитан и два матроса спустились на палубу.

— Проверил ли ты трос и убедился ли в его прочности? — отведя Кристиана в сторону, спросил господин Синтез.

— Так точно, Мэтр. Сегодня ночью я опускал «Крот» на глубину четырех тысяч метров и целый час держал его в подвешенном состоянии на перлине**. Несмотря на качку судна, которая еще усиливала натяжение, трос великолепно выдержал испытание.

— А аппарат со сжатым воздухом?

* Шпангоутный шест (шпангоут) — ребро корпуса корабля.

** Перлинь — веревка или трос толщиной от 10 до 15 см в диаметре.

— Я также лично его проверил, как и воздухозаборники.

— А электролампы?

— Они внутри «Крота» и готовы к работе.

— Ты доверяешь своим механикам?

— Как себе самому.

— Я имею в виду не их преданность, а профессиональную подготовку.

— Да, Мэтр, понимаю. Я сам в течение нескольких дней тренировал их на свертывание и разворачивание каната. Машины работают абсолютно синхронно.

— Превосходно. Нет надобности повторять, в проведении этого тонкого маневра мои надежды только на тебя.

— Ах, Мэтр, если бы вы позволили мне занять ваше место! Подумать только — пять тысяч двести метров! Я бы рисковал сам, хотя, впрочем, все непредвиденные обстоятельства сведены до минимума.

— Нет, дружок. Я самолично должен отобрать первоматериал для будущего генезиса.

— Но можно ли хотя бы сопровождать вас?

— Нет. Твой пост здесь, наверху. Ведь ответственность за безопасность нашего предприятия в основном ложится на тебя.

— Простите мою настойчивость и можете на меня положиться.

— Хорошо. Поставь лестницу — и вперед!

Старик медленно взобрался на помост и сделал знак зоологу следовать за ним.

— Счастливого пути! — тихо промолвил химик.

У юного господина Артура подгибались колени, в горле пересохло, черты лица заострились — он имел вид приговоренного к смерти. А тут еще, как издеваясь, желают счастливого пути! Механически передвигая ноги, ассистент последовал за Мэтром.

— Спускайтесь! — поторапливал хозяин. — Полезайте внутрь по этой веревочной лестнице.

— Слушаюсь, Мэтр!

— А теперь моя очередь, — заявил господин Синтез, спускаясь в «Крот», казалось, поглотивший их обоих.

Капитан Кристиан дал знак механикам. Висящая на лебедке крышка медленно опустилась на винтовую резьбу. Два затворника больше не видели небосвода, теперь свет просачивался внутрь аппарата лишь через два ряда иллюминаторов. Они слышали, как завинчивалась крышка, как дребезжал металлический штырь, продетый в верхнее

кольцо, как топали по помосту механики, как заработала установленная на палубе машина. Аппарат осторожно, без толчков, подняли в воздух. Лебедка, как гигантская рука, развернула «Крот» на четверть оборота, и он завис над волнами. Все стихло.

Злосчастный зоолог, обливаясь холодным потом, застыл неподвижно, схватившись за виски, как будто у него начался приступ морской болезни. Он почти не сознавал, что аппарат погружается. Понемногу становясь зеленоватым, мерк свет. Вскоре в «Кроте» воцарился полумрак. Но тут господин Синтез подключил к свинцовому аккумулятору Гастона Плантэ электрическую лампочку Эдисона. Все сразу же переменялось, как по мановению волшебной палочки. Залитый слепящим светом, «Морской крот» бросал яркие пучки лучей через иллюминаторы, пугая странных и причудливых обитателей моря.

Вдали, в сумраке, сияла кровавыми отблесками, поверхность кораллового рифа. Несколько коричневых етеблей, сорванных с рифа, жестких, как железные стержни, водорослей, подхваченные течением, скребли металлический корпус. Большие пучеглазые рыбы уткнули в хрустальные иллюминаторы безмозглые головы и замерли, загипнотизированные резким светом. Огромные крабы царапали клешнями прочные стенки подводного аппарата. Необычайно длинные угри, словно змеи, извивались среди стаи акул, этих свирепых хищников, чьи тела уже не фосфоресцировали — их затмевал свет прожектора. «Крот» продолжал погружение, вот он уже на глубинах, недоступных живым существам.

Зоолог, в котором начал пробуждаться инстинкт ученого, разбуженный этой внезапно открывшейся восхитительной панорамой, очнулся от своего оцепенения и начал озирать помещение, где они с Мэтром очутились. Родже-Адамс сразу заметил, что пол кабины почти на метр поднят над днищем аппарата, — значит, под полом существует полость, назначение которой он пока не мог определить. В «Морском кроте», имеющем форму огромного улья, размещалась настоящая, хоть и примитивная, лаборатория, оснащенная инструментами первой необходимости: два микроскопа, флаконы с реактивами, спиртовая горелка, тубусы*, пробирки, маленькие весы, несколько фарфоровых чаш для выпаривания, аппарат для момен-

* Тубус — трубка, в которой заключены окуляры микроскопа или другого оптического прибора.

тальной фотосъемки и так далее. Предметы располагались в чем-то наподобие серванта шириной сантиметров сорок, установленного вдоль стен на высоте рабочего стола. На самих же стенах цвета нового золота, приглушенного тонким слоем коричневого лака, на вбитых с помощью гидравлического пресса* болтах висели веревочные лестницы, по которым два подводных путешественника проникли внутрь капсулы. А на потолке размещался маленький аппарат неизвестного назначения.

«Крот» продолжал спуск. Живые существа встречались все реже. Для ассистента-зоолога время тянулось ужасно медленно; напрасно он ждал, чтоб его бестрепетный спутник вымолвил хоть слово. Снаряд входил в толстый слой слизи, вода становилась мутной — это напоминало туман, непроницаемый даже для электрического луча. Суровые черты Мэтра смягчила улыбка. Впервые с начала погружения он встал, прижался лицом к одному из иллюминаторов и пробормотал:

— Приехали.

В этот момент «Морской крот» сотряс легкий, но тем не менее ощутимый удар и начал громко звенеть электрический звонок.

Господин Синтез снял эбонитовую трубку** телефонного аппарата, поднес ее к уху и, приблизившись к сосновой панели передатчика, громко произнес:

— Это ты, Кристиан?

— Да, Мэтр,— отчетливо послышался голос капитана.

— Здесь все в порядке. А как там наверху?

— Все благополучно, Мэтр. Вы погрузились на глубину пять тысяч двести метров. Каковы будут дальнейшие распоряжения?

ГЛАВА 8

*Малодушие.— Устройство «Крота».— Неожиданная благо-
склонность господина Синтеза.— Прочный, как сталь, легкий,
как стекло.— Алюминиевая бронза.— Две тысячи килограммов
балласта.— Переговоры с поверхностью.— Испуг ассистен-
та.— Хоть и простой, но инженерный механизм.— Что видно
под микроскопом на глубине пяти тысяч метров.— Телефон-*

* Гидравлический пресс — механизм, производящий давление силой воды, направляемой поршнем в особом цилиндре.

** Эбонитовая трубка — трубка из эбонита, твердого вещества, получаемого путем вулканизации каучука большим количеством серы.

ный разговор.— Капитан подает сигнал тревоги.— Bathybius hækeli. — Роже-Адамс читает лекцию как ни в чем не бывало.— Буря.— В корабль попала молния.— Связь прервана.— Трос оборвался!

Господин Синтез любезно передал зоологу трубку и уступил ему свое место у передатчика, таким образом тот смог обменяться несколькими словами с капитаном Кристианом.

Вследствие странной аберрации человеческой психики*, разговор этот, простой обмен банальными фразами, обычная вибрация, переданная по проволоке, изолированной гуттаперчей, подбодрила зоолога и отчасти восстановила его прежнюю энергию. Как если бы в случае грозившей ему сейчас смертельной опасности несколько хрупких звуков, дошедших с поверхности, могли отвести угрозу! Как если бы трусу, заблудившемуся в ночном лесу, довольно было бы увидеть слабый свет в отдалении, чтобы отвести от себя реально существующую угрозу!

От господина Синтеза не укрылось настроение его ассистента. Он заметил, как тот поначалу трясся от ужаса, и его радовало, что сейчас зоолог держится с прежней уверенностью,— страх мог бы помешать работе. Желая еще больше его успокоить, господин Синтез снисходительно, но не без ноток сердечности, кратко пояснил некоторые детали устройства подводного аппарата.

— Вы ведь не ощущаете никаких затруднений при дыхании, не так ли? — спросил Мэтр.

— Ни малейших. Наоборот, мне дышится даже легче, чем на поверхности. К тому же, учитывая большие размеры аппарата, мы обеспечены воздухом в достаточном количестве.

— Даже в большем, нежели вы думаете. Так как, если наши опыты затянутся, мы прибегнем к резервуару, установленному в верхней части аппарата — в нем воздух, накаченный под давлением в несколько атмосфер. Чтобы пополнить наш запас кислорода, стоит лишь повернуть кран.

— А углекислый газ, который мы выдыхаем?

— Загляните под полку, укрепленную по окружности. Там сосуды, наполненные каустической известью. По мере

* Абerrация человеческой психики — сдвиг в восприятии, при котором теряется представление о действительной последовательности событий во времени.

накопления углекислоты она будет адсорбироваться. Так что асфиксия* нам не грозит. Если вы проголодаетесь, то я захватил запас провизии, а также вина и питьевой воды. О себе я тоже позаботился и взял свою обычную пищу. Каждому — согласно его обыкновению и... его желудку.

Зоолог молча почтительно поклонился, он безо всякой задней мысли испытывал восхищение перед твердостью, предусмотрительностью и ясностью ума этого старика.

— «Морской крот»,— продолжал господин Синтез,— обеспечивая необходимый для исследований комфорт, должен давать нам и гарантии полной безопасности. Смотрите, как он прекрасно выносит давление такого огромного слоя воды!

— Честно признаться, во время спуска я опасался, что если при погружении на каждые десять метров давление возрастет на одну атмосферу, снаряд даст трещину, а то и вовсе будет раздавлен.

— Тем не менее мы беспрепятственно опустились на глубину пять тысяч двести метров, то есть на глубину, где давление пятьсот двадцать атмосфер, а значит, аппарат выдерживает давление приблизительно в пятьдесят четыре тонны на квадратный сантиметр. Но ему все нипочем!

— Однако мне кажется, что толщиной стенок нельзя объяснить подобную прочность!

— Не беспокойтесь, все рассчитано. К тому же это совсем несложно. Стремясь придать снаряду максимальную прочность, не увеличивая вес, я употребил для его изготовления алюминиевую бронзу — один из самых прочных и самых легких металлов.

Известно, что удельный вес алюминия 2,56, почти как удельный вес стекла, а удельный вес меди — 8,70. В состав алюминиевой бронзы входит одна десятая меди, следовательно, удельный вес сплава не будет превышать 3,50. Но несмотря на это, его прочность на излом вдвое превышает прочность железа, чей удельный вес равен 7,78. Таким образом, «Морской крот», сделанный из алюминиевой бронзы, весит в десять раз меньше и вдвое прочнее, чем если бы он был изготовлен из железа.

— Все, что вы мне рассказали, Мэтр, звучит так убедительно, что мне совестно вспоминать о своих опасениях. Но если корпус «Крота» имеет такую прочность, то не могут ли иллюминаторы вдавиться внутрь?

— Это невозможно. Чтобы в этом убедиться, достаточ-

* Асфиксия — смерть от удушья.

но изучить их строение. Смотрите, они имеют форму усеченного конуса и вставляются обратной стороной в полость, которая также имеет форму усеченного конуса, таким образом давление осуществляется на самое широкое основание, расположенное извне, а это усиливает соприкосновение хрустальной друзы с ее рамой.

Ободренный благосклонным отношением старика, зоолог рассыпался в извинениях и осмелился выдвинуть еще одно возражение:

— Если «Морской крот» имеет такой относительно малый вес, то каким образом он достигает такой глубины — ведь это же противоречит, во всяком случае на первый взгляд, принципу Архимеда?

— Это происходит потому, что в его основании расположены в качестве балласта две чугунные болванки весом по тысяче тонн каждая.

Над нашими головами — закрытая камера объемом два кубических метра. Под этим колоколом расположены чугунные листы, весом в две тонны. Вы, должно быть, задаетесь вопросом о назначении этого добавочного веса. Дело в том, что в этот резервуар поступает вода, вот рукоять, с помощью которой я открываю кран. Стоит ее слегка повернуть, и тотчас же резервуар начинает наполняться и весить чуть больше двух тысяч килограммов, учитывая, что удельный вес морской воды равен максимум 1,10.

Таким образом, мы, нажав эту кнопку слоновой кости, сбросим две тонны чугунного балласта для того, чтобы приобрести две тысячи килограммов балласта воды. Этот обмен элементов, приблизительно равных по весу, является единственной целью нашей подводной экспедиции. Ибо, как вы уже и сами догадались, мы спустились на такую глубину для того, чтобы набрать воду, содержащую хорошо вам известную слизь. А теперь — за работу!

С этими словами господин Синтез взял пробирку на ножке, старательно ее вытер, наклонился и поставил на металлический пол аппарата так, чтобы горлышко находилось прямо под изогнутым краном, чье назначение уже давно возбуждало любопытство зоолога. Господин Синтез медленно повернул маленькое боковое колесико и стал его вращать. Из рожка крана внезапно послышался резкий отрывистый свист.

Сам не зная почему, ассистент вздрогнул всем телом. Он бросил испуганный взгляд на Мэтра, оставившегося, по своему обыкновению, абсолютно спокойным.

— Это пустяки. Просто под давлением из трубки вырывается находившийся там воздух,— пояснил господин Синтез.

«Вот оно как выходит,— подумал про себя бедолага-зоолог,— этот дьявол, прежде чем раздавить в лепешку, подвергнет меня всем ужасам медленной смерти».

Свист прекратился, затем из крана потекла струйка мутной, полной хлопьев жидкости, на две трети заполнив подставленную пробирку.

— Ну вот, дело сделано,— снова заговорил старик с явным удовлетворением, внимательно разглядывая на свет содержимое сосуда.— Вас, вероятно, смущает, что я добываю опытный образец способом, с первого взгляда кажущимся невероятным?

— Совершенно верно, Мэтр. Осмелюсь вам признаться, что я не перестаю восторгаться вами, хотя вы и заставляете меня испытывать немислимые страхи.

— Сдается мне, вы — человек нервный. Но это не беда, хотя, должен заметить, что вы легко поддаетесь и восторгу, и испугу. Между тем, дражайший, все это — просто вопрос механики; маленькое колесико регулирует положение трубки из алюминиевой бронзы, на нижнем конце которой — большая гайка с отдушиной. Пока водозаборник бездействует, отверстие перекрыто, но, если я привожу в движение колесико, трубка под влиянием этого импульса сдвигает гайку на четверть окружности и вода проникает в отверстие. Таким образом пробирка наполняется необходимым нам количеством воды. Если бы «Крот» напрямую сообщался с окружающей средой, то вода, поданная под давлением пятисот атмосфер, немедленно разорвала бы обшивку.

— Разумеется, но ведь происходит обратное?

— Понять это несложно. Я манипулирую моим маленьким колесиком, которое продолжает вращать трубку и гайку таким образом, чтобы отверстие переместилось в первоначальную позицию,— сообщение с внешней средой прекращается... А теперь соблаговолите настроить ваш микроскоп, наладьте должным образом освещение и внимательно исследуйте эту жидкость.

Привычный к таким опытам, зоолог концом стеклянной палочки подцепил каплю воды из пробирки, нанеся на тонкую хрустальную пластинку, вложил ее в микроскоп и приник глазом к тубусу.

— Потрясающе! — воскликнул он после минутного внимательного наблюдения.

— Что вы увидели? — спросил господин Синтез с живо-

стью, выдававшей интерес, с которым он относился к производимой операции.

Пронзительный звонок телефона помешал ассистенту ответить.

— Ну что они там еще от меня хотят! — Нетерпеливый тон старика странным образом контрастировал с его обычной сдержанностью. — Это ты, Кристиан? Что случилось? — заговорил он в микрофон.

— Мэтр, начинается сильная гроза. Небо покрыто черными тучами. Сильно упала стрелка барометра.

— Гроза уже над нами?

— Нет еще. Но тучи сгущаются с невиданной быстротой. Вы же знаете, как быстро налетают тропические бури.

— Нам угрожает опасность?

— Корабль будет раскачиваться, его может отнести. Боюсь, как бы эти движения не перенапрягли трос.

— Отпусти его на двадцать метров.

— Но тогда вы, даже слегка задержавшись, не сможете подняться на поверхность. Если море станет бурным, трос ни за что не выдержит веса «Крота».

— Мы переждем, пока море успокоится.

— Однако, Мэтр...

— Хватит! Это мой приказ. Так вы, говорите, господин ассистент, что увидели под микроскопом потрясающие вещи?

— Да, Мэтр, — подтвердил зоолог, чей лоб при тревожном сообщении капитана Кристиана покрылся испариной. — Я вижу среди громадного числа лучевиков (радиолярий)* слизистые густки округлой формы, другие аморфные тела образовали клейкие цепи. Вне всякого сомнения, это монеры. Я даже вижу заключенные в слизи маленькие частички кальция, дисколитов и циатолитов, являющихся, без сомнения, продуктами физиологического выделения...

Густки живут и умирают, дышат и питаются... Однако у них нет ни тела, ни формы. Это первичная материя в своем самом простом выражении, органическая клетка, углеродный белковидный компонент. Изменяясь в бесконечности, он образует постоянный субстрат** феномена жизни во всех организмах!..

* Лучевики (радиолярии) — подкласс простейших животных (размер до 1 мм) с твердым скелетом (свыше 7 тыс. видов).

** Субстрат — здесь: среда постоянного обитания и развития микроорганизмов.

— Довольно, довольно, господин профессор зоологии. Рассмотрим все по порядку, руководствуясь определенной методикой. Прежде чем прийти к выводу, что эти корпскуль*, состоящие из бесструктурной плазмы**, действительно имеют такое строение, надо воздействовать на них реактивами. Соболаговолите в двух словах доложить результат. Затем сфотографируйте целый ряд образцов. А наверху, в лаборатории, вы произведете серию опытов для сравнения. Теперь продолжайте, я вас слушаю.

— Я очень отчетливо вижу монеры — это *bathybius hækeliî*, так прекрасно описанные в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году Хаксли***. Они представляют собой маленькие сгустки, крохотные слизистые существа неопределенных очертаний. Некоторые из них подвижны, иные выпуклы или пальчатой формы, порой очень тонкие, лучевидные, именуемые псевдоподиями****. На самом деле их ножки являются простым прямым продолжением аморфной белковой массы, из которой состоит тело монеры.

В данном экземпляре мне затруднительно определить хоть какую-либо инородную частицу. Нет никакого сомнения в том, что сейчас монера поглощает пищу, а полная однородность этой белковой массы подтверждает ее существование как живого существа.

— Продолжайте, господин зоолог. Ваши объяснения превосходны, и они заинтересовали меня.

— Капля слизи, помещенная перед объективом, кроме монер содержит несколько корпскул, в которых я узнаю органические остатки, микроскопические растения, инфузории...*****

— И что же происходит? Очевидно, монеры поглощают эти субстанции?

— Совершенно верно, Мэтр. Органические частички входят в соприкосновение с полупрозрачными белковыми существами, раздражают их и...

— Точно! Я наблюдал этот феномен за тридцать лет до Хаксли...

* Корпскульы — очень малые частицы вещества.

** Бесструктурная плазма — здесь: вещество, не имеющее ядра и определенного строения.

*** Хаксли (Гексли) Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения о происхождении видов.

**** От греческого «ложный» и «нога».

***** Инфузории — одноклеточные животные, обладающие, в отличие от других одноклеточных, двумя ядрами.

— Вследствие чего происходит значительный прилив коллоидной субстанции*, составляющей монару... Затем органические частички обволакиваются ее массой и, погружившись в нее, рассасываются — эндосмос** поглощает их.

— Достаточно. Теперь сфотографируйте препараты. Я, со своей стороны, обработаю реактивами оставшуюся в пробирке растительную слизь. После чего осторожно наберем два кубометра воды, полной этих микроорганизмов, и, избавившись от чугунного балласта, будем подумывать о возвращении на поверхность.

Зоолог, оправившись от своих первоначальных страхов, прикинув глазом к окуляру, погрузился в созерцание. Его томила такая жажда познания тайн природы, что даже тревожные слова капитана были забыты. Господину Синтезу пришлось вмешаться и напомнить, что пора заняться фотографиями. Господин Артур навел портативный фотоаппарат, достал пластины с желатино-бромовым покрытием, но тут в третий раз задребезжал звонок телефона.

Поглощенный своим делом старик приготовился уж было резко отбрызнуть непрошеного собеседника. Роже-Адамс услышал, как, поднося к уху трубку, он бормотал себе под нос:

— Положительно, они сговорились мешать нам работать!.. Когда меня нет рядом, они теряют головы.

Прежде еще, чем он успел спросить, капитан ли Кристиан у телефона, до него долетел быстрый, взволнованный голос офицера:

— Мэтр, началась гроза... Буря страшной силы... Все небо в пламени.. Мы среди огня.

— Намочите цепи громоотводов.

— Сделано уже полчаса назад.

— Так чего ж вы боитесь?

— Молния попала уже дважды. Один человек убит.

Две долгие минуты телефон молчал. Господин Синтез, как всегда владея собой, поднял, в свою очередь, трубку. Ответил чей-то голос. Это был уже не капитан Кристиан. Господин Синтез узнал голос первого помощника.

* Коллоидная субстанция (золь) — студенистое некристаллизующееся вещество (белок, крахмал и т. п.), не способное и в растворенном виде проникать сквозь оболочку.

** Эндосмос — просачивание менее плотной жидкости в более плотную сквозь полупроницаемую органическую перепонку.

— Мэтр! Молния разбила гик* бригантины и ударила в полуют. В ваших апартаментах начался пожар.

— Моя девочка! — обезумев от ужаса, закричал старик. — Отвечайте скорей, что с моей девочкой?!

— Видимых ран нет, однако она без сознания...

— Привезите врача с «Годавери»!

— С ним невозможно связаться. Море бушует.

— Где Кристиан?

— Капитан возле нее. Через минуту вернется. Вот он уже идет. Я возвращаюсь на свой пост.

— Капитан, еще одно слово. Я любой ценой должен подняться на поверхность. Любой ценой, я приказываю! Вы слышите, капитан? Отвечайте! Отвечайте же!

Телефон безмолвствовал. Господин Синтез попытался восстановить связь. Безрезультатно! Он во весь голос кричал перед основной приборной доской, призывал офицера, аппарат продолжал молчать.

— Наверное, ввиду грозы прекратилась подача тока, — прошептал доселе молчавший ассистент, так грубо оторванный от своих ученых занятий.

— Скорее всего, — откликнулся Мэтр. — Там, наверху, они меня больше не слышат, а самостоятельно решиться на подъем «Крота» в такой момент не хотят. Кристиан — человек решительный и находчивый. Но мое присутствие на борту необходимо.

Господин Синтез снова попробовал выйти на связь, но все усилия оказались напрасны: телефон не работал. Старик попытался скрыть от ассистента охватившее его отчаянье; теперь ему уже не до эксперимента, о котором он мечтал месяцы и годы, которому был предан душой и телом. Ведь речь идет о его доченьке, единственной отраде, единственной привязанности восьмидесятилетнего сердца! О внучке, как две капли воды похожей на ту, что во цвете лет забрала у него смерть. Зоолог слышал, как старик бормотал непонятные слова:

— Неужели ты сказал правду, Кришна? Неужели душа твоя, в которой я упорно не желал видеть ничего, кроме совокупности мозговых функций, и впрямь наделена даром пророчества? О *пандит*, не оказался ли ты вестником горя для человека, бывшего другом людям твоей расы? О *пандит*, где бы ты ни был, мчись сюда и спаси мое дитя!

Затем, как бы внезапно пробудившись ото сна, он

* Гик — горизонтальный брус, по которому растягивается нижний край паруса.

сразу же взял себя в руки и вновь обрел бестрепетное спокойствие, являвшееся такой разительной чертой его характера.

— Придется нам примириться с тем, что телефонной связи мы лишены. Вот случай, который я должен был учесть... Так как в данную минуту мы не имеем возможности отдать приказ поднять «Крот», вооружимся терпением. В конечном итоге мои подчиненные — не дети. Тысячу раз они проявляли как отвагу, так и находчивость. Я уверен в Кристиане, он совершит невозможное. Через несколько часов шторм уляжется, а мы здесь имеем все условия, чтобы этого дожидаться. Бездействием горю не поможешь, давайте-ка работать.

Однако оказалось, что мужественная попытка старика, до сих пор преодолевавшего любые трудности, вскоре оказалось неисполнимой. В сграшной тишине, наступившей после последних слов Мэтра, слух господина Артура уловил странный звук; будто бы кто-то поскреб обшивку «Крота», вернее, какой-то твердый предмет с сухим скрипом сдвинулся по корпусу аппарата. Весьма озадаченный, он приник глазами к иллюминатору, за которым от яркой электрической лампы было светло, словно днем.

Видя, как длинная тонкая змея, скользя по металлическому панцирю, упала среди сгустков, образованных скоплением bathybius, зоолог подумал: «Ты смотри, водоросль! Но этот скрежет, это характерное царапанье металла о металл?.. Водоросль, пусть даже тяжелая и длинная, произвела бы тихий шелест, неслышно бы соскользнула... Да никакая водоросль и не могла опуститься на такую глубину...»

Бедняга боялся поверить самому себе; этот, твердый извивающийся шнур не мог быть ничем иным, кроме как кабелем, сплетенным из стальных нитей. Но, чтобы кабелю упасть вниз, обвивая подводный снаряд, надо было отцепить его от корабля. Сомнений нет — это металлический канат, свернувшись петлей, задел один из иллюминаторов. Без малейшей надежды на ошибку, Роже-Адамс узнал кабельный трос, казавшийся таким прочным. И тогда горемычный профессор, обезумев от мысли, что он замурован живьем на глубине пяти тысяч метров, не имея возможности связаться с кораблем, без всякой надежды на спасение закричал голосом, в котором уже не осталось ничего человеческого:

— Трос порвался!.. Мы погибли!..

ГЛАВА 9

О моряках.— Перед ураганом.— Удар молнии.— Начало пожара.— «Я отвечаю за все головой!» — Кабельный трос не порвался, его перерезали.— Преступление.— Ситуация ужасающая.— Планы спасения.— О подводных телеграфных кабелях.— Кузнецы за работой.— Импровизированный трал.— Запасной трос.— Корабль отчаливает.— Трудные маневры.— Надежда и разочарование.— После двух неудачных попыток.— Успех! — Наконец! — Бурная радость химика.— Катастрофа.— Трос обрезан с двух концов.— Капитан хочет умереть.— Кошмар наяву.— «Мэтр вас зовет».

Несмотря на молодость, капитан «Анны», а в отсутствие Мэтра и всей флотилии, отличался теми выдающимися качествами, которые приумножали его годность к службе во флоте, выковывающей из моряков людей незаурядных. И то сказать — сами условия существования моряка несопоставимы с условиями жизни других людей. Вечно в борьбе со стихиями, всегда под угрозой происходящих в море перемен, он за малейший промах может поплатиться своей жизнью.

Что больше всего поражает в моряках, так это их обдуманная холодная отвага, с которой они смотрят прямо в глаза опасностям, противопоставляя им весь свой опыт, как если бы море не бросалось штурмовать корабль, как если бы молнии каждую секунду не намеревались его пронзить, а волны — поглотить, как если бы такие ненормальные условия жизни сами по себе не были волнующими. Ничто не пугает и, кажется, даже не удивляет их.

Борется ли моряк с взбунтовавшейся стихией или с врагами отечества, проходит через циклон или тушит пожар, спасает ли тонущее судно или сам терпит кораблекрушение, он всегда спокоен, дисциплинирован, смел, наделен сверхчеловеческой преданностью.

Ко всему прочему, он прост как долг, великодушен как самопожертвование, весел как веселы люди славные, добр как все силячи, предприимчив, смекалист, умеет из всего извлечь пользу, одерживать победы над людьми и стихиями. Стремясь задумать и воплотить невозможное, моряк олицетворяет взятое из его профессионального лексикона словечко — «пройдоха», неожиданно его возвысив и облагородив.

Таков капитан Кристиан — душа экспедиции. Теперь он должен был принимать меры для безопасности людей

и сохранности имущества, что в создавшихся неподвижных обстоятельствах было трудным делом.

Как мы уже видели, молодой человек был не робкого десятка и не отличался излишней впечатлительностью. И только чрезвычайная ситуация могла заставить его сообщить Мэтру по телефону ужасные новости, так взволновавшие старика.

Тем, кто знает, какими внезапными и бурными бывают в тропиках грозы, легко понять, насколько была опасна, если не безнадежна, сложившаяся ситуация. Ничто сперва не предвещало метеорологического катаклизма. Разве что вдали показалась маленькая свинцовая туча с размытыми контурами, похожая на столб дыма из трубы паровой машины. Однако тотчас же резко упали показания барометра, о чем незамедлительно доложили капитану, наблюдавшему в это время за действием аппаратов, обеспечивающих погружение Мэтра и его спутника.

Кристиан отдал соответствующие распоряжения. Рота вооруженных матросов была послана на атолл — охранять лабораторию и наблюдать за китайцами, которым, быть может не без оснований, офицер не доверял. Затем на всех четырех судах удвоили швартовы, на шлюпках проверили найтовы, плотно задраили иллюминаторы и крышки люков. Цепи громоотводов были смочены, пожарные насосы подготовлены к работе, а все, что может быть снесено волной, надежно привязано канатами.

Пока с максимальной быстротой производились эти приготовления, незаметная тучка сперва быстро разрослась и застала горизонт, изменив цвет с тускло-желтого на черный, и стала надвигаться, гремя как морской прилив. Стоило солнцу погаснуть, красивые бледно-зеленые волны в атоллах и голубые в морских глубинах помутнели, утратили прозрачность драгоценного камня и стали бледными, с аспидным оттенком.

На несколько минут все замерло, воцарился удушающий покой. Казалось, ничто не дышит, не живет. Вскоре первые зигзаги молний пронзили глыбы туч. Послышалось несколько глухих раскатов. Затем тяжелый, сильный, обжигающий ветер поднялся, закрутился, заметался с севера на юг, с запада на восток. Под его напором рвались снасти, трещали мачты, вскипали валы. Море вдруг вспенилось, накатило, стало биться о рифы, плескаться в борта кораблей.

Серьезно беспокоясь о судьбе Мэтра, капитан решил его предупредить. Мы знаем, какой ответ дал господин

Синтез во время первого сеанса связи. Но не прошло и нескольких минут, как гроза забушевала в полную силу; в тусклом зловещем полумраке море содрогалось в конвульсиях тропической бури, непрерывно гремел оглушительный гром, слепящие молнии сверкали отовсюду.

Тучи, море, корабли, рифы — все смешалось в колоссальном вихре. Время от времени на шпигеле громоотвода вспыхивало подброшенное до самой фок-мачты гигантское пламя. Стало опасно прикасаться к металлическим предметам, казалось, излучающим электричество.

Раздался новый, самый страшный удар. Гик, эта тяжелая деревянная часть, окаймляющая корабль, раскололась в щепы. Человека, стоявшего возле лебедки, убило наповал, а матовое стекло во фрамуге над дверью апартаментов господина Синтеза разлетелось вдребезги.

Послышались отчаянные крики, и густой дым повалил оттуда, куда ударила молния. Двери резко распахнулись, пропуская охваченного ужасом индуса-бхили. Одна из негритянок звала на помощь. Другая метнулась на палубу и, заметив капитана, горестно завопила:

— Хозяйка погибла! Хозяйка погибла!

Капитан подозвал первого помощника, поручил ему на время пост возле телефона и помчался на полуют. Ворвался в хозяйские апартаменты, отделенные коридором от комнат девушки, и на миг замер посреди салона, превращенного Мэтром в кабинет. Угол ковра, кусок обивки медленно тлели. Книжные тома попадали на пол. Осколки пробирок устилали полку, чей мрамор потрескивал, разъедаемый кислотами. Словом, больше шума, чем материального ущерба.

Негритянки вбежали следом за капитаном. Обе двери в коридор были открыты, и он постепенно наполнялся дымом. Из первой каюты раздавались жалобные стоны и причитания женщин. Из вполне понятной скромности капитан не решался туда войти. Однако в подобной ситуации деликатность должна была уступить место долгу, ведь, быть может, именно оттуда грозила смертельная опасность.

Офицер кинулся сквозь завесу сгущавшихся серных испарений, однако негритянки опередили его. Здоровые и сильные, как мужчины, они тотчас же вернулись, осторожно неся упавшую в обморок девушку, — она была так бледна, что ее лицо сливалось с белым платьем. Негритянки положили свою госпожу в бамбуковый шезлонг-качалку, вопросительно глядя на снедаемого тревогой капитана.

На борту не было врача. В обычное время в медчасти

поочередно дежурили лекари с других кораблей. Что касается внучки господина Синтеза, то, само собой разумеется, ее всегда лечил только дед. Но беда заключалась еще и в том, что в данный момент не представлялось возможным привезти на борт кого-либо из офицеров медицинской службы,— в такой шторм шлюпка раньше разобьется о рифы, чем преодолееет короткую дистанцию между «Анной» и «Годавери».

А время бежит!.. Капитан осознал, что бедному ребенку не от кого ждать помощи, кроме как от него. Такой же бледный, как и девушка, весь дрожа и теряя голову, этот храбрец, смело смотревший в глаза самым грозным опасностям, едва осмеливался кончиками пальцев взять маленькую, безвольно висящую руку. Найдя артерию, он неуклюже сжал запястье и вдруг издал радостный вопль:

— Она жива! О Мэтр, благодетель мой, ваша девочка жива!

Вся эта драматическая сцена не длилась и минуты. Но спасательные работы уже шли с той изумительной точностью, с какой действуют моряки в чрезвычайных ситуациях; пожарный рукав уже змеился по палубе, десятки матросов с ведрами воды и мокрыми швабрами устремились к месту пожара. Легко потушить пламя — стоит только незамедлительно залить апартаменты тонной воды. Но не будет ли лекарство пагубней болезни? Не погибнут ли от такого грубого применения единственного противопожарного средства драгоценные, привычные для господина Синтеза, быть может, необходимые ему предметы?

Пока горничная смачивала холодной водой лицо девушки, постепенно начинавшей приходить в себя, бригадир плотников зашел в салон, пересек коридор, проник в одну из кают, осмотрел место происшествия, закрыл все отверстия и, возвратясь, доложил:

— Все будет в порядке, капитан. Полдюжины ведер, затем, с вашего разрешения, хорошо поработать шваброй, и огонь не перекинется дальше.— Затем, обернувшись к своим людям, стоящим цепочкой, скомандовал: — Осторожно, ребята, я пойду первым, а вы следуйте за мной. Тут не затоплять надо, а только огонек придавить.

Больная открыла глаза. В них удивление — девушка не увидела рядом с собой старика. Она в недоумении: каким образом она очутилась в салоне среди своих заплаканных служанок, почему над ней склонился встревоженный капитан, а вокруг снуют какие-то люди? Потом внезапно вспомнила зловещую полутьму во время налетевшего ура-

гана, ослепительный блеск молнии, одновременный удар грома, потрясший все ее существо, страшную смутную мысль о том, что пришел конец... Срывающимся голосом Анна Ван Прет пролепетала:

— Отец... Отец, где вы?

— Он занят... Он проводит эксперимент...— уклончиво ответил капитан, не решаясь сказать правду о том, что господин Синтез пребывает на глубине более пяти тысяч метров, под неистово бушующими волнами.— Но успокойтесь, ни малейшая опасность ему не грозит.

— Капитан... Капитан, вы отвечаете мне за свои слова?..

Так как офицер медлил — не потому, что не хотел ее успокоить, а потому, что взгляд его был устремлен на группу людей, стоявших у аппарата для подводного спуска,— она настойчиво, со странной тоской продолжала:

— Отвечайте, капитан!.. Кристиан, друг мой, брат мой! Как к другу моего детства взываю к тебе! Скажи правду!

— Правда заключается в том, что я отвечаю за все! Клянусь головой!

И, не прибавив больше ни слова, капитан ушел на свой пост.

— Ничего нового? — кратко бросил он первому помощнику, на лице которого усматривалось некоторое беспокойство.

— Некоторое время назад прервалась связь. Думаю, телефон поврежден бурей,— ответил офицер, передавая командиру трубку.

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Кристиан почувствовал, как его пронзила внутренняя дрожь.

— Знает ли Мэтр о происшедших на борту событиях?

— Он спрашивал. Я ответил.

— Правильно сделали. Значит, ему все известно?

— Да, все.

— А вы успели сообщить, что положение улучшилось?

— Нет. Именно в этот момент аппарат перестал работать.

— Кстати сказать, Мэтр на такой глубине в безопасности, поскольку волнение моря достаточно поверхностно. Но, к сожалению, могу себе представить, как он беспокоится. Думаю, надо любой ценой попытаться поднять «Крот».

— Как прикажете, командир.

— Я нуждаюсь сейчас не только в повиновении, но

и в совете. В сложившихся обстоятельствах я должен принять к сведению чужую точку зрения не столько по причине ответственности, весь груз которой лежит на мне, сколько ввиду опасности, представляемой самим маневром.

— Мое мнение, командир,— раз вы делаете мне честь им интересоваться,— состоит в том, что в данный момент совершить подъем невозможно.

— Ах, если бы как-нибудь восстановить связь!

Заменив на палубе Алексиса Фармака, который с самого начала бури блуждал по кораблю как потерянная душа, капитан поставил его в известность о том, что произошло, и расспросил о природе аварии и способах ее устранения.

Химик, хорошо знакомый не только с устройством всех узлов телефона, но и с необходимыми для его работы условиями, а также с законами, согласно которым тот действует, тщательно осмотрел аппарат и не нашел ни малейших повреждений.

— Должно быть, гроза повлияла, как это часто случается с телеграфными аппаратами,— уклончиво ответил ученый.— Но ведь грозы проходят...

Все думы были передуманы, все вопросы были заданы, а ответы получены посреди страшного непрекращающегося грохота, которого, казалось, никто не замечал. Все члены экипажа, вплоть до самой мелкой сошки, были поглощены важностью задач, стоявших перед ними.

Но что бы ни происходило, необходимо было выбрать ту или иную тактику. На данный момент, казалось бы, превалировала тактика выжидательная. К тому же проволокa не могла очень уж затянуться, ибо как ни устрашающи казались содрогания природы вблизи экватора, они в то же время обычно весьма скоротечны.

И вот на черном как смола горизонте наметилась полоска посветлей, барометр стал понемногу подниматься. Молнии сверкали чуть реже, а гром уже не успевал за вспышкой, и в прежнем сплошном грохоте наметились некоторые паузы. Один лишь ветер прибавил скорости. Но в своем хаотическом движении он уносил с собою тучи, казалось мчавшиеся наперегонки, соревнуясь, кто быстрее, как бешеные волны прилива во время весеннего равноденствия.

Затем, в широких разрывах туч, показалась небесная синева. Выглянуло желтоватое, затуманенное солнце. После этого могучий порыв смел последние черные космы. Ураган помчал вдаль свой разрушительный гнев. Если

б не все еще беспокойное море, свидетели разразившейся бури могли б вообразить, что просто видели кошмарный сон.

— Максимум через час волнение уляжется,— заявил капитан, все еще судорожно сжимавший телефонную трубку.

— Совершенно верно, через часок,— подтвердил старший помощник.— К счастью, все эти рифы образуют неодолимый барьер приливу из открытого моря и таким образом гасят волнение внутри бассейна.

Алексис Фармак, по-прежнему неотрывно ломая голову над неразрешимой загадкой, изумился, видя, что даже после исчезновения грозowych туч связь не возобновилась.

— Решительно, эта авария,— вклинился он в разговор двух моряков,— имеет иную причину, чем повреждение электропроводки. Возможно, причина кроется где-нибудь за пределами аппарата. Не кажется ли вам, что скручивание такого кабеля могло привести к повреждению гуттаперчевой изоляции? Так как вы стравили метров двадцать пять — тридцать, быть может, где-нибудь образовалась опасная петля, ставшая причиной повреждения изоляции? Я выдвигаю перед вами такую гипотезу за неимением никакого другого более разумного объяснения.

— Возможно, вы правы,— ответил капитан, радостно хватаясь за эту надежду.— Ничего не стоит накрутить часть кабеля на катушку, дабы восстановив строго вертикальное положение, сделать его менее гибким, не подвергая в то же время ударам волн.

Сказано — сделано. Механикам дана команда осторожно начать операцию. Два блока вращаются слаженно, кабель наматывается на чугунную катушку ровно, без рывков.

Но странная вещь, громадный вес подводного аппарата не делает кабель более упругим, не натягивает его — трос остается таким податливым, что машинам не надо прилагать ни малейших сил. И вдруг его обрывок появляется над поверхностью вод и, задев за релинги, скручивается на палубе.

Стальной кабель, казавшийся таким неразрывным, разорван, как обыкновенный фал!* Крик ужаса и отчаяния вырывается из уст всех присутствующих. Бедному капитану чудится, что волосы на его голове превратились в стальные иглы и вонзились в мозг.

* Фал — крепёжная веревка, трос.

Внезапность катастрофы и ее последствия предстают перед Кристианом во всем своем ужасе. Из оцепенения, с которым он напрасно пытался бороться, его вывели лишь слова химика. Алексис Фармак на лету поймал конец кабеля и закричал:

— Проклятье! Я с радостью отдал бы весь остаток жизни за то, чтобы схватить бандита, который сделал эту подлость! Смотрите, капитан, и все вы, господа! Кабель вовсе не разорвался, как мы с вами могли предполагать! Здесь нашелся злодей, способный его перерезать!

Химик говорил правду, не могло возникнуть ни малейших сомнений в том, что стальные канатные пряди были аккуратно перебиты. Словно разрубленные топором, кончики каждой нити сверкали, как сверкает свежеработанный металл: они не были ни раздерганы, ни перетерты, что так характерно для разорванных канатов. Срез имел скошенный край, а его четкость свидетельствовала, что тут применили инструмент необычайно крепкой закалки, и применили с непостижимыми силой и мастерством.

Кто же был автором такого неслыханного злодеяния? Каким мотивом должен был руководствоваться этот выродок, чтобы так трусливо обречь на мучительную смерть сразу двух человек, один из которых к тому же человек выдающийся и творящий добрые дела?

Капитан и первый помощник, казалось бы, знали всех членов экипажа. Часть из них была людьми с Востока, фанатично преданными Мэтру, остальные — европейцами, нанятыми на чрезвычайно выгодных условиях, с обещанием в конце экспедиции большой премии. Таким образом, они должны были быть заинтересованы в продлении дней господина Синтеза и активно участвовать в осуществлении его замысла в меру своих служебных обязанностей.

Было также очевидно, что какой-нибудь одержимый или сумасшедший не мог бы выполнить этот замысел с такой ловкостью, не мог бы избрать более удобный момент для осуществления своего адского плана. Однако невозможно, во всяком случае сейчас, начинать следствие. Необходимо без промедления искать средство, как выйти из беды.

Всем, кто столпился у аппаратов, гибель господина Синтеза и его спутника представлялась неотвратимой. Срок, отделявший их от рокового конца, был более-менее кратким. Когда иссякнет весь имеющийся в «Кроте» воз-

дух, после мучительной агонии, агонии умирающих от удушья, наступит смерть. Жуткая кончина людей замурованных, погребенных заживо!

Наверное, лишь один не проронивший и слова капитан сохранял в душе искру надежды. Во всяком случае, не признавая поражения, он хотел бороться до последнего. Простейший, но единственно приемлемый план возник внезапно в его живом и изобретательном мозгу. Кристиан знал, что «Крот» обладает запасом воздуха, способным обеспечивать господина Синтеза и его напарника кислородом в течение приблизительно десяти часов. Ну и пусть! Время это будет использовано не зря.

Капитан знал, что во многих случаях оборванные подводные телеграфные кабели удавалось выловить со дна океана и поднять на поверхность. Правда, предназначенные для этой работы корабли были специальным образом оснащены — иначе все попытки подобного рода оказались бы бесплодными. Но разве их корабль, который готовили к трудному и опасному эксперименту по изучению морского дна, на оснащён еще лучше? Лежит же ведь в трюме еще одна бухта троса длиной в десять тысяч метров, хотя господин Синтез запасся ею на всякий случай, — такой катастрофы, как произошедшая, никто не мог и предполагать.

С помощью именно этого запасного троса капитан намеревался производить спасательные работы. Несмотря на то, что операция представлялась необычайно трудной, он надеялся провести ее успешно.

Но каким образом? А вот каким. Перво-наперво он приказал вынести канат из трюма через главный люк и намотать на чугунную катушку — маневр в общем-то несложный и не требующий больших затрат времени. Далее были разожжены два походных кузнечных горна и самые опытные кузнецы принялись за работу. Дело состояло в том, чтобы как можно быстрее изготовить железный трал, снабженный зафиксированными и очень прочными крючьями.

Материалов было вдоволь, а спорых кузнецов подогнать было не нужно. Вскоре металл раскалился и зазвучали частые удары молотов, свидетельствующие о сноровке и рвении мастеров.

Благодаря умению, ловкости и силе, а также вследствие точности полученных команд кузнецам хватило всего трех часов, чтобы изготовить пусть и грубый, но вполне надежный инструмент. Он напоминал раму длиной пять,

шириною три метра, на которой, наподобие зубьев бороны, размещался ряд длинных штырей, но не прямых, а наклонных под острым углом. К одной из длинных сторон этого импровизированного трала был прикреплен новый трос таким образом, чтобы, волочась по дну, рама не смогла перевернуться.

Капитан не без основания надеялся, что оборванный трос растянулся по немалому участку дна и, передвигая трал туда-сюда, можно подцепить его крючьями и поднять на поверхность, стараясь, чтобы он из них не выскользнул.

С момента рокового погружения господина Синтеза и его ассистента прошло всего четыре часа. Не дожидаясь окончания кузнечных работ, капитан скомандовал разжечь топки и ослабить швартовы, привязывающие корабль к атоллу. Невзирая на все еще сильное волнение, офицер готов был дать приказ к отплытию.

Погружение трала производилось таким же образом, как погружение «Морского крота», с той только разницей, что теперь к огромным железным граблям прикрепили еще и зонд, чтобы не слишком травить трос,— важно знать глубину.

Операция проходила по плану, аппарат через двадцать пять минут достиг дна. По сигналу капитана корабль пришел в движение.

— Малый вперед!

Команда по телеграфу поступила в машинное отделение. Огромное металлическое существо сотрясало с носа до кормы, корабельный винт начал медленное вращение, железный корпус заскользил по бурным волнам.

Просто понять суть маневра. Но как же сложно его выполнить! Задача заключается в том, чтобы протаскать трал по дну в нужном месте и затралить упавший кабель. В принципе, когда располагаешь аппаратурой, это кажется делом легким, ведь мощность корабельного двигателя практически не имеет границ. Однако силу следует использовать разумно. Не стоит также забывать, что и трос обладает пусть значительной, но все же небеспредельной прочностью.

В принципе, не имеет смысла принимать во внимание вес трала — он незначителен, всего каких-нибудь шестьсот — семьсот килограммов. Однако когда эти грабли станут прочесывать дно, они могут встретить препятствия, способные так увеличить силу натяжения, что обрыв троса станет неизбежен. Эту случайность надо любой ценой предотвратить, иначе катастрофа станет непопра-

вимой. Вот откуда такая точность при отшвартовывании судна! Вот откуда такая замедленность всех его перемещений!

Корабль медленно отвалил от причала, описал грациозный полукруг, развернулся вокруг собственной оси, остановился, снова по сигналу начал движение для того, чтобы вновь замереть и вновь тронуться с места.

Внезапное натяжение свидетельствует, что крючья, быть может, застряли между скал или завязли в почве этой загадочной бездны... И тотчас же, почти не «добавляя пару», судно возвращается к месту, где зацепился трал. В ход идут лебедки, они делают несколько оборотов, приподнимая трал, высвобождают его и снова осторожно опускают. Сколько волнений доставляет эта драматическая рыбалка! Сколько надежд и сколько разочарований порождает она!

После умелых и трудных перемещений капитану кажется, что, как говорят рыбаки, «клюнуло», и он отдает команду поднимать трал. Катушка с аварийным кабелем начинает вращаться. Механики, добавляя лишь самое необходимое для подъема количество пара, могут почувствовать, увеличился ли первоначальный вес — давление пара служит своеобразным манометром*. Но, увы! Так ожидаемого прибавления веса не произошло. Ничего нет. Все надо начинать сначала.

Без спешки, без паники, без нетерпения повторяется тот же маневр. Дважды кажется, что операция почти удалась. Первый раз после часа бесплодных усилий наблюдалось несомненное натяжение троса. Катушка вращалась, вес возрастал. Механикам пришлось добавить пара. Вытянуто уже тысяча метров, а натяжение все растет. Офицеры, матросы, машинисты, обслуга — все дрожат от нетерпения. Внезапно натяжение падает. Блоки начинают вращаться со зловещей скоростью. Надо их немедленно остановить. По внезапному уменьшению веса слишком легко убедиться в том, что предмет сорвался. Во второй раз удалось вынуть три тысячи метров троса. Но попытка закончилась таким же образом в момент, когда всем казалось, что отчаянные усилия увенчаются-таки результатом. Но несмотря на многократные неудачи капитан не падал духом, даже наоборот — чувствовал, что надежда его крепнет.

* Манометр — прибор для измерения давлений жидкости и газа, снабженный соответствующим циферблатом-шкалой.

— Ничего,— сказал он химику, с неподдельным отчаяньем следившему за ходом спасательных работ,— значит, мы преуспеем с третьей попытки!

С начала поисков прошло уже три часа. Было шесть часов вечера, а значит, через полчаса наступит внезапная южная ночь. Следует ли прекратить эти трудные поиски, тем более опасные из-за близости коралловых рифов? Ни в коем случае! Операция будет продолжаться при свете электрических прожекторов. Если этот корабль, напоравшись на риф, пойдет ко дну, другие продолжают спасательные работы. Они ведь стоят на рейде поблизости, что, кстати, гарантирует безопасность экипажа в случае возможного кораблекрушения. «Анна» вновь принялась за дело.

Внося в свое предприятие ту волю, которая порождает чудеса, капитан Кристиан принял все возможные предосторожности. Предполагая и, видимо, не без оснований, что предыдущие попытки провалились из-за того, что аварийный трос начали вынимать преждевременно, офицер, насколько возможно, перемещает судно туда-сюда, вращает его, увеличивает соприкосновение троса со дном, старается намотать оборванный кабель, завязать его в крепкий узел. И наконец, преисполненный надежды, командует подъем.

Каждый внутренне уверен в успехе. Однако душераздирающее волнение охватывает всех присутствующих, когда блоки начинают вращаться. Капитан покидает свой пост и подходит к машинам. Все идет хорошо. Вес возрастает. Трос зацеплен. Если бы не предыдущие срывы, каждый бы уже закричал громкое «ура!».

Операция продолжается при сосредоточенном молчании присутствующих, которое в сто раз красноречивее любых изъятий беспокойства или надежды.

Проходит полчаса. Наступает темень. Электрические прожектора тотчас же заливают все ослепительным светом. Вынуто четыре тысячи метров... Четыре тысячи пятисот... Пять тысяч!.. Пять тысяч двести!.. Громовое «ура!» раздается при виде троса, накрепко опутанного обрезанным тросом.

Капитан, чья выдержка не изменяет ему ни на мгновение, чувствует, как кто-то душит его в яростных объятьях. Это ассистент-химик, единственный глаз которого увлажнен радостной слезой.

Итак, большая часть работы сделана; трал взят на борт, а трос «Крота» закреплен на пустой катушке, вста-

вленной на место катушки с аварийным тросом. Не мешкая надо приступать к части более важной, а может быть, и самой трудной. Радоваться будем после.

Но какая новая катастрофа, еще страшнее прежней, угрожает несчастным узникам подводного снаряда! Стальной трос, методично наматываемый на катушку, кажется ничуть не тяжелее аварийного... А как же вес «Морского крота»?!

Капитан боится поверить. На смену взрыву радости приходит мрачное молчание. Кроме дыхания машины, не слышно ни звука. Вращение убыстряется. И через относительно короткое время, так как наматывание происходит без помех, над водой показывается второй конец кабеля. Он срезан так же тщательно, как и предыдущий.

Надрез, должно быть, был произведен совсем близко от прикрепленного к тросу «Крога»,— длина троса по-прежнему составляет пять тысяч двести метров. На этот раз все действительно кончено. Спасение невозможно. Господин Синтез и его спутник окончательно погибли.

Убитый горем капитан Кристиан, приказав пришвартовать судно на прежнее место, передал командование первому помощнику. Затем, обезумевший, не способный ни мыслить, ни рассуждать, призывая смерть, он спустился к себе в каюту, бросился на койку и долгое время лежал в том изнеможении, которое сопутствует великим катастрофам.

— А я ведь поклялся ей, что за все отвечу головой...— пробормотал моряк в бреду.— Жизнью поклялся... Бедное дитя!.. Какое пробуждение ее ждет! Нет, у меня никогда не хватит смелости показаться ей на глаза... Жизнью клялся?.. Что ж, жизнью и отвечу! Так и будет. Мертвые ни за что не отвечают... Вот я и умру.— Кристиан бросил взгляд на револьвер, висящий среди коллекции оружия над диваном, быстрым движением снял его со стены и машинально глянул на хронометр, часы показывали двенадцать часов ночи.— Полночь!.. Уже полночь! Кошмар длился так долго, а я еще жив! Надо с этим кончать.

Капитан зарядил револьвер, приставил к виску, но тут дверь каюты тихо отворилась. Один из индусов-бхили господина Синтеза показался в свете лампы, освещающей приготовившегося к смерти честного офицера.

— Капитан,— сказал он на языке хинди,— Мэтр вас зовет.

— Что ж, пойдем,— пробормотал капитан про себя,— кошмар длится... Но это не надолго...

ГЛАВА 10

Сетования профессора зоологии.— Луч надежды.— Фотографирование опытных образцов.— Господин Синтез спокойно признает, что спасение невозможно.— Несколько цифр.— Закон Архимеда.— Приготовление.— Господин Синтез обедает.— Легче воды.— Вес троса.— «Морской крот» и привязанный воздушный шар.— Господин Синтез все предвидел.— «Крот» вверх ногами.— «Мы поднимаемся!» — Свет по правому борту.— Матрос в шлюпке привозит «штуковину». — Изумление вахтенного лейтенанта «Инда». — На «Анне». — Господин Синтез желает завтра продолжить поиски bathybius haeckelii.

Если бы господин Артур Роже-Адамс, профессор зоологии одного из наших самых прославленных университетов, подписывая контракт с господином Синтезом, мог предполагать, что экспедиция, пусть даже иногда, будет опасной, ему бы и в голову не пришло подвергать себя риску.

Наш профессор предвидел лишь тяготы длительного путешествия и обычные для всякого дальнего морского плавания приключения, сильно смягченные, кстати говоря, тем, что его корабль принадлежал к флотилии из четырех судов. Движимый некоторой долей научной любознательности, но в большей мере честолюбием и корыстью, он принял условия, предложенные ему стариком.

Если господин зоолог и хотел вывести парочку секретов, прославивших имя господина Синтеза, то еще больше желал по возвращении получить грандиозную рекламу, на которую так падка наша эпоха интервью и репортажей. Он видел, как его именем пестрят светские и научные газеты, как репортеры толпятся у него в прихожей, а хроникеры вымаливают несколько слов.

Господин Артур представлял себе, как неделями парижские, провинциальные и иностранные издания будут восхвалять господина Роже-Адамса, «отважного ученого», «неутомимого путешественника», «знаменитого профессора» и т. д. и т. д. Коллеги усохнут от зависти, маститые

профессора окажутся просто-напросто старыми хрычами, а ректор, противный старец, надувшийся, когда речь зашла об отпуске, вынужден будет с ним считаться. Награды потекут рекой, продвижение по службе не заставит себя ждать. То есть он полной мерой получит и честь и выгоду. В особенности выгоду.

Так как, истый сын науки, господин Артур питал живейшую симпатию к благам мира сего, а господин Синтез обеспечивал ему такое содержание, какое и послу не снилось, салонный зоолог счел необходимым принять все условия контракта. Подумать только: за год одним махом стать знаменитым и составить себе состояние!.. И вот внезапно все это прекрасное построение рухнуло, пошли на глубину пяти километров все планы на будущее, да и сама жизнь честолюбца почти наверняка была непоправимо загублена. Какое горчайшее сожаление испытывал зоолог, какая тоска сжимала ему сердце с того момента, когда, едва дыша и заикаясь, он выдал из себя эти слова:

— Трос оборвался! Мы погибли!

Оцепенев, как забитое животное, он не мог даже пошевелиться. Но мысль господина зоолога работала, будто при раздвоении личности; вся его жизнь прошла перед глазами, как головокружительно мелькающее перед объективом изображение.

Ранние годы ребенка, избалованного добрым, слабым и рассеянным отцом. Обучение в такой классической школе, чей режим не мешал отцу продолжать его баловать. Первые студенческие годы. Отцова лаборатория, где маленький Артур препарировал огромное количество устриц, улиток, земноводных...

Он вспоминал свои первые научные каламбуры, заставлявшие млеть от удовольствия почтенных папашиных сотрудников, пожилых, испытывающих слабость к этому факультетскому златоусту, господ в очках и с лысыми цвета сливочного масла. Затем первые экзамены на звание бакалавра*, полученное в результате целого шквала белых шаров**. Потом — защита диссертации и легко одержанная победа над не представлявшими большой угрозы соперниками... Далее — кафедра в провинции, чтение лекций в безукоризненном костюме ученого денди***. Выс-

* Бакалавр — первая ученая степень в странах Европы и в США.

** Белые шары — здесь: голоса «за» при тайном голосовании среди членов Ученого совета (экзаменационной комиссии) университета.

*** Денди — модник, щеголь.

ший свет департамента, административные приемы, чиновники, над которыми господин зоолог возвышался благодаря всем своим ученым степеням и в которых изредка принимал благосклонное участие, словно гран-сеньор*, снисходящий до простолюдинов, словно лауреат конкурсов — до учеников начальной школы. А мягчайшие, отделанные мольтоном комнатные туфли, а дорогие стеганные халаты, а вкусные блюда, приготовленные старой Катериной...

Господин Артур вспоминал памятные времена сессий, дни экзаменов, когда перед ним проходили вызывающие жалость вереницы студентов, чьи грубые ошибки давали молодому профессору пищу для веселья и он, сперва поупражнявшись в остроумии, журил их с величественным видом.

Как же прекрасна была жизнь! Легко представить себе состояние человека, находящегося в столь отчаянном положении и вынужденного прощаться с подобными радостями!

Тем временем господин Синтез попытался вывести коллегу из затянувшейся прострации**.

То ли старик после своих таинственных переговоров с пандитом успокоился насчет судьбы своей внучки, то ли он черпал энергию и непонятную силу в своем недюжинном характере, но на его отрешенном лице не было и тени волнения. Видя, что его ласковые подбадривающие слова не оказывают воздействия, Мэтр переменял тон и резко окликнул своего спутника.

— Давайте займемся работой. Вы слышите меня, не так ли?

Но в ответ прозвучал лишь жалобный стон.

— Я не могу... Господин... Мэтр, помилосердствуйте...

— Здесь, как и везде, даже перед лицом смерти, вы обязаны мне подчиняться. Ваша подпись стоит под контрактом. Более того, вы дали мне честное слово.

— К чему эта бесплодная работа?

— То есть как это — к чему? Даже если у нас из-за ограниченного запаса воздуха остались считанные часы

* Гран-сеньор — в феодальной Франции так именовался владелец жалованных королем земель, осуществляющий власть над своими подданными — вассалами: здесь слово употреблено в переносном смысле.

** Прострация — самопогружение, при котором человек отключается от реальности (обычно под влиянием какого-либо потрясения).

для работы, считаете ли вы напрасным вырвать у природы одну из ее тайн? Не должен ли настоящий ученый до последнего вдоха продолжать свое Великое Дело?

И так как зоолог, все такой же подавленный, не двинулся с места, неотрывно глядя на лампочку, казалось его гипнотизирующую, господин Синтез заговорил еще суровей:

— Значит, вы — трус? Вы непременно хотите заслужить мое презрение, презрение труженика? Потом, когда вы, как я надеюсь, вновь предадитесь всем тем низменным радостям, о которых сейчас так сожалеете, мое отношение к вам вряд ли изменится.

При этих словах «как я надеюсь» бедолага-профессор мигом преобразился. Не думая о том, какой смысл содержится в сказанном, не учитывая настоящее положение вещей и не смущаясь тем, что вот уже некоторое время он глядит на господина Синтеза как помешанный, господин Артур почувствовал, что энергия мало-помалу возвращается к нему.

— Значит, вы надеетесь, Мэтр, выбраться отсюда? — спросил он окрепшим голосом.

— Я не говорю «прощай» ни жизни, ни Великому Делу, — загадочно ответил господин Синтез.

Зоолог, благодаря быстрым перепадам, свойственным его малодушному характеру, раньше считавший господина Синтеза безумцем, хотя тот говорил разумные вещи, теперь счел проявлением совершенно здравого рассудка слова, казалось бы, наиболее абсурдные* из всего, что когда-либо произносил старик. Верно и то, что это были слова надежды, а когда имеешь столько причин цепляться за жизнь, сколько их имел юный господин Артур, становишься не очень-то разборчивым в выборе аргументов. Итак, он посчитал своим долгом повиноваться.

Пока длились все эти беседы, пока происходили все эти события, монеры под микроскопом погибли. Растительная слизь высохла на хрустальной пластинке. В то же время их нынешний вид был не менее интересен, и препарат, несмотря на нервную дрожь, продолжил опыты. Снова с помощью стеклянной палочки зоолог зачерпнул из пробирки воду, повторил описанную выше пробу и убедился в идентичности живой bathybius с той, которую он изучал, снова сфотографировал и стал молча ждать.

* Абсурд — здесь: нечто, не имеющее смысла.

Старик, который вел себя так непринужденно, как будто находился в своей лаборатории, вслед за ассистентом прикинул глазом к окуляру микроскопа и, после долгого разглядывания представленного господином Артуром описания, знаком одобрил его точность и добавил:

— А теперь давайте побеседуем. Известно ли вам, что нам очень повезло, что трос не порвался на час позже?

Ответом ему была пантомима, могущая означать,— было бы лучше, если б он вообще не обрывался.

— К счастью,— продолжал господин Синтез,— «Морской крот» не успел обзавестись балластом в виде двух кубических метров воды. Если бы это случилось, мы с вами просто-напросто остались бы на этом месте в течение столетий.

— Значит, вы думаете, Мэтр, что нам не светит никакая помощь с поверхности? Разве не может капитан корабля попытаться для нашего спасения поднять со дна трос?

— О, не сомневайтесь в том, что славный и предприимчивый Кристиан сделает все возможное и невозможное, чтобы нас спасти. Но это ему не удастся.

— Но...

— Не перебивайте меня. Торопиться пока некуда, время терпит. Чтобы нас отсюда извлечь, надо перехватить кабель непосредственно на месте обрыва. И вот почему: только раскрученный во всю свою длину трос равен расстоянию, отделяющему нас от поверхности, то есть пяти тысячам двумстам метрам. Его можно поймать на середине, а схватить его за конец невозможно; ввиду своего значительного веса он выскользнет из любого приспособления, с помощью которого его будут пытаться «поймать на крючок».

Предположим все-таки, что с помощью аварийного троса, который заперт в трюме, капитану Кристиану удастся захватить наш кабель на середине. Он сможет поднять его на высоту двух тысяч пятисот метров, а затем невозможно будет преодолеть сопротивление, создаваемое весом «Крота». Гипотеза эта, заметьте, совершенно безосновательна, потому что подобное случается не чаще, чем раз на тысячу случаев. Капитан может прочесывать дно неделю и дольше, так и не подцепив трос и, следовательно, не подняв его на поверхность.

— Значит, нам крышка?

— Ни в коем случае. Я же вам только что говорил — наши резервуары, в которых мы должны были доставить наверх два кубометра воды, кишашей монерами, пусты.

— Я по-прежнему не понимаю.

— Когда мы оставим здесь две чугунные болванки по тысяче килограммов каждая, «Крот» станет достаточно легким.

— Но...

— Не будете ли вы так любезны сформулировать мне закон Архимеда?

— Нет ничего проще: «На всякое тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, пропорциональная весу объема вытесненной жидкости»*.

— Превосходно. Известен ли вам объем «Морского крота»?

— Приблизительно десять кубометров.

— Ровно одиннадцать. То есть аппарат вытесняет одиннадцать кубометров воды. Из чего следует, что на него снизу вверх действует некая сила давления. Ее легко подсчитать, если вспомнить, что кубометр морской воды, весит чуть больше тысячи ста килограммов. А имеете ли вы приблизительное представление, каков вес нашего снаряда?

— Судя по скорости погружения, он должен быть намного большим, чем масса вытесненной воды.

— Ошибаетесь, господин зоолог. Вернее, забываете об очень маленьком удельном весе алюминиевой бронзы. Несмотря на огромную толщину стенок, «Крот» весит всего тринадцать тонн.

— С чугунными чушками или без них? — спросил ассистент с необычайной живостью.

— Вместе с балластом.

— Но ведь болванки весят две тонны и, значит, сбросив их, он будет весить всего одиннадцать тонн, потому что, к счастью, в резервуарах нет воды! «Крот» весит всего одиннадцать тонн, следовательно, он может... может подняться со дна морского, всплыть как герметически закупоренная бутылка!

— Не спешите, господин зоолог, не спешите. Экий вы торопыга! Вы не учитываете веса аппаратуры, внутреннего убранства, резервуаров для воды, для сжатого воздуха, наконец, веса наших с вами тел... А все это вместе потянет минимум килограммов на пятьсот.

— Однако же, Мэтр, удельный вес морской воды по

* Более точно закон Архимеда формулируется следующим образом: «Всякое тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость».

сравнению с пресной выше, по крайней мере на одну десятую, благодаря этому мы получаем выигрыш в подъемной силе.

— Вне всякого сомнения. Вес кубометра морской воды равняется одиннадцати сотням килограммов, то есть сила выталкивания должна, как вы говорите, превышать на шестьсот килограммов вес «Крота». Следовательно, аппарат, лишенный балласта, станет подниматься...

— Ах, Мэтр, зачем же вы медлите с нашим освобождением! Стоит только руку протянуть и...

— И, поднявшись на высоту ста пятидесяти — двухсот метров, «Крот», идущий вверх в соответствии с законом Архимеда, внезапно остановится, перевернется острием вниз и зависнет на своем тросе, как привязанный за ниточку воздушный шар. Вы забыли о тросе, господин зоолог! Этот кабель, его огромный вес, требует для подъема приложения значительной силы, которую придать ему может разве что машина.

— О Боже милосердный! — воскликнул, бледнея, зоолог, изведавший в течение последних часов все стадии отчаяния, надежды и страха.

— Что с вами?

— Теперь я слишком ясно вижу, что нам крышка, что мы действительно пропали!

— Во всяком случае, если не избавимся от троса.

— А это реально? Ах, Мэтр, приказывайте, я совершу невозможное! Даже если мне придется зубы себе сломать, ногти вырвать, руки стереть в кровь!.. Располагайте мной как инструментом, как машиной! Я повинуюсь, я все сделаю как вы скажете!

— Не надо ни ломать, ни вырывать, ни стирать в кровь. Оставайтесь на своем месте и слушайте мои инструкции. Они совсем простые. Разложите флаконы с реактивами по коробкам и проследите, чтобы они не побились. Таким же образом упакуйте микроскопы, фотоаппараты, провизию и все остальное. Когда закончите, вы найдете в этом запечатанном боковом шкафчике моток железной проволоки, щипцы и разные инструменты. Нагнитесь и загляните под сервант. Что вы видите?

— Кольца на металлической пластине, вделанной в стену «Крота».

— Верно. Зафиксируйте неподвижно все небольшие предметы, составляющие наше оборудование, на этих кольцах, с помощью железной проволоки. Цель этой работы, непривычной для профессора зоологии, состоит в том,

чтобы они не попадали нам на головы, а их обломки не поранили нас, когда «Крот» перевернется.

— Значит, «Крот» перевернется?

— Обязательно. Перед тем как это произойдет, нам останется лишь вытянуться рядышком по стенкам, чтобы не оказаться в положении вверх ногами. Понятно?

— Понятно, Мэтр. Сами увидите, как ревностно я выполняю все ваши приказания.

— Тогда за работу. А я пока перекушу.

И господин Синтез вынул пробки из флаконов со своими шариками, выбрал те, что составляли его сегодняшнего рациона, принял их, запив водой, и сосредоточился, прислушиваясь к тому, как происходит в желудке процесс растворения.

Переждав обычные реакции, следующие за его странными трапезами, господин Синтез не без удовлетворения отметил, что его компаньон довольно ловко закрепляет багаж. Ассистент вложил в свою работу столько рвения, что меньше чем через час все было готово. Старик необычайно внимательно все осматрел, проверил и, убедившись, что вещи зафиксированы прочно, заявил:

— Этого достаточно. Отправляемся в путь. А теперь замрите и в точности исполняйте мои команды. Вы готовы?

— Да, Мэтр.

— Внимание! — Старик быстро нагнулся и дважды нажал малозаметную кнопку слоновой кости, вмонтированную в пульт. — Отделение балласта произведено. Мы начинаем подъем!

Внезапно утратив часть веса, огромный «Морской крот» дрогнул и, сохраняя вертикальное положение, медленно пополз вверх. Через некоторое время скорость его, которую не гасил по-прежнему прикрепленный к шишаку трос, стала увеличиваться. Насколько она возросла, этого ни один из ученых не знал, но вскоре движение стало заметно слабеть.

— Внимание! — вторично скомандовал господин Синтез. — В момент, когда «Крот» примет горизонтальное положение, ложитесь, прижавшись к стене, таким образом, чтобы ваша голова находилась там, где сейчас находятся ноги. Действуйте!

Пока ассистент укладывался, господин Синтез выхватил из кольца закрепленную в нем электрическую лампу и, держа ее в руке, вытянулся на спине. «Крот» совершил поворот. Большой бак для воды, раньше служивший ему

основанием, стал крышей, а головка аппарата, на которой крепился кабель,— полом. Переворот этот происходил медленно, без толчков; оба подводника оказались стоящими на плоской поверхности, служившей крышкой резервуара со сжатым воздухом.

— Ну вот, первый шаг сделан удачно,— произнес господин Синтез, вставляя электрическую лампу в такое же крепление, но расположенное, естественно, с противоположной стороны.— В данный момент нас держит на месте стальной трос и наше положение напоминает, в определенном смысле, положение воздухоплавателей, взлетевших на привязанном воздушном шаре. Воздушный шар — в морских глубинах! Оригинальная ситуация, не правда ли? Что вы думаете по этому поводу, господин зоолог?

— Я думаю, Мэтр, что мне очень бы хотелось увидеть этот шар не на привязи, а на поверхности воды.

— Терпение, молодой человек, терпение! Благодаря аварии, в которую мы с вами попали, вы будете посвящены в одну тайну, которую бережно сохраните, не так ли?

— Можете рассчитывать на мое молчание, Мэтр.

— Секрет этот не столь уж и важен в конечном итоге, и касается он системы крепления стального троса. Как ни велико мое доверие к подчиненным, но эта подробность не известна никому, даже капитану Кристиану. В моем положении приходится иногда полагаться только на себя самого. К тому же все следует предвидеть, вы слышите,— все!

— Даже возможность подобной катастрофы?!

— В особенности такую возможность, господин зоолог! Когда человек моего склада затевает какое-либо предприятие, он ничего не пускает на волю случая. Вот почему, заказывая «Морского крота», я предусмотрел возможность случайного или даже умышленного повреждения стального троса. Я также рассмотрел все последствия такого обрыва и, заранее изыскав способ их обезвредить, как видите, не ошибся!

Предвидя случай, когда я захочу по той или иной причине подняться на поверхность, не задействуя механизмы, виденные вами на борту, и зная, что трос явится основной помехой для выполнения этого маневра, я закрепил его таким образом, чтобы иметь возможность моментально от него избавиться. Система крепления троса идентична системе крепления чугунных болванок, и стоит нажать кнопку, чтобы он отделился от подводного снаря-

да. Кнопку эту вы не заметили, так как она замаскирована маленьким винтом. Нужна отвертка для того, чтобы его повернуть и обнаружить кнопку.

Объяснять весь механизм было бы излишним в данный момент. Если вас это заинтересовало, я объясню позже... Когда мне больше не нужен будет «Крот».

— Однако, Мэтр, позвольте заметить, что много проще было бы запустить механизм раньше, тогда не надо было бы переворачивать «Крота»...

— Когда «Крот» лежал на дне, давление снизу вверх помогло отделить болванки. А силу, необходимую для отторжения троса, мы получим благодаря его собственному весу. Вы же понимаете, что аппарат, подобный этому, не должен и не может обладать чувствительностью часовой пружины.

Говоря все это, господин Синтез отогнул отвертку своего складного перочинного ножика, отыскал винтик величиной с кончик перьевой ручки и с силой нажал на него отверткой.

— Мы снова в пути!

— Как, уже?! — воскликнул потрясенный ассистент.

— Вы недавно еще так торопились!

— Но я не чувствую подъема!

— Так же, как и воздухоплаватели, если у них нет ориентира. Они черпают сведения, следя за барометром.

— Ваша правда... Я совсем рехнулся...

— Мы поднимаемся с весьма значительной скоростью, через несколько минут вы почувствуете морскую зыбь.

— Свет впереди по правому борту! — прозвучал в темноте голос сигнальщика на борту «Инда».

— Предупреди вахтенного офицера! — отозвался старшина, спавший на полубаке.

Тотчас же появился вахтенный лейтенант и, взобравшись на мостик, заметил в указанном направлении свет, должно быть, из-за все еще не вполне успокоившегося моря, то тусклый, то более яркий.

— Что бы это могло быть? — изумился офицер, глядя в бинокль. — Обломок кораблекрушения или тонущая шляпка? А может быть, плот? Немудрено — после такого урагана! Однако странно — в эти места так редко заходят корабли... Надо проверить для очистки совести.

Он приказал спустить на воду шляпку и выяснить природу странного объекта. Через полчаса шум быстро

работающих весел возвестил ему о том, что шлюпка возвращается.

— Причалъ возле трапа,— крикнул лейтенант, перевесившись через поручни.

Обнаружив, что матросы тащат на буксире темный массивный предмет, напоминающий буй, офицер, крайне заинтригованный, прыгнул в шлюпку.

— Что это такое?

— Мы к ней причалили, что было нетрудно — ведь она светилась, и тут, бах, свет спекся. Но мы успели заметить — из нее торчат два вертлюга. Я себе помозговал — раз уж мы эту штуковину нашли, надо тащить сюда. Зацепил швартовой за вертлюги — и ходу! Вот и все.

В тот миг, когда матрос закончил рапорт о своей экспедиции, загорелись прожектора и в их ярком свете стала видна «штуковина», верхушка которой сантиметров на тридцать торчала над водой. Оторопевший офицер узнал в ней «Морского крота».

Изнутри раздался грохот — кто-то сильно колотил по металлическому корпусу. Не теряя времени на поиски объяснений этого фантастического явления, офицер стал рассматривать указанные ему вертлюги. Инстинктивно он почувствовал, что именно с их помощью можно общаться с внутренней частью снаряда, и попробовал их отвинтить. Они легко поддались, и каждый сделал около десятка оборотов.

— Поднимайте! — крикнул вахтенный гребцам и матросам, которые столпились на площадке перед сходнями.

Очень толстую и тяжелую крышку сняли. Обнаружилась полость, а в ней — два человека. Они едва держались на ногах.

— Мэтр! — воскликнул офицер и почтительно снял фуражку.

— Поскорее поднимите нас наверх,— задыхаясь, произнес господин Синтез.— У нас образовался переизбыток углекислого газа, а кислород уже был на исходе...

В одно мгновение подводники были извлечены на поверхность. Несколько жадных глубоких вдохов, и силы вернулись к ним.

Господин Синтез, узнав вахтенного лейтенанта «Инда», приказал:

— Поднимите на борт «Морского крота» и не трогайте его до завтра. А нас пусть отвезут на «Анну».

Старик занял место в шлюпке, куда за ним спустился и ассистент, чье лицо лучилось безумной радостью.

— Вы о чем думаете, господин зоолог?! Как?! Вы позабыли взять кассеты с фотопластинами? Я надеялся, что вы их захватите с собой, а завтра с утра пораньше проявите и представите мне. А вы, ребята, налегайте на весла!

«Инд» был четвертым в ряду кораблей и находился в шестистах метрах от «Анны». Гребцы за пять минут достигли судна, на борту которого царила угрюмая тишина. Спустили трап; при виде господина Синтеза, ловко поднявшегося на борт, находившийся на палубе матрос был повергнут в такой ужас, что чуть не упал в обморок.

— Ступайте к себе и держите язык за зубами,— обратился господин Синтез к зоологу.

Войдя в салон, старик разбудил индусов-бхили, простертых на ковре у порога внучкиной комнаты. Заслышав шум шагов хозяина, появилась одна из негритянок.

— Как себя чувствует госпожа?

— Госпожа спать... Госпожа теперь не болен... Госпожа рад видеть господина...

— Пусть отдыхает. А ты,— на языке хинди ученый обратился к одному из бхили,— ступай, позови ко мне капитана.

Пять минут спустя смертельно бледный капитан, шатаясь,— бхили почти силой тащил его на себе,— вошел в салон.

— Кристиан,— заговорил господин Синтез как ни в чем не бывало,— завтра утром достанешь из трюма «Годавери» «Крота-2» и перевезешь сюда. Убедись в его исправности, а также проверь кабель-2. В одиннадцать утра я вновь спущусь на глубину, надо поднять два кубометра воды, насыщенной *bathybius haeckelii*.

ГЛАВА 11

Всеобщее потрясение.— О брахманах и их странном могуществе.— Алексис Фармак догадался.— Необычные последствия аварии.— Почему господин Роже-Адамс заболел желтухой.— Химик посмеивается над коллегой и узнает, что он славный малый.— «Морской крот» снова пущен в дело.— Ничто не повторяется.— Господин Синтез кое-что позабыл.— Две тысячи килограммов лишнего веса.— Поздние тревоги и страхи.— Возможные последствия невероятной забывчивости человека, который никогда ничего не забывает.— Великое Дело началось.

Если катастрофа, вызванная обрывом троса, повергла экипаж «Анны» в горестное оцепенение, то непостижимое возвращение господина Синтеза и его спутника разбудило чувства, не поддающиеся описанию.

Своими глазами увидеть, что трос был то ли оборван, то ли намеренно перерезан, присутствовать при работах по поиску этого троса или самому принимать в них участие, узнать, насколько велик вес «Морского крота» и какое бесконечное время понадобилось ему для погружения, а затем увидеть, как он плавает, словно буюк, а господин Синтез с зоологом, которых безоговорочно считали погибшими и погребенными под пятикилометровой толщей воды, вновь оказываются на борту корабля... Есть от чего даже самым уравновешенным людям испытать потрясение!

Надо отметить, что не индусы, более суеверные и склонные верить чудесам, удивлялись больше всех. Странно, но этот необъяснимый факт, от которого европейца охватывает мистический ужас, в глазах индусов как бы относится к категории вещей возможных и даже заурядных. Они объяснили его по-своему просто: разве Мэтр, старый друг людей и племени, не является *посвященным*, как те брахманы, чье могущество порой бывает безгранично?

Брахман может, когда хочет, зависнуть неподвижно между землей и небом, не имея под ногами никакой опоры, исключительно с помощью силы воли; он за мгновение может преодолеть огромное расстояние и проникнуть в дом сквозь стены; он повелевает стихиями, под его взглядом замирают в неподвижности и люди и хищники; он, плюнув на голову змеи, может использовать ее в качестве трости; он зарывает семечко в песок, и за два часа из него вырастает дерево, полное цветов и плодов; он дыханием тушит огонь или заставляет его пылать, он ходит по волнам...

Значит, Мэтру, стоит только сказать глыбе металла, чтобы та поднялась из глубины и плавала как кусок пробкового дерева!

Простые факиры, посвященные низшего ранга, которым брахманы уделяют частицу своего могущества, и те иногда способны творить подобное. Тот, кто наблюдал чудеса, — в этом слове нет ни капли преувеличения, — творимые этими посвященными, за неимением научного объяснения вынужден подыскивать объяснение какого-либо другого рода.

А вот матросы-европейцы, никогда не видевшие ни

брахманов, ни индусских факиров, не имея также досуга или способностей для изучения давления, объема и удельного веса, очутились перед лицом феномена им абсолютно непонятного. В отличие от индусов, их разум не был подготовлен к самой идее того, что некоторые люди способны совершать чудеса, и, когда произошло то, что по всем внешним признакам произойти не могло, их изумление было тем сильнее, чем загадочнее причины происшедшего. Поэтому любо-дорого было послушать, какие легенды слагались на полубаке, какие колоритные истории звучали во время ночных вахт!

Капитан Кристиан, опомнившись от первого потрясения, всей душой отдался громадной радости вновь увидеть господина Синтеза. Но Мэтр был занят подготовкой нового эксперимента и никак не объяснял происшедшее. Он ограничился тем, что отдал капитану новые приказания. А тот, вырвавшись из тенет гнетущего его кошмара, счастливым от сознания, что хозяин жив, большего и не требовал.

Кристиан не сомневался в том, что в нужное время и в нужном месте узнает правду, часть которой ему уже приоткрылась. Тем не менее капитан «Анны» весьма активно, хотя и без большой надежды на успех, приступил к расследованию прямой причины катастрофы, — ведь чья-то преступная рука перерезала стальной трос.

Что касается Алексиса Фармака, то, не считая самого господина Синтеза и юного господина Артура, он один знал разгадку этого трагического приключения. Догадавшись о том, что произошло, сразу же после того, как «Крот» снова привезли на корабль, наслушавшись восторженных рассказов индусов и нелепых домыслов моряков, он поставил перед собой задачу добраться до сути дела. Внимательно осмотрев аппарат, химик, выяснив, из какого металла тот был сделан, снял его размеры, вычислил удельный вес и набросал карандашом несколько формул.

— А я-то сомневался... — бормотал он, — конечно же без балласта аппарат легче воды. А для того, чтобы сбросить груз, довольно и простого устройства. И трос отсутствует... несомненно та же система... Да, действительно наш патрон совсем не прост!.. Разумеется, я пришел в отчаяние от мысли, что из-за катастрофы не состоится эксперимент, сам замысел которого приводит меня в восторг. Но в настоящую ярость — иначе и не скажешь — я пришел при мысли, что этот великолепный гений будет уничтожен таким образом. Решительно, я к нему привязался.

Я, не любящий никого в целом мире... Но в этом-то можно себе признаться без стыда. Ох, хотелось бы мне увидеть физиономию юного Артура! Кстати, что-то его не видать... Наш патрон спует повсюду как ни в чем не бывало, а господин зоолог отсиживается в своей каюте. Что, как он помер от пережитого страха?! Поглядим-ка.

И тотчас же Алексис Фармак зашагал — ноги циркулем — по направлению к каюте своего коллеги.

— Привет вам, прославленный исследователь! — приветствовал он компаньона своим обычным насмешливым тоном. — Как чувствуете себя нынешним утром?

Сдавленный стон был ему ответом. Прославленный исследователь лежал, завернувшись в одеяла.

— Вы что, больны? Момент выбран неудачно. Патрон, кажется, собирается продолжить эксперимент, и вы, счастливчик, снова примете в нем участие.

— Лучше смерть! — жалобно заныл молодой человек, на лицо которого как раз упал из иллюминатора луч солнца.

— Э-э, голубчик, вы что, искупались в хромате свинца? Что это с вами?

— О чем вы?

— Но, дорогуша, вы же весь желтый!

— Желтый?!

— Ярко-желтый. И лицо, и глазные белки, и уши. А на шее и на носу желтизна переходит даже в серо-зеленый цвет. Ну и видик у вас!

— Вы надо мной насмехаетесь!

— Гляньте-ка лучше на свои руки, на ногти!..

— О Боже!

— Что это такое?

— Пережитые вчера волнения... Страх, да, страх, признаюсь вам без ложного стыда, — вот что вызвало у меня гепатит...*

— Желтуху, не так ли?

— Да, я заболел желтухой!

— Тогда лечитесь, черт побери!

— Но от нее умирают! В этих широтах она очень опасна!

— Вы сами только что, когда я упомянул о новом предстоящем погружении, воскликнули: «Лучше смерть!» Вот ваши пожелания и уважены!

* Гепатит — воспаление печени, при котором происходит разлитие желчи.

— Вы в такой момент ведете себя по отношению ко мне как палач! Черт бы вас взял! И чтоб чума задавила этого старого нечестивца, который довел меня до такого состояния!

— Подумать только, дружище, у вас такая удобная желтуха... Это ее называют «желтухой осложненной»?

— Идите вы с вашими каламбурами! Берегитесь!

— Не нервничайте, это может ухудшить ваше состояние! Вы искали повода уклониться от нового подводного путешествия. Вот Провидение и послало вам желтуху, чтобы нас с вами обоих осчастливить. Оставайтесь нежиться в постельке и лечитесь по всем правилам врачебной науки, а я отправлюсь к патрону и буду умолять его оказать мне честь заменить вас.

— Ну и прекрасно, счастливого пути! Желаю вам обоим там и остаться!

Но химик, сияя, как школьник на каникулах, уже не слышал последних слов. Прыгая через две ступеньки, он помчался на палубу и, подлетев к Кристиану, как обычно потирая руки, сказал ему:

— Капитан, юный господин Артур совершенно не в состоянии сопровождать Мэтра... Если бы вы видели, в каком он состоянии! Бедняга похож на омлет со специями! Пережитый вчера страх испортил ему кровь и спровоцировал настоящую первоклассную желтуху.

— Мэтр рассердится из-за такой проволочки...

— Ах, оставьте! Не хвально скажу, что я прекрасно заменю этого труса и смогу таким образом доказать свою преданность нашему с вами патрону.

— Вы — славный малый, господин Фармак, — ответил ему офицер. — И, добавлю, мужественный человек!

— Ну что вы, капитан, не преувеличивайте мои достоинства, если они вообще существуют... Я не только душой и телом предан хозяину, я еще и крайне любопытен. А это не имеет ничего общего с героизмом. Что касается риска, то, думается, в сегодняшнем спуске для ловли bathybius, он начисто отсутствует. *Non bis in idem**, черт возьми!

— Как и вы, надеюсь и от всей души этого желаю!

Тут капитан, заметив господина Синтеза, который придиричливо осматривал все узлы механизма, подошел к хозяину и доложил о своем разговоре с химиком. Узнав о болезни зоолога, господин Синтез с высот своего олим-

* Ничто не повторяется (лат.)

пийского спокойствия* надменно бросил лишь краткое:

— Дурачина! Хорошо, дружок, договорились, со мной пойдет Фармак. Я так и знал, что в случае необходимости на него можно положиться. А ты ускорь приготовления.

— Слушаюсь, Мэтр.

Вскоре громадный ящик, содержащий в себе «Морского крота-2», прибыл на «Анну» с «Годавери» и был вскрыт бригадой матросов.

Господин Синтез и капитан лично проверили, снабжен ли аппарат всем необходимым. Затем, с помощью Алексиса Фармака, Мэтр собственноручно закрепил на шишаке трос, подсоединил электропроводку. Баллоны со сжатым воздухом, а также различные водозаборные приспособления функционировали отлично.

Когда все приготовления были завершены, «Крота» спустили на большую глубину и благополучно подняли на поверхность. Трос превосходно выдержал испытание. Все позволяло надеяться, что на сей раз попытка погружений будет успешной.

Аппарат, с которого ручьем текла вода, поместили на палубе, отвинтили, как было описано выше, вертлюги, сняли крышку, и пассажиры заняли свои места. Затем люк задраили, паровая машина заработала, трос поначалу сматывали, чтобы перенести аппарат через фальшборт, а затем подъемный кран осторожно опустил его на воду.

Прозвучал пронзительный свисток. Машину на миг заглушили, запустили снова, опять застучали поршни, закрутились лебедки, и «Крот» начал погружение. По истечении пятидесяти двух минут зонд остановился, задребезжал сигнальный звонок.

— Все в порядке, мы на глубине! — сказал по телефону господин Синтез. — Резервуар для воды открыт, он наполняется... Уже наполнился... Ты слушаешь, Кристиан?

— Так точно, Мэтр!

— Поднимай нас... потихоньку...

— Постепенно поднять пары! — скомандовал капитан механикам. — Мэтр, «Крот» поднимается... Но вот что странно, мы вынуждены увеличивать мощность, как если бы его вес значительно увеличился... А ведь он должен был остаться прежним...

— Я и сам не пойму, в чем дело. Но трос ведь хорошо выдерживает нагрузку, а это главное.

Подъем продолжал, спокойно, методично, но все

* Олимпийское спокойствие — величественная уравновешенность, свойственная, по греческим мифам, богам на Олимпе.

медленнее и медленнее... Капитан, не зная, как объяснить это увеличение веса, смутно предчувствовал новую катастрофу и время казалось ему нескончаемым...

Прошел час, а аппарат подняли всего лишь на три тысячи восемьсот метров. Как бы там ни было, но пока подъем проходил благополучно, а господин Синтез все время выражал глубокую уверенность в успехе, которую капитан очень желал бы разделять... Что ж, после давешней аварии человеку дозволено стать немного пессимистом...

«Морской крот» продолжал движение, а Кристиану приходилось крепиться изо всех сил, чтобы не притопывать ногами от нетерпения. Ведь минуты все-таки истекали, расстояние сокращалось... Мало-помалу вращение становилось быстрее, еще тысяча метров пройдена... еще пятьсот... Восемьдесят две минуты минули... Раздается громкое «ура!» — над поверхностью появляется шишак, а затем и весь аппарат!

Огромная масса поднята, установлена на палубе, которая чуть ли не прогибается и не трещит от небывалой нагрузки. Люк тотчас же открывают. Господин Синтез, спокойный, как и перед началом экспедиции, выходит первым, за ним — сияющий химик, держа в руках все еще горящий электрический фонарь, который он позабыл выключить, когда снаряд уже проходил освещенные солнцем слои воды. Осталось перевезти «Крота» на атолл и освободить аппарат от балласта — двух кубометров воды, насыщенной монарами.

— Кстати, о балласте...— Господин Синтез заговорил тоном человека, пораженного неожиданной мыслью.— Я же забыл отсоединить две чугунные чушки!

Капитан про себя уже пришел к тому же заключению, чем и объяснил странное и значительное увеличение веса.

— Забыл... Мэтр что-либо забыл?! Очень странно,— пробормотал он себе под нос, глядя, как старик, задумавшись, направляется в свои апартаменты.

Веселый голос прервал ход размышлений офицера:

— Ну что, капитан, видели? Все оказалось проще пареной репы!

— Вам так кажется? — загадочно отозвался Кристиан.

— А то нет?

— Неужели вы даже и не подозревали, что совершаете подъем при излишке веса в две тысячи килограммов?

— Возможно, и не подозревали.

— Но если бы трос порвался ввиду подобной пере-

грузки! У меня при одной мысли об этом мороз идет по коже!

— Тоже мне — горе! Мы бы бултыхнулись себе вниз головой. Меня это никоим образом не касается — ведь шеф взял всю ответственность на себя. Что с того, что он позабыл отстегнуть две тысячи килограммов чугуна? Возможно, Мэтр решил проверить на прочность эту славную стальную веревочку. А то нет? На его месте я назначил бы ренту* фабриканту, изготовившему кабель.

— Вы оба погибли бы, если бы не эта невероятная прочность!

— Что вы об этом знаете? Мне кажется, патрон изыскал бы способ всплыть, как он это проделал вчера, сопровождаемый моим злосчастным коллегой. Какой человек, капитан, какой человечище!

«Все равно,— подумал обеспокоенный офицер. Рассеянность Мэтра не давала ему покоя.— За этой непостижимой забывчивостью кроется тайна, которую я не могу объяснить. В особенности принимая во внимание сложившуюся ситуацию. Неужели его всеобъемлющий ум, не подвластный ни старости, ни изнурительным трудам, начинает утрачивать прежнюю ясность? Что ж, придется понаблюдать за ним».

Господин Синтез отсутствовал непродолжительное время, безусловно употребив его на то, чтобы сообщить внучке о благополучном исходе экспедиции. Но вскоре он вновь появился на палубе.

Пока «Морского крота», с помощью наипрочнейших строп, закрепляли на системе талей, Мэтр с химиком отправились на атолл, на добрых полчаса опережая прибытие тяжелого металлического панциря, транспортируемого большим баркасом.

В огромном стеклянном куполе отражались ослепительные лучи солнца. Чистые воды лагуны, отделенной от моря железными воротами шлюзов и слоем гидравлического цемента, сверкая, вбирали в себя эти лучи, что значительно повышало температуру воды.

Все изобретенные господином Синтезом приборы, частично установленные на коралловом кольце, частично — на корабле, были готовы к работе. Чувствовалось, что вскоре один сигнал приведет в движение эту колоссальную машину, и во всех ее узлах закипит, забурлит жизнь.

Алексис Фармак, в качестве производителя строитель-

* Рента — постоянный доход от вложенных в банк сбережений.

ных работ, набрал команду особого назначения, состоящую из самых сообразительных и расторопных работников, избранных из членов экипажа всех четырех судов. Химик их уже слегка пообтесал, пояснив, какие действия вскоре потребуются, и отработав с ними некоторые приемы, пусть и несложные, но требующие применения не столько силы, сколько ловкости. Эта команда из 30 человек была колоритно названа ассистентом «лабораторными стюардами»* (определение, кстати сказать, очень верное и точно выражающее суть их обязанностей).

Стюарды, как матросы, вдесятером несли попеременную вахту. Дежурство было организовано уже много дней назад, но происходило, до наступления великого дня, по их словам, «вхолостую». Первая смена находилась на своем посту, и каждый вахтенный занимал место возле доверенного ему прибора.

Пока господин Синтез и химик обходили атолл, прибыл баркас с «Морским кротом». Доставить под купол содержимое резервуара с водой, в которой обитали монеры *bathybius haeckelii*, не подвергнув его контакту с атмосферой, в конечном итоге дело совсем несложное.

Баркас был накрепко пришвартован к коралловому кольцу, а одна из труб с большой металлической гайкой на конце подсоединена к водозаборному крану резервуара. Эта труба, проходившая сквозь стеклянную крышу, была снабжена всасывающим насосом, а другой ее конец был опущен в воды лагуны, где монеры найдут хоть и на меньшей глубине, но весьма близкие к природным условия существования.

Этот очень важный, по словам господина Синтеза, маневр, был исполнен в течение нескольких минут, и вскоре монеры смешались с семьюдесятью пятью тысячами кубометров воды, находящейся в бассейне. Раствор, конечно же гомеопатический**, но для данного случая достаточный.

Закончив эту операцию, химик развил бешеную деятельность; покинув Мэтра, он начал снова между аппаратурой, направо и налево отдавая своим людям краткие приказания. По его команде разжигали горн, на угольях которого раскалялся металлический перегонный куб. Печь с воздушной тягой дымила, как вулкан, и рядом

* Стюард — слуга (буфетчик, официант) на корабле.

** Гомеопатический раствор — здесь: раствор, в котором какое-либо вещество растворено в очень малом количестве.

с нею громадная реторта, погруженная в песчаную ванну, наполнялась рыжими испарениями. Четыре котла из листового железа медленно извергали свое содержимое по трубам, расположенным под куполом и в бассейне. И наконец, вступила в действие мощная электродинамическая машина Эдисона, установленная на борту «Анны» и соединенная с лабораторией толстыми заизолированными медными проводами.

Вскоре все вокруг задымилло, закипело, засвистело, принялось потрескивать, скрежетать, трудиться, испуская газы, испарения, флюиды*, жидкости, циркулирующие по трубам, как по артериям и венам кровеносной системы, чтобы пройти в свой черед через центр, где совершалась таинственная ферментация**, предшествующая или сопутствующая еще более таинственному и загадочному феномену, именуемому генезисом.

Горячие, причудливо окрашенные дымы, паря над лабораторным куполом, образовывали довольно густое облако; время от времени полыхало пламя, пронизываемое бесшумными, мимолетными, беспорядочными вспышками, похожими на вспышки молний. Пары частично конденсировались и, образуя искусственный дождь, оседали мельчайшей росой, состоявшей из разнообразнейших элементов, формула которых была ведома только Мэтру и химику.

Отдав своему ассистенту последние распоряжения, господин Синтез молча пошел к парому, связывавшему атолл с кораблем. Ступив на палубу, он осмотрел электродинамическую машину, поздравил капитана и несколько минут негромко побеседовал с ним. Офицер почтительно отдал честь, поздравил боцманов и что-то приказал им.

Через несколько мгновений послышался пушечный залп. И тотчас же, как по волшебству, на всех четырех кораблях весело расцвели разноцветные вымпелы, на всех судах прогремела артиллерийская канонада, как тогда, когда коралловый остров впервые поднялся из вод лагуны.

Перед выходом на наружный трап в одиночестве стоял господин Синтез, созерцая гигантское горнило, где воплощалась наконец его смелая мечта — итог всей жизни. И,

* Флюиды — здесь: легкоподвижные насыщенные газами растворы.

** Ферментация — ускорение химических реакций в живых клетках особыми белками — ферментами.

как бы отвечая своим потаенным мыслям, он тихо сказал сам себе:

— Вот оно и началось, Великое Дело!

На высокой мачте над куполом лаборатории поднялся огромный белый стяг, на котором заблестели черные буквы гордого девиза: ET EGO CREATOR.

Конец первой части

Часть вторая

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ НА МАЛАККЕ

ГЛАВА I

Жалобы юного господина Артура.— Чем заняты два ассистента.— Первая трансформация.— Появление амёб.— Что такое жизнь? — Ученый Тем-Хуже и ученый Тем-Лучше.— Изнурительная, но фундаментальная научная дискуссия.— Мнение преподобного отца Секки**.— Эволюция неорганической материи аналогична эволюции материи органической.— Процессы синтеза в природе.— Все яйца похожи между собой и все подобны монере.— Воссоздание в течение сорока недель всех феноменов трансформации, происходившей с момента появления жизни на Земле.*

— Уф-ф! Не могу больше.— жалобно простонал юный господин Артур и, обессиленный, рухнул в кресло-качалку.— Этот старикашка в гроб меня загонит!

— Знаете ли, коллега, слово «старикашка» звучит несколько фамильярно. Исходя из ваших же интересов, не хотелось бы, чтобы Мэтр слышал такие речи.

— В конце концов, какая разница? Пусть делает со мной все что угодно, только избавит от этой бессмысленной работы!..

— Видно, вас и впрямь обуял гнев!

— Скажите лучше, что я в ярости, меня душит, ослепляет злоба!

— Но от ярости кровь бросается в лицо, вы же ничуть

* Амеба — простейшее одноклеточное животное, не имеющее постоянной формы тела и передвигающееся при помощи упомянутых выше псевдоподий (ложноножек).

** Секки (Sechi) Анджело (1818—1878) — итальянский астроном и физик.

не покраснели, а, напротив, пожелтели. Думается, от злости у вас приключилось разлитие желчи.

— И вы еще смеете шутить?!

— Поймите, дорогуша, если я стану отвечать вам в том же тоне, то вскоре мы переколотим о головы друг друга всю лабораторную утварь.

— Никогда не знаешь, шутите ли вы или говорите серьезно.

— Разве я похож на шутника?

— Очень!

— Ну так цепляйтесь лучше ко мне. Это безопасней, чем хулить патрона, пусть даже за глаза.

— Вы, словно крепостной, преданы ему до самых печенок!.. Вы его всегда защищаете!..

— От кого? От вас? Бедный юноша! Мэтр не нуждается ни в моей, ни в чьей бы то ни было защите. Ему ничего не стоит заставить себя уважать. Стараясь умерить шквал ваших попреков, я думаю лишь о вашем же благе, ибо если хозяин услышит подобные разговоры, то он тут же даст вам пинок под зад, как зарвавшемуся матросишке.

— Ну и что с того?

— Вам мало? Тогда попробуйте выказать ему недостаточное почтение, пройдитесь, например, насчет его внешности или в глаза назовите «старикашкой»! Но лучше не обсуждать эту тему. Хочу надеяться, что причиной вашего уныния и плохого настроения является эта злосчастная желтуха, делающая людей такими сварливыми.

— Вам хорошо говорить. Вы всегда с правой ноги встаете. Здоровье отменное, глаз зоркий, аппетит прекрасный...

— Не завидуйте; нога лишена элегантности, глаз — единственный, а аппетит весьма посредственный.

— Но, во всяком случае, работа...

— Соотносительно с вашей — точно такая же, но намного тяжелей, на что я в конечном итоге не сетую. Давайте разберемся. Каковы ваши обязанности?

— О, никакие или почти никакие! Всего-навсего трижды в день производить пробы вод лагуны и, делая ее микроскопический анализ, искать *bathybius*, узнавать, развиваются ли они, растет ли их количество, изменяется ли их структура, фотографировать полученные под микроскопом препараты, проявлять пластинки, печатать фотографии, демонстрировать их господину Синтезу и так далее.

В итоге — восемь часов кропотливой, утомительной и однообразной работы.

— А вы думаете, что круглосуточно следить за всеми делами лаборатории — пустяк?! Надзирать за теми, кто обеспечивает работу аппаратов, изучать реакции, происходящие между множеством элементов, измерять температуру воздуха и воды и все до малейших подробностей докладывать Мэтру?!

— Пусть так. Но беда одного человека не исключает несчастий другого.

— Еще раз говорю вам: я не жалею, и даже наоборот!

— Вы хотите сказать, что эта варварская кухня, недостойная людей нашего круга, вас к себе влечет?!

— Непреодолимо!

— Но, помилуйте, с какой целью?! Если бы я только мог надеяться получить какой-нибудь истинно научный результат...

— Неужели вы и в этом сомневаетесь?

— Сейчас больше, чем когда-либо.

— Но ведь первые полученные данные очень обнадеживают.

— Вы легковерны.

— *Bathybius* расплодился делением настолько, что воды бассейна ими буквально кишат. Обсеменить двумя кубометрами монер водоем водоизмещением около семидесяти пяти тысяч и получить за четыре дня такой огромный прирост — это изумительно!

— Я придерживаюсь того же мнения, я даже иду дальше. Должен сообщить, что сегодня появились и более сложные существа — *амебы*. Появились, естественное дело, из *bathybius* путем прогрессивной трансформации животного мира.

— Но это же великолепно! Это же чудесно!

— Что великолепно?! Что чудесно?!

— Эдакое воплощение теорий эволюции!

— Начало воплощения...

— Видя столь замечательный результат, не стану дискутировать с вами о терминах!

— Добро. Хотел бы я хоть на миг разделить вашу радость, не перенимая вашей восторженности. Ну а что дальше?

— Как — что, ведь сделан первый шаг. Обозначена способность простой клетки на глазах трансформироваться, преобразуясь в более сложный организм, что свиде-

тельствует о начале ускоренной эволюции. И это вам ни о чем не говорит?!

— Ни о чем. Или, во всяком случае, мало о чем. Единственный вопрос, который я себе задаю: к чему все это может привести?

— Я очень надеюсь, что увижу в период, равный двумстам восьмидесяти дням, эволюцию от первичной клетки до человека.

— Вы, дражайший коллега, позвольте сказать откровенно, несете несусветную чушь. Подумайте сами: что такое жизнь? У вас есть точное определение?

— Могу предоставить не одно определение, а несколько.

— А я располагаю только одним.

— Не соблаговолите ли вы его сформулировать?

— Охотно. Жизнь,— думается мне,— это процесс упорядоченной и организованной эволюции, переданный первичной материи предшествующим существом, в котором происходили подобные эволюции.

— Таким образом, вы утверждаете, что все ныне живущие существа непременно должны отпочковаться от своих, скажем так, родителей?

— Черт возьми, разве ж это не само собой разумеется?

— Для меня — отнюдь. Ограничусь одним вопросом: откуда произошло первое животное или растение, которое не имело себе подобных?

— Однако и философские и религиозные догмы объясняют сей феномен, и я считаю эти объяснения исчерпывающими.

— Но ведь любые догмы подтверждают, а не описывают процесс.

— Это меня устраивает. И я удовлетворяюсь верованием, провозглашенным задолго до нас гениями, перед которыми согласен пасть ниц.

— Ваше дело. Но кто мне запретит искать более человеческое, если хотите, более приземленное, более приемлемое для моего разума объяснение и не причиняющее ни малейшего вреда догмам, провозглашаемым вами в ходе наших научных дискуссий?

— Ничего другого и не желаю, кроме как услышать от вас «научное» объяснение появления жизни на Земле. Но, предупреждаю заранее, ваши умствования меня не убедят. Что ж, дискуссия поможет нам убить время, пока сохнут мои пробы.

— Вы только что очень доходчиво изложили точку зрения, которая не удовлетворяет меня, поскольку она неминуемо подводит к отрицанию трансформизма.

— Значит, вы знаете лучшее определение?

— Вполне вероятно. Во всяком случае, оно не подводит к безоговорочному приятию предпосылок, кажущихся мне сомнительными, так как, по моему мнению, живые существа необязательно происходят от неизменно и строго себе подобных предков. Я дал бы следующее определение жизни: «Это — совокупность сил, управляющих органической материей».

— Очень осторожное определение! — Профессор зоологии рассмеялся.

— Я не могу быть более категоричным. Впрочем, если хотите, замените слово «сила» словом «движение».

— Вот уж что для меня не имеет ни малейшего значения!

— По-иному думал преподобный отец иезуит, чей авторитет в данном случае не подлежит сомнению!

— ?..

— Цитирую дословно: «В целом верно то, что все зависит от *материи* и *движения*, и мы таким образом приходим к истинной философии, которую уже исповедовал Галилей, видевший в природе лишь *движение* и *материю* или их модификацию, производимую за счет перемещения частей и *разнонаправленности движения*».

— Скажите на милость, кто же автор этого изречения?

— Преподобный отец Секки, дорогой коллега.

— Да ну?

— Он самый, как я уже имел честь вам сообщить.

— И что все это доказывает? «Материя», «движение» — просто слова! Окиньте взглядом всю органическую цепочку, всю лестницу живых организмов от монеры до человека. И, придя к простейшей живой клетке, вы вынуждены будете остановиться, не найдя объяснений, каким образом она оказалась на Земле.

— Ну, это мы еще посмотрим! Более того, я постараюсь вам доказать, что цепь, идущая от *неорганической молекулы* до человека, — неразрывна. И до такой степени, что вы не сможете отличить материю минеральную от органической, вернее, не будете знать, где кончается одна и начинается другая. Последовательность, безусловно, неуловима, но и непрерывна. «*Natura non facit saltus*»* — это аксиома.

* Природа не делает скачков (лат.).

— Таким образом, вы приходите к самопроизвольному генерированию материи?*

— Ни в коем случае. Я лишь констатирую глубинные связи неодушевленной и органической материи, ту корреляцию** между ними, которую в каждый данный момент невозможно определить.

— Продолжайте, дорогой коллега, ваши рассуждения меня живейшим образом заинтересовали.

— Вы мне льстите. Продолжу изложение основных принципов, приложимых к трем царствам природы,— их правильность в наше время уже ни у кого не вызывает сомнений.

Все законы, применимые к миру минералов, действительно также в мире растительном, существующем по лишь ему свойственным законам. В свою очередь, все законы растительного мира действительно в мире животном с той только разницей, что, как и в первом случае, они пополняются новыми правилами.

— По-вашему, существование кристаллов сопоставимо с существованием растительных организмов?

— При прочих равных условиях, да. Если не возражаете, начнем с аморфного состояния, являющегося для неодушевленной материи тем, чем для материи органической является протоплазма***.

Из экспериментов Вожельсана и Лемана явствует, что кристаллическое состояние приближается к аморфности посредством серии последовательных преобразований. Вышеназванные ученые наблюдали, как в соляных растворах самые простые кристаллы, находясь в условиях, аналогичных природным, формируются, становясь все более сложными, и, пройдя через ряд последовательных состояний, каждое из которых сложнее предыдущего, демонстрируют новые, значительно усовершенствованные физические качества. Как животное или растение, кристалл не появляется внезапно; как растение или животное, он проходит эмбриональную фазу****.

— Мне все это известно, о чем вынужден вам напом-

* Генерирование материи — воспроизведение, создание материи.

** Корреляция — соответствие, взаимосвязь элементов какой-либо системы (например системы животного организма).

*** Протоплазма — в биологии содержимое животных и растительных клеток; в протоплазме осуществляются все жизненные процессы.

**** Эмбриональная фаза — зародышевая ступень развития.

нить. Но я вновь возвращаюсь к нашим баранам:* каким образом цепь неорганического мира спаяна с цепью мира органического?

— Путем безусловного и простого внедрения в самый превосходный из кристаллов молекулы углерода.

— Пусть будет так, если вы настаиваете, хотя данное утверждение мне не представляется доказанным, даже после замечательных работ Геккеля **.

— Это-то и требуется выяснить. Почему в конечном итоге природа не может создавать комбинации, воспроизводимые нами ежедневно в своих лабораториях?

Вы конечно же помните, что не так давно господа Моннье и Вогт с помощью неорганических взаимодействующих солей симитировали некоторые формы органических клеток, а резюме*** их работы,— отчет, опубликованный в «Записках» Академии наук под заглавием «Искусственное продуцирование некоторых форм органических веществ»,— заставил совершенно по-новому взглянуть на данную проблему.

Могу еще по этому поводу привести в качестве примера один широко известный факт. А именно: возьмем ботаническое семейство, образованное путем симбиоза, или, проще сказать, путем комбинации двух отчетливо различных растений — семейство лишайников****. Удалось на практике разъединить два растения, его составляющих,— зеленое и незеленое. Первое может развиваться самостоятельно, и в нем признали *водоросль*! Второе же, лишенное хлорофилла*****, является грибом. (Правильность такого анализа была подтверждена с помощью синтеза.) В среде, лишенной малейшего зародыша лишайника, на водоросли поместили грибы. Короче говоря, была произведена попытка из нескольких разных видов синтезировать лишайники. Таким образом, удалось экспериментальным путем репродуцировать вид с помощью одних лишь его первичных элементов.

* «...возвращаюсь к нашим баранам» — т.е. к отправной точке разговора (ставшая крылатым выражением фраза из старинного французского водевиля).

** Геккель (Haeckel) Эрнст (1834—1919) — немецкий биолог-эволюционист, сторонник учения Ч. Дарвина, предложил первое «родословное древо» животного мира.

*** Резюме — краткое изложение сути книги, статьи и т. п., заключение, вывод.

**** Лишайники — низшие растения, образованные совместным существованием (симбиозом) гриба и водоросли.

***** Хлорофилл — вещество, придающее растениям зеленый цвет.

— К чему вы клоните?

— К тому, что «импульс организации и регулярной эволюции» не всегда передается весомой материи с помощью предшествующего существа, прошедшего подобную эволюцию. Лишайники необязательно происходят от себе подобных родителей — ведь они являются гибридом водорослей и грибов. Как видите, ваше определение жизни, мягко говоря, не совсем верно.

— Признайте же, что для природы внедрить в кристалл атом углерода гораздо проще, чем путем взаимодействия двух различных организмов продуцировать ботаническое семейство.

— Оставляя за собою право обращаться к абсолютным истинам, касающимся сущности творения, готов признать все, что вам угодно.

— Я не собираюсь посягать на ваши догмы и разрушать ваши предрассудки. Единственное, что меня привлекает,— это добросовестный поиск истины. Но вернемся к соединению кристалла с углеродом, к комбинации, которая привела к появлению жизни на Земле.

Из всех веществ углерод является едва ли не важнейшим элементом, выполняющим в телах животных и растений одну из самых главных функций. Именно углерод, взаимодействуя с другими элементами, формирует сложные комбинации и тем самым разнообразит химические структуры, а стало быть, и жизненные свойства животных и растений. Именно углерод, соединяясь с кислородом, водородом и азотом, к которым чаще всего приходится добавлять серу и фосфор, порождает белковые соединения, то есть мономер, зародышей жизни. Таким образом, я согласен с Геккелем в том, что лишь в особенных физико-химических свойствах углерода, в частности в его полужидком состоянии и нестабильности углеродных белковых соединений, следует усматривать механизмы двигательных феноменов, отличающих живые организмы от неживых.

— Благодарю, дорогой коллега, и, восхищаясь вашим пылом, хочу отдать должное той ловкости, с которой вы стараетесь мне доказать, что яйцо старше курицы.

— Но для меня это очевидно, и я во весь голос заявляю: *«Вначале была не курица, а яйцо»*. Ясное дело, что примитивное яйцо не было снесено птицей, а являло

собой простую индифферентную клетку* простейшей формы. В течение тысяч и тысяч лет оно существовало независимо, в виде одноклеточного организма — *амебы*. И лишь тогда, когда ее потомство трансформировалось в многоклеточное и разделилось по половому признаку, родились, о чем свидетельствуют данные современной физиологии, амебовидные клетки.

Яйцо было сначала яйцом червя, позднее — рыбы, амфибии, рептилии и, наконец, птицы. Современное птичье яйцо, в частности куриное, это весьма сложный исторический продукт, результат бесчисленных феноменов наследственности, происходивших на протяжении миллионов лет.

Однако я тут изощряюсь, доказывая то, что вы знаете лучше меня, ведь ваша специализация — естественные науки.

— Вот и позвольте заметить по этому поводу, что, игнорируя все, за исключением химических соединений, реакций и субституций**, вы рассуждаете как узкий специалист в области химии.

— Во всяком случае, все мною сказанное отличается точностью, а о красотах стиля я при изложении не забочусь. Поверьте, мне несколько не хочется уязвить вас. Но очевидно то, что вы, видя лишь настоящее, не отдаете себе отчета ни в том, какие огромные периоды времени истекли, ни в том, как воздействовали эти миллионы и миллионы прошедших лет на материю и движение.

— Позвольте, я никогда не упускаю из виду опыты Бишофа***, доказывающие, что для того, чтобы перейти из состояния жидкости к состоянию твердого тела, то есть остыть с двух тысяч до двухсот градусов, нашему земному шару понадобилось триста пятьдесят миллионов лет.

— Тогда ваша непоследовательность просто поражает! Вы ведь согласны с тем, что в период формирования в яичнике все яйца поразительно похожи между собой.

— Согласен! Скажу больше — они подобны элементарной амебовидной клетке, схожей с теми, которые находятся сейчас в лаборатории.

— Я вас за язык не тянул! Итак, яйцо, из которого

* Индифферентная клетка — т. е. не вступающая в соприкосновение или реакцию с другими клетками.

** Субституция — замещение.

*** Бишофф (Бишоф; Bischof) Теодор Людвиг (1807—1882) — немецкий анатом и эмбриолог, исследовал ранние стадии развития зародыша у млекопитающих.

родится бык, слон, утка, мышь, кролик, колибри или обезьяна, представляет собой автономную клетку, аналогичную находящимся в водах бассейна...

— Утверждать обратное было бы чистейшей нелепостью.

— Как?! И после этого вы не желаете признать возможность эволюции, происходившей под видоизменяющим влиянием миллионов истекших лет?!

— Я ничего не отрицаю, ничего не жду, я лишь констатирую факты. Но, прежде чем признавать или не признавать теорию, которую, надо отдать вам должное, вы довольно толково изложили, я все же позволю спросить, что же стряпают в этой варварской кухне под стеклянным колпаком?

— Вы сами все прекрасно знаете, ведь я перед вами мелким бисером рассыпался. В сотый раз повторяю: господин Синтез намеревается в сорок недельный срок, путем исследовательских трансформаций, воссоздав фазы, пройденные предками человека, возродить в этом громадном бассейне основные жизненные формы, чтобы, усовершенствовав их по мере возникновения, добиться появления человеческой особи.

— Но это противоречит здравому смыслу! Каким образом он надеется перешагнуть через миллионы лет, понадобившиеся для изменения примитивных организмов? Чем он заменит материнское начало?

— Это его тайна.

— Тайна, неминуемо ведущая к краху.

— Да что вы! Господин Синтез не был бы самим собой, то есть не был бы гением, гордостью рода человеческого, если бы не нашел надежных способов воплощения своего плана. К тому же разве вы, глядя на чудовищное размножение *bathybius* и на появление организма, высшего, нежели монара, еще не поняли, что эволюция уже началась?

— Ну и что это доказывает? Низшие организмы, кстати, далеко еще не все известные, бурно размножаются даже за короткие промежутки времени. И мне кажется, говорить не столько о теории наследственности, сколько об успехе этой странной затеи, только потому, что рядом с монарами *bathybius haecklii* в воде обнаружены амёбы, более чем преждевременно.

— Не рядом с монарами, а вместо них!

— Хотел бы я думать так же.

— Сами увидите, найдете ли вы в воде через сутки хотя бы одну монару!

— Ну и о чем это свидетельствует?

— Об успехе. Разве не лежит пропасть между простой и бесструктурной аморфной материей, из которой состоит *bathybius*, и простой протоплазмой *амебы*, обладающей внутренним ядром? Разве на заре развития Земли не понадобились тысячелетия для осуществления такого простого на первый взгляд этапа эволюции?

— Теперь вы не можете отрицать, что органическая материя совершенствуется. Если бы у вас в растворе вдруг выпал кристалл...

— Да, кстати, насчет кристалла у меня возникла одна мысль.

— Разрешите узнать какая?

— Всенепременно,— откликнулся зоолог с плохо скрытой иронией.— Зачем понадобилось господину Синтезу начать с полдороги? Знаете, как бы я сделал на его месте? Вместо того, чтобы отправной точкой эксперимента брать протоплазму, аморфную органическую материю, я взял бы неорганическую, также находящуюся в аморфном состоянии, и кристаллизовал бы ее. Получив кристаллы, сперва совсем простые, усовершенствовал бы их до уровня сложных и, наконец, согласно вашей теории, ввел бы в них углерод. Затем путем различных комбинаций воздействовал бы на эти кристаллы кислородом, водородом и азотом до получения *протоплазмы*. Коль уж берешься за синтез, его надо производить из многих составляющих.

— Идея соблазнительная, но она для своего воплощения требует слишком много времени. А это не входило в намерения господина Синтеза, кстати говоря, сотни раз повторявшего подобные опыты, прежде чем получить алмазы. Однако я совсем забылся... Мне надо бежать в лабораторию, там за всем нужен глаз да глаз... Прощайте!

— Всего наилучшего!

«Вот еще один тронутый,— подумал зоолог, когда химик удалился.— Парень принимает на веру любую чушь, рожденную в мозгу старикашки, который, сдается мне, становится час от часу слабоумней. Они оба гонятся за одной и той же химерой, несут одинаковую ересь, вот и нарвутся вместе на неприятности. Нет никаких сомнений: месяца через три они станут совсем буйнопомешанными. Ну что ж, пусть так. Поскольку два члена нашей ученой троицы положительно свихнулись, у третьего должно хватить разума на всех троих. И разума, и ловкости... Ты будешь простаком; если не используешь это

выгодное положение. Отныне теория происхождения видов обретет в моем лице самого ярого сторонника».

ГЛАВА 2

Болезнь.— Наука бессильна.— Разлука.— Сильной хвори — сильное лекарство.— Капитан удивлен, узнав, что должен покинуть атолл.— Китайцы возвращаются на родину.— «Инд» и «Годавери» вооружаются.— «Моя девочка должна путешествовать как королева».— Два корабля отчаливают.— Как кули расположились на борту.— Среди решеток, щитов и пулеметов.— Психология китайских рабочих, нанимаемых на вывоз.— Склонность к бунту.— Жестокость.— Переход через Большой Барьерный риф.— Акулы и рыбки-пилоты.— Кук-таун.— Продовольствие.— Двадцать три лишних китайца.

— Ничего страшного, уверяю вас.

— Дитя мое! Ты думаешь, я так поглощен своими многочисленными обязанностями, что ничего не вижу?

— Наоборот, вы слишком зорки, раз видите даже то, чего нет.

— Откуда же такая бледность? А эти недомогания, эта слабость, потеря аппетита, сердцебиение, сухое покашливание?..

— Но, дедушка, миленький, вы меня пугаете. Столько всего перечислили! Неужели я серьезно больна?

— К счастью, пока нет. Но можешь заболеть. Видишь ли, мое любимое дитя, нас, стариков, трудно провести, в особенности если наблюдательность ученого усилена отцовской любовью.

— Должно быть, вы правы... как всегда. Но если предположить, что в первую очередь волнуется не ученый, а мой замечательный, любящий меня так же сильно, как и я его, дедушка?

— Вот дедушка и торопится принять меры, пока еще есть время, пока еще нежные чувства не сделали его окончательным эгоистом. Говорю тебе без обиняков и сожалений: нам надо расстаться.

— Расстаться?! Да вы шутите! Что со мной станется без вас!

— Ты вскоре выздоровеешь и вернешься ко мне, такая же крепкая и пышущая здоровьем, как раньше.

— Вдали от вас я умру от скуки!

— Нет. Послушай, дитя мое. Ты обладаешь таким

мужеством и такой энергией, что множество людей на свете позавидовали бы тебе. И я говорю с тобой так, как говорил бы с мужчиной. Ты же знаешь, в тебе — единственный смысл моего существования.

— О, в этом-то я не сомневаюсь, я и сама думаю так же. Но прожить в отдалении от вас пусть даже самое короткое время я не способна... Тем более что... Нет, я даже вымолвить не в силах... И думать о таком не хочу...

— Говори, дитя мое. В жизни бывает всякое, и ко всему надо быть готовым...

— Ладно, скажу. Если вы умрете, я тоже умру.

— Ну, это-то мне пока не грозит. Я еще поживу... Жизнь за долгие годы успела ко мне привыкнуть.

— Как я счастлива это слышать! Мне кажется, что я уже выздоровела!

— Вот ты наконец и созналась.

— Пришлось сознаться. Хотя бы для того, чтобы иметь счастье быть вами вылеченной. Ведь для вас нет ничего невозможного, не правда ли?

— Увы, есть, дорогое мое дитя. Более того, в данный момент, вынужден признаться, я повергнут в некоторое отчаяние, так мало мое могущество.

— А как же те замечательные работы, что прославили ваше имя?.. Как же те чудесные открытия, узнав о которых самые знаменитые ученые с трудом в себя могут прийти, настолько они потрясают?..

— Не будем об этом... Наука, которую раньше меня лишь изредка подмывало проклясть, теперь служит мне всего-навсего подтверждением моей беспомощности.

Ты недавно пережила ужасное волнение, узнав о грозившей мне опасности остаться на дне морском. Я не смог предотвратить причину этого переживания так же, как сегодня не могу устранить его последствия.

Географическая точка, в которой мы сейчас находимся, прекрасно подходит для моих работ, но из-за удушливой жары климат здесь вреден для здоровья. Выброшенные на рифы морские водоросли разлагаются, и нас окутывают тучи миазмов* — возбудителей лихорадки. Работающие день и ночь машины засоряют более-менее вредными продуктами внутреннего сгорания и без того тяжелую, густую, раскаленную атмосферу.

Ты живешь на корабле, в замкнутом пространстве,

* Миазмы — здесь: зловонные испарения, содержащие болезнетворные бактерии.

вдали от целительного дыхания лесов и чистого ветра степей, лишенная привычного для себя комфорта. И, что еще хуже, у нас больше не осталось свежих продуктов питания.

— Дедушка, родной, вы сегодня мрачны! Послушайте, скажите мне по секрету, а нельзя ли все как-нибудь уладить... по-научному?

— Увы, нельзя, дорогое мое дитя. Я пытался остановить развитие твоей нервной болезни гипнозом и внушением. Однако ты первая и, наверно, единственная оказалась невосприимчивой к моему лечению!

Могу ли я пригасить солнечный свет, уменьшить этот ужасный изнуряющий зной, способный вскоре вызвать у тебя полную анемию?!* Могу ли я велеть бризу разогнать зловонные тучи микроорганизмов, провоцирующих лихорадку?! Могу ли расширить палубы своих кораблей, засадить их деревьями, застроить домами? Наконец, по плечу ли мне сублимировать** свежие продукты питания, в которых так отчаянно нуждается твой ослабленный организм?

— Но у вас же есть сильнодействующие, эффективные препараты и против лихорадки, и против анемии! А сами вы долгие годы обходитесь без свежих продуктов. Быть может, вы и меня приобщите к своему режиму? Что касается нервов, то это не проблема — ваши советы и моя сила воли возьмут верх.

— Не получится, дитя мое; тонизирующие средства действенны лишь в случае, когда в больном организме надо устранить постоянную причину ослабления. То же с лихорадкой — какой толк пичкать тебя хинином, если ты все время вынуждена вдыхать малярийные миазмы? Что же касается моего специального, некоторым образом искусственного питания, то оно требует подготовки, очень длительного и трудного привыкания, которому я не хочу и не могу тебя подвергать. Как видишь, моя девочка, ничто не может заменить животворного действия природы.

Кроме того, надо всегда, когда это возможно, следовать прекрасному совету (он полезен больше, чем все вместе взятые лекарства): «*Sublata causa, tollitur et effectus*». — «Если устранить причину, то исчезнут и ее послед-

* Анемия — малокровие, истощение в результате болезни или нездорового образа жизни.

** Сублимировать — здесь: создавать концентрированные продукты питания.

ствия». Поэтому я так спешу отослать тебя отсюда. И не старайся меня переубедить. Силы расстаться с тобой я черпаю в моей любви к тебе. Если хочешь, чтобы мы любили друг друга еще долгие и долгие годы, уезжай как можно скорее.

— Стало быть, я покоряюсь и уезжаю,— прошептала девушка, мужественно подавляя душившие ее рыдания,— чтобы как можно быстрее поправиться и как можно быстрее вернуться. Пусть эта первая наша разлука принесет желаемый результат!

Получив принципиальное согласие внучки на отъезд, господин Синтез по мере возможности ускорил приготовления к отплытию. Но покинуть атолл, где его присутствие было необходимо до самого завершения предприятия, он не мог. Поэтому, вызвав капитана Кристиана, Мэтр дал ему подробные приказания, не замечая, казалось бы, как оторопел офицер, узнав, что должен покинуть Коралловое море. Но, настоящий раб долга и дисциплины, командир «Анны» не позволил себе ни малейшего возражения. Он предан Мэтру душой и телом, и его слова — закон.

Во-первых, необходимо было доставить на родину китайцев, в чьих услугах больше не нуждались; обреченные в последнее время на безделие, они становились обременительными, к тому же прокормить их, не уменьшая рациона остальных членов экспедиции, не представлялось возможным.

Срок контракта подходил к концу, и китайцы мечтали только об одном — вернуться домой и получить премиальное вознаграждение, щедро обещанное господином Синтезом. Находясь постоянно под дулами нацеленных на них пушек, они чувствовали себя не очень-то уютно. Что с ними сделают, вот вопрос?

Матросы, испытывая некоторое отвращение к желтолицым, часто зло подшучивали над ними. Стоит лишь вспомнить по этому поводу их странные предположения, подслушанные секретным агентом господина префекта. Китайцы, невзирая на успокоительные заверения своих прежних бригадиров, и впрямь опасались, что вскоре превратятся в мягкое тесто для фантастической кухни господина Синтеза.

С трудом поддается описанию радость бедных кули, выраженная особенно пронзительным визгом, при известии, что им заплатят деньги, раздадут по небольшой порции опиума и безотлагательно отправят домой, в Китай.

В принципе, к отплытию должны были бы подготовить

один из четырех кораблей, но Мэтр непременно хотел избавить большую от тесноты и людского скопления, вот почему он решил, что не один, а два корабля покинут Коралловое море; на первом поплывут только китайцы, а на втором — девушка в сопровождении лучших специально отобранных матросов. Господин Синтез, ставя выше всего состояние здоровья своей внучки, не без основания решил поручить дело капитану Кристиану, как ни тяжело ему было лишиться такого помощника.

Под угрозой остановки аппаратуры и срыва Великого Дела невозможно было и думать куда-либо услать «Анну». Ввиду этого Мэтр решил подготовить для путешествия «Годавери», создав на борту все условия и окружив роскошью единственную пассажирку корабля. «Инд» же оборудовали специально для перевозки большого количества людей — все необходимые работы были произведены с быстротой и ловкостью, свойственной лишь настоящим морским волкам.

Матросы маленькой эскадры поочередно побывали в роли столяров, декораторов, обойщиков и архитекторов, устраивая для девушки такое «гнездышко», чтобы она не пожалела о своих изящных покоях на борту парохода, носившего ее имя.

Господин Синтез, приглядывая за лабораторией, между тем успевал пристально следить и за переоборудованием «Годавери» — старик хотел, чтобы все было устроено в лучшем виде. Он буквально ни на шаг не отпускал от себя капитана Кристиана, засыпая его советами и наставлениями так, что бравый моряк, хоть и понимал неотложную срочность отплытия, в конечном итоге почувствовал себя чуть ли не раздавленным под грузом легшей на его плечи ответственности.

— Ты все хорошо уразумел, дружок? Отъезд кули — лишь предлог; главное — увезти отсюда мою бедную любимую девочку, ей необходимо поменять обстановку... Развлечись, повидать незнакомые города... Надо вдохнуть в нее интерес к путешествию. Даю тебе карт-бланш*. Я верю в твой ум, в твою любовь, в твою преданность. Анна любит тебя как брата, а ты ее как сестру.

— Как сестру... Да, Мэтр,— невольно для себя перебил старика внезапно побледневший капитан.

— Вы вместе росли, ты знаешь ее мысли, ее вкусы, ее

* Карт-бланш — неограниченные полномочия, полная свобода действий.

капризы, ее потребности и желания. Исполняй же все не раздумывая, не сомневаясь...

На «Годавери» множество сокровищ... Моя девочка должна путешествовать как королева. Повинуйся ей во всем, даже если бы она пожелала изменить курс корабля. Плыви, куда ей только заблагорассудится, причаливай к берегу или выбирай якоря, выходи в море или стой на рейде при одном лишь условии, чтобы ее прихоти согласовались с ее безопасностью. Договорились?

— Договорились, Мэтр. Однако позволю себе заметить, на меня ложится тяжелая ответственность. Не смею и думать о таком, но что, если, вопреки вашим предсказаниям, состояние мадемуазель Анны ухудшится?.. Как мне тогда быть?

— Оба врача, и на «Инде» и на «Годавери», люди знающие. Я их проинструктировал подробнейшим образом.

Итак, ты немедленно пойдешь к берегам Австралии, бросишь якорь в одном из австралийских портов, примешь на борт груз свежих продуктов. Затем, узнав, хочет ли девочка идти в Макао или остаться в Австралии, посетить крупные острова или вернуться в Индостан, будешь действовать согласно ее воле. Как бы там ни было, путешествие должно продлиться не менее трех месяцев; доставь Анну в более северные широты, где нет такого изнурительного зноя. И наконец, если доберешься до Индии, повидай моего друга Кришну, ты его хорошо знаешь. Он поможет вылечить мою девочку.

Наступил час отплытия. Получившие денежное довольствие кули при посадке на «Инд» были тщательно досмотрены — этим сомнительным эмигрантам категорически запрещалось ношение оружия — и размещены в межпалубном пространстве (твиндеке), разделенном на отсеки с помощью толстых решеток, снабженных раздвижными щитами. Но все здесь не могли поместиться, поэтому часть китайцев расположилась на палубе, с тем чтобы провести на ней двадцать четыре часа. На завтра эта группа поменяется местами со своими товарищами, находящимися сейчас на нижней палубе, и так каждому достанется приблизительно равное количество света и воздуха.

Все матросы и даже машинисты были вооружены, словно во время военных действий. Каждый получил приказ ни на минуту не выпускать из рук оружия. Распоряжение гласило: «Вахтенному предписывается держать револьвер

за поясом, а ночью автоматический карабин должен находиться на расстоянии вытянутой руки от спящего».

Наконец, на китайские колонии были наведены пулеметы Нортденфельдта, чтобы в случае бунта вся внутренняя часть судна простреливалась насквозь, стоило лишь поднять раздвижные щиты, при помощи приспособления, сходного с тем, какое используют в театре для передвижения декораций.

Предпринятые господином Синтезом предосторожности, конечно же, вызовут бурное негодование кабинетных гуманистов. Однако люди, находящиеся в пятистах лье от какой-либо суши и отдающие себе отчет в относительной малочисленности команды, сочли бы все эти мероприятия совершенно необходимыми.

Пусть никто не удивляется размаху предпринятых мер безопасности. Китаец вообще — существо сильно от нас отличное. Как бы ни возмущались ревнители всеобщего равенства, нельзя сбрасывать со счетов полнейшее несходство рас, обычаев, нравов и образа мыслей.

Для торжества равенства необходима хотя бы физическая или моральная тождественность. Ведь никому не придет в голову сравнивать «желтолицего брата» с парижским ремесленником или землепашцем из департамента Бос. И дело здесь вовсе не в эстетике. Оговорим сразу: то, что в плане физическом есть просто различия, в плане моральном зачастую превращается в несовместимость.

Лишенный великодушия, подстегиваемый алчностью, которая иногда кажется единственным смыслом его существования, этот курносый и круглолицый мелко семенящий человечек сперва кажется безобидным. Никогда не глядя прямо в глаза, с виду елеинный и липкий, он испытывает к *любому* белому человеку ненависть, равную лишь его презрению. Для голодных, угнетенных китайцев, стонущих под гнусной пятой деспотов-мандаринов*, белый человек — добыча, и ловец во что бы то ни стало постарается ее захватить.

При виде европейца ничто не ломит упрямства желтолицего, ничто не умерит его жажды наживы. Гордый до бешенства, вороватый до гениальности, жадный до подлости, он умеет, ежели дело идет о его выгоде, становиться угодливым до тошноты; у него одна цель — нажиться во

* Мандарин — данное португальцами название чиновников феодального Китая.

что бы то ни стало, любым путем, пусть даже придется исполнять самую грязную, самую унижительную работу. Деньги для азиатов действительно не пахнут.

Но погодите, дайте только китайцу набить мощну — и вы станете свидетелем любопытного перевоплощения. На следующий же день поведение этого забитого лакея изменится. Пользуясь поддержкой своих соотечественников, кишачих, как насекомые-паразиты в Австралии и в особенности в Северной Америке, он становится важной персоной, занимается ростовщичеством, стяжательством, целые страны ставит под вырубку и качает их богатства через собственные дренажи. Вот когда наступают звездный час для его высокомерия!

Белый хорошо относится к китайцу? Это по слабости. Был к нему благосклонен? Боялся. Вел себя с ним как с равным? Тем и заслужил презрение. *Варвар*, еще недавно говоривший о всеобщем братстве, теперь осознает свою ошибку — над ним поглумились, его унизили и обобрали!..

Когда имеешь дело с китайцем, не следует строго соблюдать принципиальные договоренности и условия. Что ему его честное слово и подпись под контрактом? У него одно на уме: лишь бы увильнуть от своих обязательств, в особенности если работодатель — человек миролюбивый.

Горе тому, кто на самом деле не очень силен!* Эти жалкие попрошайки, собравшись скопом, способны совершить убийство! Убить белого? Благое дело! Но при условии — обделаться дельце надо так, чтобы ни сейчас, ни впредь никто не подкопался. Таким образом, европейцу, волею случая очутившемуся в обществе желтолицых, следует быть более сильным и держать ухо остро.

Китаец — человек действия, он уважает только силу.

* Однако я не претендую на то, чтобы возводить свое суждение в абсолютный принцип, так как отношу его лишь к китайцам, работающим за пределами родной страны, за которыми я наблюдал во время своих путешествий. Подтверждением моих слов может стать мнение на сей счет многих заслуживающих доверия австралийцев и американцев. С другой стороны, мой почтенный друг господин Эжен Симон, бывший французский консул в Китае, восхваляет оседлых китайцев в своей прекрасной книге «Китайский город». Что касается кули, экспортируемой рабочей силы, количество которых исчисляется миллионами, то они являются отбросами трудового люда. К тому же они *оторваны от семьи*, чем все и сказано. Я имел с ними дело во время предпринятых мною тяжелых экспедиций. Тороплюсь отметить, что общение с этими прохвостами странным образом поколебало во мне принципы всеобщего равенства, которые я искренне исповедовал до того, как пересек океан. (Примеч. авт.)

И не вступайте с ним в дискуссии, не пытайтесь убедить его в своей правоте. Смело наступайте, иначе он вас перехитрит, ведь водит он за нос наших дипломатов. Так и вас, подхваченного силой инерции, он загонит в такую ловушку, о которой по простоте душевной вы и не подозревали. И это прекрасно понимал адмирал Курбе* и, если бы его не связывали приказы некомпетентных лиц, совершенно игнорирующих натуру сынов Поднебесной империи, вся плачевная Тонкинская эпопея закончилась бы в нашу пользу.

Но вернемся к китайским кули господина Синтеза. Если с ними плохо обращались — при перевозке на кораблях факт нередкий, — они норовили в пути или по прибытии на место поднять бунт. Если же гуманные капитаны обращались с ними хорошо, попытки бунта учащались. Кули неизменно побаивались человека решительного и уважали его тем больше, чем жестче он к ним относился, добряка же они презирали и считали мокрой курицей. Вот откуда — решетки в грузовых отсеках, раздвижные панели, артиллерийские орудия и пулеметы, предназначенные для усмирения бунтовщиков.

Но, несмотря на все предосторожности, бывали случаи, когда бунтовщики, обманув бдительность матросов, ломали решетки и, перебив малочисленный или слишком доверчивый экипаж, захватывали корабль. Анналы мореходства полны ужасающих драм и сцен, которые невозможно описать пером и в которых свирепая изобретательность этих палачей брала верх.

Сорок человек, составлявших команду «Инда», давно были прекрасно осведомлены на сей счет, и каждый себе пообещал, что будет смотреть в оба, хотя поведение азиатов оставалось пока со всех точек зрения безукоризненным. «Инд» шел в паре с «Годавери», и в случае тревоги тот мог оказать ему действительную помощь.

Корабли последовали тем же курсом, каким прибыли к атоллу, — он был тщательно отмечен в лоциях капитана Кристиана. Но несмотря на математическую точность ра-

* Курбе Амедей-Анатоль-Проспер (1827—1885) — французский адмирал; был губернатором Новой Каледонии; в 1883 г. получил главное начальство в Тонкине, прорвался в гавань Гюэ и продиктовал королю аннамскому условия мира; в 1884 г. разрушил форты и арсенал Фу-чжоу, но потерпел неудачи при Келонге и Формозе. Сенсацию произвели опубликованные после его смерти письма, в которых Курбе резко осуждал политику министерства и парламентского большинства.

Л. Буссенар опубликовал в 1897 г. повесть «Миноносы адмирала Курбе».

счета расположения рифов, навигация все равно была трудной.

На малых парах корабли продвигались по местности, напоминавшей причудливую вырубку дубового леса, где коралловые пни то торчали над самой поверхностью воды, то были скрыты зеленоватыми волнами. Разумеется, пройти таким образом большую дистанцию они не могли, но элементарная осторожность повелевала двигаться медленно — в столь опасной местности было бы безрассудством плыть иначе. На ночь становились на якорь.

Кораблям понадобилось почти двое суток, чтобы достичь Большого Барьерного рифа. Капитан Кристиан, желая как можно скорее запастись свежими продуктами, на второй день свернул на юго-запад, желая пройти коралловую стену через ворота, ведущие в бухту Принцессы Шарлотты. Этот тонкий маневр прошел без сучка без задоринки. Вскоре оба корабля обогнули мыс Мелвилла и взяли курс на Куктаун — первый город близ шпиля Йорка, которым заканчивается Северная Австралия.

Девушка, до сих пор уединявшаяся в своих покоях, вышла в сопровождении прислужниц и села на полуюте возле элинга, чтобы полюбоваться открывшимся чудесным видом.

Судно, оставив позади все препятствия, быстро заскользило по гладким водам пролива, отделяющего Великую стену от континента. Вот и шпиль на мысе Мелвилла — пирамида, сложенная из валунов, похожих на каменные ядра. Коса из красного коралла, всего на несколько сантиметров выступающая из воды, напоминала ковер, по которому, бесстрастные и задумчивые, прохаживались пеликаны. Рядом с этими сосредоточенными рыбаками, фрегаты* с их огромными крыльями отдыхали от странствий в открытом море, неловкостью движений подчеркивая, что суша им непривычна. Стаи зеленых голубей реяли в небе или, испуганные с островков, где находили вдоволь корму, взлетали и смешивались с крикливыми чайками, норовившими догнать и заклевать их.

За кормой судна, бесстыдные, словно наглые попрошайки, и подслеповатые, как кроты, стрелой пронеслись большие акулы. Длиной четыре-пять метров, сильные, мускулистые, ловкие, эти опасные хищники являлись в сопровождении черно-белых полосатых рыбешек, которых

* Фрегат — крупная океаническая птица, размах крыльев до 2 м. Большую часть жизни проводит в полете, плавать не умеет.

называют рыба-лоцман. То ли потому, что они, как утверждают, служат разбойникам собакой-поводырем, то ли по какой другой, до сих пор ускользавшей от проницательности натуралистов причине, акулы и рыбы-лоцманы сосуществуют в добром согласии. Часто наблюдают, как полосатая рыбешка плывет, буквально вплотную прижавшись к жуткой пасти чудовища, а акула, всегда голодная до такой степени, что может вцепиться даже в своего сородича, никогда не берет на зуб своего маленького попутчика.

Пролив сужался. Корабли приближались к континенту. О левый борт сильно бились волны; с правого был виден крутой берег, поросший гигантскими эвкалиптами, с бледно-зеленой пыльной кроной, чей аромат доносился на корабль береговым ветром.

Сейчас «Инд» и «Годавери» находились менее чем в одном кабельтове от берега. Стаи ярко окрашенных попугаев взлетали с пронзительными криками, а занятые рыбной ловлей местные жители спешили на своих лодках из древесной коры укрыться в промоинах изрезанного берега.

Корабли, быстро миновав острова Ховика, а затем заливы Флаттери и Бэдфорд, бросили наконец якоря в гирле реки Эндиэйвор, где находился городишко Куктаун, расположенный на 16° южной широты и 143°30' западной долготы; совсем недавно основанный город уже насчитывал не менее десяти тысяч жителей, из них — восемь тысяч китайцев. Это был настоящий уголок Китая, перенесенный на Австралийский континент, с его причудливыми домами, с его sui generis* запахом, с его вошедшей в поговорку грязью, с его раскосыми желтолицыми жителями.

Куктаун — один из главных портов, куда прибывали китайцы. Отсюда они растекались по золотоносным районам Квинсленда**, поражая, как проказой***, всю Австралию.

Капитан Кристиан, приставший к этим берегам не для того, чтоб философствовать, запретил своей команде увольнение на сушу, а за провиантом поспешно отправил специальных посыльных. Этот важный вопрос в конечном итоге решался просто — кругом кишмя кишели китайцы,

* Собственный, только этому месту свойственный (лат.).

** Квинсленд — штат на северо-востоке Австралии.

*** Проказа — тяжелая болезнь, вызываемая особым вирусом, считающаяся острозаразной и поражающая все органы человека.

и, следовательно, можно было быть уверенным, что удастся купить чего только не пожелаешь.

Не прошло и двух часов, как фуражиры* стали обладателями множества говяжьих туш, баранов, свиней, различной птицы и овощей. За все, правда, было заплачено втридорога, но, поскольку корабли пришвартовались к причалу, продукты питания можно было сразу грузить на суда. Процедура эта не представлялась сложной. Тому способствовала многочисленная, шумная и щедро оплачиваемая бригада крикливых марионеток**, которые визжали, гоготали, хлопотали и метались словно буйнопомешанные.

Безработные любопытствующие портовые грузчики и просто прохожие, словом, целая толпа желтолицых, собрались возле везущего на родину китайских кули парохода господина Синтеза. Все завидовали этим счастливым смертным, возвращавшимся домой с тугой мошной. Смех и шутки носились в воздухе между причалом и палубой. Естественно, возникла сутолока и даже изрядная толчея. Но так как на палубе особенно нечего было украсть, то матросы, очень занятые размещением и закреплением грузов, не обращали на суматоху никакого внимания. Наконец, по истечении четырех часов, все было улажено. Оставалось лишь немедленно поднять якоря и двинуться на север. Вперед!

День и ночь прошли безо всяких происшествий: Куктаун и его обитатели остались далеко позади. Но старший боцман «Инда» казался совершенно растерянным. В сопровождении четырех матросов он старательно пересчитывал всех китайцев, расположившихся на твиндеке и верхней палубе. После чего боцман хлопнул себя ладонью по лбу и застыл в глубокой задумчивости.

— Эй, приятель, что приключилось? Что тебя так озадачило? — спросил его проходивший мимо первый помощник капитана.

— Простите, капитан, но китайцев стало больше...

— Быть того не может! Объясни.

— Я и сам в толк не возьму.

— Тем не менее расскажи.

— Дело в том, что еще позавчера их было ровно пятьсот девяносто два.

* Фуражиры — люди, занимающиеся заготовкой корма для животных.

** Марионетки — здесь: люди, лишенные собственной воли и слепо подчиняющиеся чужим приказам.

— А сегодня? .

— Я насчитал шестьсот пятнадцать.

— Стало быть, двадцать три человека лишних? Ты, наверное, ошибся.

— Извините, капитан, этого быть не может! Я четыре раза пересчитывал и всякий раз получал одну и ту же цифру: шестьсот пятнадцать китаез! Наверняка это приблуды из города, норовящие проехаться «зайцем»! Но каким образом они могли попасть на корабль?

— Понятия не имею.

— И если б знать, кто из них пришлый! Но они все на одно лицо!

— Если б даже мы их и распознали, какой нам от этого прок? Уже завтра корабли войдут в Торресов пролив; о том, чтобы высадить «зайцев», и речи быть не может.

— А как насчет харчей, капитан?

— Нельзя же дать им умереть с голоду. Я распоряжусь.

— И все-таки, как бы там ни было, тут что-то не так,— пробормотал боцман, когда его начальник удалился.— Откуда он взялся, этот народец? Разве их до того мало было на борту? Надо держать ухо востро! Если китайцев слишком много, то дело явно нечисто...

ГЛАВА 3

Торресов пролив.— Сквозь рифы.— Путь скорби.— Буби-Айленд.— Приют потерпевших кораблекрушение и почтовый ящик.— Трое спасшихся с затонувшего «Тагаля».— Малазийский архипелаг.— Флотилии.— Каботажные суда или пираты.— Заход в Батавию.— Сингапур.— В виду берегов Малакки.— Северо-восточный муссон.— Проекты плавания вблизи берегов.— Ночной сигнал.— Ракета, пушечный выстрел.— Беспокойство.— Новый сигнал.— Звуки боя.— Неужели на «Инде» бунт? — Пожар на борту «Годавери».— Труба повреждена снарядом.— Исчезновение и бегство «Инды».

Корабли продолжали свой путь к северу со скоростью десять узлов в час. Такая относительно малая скорость обеспечивала необходимую безопасность и к тому же позволяла экономить топливо, пополнить которое можно было теперь только в Батавии.

В этом режиме суда прошли Перечные острова и «ниспосланный Провидением» пролив Кука, где, пока каждый его метр не был наконец изучен, произошло множество

кораблекрушений. Под ветром миновали остров Кейн-кросс, обогнули мыс Черепашья голова, проплыли мимо острова Албани, где расположен пост английских солдат (здесь было так безлюдно, что ребятам не позавидуешь, хоть и реет над ними британский флаг). Таким путем прибыли в Торресов пролив. Шириной каких-нибудь пятьдесят километров, он был усеян тысячами рифов, или торчащими над поверхностью, или едва выступающими из воды, или коварно притаившимися на глубине двух-трех морских саженей. Сегодня почти все эти ловушки известны, но — какой ценой!

Выше островка Албани высились около двух десятков больших коралловых островов, окруженных рифами, едва видимыми в часы прилива. Дальше по ходу — группа из шести рифов длиной в десять миль, шириной три мили, уступами высящихся друг над другом и разделенных проливами шириной двести — триста метров. За ними — отмели Джервиса и Мюльграва, начало гигантской коралловой равнины, тянущейся до самой Новой Гвинеи.

Вот по какому запутанному лабиринту должны были пройти «Инд» и «Годавери». К счастью, погода стояла на диво ясной. В случае тумана пришлось бы бросить якорь и как следует закрепиться, чтобы избежать течений, сопутствующих каждому приливу.

«Годавери» шла первой. Капитан Кристиан стоял на капитанском мостике. В соответствии с картой, он подходил к рифу, определив его, осторожно огибал и брал курс на следующий. Сигнальщики на реях предупреждали, истошно крича: «Риф по левому борту! Обломок судна по правому борту!»

Эта зловещая дорога, настоящий путь скорби, увы, была усеяна не уничтоженными еще временем обломками кораблей, чье присутствие являлось мрачным предупреждением смельчакам, жизнь которых зависит от малейшего неверного движения, от малейшего промедления.

С кораблей, следовавших мимо скалы Вторник, были замечены торчащие из воды до марселей останки большого трехмачтовика, потерпевшего крушение два года назад. Это «Принц Уэльский» из Мельбурна. Далее, против островка Среда, виднелась труба парохода с поломанными мачтами. Это «Веллингтон», его экипаж был съеден людоедами на полуострове Йорк. За ним — рангоуты*, один — принадлежащий шхуне «Беатрикс», другой —

* Рангоут — мачты, стеньги и реи на корабле.

клипперу* «Северн». Подхваченные сильным течением, они пошли ко дну, разбившись об острые выступы мадрепоровой породы**.

«Инд» и «Годавери», без происшествий минувя это кладбище кораблей, вошли в пролив, отделяющий остров Хаммонд от Северо-Западного рифа, прошли в одном кабельтове от скалы Хаммонд, обошли стороной коралловые выступы, через которые с оглушительным шумом перекатывались волны, оставили за кормой Ипили — семь мадрепоровых игл высотой два метра — и наконец-то достигли рифа Буби-Айленд, замыкавшего этот коварнейший архипелаг.

Опасность миновала. Только теперь Кристиан смог уйти с капитанского мостика, поручив управление кораблем вахтенному офицеру и предварительно отдав приказ плыть, возможно ближе к острову Буби-Айленд. Затем молодой моряк, который, если он не должен был выполнять профессиональные обязанности, легко превращался в любезного и обаятельного собеседника, направился к девушке, сидевшей на своем любимом месте, на корме.

Действительно, господин Синтез, как всегда, оказался прав — скрытая и почти незаметная болезнь его внучки вдруг стала резко прогрессировать и угрожать ее жизни. Бедное дитя могло спасти только такое сильное немедикаментозное средство, какое ей прописал дед; были все основания полагать, что это средство ей поможет. Живой береговой ветерок, новые впечатления и волнения, связанные с опасным морским путешествием, резкое изменение жизненного режима после отъезда с атолла — все это вместе взятое благотворно влияло на здоровье больной. Но опасность не миновала окончательно. Анна все еще была слаба.

Ласковой улыбкой встретила она своего друга детства.

— Мне следует занести в путевой дневник новое географическое название, не так ли, капитан? — спросила девушка на языке бенгали.

— Да, мадемуазель. Остров Буби-Айленд. И его назначение — служить почтовым ящиком.

— Риф — почтовый ящик, капитан? Признаюсь, я вас не поняла. Пожалуйста, объясните.

* Клиппер (клинер) — быстроходное трехмачтовое парусное или парусно-моторное судно.

** Именно в этих местах «Астролябия» и «Старательный» были вынесены огливом на песок. Воды сразу отхлынули, и корабли, к счастью, без серьезных повреждений, оказались на мели. Через восемь дней их вновь подхватили волны. (Примеч. авт.)

— С величайшим удовольствием. Мне не надо вам рассказывать, что места эти, хоть и часто посещаемые кораблями, совершенно дикие, пустынные и тающие множество опасностей.

— И поэтому тут установили почтовый ящик?! Право же,— рассмеялась девушка,— я была лучшего мнения о практической жилке англичан. На их месте я бы организовала здесь спасательную станцию!

— Одно другому не мешает, мадемуазель. Так вот, на вершине этой десятиметровой скалы, где живут лишь морские птицы, вы можете увидеть даже невооруженным глазом павильон, увенчанный мачтой, на котором развевается флаг Соединенного королевства. У подножия мачты — бочка, покрытая просмоленным брезентом. Эта бочка и есть ящик для писем, почтовое отделение на пути между Тихим и Индийским океанами. Проходящие мимо корабли оставляют здесь корреспонденцию, забирают письма, адресованные в то полушарие, куда они следуют, и передают их международным агентствам. Кроме того, в бочке находятся указания, как найти глубокую пещеру в скале, где лежат, укрытые от непогоды, продукты питания, носильные вещи, палатки, лекарства, вино, табак, чай, письменные принадлежности, все необходимое, включая цистерну с питьевой водой.

— Какое счастье! Бедные жертвы кораблекрушения не остаются лишенными средств к существованию!

— Наконец, все проходящие корабли обновляют запас провианта и, если находят потерпевших, забирают их на борт, это неписаный закон моряков.

— Который и мы не преминем исполнить, не правда ли, капитан?

— Именно так. Надо забрать письма из почтового ящика. Не хотите ли посетить почтамт и прочесть «Список кораблекрушений»?

— Что представляет собой этот список?

— Толстый реестр в солидном переплете, лежащий в гроте на видном месте. На первой странице — надпись, сделанная на разных языках: «Просьба к морякам всех наций сообщать о замеченных изменениях, произошедших в Торресовом проливе. Просьба к капитанам всех кораблей возобновлять запасы, хранящиеся в «Приюте потерпевших кораблекрушение».

— Нет, спасибо, я не поеду. То ли из-за еще не прошедшей лихорадки, то ли из суеверия, но, как ни стыдно признаваться в своем малодушии, мне кажется, что такое посещение навлечет на нас беду...

С «Годавери» спустили вельбот*, и несколькими взмахами весел офицер и матросы достигли бочки.

К их глубочайшему изумлению, которое разделяли экипажи обоих кораблей, внезапно на пороге грота появились трое мужчин — двое белых и китаец. Они обменялись несколькими словами с командиром вельбота, а затем, ознакомившись с содержимым бочки, и матросы и потерпевшие заняли места в вельботе.

Заинтригованный капитан Кристиан был счастлив, что может оказать помощь этим несчастным, и встретил их с присущими ему искренностью и сердечностью. Он узнал, что эти трое — единственные, кто спасся после кораблекрушения судна, нанятого голландскими оптовыми торговцами для ловли трепангов. Поинтересовавшись обстоятельствами кораблекрушения, капитан Кристиан сообщил о дальнейшем маршруте своих кораблей и предложил высадить потерпевших в любой удобной для них точке, лежащей по этому маршруту.

Общезвестно, что голотурии, из которых китайцы путем ферментации готовят свое излюбленное блюдо, то есть трепанги, в больших количествах водятся в Коралловом море. Торговля ими очень прибыльна, вот почему множество парусников, снабженных маломощными, но достаточными для плавания в проливах паровыми машинами, постоянно занимаются этим доходным промыслом. Нагрузившись под завязку, трепангов везут продавать в китайские порты и сразу же вновь возвращаются на промысел.

Именно на обратном пути из одной такой экспедиции «Тагаль» напоролся на риф, дал течь и затонул почти мгновенно. Спасти удалось лишь первому помощнику капитана, механику и повару-китайцу. Они выбрались из воронки водоворота, образовавшейся на месте затонувшего судна, и, зацепившись за клетки, в которых на корабле держали кур, вплавь достигли Буби-Айленда. Вот такая простая, можно сказать даже заурядная, история во всей своей горькой реальности.

Очень серьезные, неразговорчивые, но вполне вежливые, два моряка без лишних подробностей изложили суть дела, поблагодарили капитана Кристиана за своевременную помощь и попросили высадить их в Кантоне, где была намечена встреча с грузополучателями. Капитан охотно на это согласился, и лейтенант, прежде чем отчалить,

* Вельбот — легкая пяти-шестивесельная шлюпка.

препроводил пострадавших на борт «Инда», где те были приняты в качестве пассажиров.

После этого случая, несколько омрачившего настроение больной, и без того имевшей склонность к меланхолии, плавание продолжилось, но теперь в исключительно благоприятных условиях.

После бурных вод Торресова пролива начались тихие, прозрачные, лазурные воды моря Арафура. Ни рифов, ни коралловых отложений, ни сильных течений, ни обломков кораблекрушений... Корабли шли на малых парах с видом праздных гуляк, которым некуда спешить и которые могут себе позволить целиком и полностью отдаться очарованию — пожить, не зная ни усталости, ни забот.

Вскоре на горизонте замаячил Таймор — экваториальный рай, где португальцы и голландцы, живя бок о бок, наглядно демонстрировали разницу двух колонизаторских стилей. Затем показались густые леса Сумбавы, напоминающие огромные букеты цветов, за ними — красивый пик Бали высотой три тысячи метров, величественно возвышавшийся над проливом Ломбок... И наконец, Ява — горный отрог, состоящий из цепочки островов, соединяющий Азию с Австралийским континентом; Ява с ее берегами, затененными пальмами, с ее кокосами, аспарагусами*, манговыми деревьями, среди которых возвышались ярко-красные сияющие деревья с огненными султанами.

У берегов появились легкие флотилии с разноцветными парусами. Здесь были и достигающие тридцати пяти метров в длину *буанги*, на которых могло разместиться сто пятьдесят человек (четверть из них — гребцы), и изящные *корокоры*, и *праос-майанги* с загнутыми концами, окрашенные в яркие цвета, с большим парусом из ротанговой пальмы**, и *праос-бедуанги*, так низко сидящие в воде, что их почти не видно над волнами, но покрытые ярю-медянкой***, словно двери пагод. Все эти суда и суденышки, хоть и безобидные с виду, но истинные *каботажники*, не уступающие в скорости морским разбойникам, были снабжены боковыми балансирами из легкого дерева, что характерно для малазийского кораблестроения.

* Аспарагусы — род многолетних растений семейства лилейных; ветки опушены тонкими мягкими листьями, напоминающими хвою.

** Ротанговая пальма — лазящая лиана семейства пальм. Крепкие стебли используются для плетения циновок, корзин, веревок и т. п.

*** Яр-медянка — зеленая краска, основой которой служит медный купорос (сернокислая соль меди).

Поскольку пиратство издавна не считалось среди малайцев смертным грехом, то, глядя на все эти быстрые, как акулы, суда и их многочисленные экипажи, трудно было удержаться от мысли, что занимались они мирным каботажным плаванием до тех пор, пока им не подвернется что-нибудь получше или, точнее сказать, похуже.

Так как остров Ява не отличался целебным климатом, капитан Кристиан принял решение не задерживаться здесь дольше, чем потребуется для загрузки угля. Кроме того, шаланды, посланные из Батавии, перегрузили горючее в открытом море — подальше от болотистых, испускающих вредные миазмы берегов старого города.

Пополнив запасы топлива, после короткого, но необходимого захода в гавань корабли взяли курс на Сингапур. Пройдя широким проливом, разделяющим острова Биллитон и Банка, они прошли в виду Лингги и Рио, обогнули Пан-Риф и прибыли в Сингапур спустя двадцать два дня после того, как покинули атолл.

Быстро устав от головокружительных скоростей, от лихорадочного движения, ни на минуту, ни на секунду, ни днем, ни ночью не затухающего в пространстве площадью несколько квадратных километров, юная девушка захотела вновь тронуться в путь. И на этот раз стоянка была недолгой, через два дня оба корабля вышли в море и, как прежде, не теряя друг друга из виду, направились вдоль восточного побережья Малакки для того, чтобы не идти против бешено дувшего северо-восточного муссона.

Ветер был силен, штормило, и уже через день капитан почти сожалел, что покинул спокойный английский рейд. Но в конечном итоге нет худа без добра, ибо благодаря непогоде значительно снизилась жара, нестерпимая в такой близости к экватору.

В планы капитана входило плыть на север до 60° северной широты, не отходя далеко от берегов, а затем взять курс на северо-восток, на Кохинхину*, с тем чтобы обогнуть ее в направлении Тонкинского залива, напротив острова Гайнан. Он не без основания полагал, что такое плавание близ берегов значительно интереснее маршрута в открытом море и придется по душе юной пассажирке.

Планы капитана были близки к воплощению, как вдруг ночью, на двадцать седьмые сутки после отплытия, на борту приключились неожиданные события.

* Кохинхина — устаревшее название южного побережья Вьетнама; современное название Намбо.

Время близилось к полуночи. Два судна шли на расстоянии в один километр друг от друга, причем «Инд» опережал «Годавери» всего на несколько кабельтовых. Внезапно вахтенный офицер с «Годавери» заметил на «Инде» яркую вспышку света; высокий столб пламени, разорвав темноту, поднялся в небо. Несколько секунд спустя прогремел оглушительный взрыв — выстрелила пушка.

Услыхав это, капитан Кристиан, спавший не раздеваясь в своей каюте с открытым портиком, помчался к трапу, ведущему на мостик, где столкнулся с рулевым, посланным вахтенным офицером доложить ему о случившемся.

— Что произошло? — спросил капитан.

— Сначала пустили сигнальную ракету, а затем выстрелили из пушки.

— Вероятно, сигнал бедствия.

— Боюсь, что да.

— С «Инды», не так ли?

— Да, капитан.

В этот миг снова в небо взвился огненный змей, на секунду залил ярким светом корпус судна, мачты и такелаж. Затем опять выпалила пушка.

Сильно обеспокоенные офицеры едва успели обменяться впечатлениями, как со стороны «Инды» раздались пронзительные вопли. Послышалась беспорядочная пальба, то затихающая, то возобновляющаяся снова. Казалось, идет морской бой. Вахтенные матросы, потрясенные, застыли как вкопанные и молча глядели на командиров, чья тревога уступила место сильному страху.

— Нападение пиратов? — прошептал капитан. — Быть того не может!

— Как знать! — откликнулся лейтенант. — А вдруг это взбунтовались китайцы?

После первого сигнала не прошло еще и двух минут.

— Дайте команду приготовиться к бою и подходите напрямик к «Инду», — приказал Кристиан.

Лейтенант еще не успел отдать команду об изменении курса, как сама «Годавери» очутилась в катастрофической ситуации. Внутри судна раздался приглушенный взрыв, корабль дрогнул. Почти тотчас же клубы едкого и удушливого дыма вырвались из портиков и люков с полубака и образовали настоящую черную тучу.

Обезумевшие от ужаса полуодетые люди заматались по палубе с криками «Горим!». Началась неопишуемая паника. Но дисциплина, к которой был приучен этот специаль-

но подобранный экипаж, вскоре взяла верх над безумным страхом.

Подбодренные присутствием офицеров, в храбрости и мастерстве которых команда «Годавери» нимало не сомневалась, моряки мужественно боролись с возникшей опасностью. Надо сказать, что хуже этой ситуации на море невозможно себе представить.

Заработали пожарные насосы, извергая потоки воды; бригада под командованием второго помощника проникла внутрь, чтобы обнаружить очаг возгорания и загасить его с помощью портативных огнетушителей. К сожалению, из-за того, что пожар вдруг разгорелся с немыслимой силой и грозил охватить всю носовую часть, первые попытки оказались безуспешными.

Ужасная догадка пронзила сердце капитана; густой дым, специфический запах... Это же эссенция* минерального происхождения! Но когда и каким образом она могла появиться на корабле?! Должно быть, в Куктауне, когда грузили продовольствие... Не является ли неожиданный взрыв именно тогда, когда «Инду» понадобилась поддержка, результатом заговора, цель которого — помешать оказать помощь терпящему бедствие кораблю?

Однако, несмотря на эту катастрофу, «Годавери» продолжала подходить к «Инду». Шум приближался с каждой минутой. Должно быть, бой был ужасен. Выстрелы слышались непрерывно; то стрекотали автоматы, то их заглушали пулеметные очереди, но все перекрывали истошные крики разъяренной толпы.

Несмотря на пожар, бесстрашный капитан «Годавери» во что бы то ни стало хотел состыковаться с «Индом». От успеха этого мероприятия зависело спасение обоих кораблей. Вот их уже разделяет всего двести метров. Капитан Кристиан маневрирует с целью мягко пристать к корме «Инда», но в это время раздается пушечный выстрел; снаряд попадает прямо в трубу «Годавери», и она разлетается на куски.

— Тысяча чертей! — закричал капитан вне себя от гнева. — Бандиты стреляют в нас! Неужели весь экипаж перебили?!

К сожалению, повреждения, нанесенные кораблю, не ограничились выводом из строя трубы. Вследствие ужас-

* Эссенция — раствор высокой концентрации (например, уксусная эссенция).

ного удара почти до нуля упала тяга машин. Но времени на ремонт нет и к тому же бушующее под палубой пламя разгорается все сильнее. Корабельный винт едва-едва вращается, и вот уже «Инд» начинает отдаляться. Если судно так отходит от своего горящего собрата, не может быть сомнений — оно во власти бунтовщиков!

— Раз так,— рычит в гнев капитан,— мне остается пустить его на дно! Мои шлюпки подберут утопающих, но сделают это не без разбора!

Он тут же отдает приказ столкнуть суда, чтобы стержнем прорить «Инд» по ватерлинии, но корабль продолжает удаляться. Как будто дьявол подсказал злодеям единственно возможный в их положении выход,— три опознавательных огня судна погасли, и, влекомое паровыми двигателями, оно бесследно исчезло в темноте.

ГЛАВА 4

Меры предосторожности, не всегда обеспечивающие безопасность.— Несколько слов о потерпевших кораблекрушение морях.— После пирушки.— Роковая неосторожность.— Вино и бренди, в которые подмешали наркотические вещества.— «Обычай велит немного всхрипнуть».— Китайский повар хочет покурить опиум.— Убийство вахтенного.— Тревога! — Китайцы вырвались.— Страшный крик.— Огонь! — Бойня в замкнутом пространстве.— Временное бессилие защитников «Инды».— Ужасная борьба.— Жестокость.— Гнусная измена.— Убийство офицеров.— Механик убит на посту.— Корабль во власти бунтовщиков.— После резни.

Как все существа с превалирующим лимфатическим элементом*, китайцы обладают врожденной, органической невозмутимостью, которую ничто не может ни поколебать, ни нарушить. Они так бестрепетны, что нашим дипломатам впору им позавидовать, а их терпение может свести с ума даже монахов-бенедиктинцев.

Поставьте китайцев в самую сложную и непредвиденную ситуацию, провоцируйте их ненависть, скаредность, изумление, боль или радость, и вы будете потрясены, увидев перед собой все того же удивительного и невозму-

* Лимфатический элемент — включающий лимфу, неокрашенную жидкую составную часть крови, просачивающуюся в ткани организма сквозь стенки кровеносных сосудов.

тимого человечка. Никакое физическое страдание, кажется, не властно растрогать китайца, а смерть никоим образом его не задевает; он умирает как будто засыпает, он возвращается в вечность, не заботясь о потустороннем, не жалея о прошлом. Но в то же время ничто человеческое ему не чуждо. Напротив! Просто у него все не так, как у других людей.

Подводя итог нашим размышлениям, следует отметить, что китаец в самой высокой степени наделен такими негативными качествами, как холодная жестокость, коварство, отсутствие моральных устоев*.

Естественное дело, пассажиры «Инда» не избежали действия рокового закона, общего для большинства кули, этих отбросов гибнущего старого, пораженного гнилью китайского общества.

Капитан «Инда» с первого же дня, как мы видели, не поддаваясь иллюзорной безобидности пассажиров, предпринял все необходимые меры предосторожности. Имея дело с китайцами в течение долгого времени, он ничуть не обольщался при виде ни истинного или притворного добродушия кули, ни их строгого соблюдения предписанных на борту правил поведения.

Исходя из принципа, что китайцев следует опасаться всегда и везде, даже если эти опасения не имеют под собой реальной почвы, капитан, хотя поводов вроде бы и не было, довел до самой высшей стадии надзор за своими многочисленными пассажирами. Согласно образному выражению боцмана, он «держал глаз открытым» и того же требовал от подчиненных.

В тот день, когда младший офицер доложил, что после стоянки в Куктауне количество китайцев на борту возросло на двадцать три человека, недоверие капитана тоже возросло, если это возможно, а надзор стал еще бдительней. Однако ничто в поведении желтолицых, казалось бы, не оправдывало столь жестокого режима, и должно было произойти нечто действительно из ряда вон выходящее, чтобы толкнуть их на крайность.

Вполне возможно, таким толчком могло стать поведе-

* Изучая многие сотни кули, я наблюдал лишь единожды слабое проявление благодарности. Да и то пример скорее негативный. Один китаец, который получил от своего нанимателя самые выгодные условия работы, а затем, узнав, что тому грозит стать жертвой заговора, ограничился тем, что не принял участия в этом заговоре. Ему не только в голову не пришло защитить того человека, но даже и вовремя предупредить его. (Примеч. авт.)

ние потерпевших кораблекрушение моряков, подобранных на Буби-Айленде. Надо сказать, что первый помощник капитана с «Тагаля», маленького затонувшего в проливе Торреса пароходика, долгое время проживший среди китайцев, проявлял к ним безграничное презрение и достаточно грубо высказывался об их двуличии, ненависти к белым, вороватости, склонности к бунту и к пиратству. После его слов кто угодно стал бы относиться к китайцам, мягко говоря, с преувеличенным недоверием.

Как бы там ни было, но этот моряк, скучая от вынужденного безделья, взял себе за правило сопровождать дозоры, призванные проверять решетки и щиты. Он с видом знатока осматривал их, удовлетворенно покачивал головой, разглядывая расположение пулеметов, и на чистом китайском языке отпускал в адрес кули такие насмешки, что те без труда узнали в нем завсегдатая трущоб Макао.

Кроме того, сей господин, как специалист, осматривал корабль, везущий всю эту уйму людей, приходил в восторг от навигационных качеств судна, любовался его оборудованием и заявлял, что среди всего, когда-либо сходившего со стапелей корабельных верфей, это настоящее чудо. Такое поведение было вполне естественным для моряка и, кроме того, льстило законной гордости капитана.

Человек неизвестной национальности, полиглот, как бы по роду службы изучивший идиомы всех языков, он говорил по-французски с легким немецким акцентом, по-английски с интонациями, свойственными жителям Средиземноморья, а по-голландски изъяснялся так, как будто это был его родной язык. Китайским же он владел, на удивление кули, с редким для белых совершенством.

Что же касается его товарища по несчастью, механика, то это был американец безо всяких особых примет; крепко пил, жевал табак и, всюду выискивая куски древесины, что-то из них вырезал складным ножом. Жил он вместе со старшинским составом и время от времени заходил в машинное отделение, как человек, тоскующий по запаху пара и угля...

Итак, накануне катастрофы все было спокойно. Сыны Поднебесной империи вели себя тихо; в урочное время курили опиум на палубе и со страстью, присущей их расе, играли в кубрик* в азартные игры. Вечером перед самым заходом солнца «Годавери» подала обычные условные сиг-

* Кубрик — общее помещение для команды корабля.

налы, указывающие маршрут. Сигналы приняты. Ничего нового. Счастливой вахты!

Опустилась ночь. Капитан «Инда» — с утра на ногах. После ужина в обществе первого помощника и офицера, потерпевшего кораблекрушение, его сильно клонит ко сну. Гостя тоже охватывает непреодолимая сонливость, и он, безостановочно зевая, уходит в свою каюту.

Может быть, впервые с момента отплытия первый помощник пренебрег своей ежевечерней обязанностью обойти дозором грузовые отсеки. Должно быть, он был не прав, когда, вместе с капитаном, причастился из нескольких запыленных бутылок, извлеченных из кладовки, от которой даже у старшего кока не было ключа. На этих широтах стояла такая жара, а старое бордоское* имело такой изысканный аромат...

И что же? Разве сонливость потерпевшего кораблекрушение была притворством? Тогда почему он не уснул в ожидании своего товарища, который, стараясь быть незамеченным, прошмыгнул к нему в каюту? И о чем они так долго и тихо беседуют?

Спустя некоторое время механик ушел, пряча под бушлатом увесистый пакет. Он пришел в помещение, где размещался старшинский состав, там находились боцманы, не занятые на вахте. Принесенный пакет содержал несколько бутылок ужасного пойла под названием бренди, столь высоко ценимого моряками всех стран и на всех географических широтах — от Полярного круга до экватора.

Бренди, которое, казалось бы, не стоило пить в такую жару, да еще и в такое позднее время, было встречено с радостью. Откуда? Это никого не заботило. Лишь бы отведать сей благословенный напиток. Если начальство позволяет себе пропустить рюмочку, почему бы подчиненным не взять с него пример? Ничего дурного в этом нет.

Естественно, принесенному механиком бренди воздали должное, и попойка продолжалась допоздна. Но вот что странно: слывший любителем не только табака, но и спиртного, механик всякий раз, подымая, как это бывает с алкоголиками, бережно, двумя руками железную кварту, торопился поднести ее под подбородок и незаметно опорожнить содержимое за ворот шерстяной рубахи. Такой оригинальный способ выпивать свидетельствовал о неко-

* Бордоское вино — вино с виноградников близ города Бордо во Франции.

тором недоверия к содержимому «божественной бутылки». Однако боцманам «Инда» не было нужды присматриваться к тому, каким образом напивается новый товарищ. Несмотря на разительное сходство с серной кислотой, бренди было напитком, без труда вливавшимся в их луженые глотки.

Точно так же, как недавно капитан и его первый помощник, боцманы, потребив свою порцию алкоголя, заснули. Правда, казалась странной скорость, с которой моряки захмелели. Думается, чтобы погрузить их в такой глубокий сон, требовалось подмешать в огненный напиток изрядную дозу снотворного. Автор этой смеси, безусловно, преуспел, ибо храп младшего командного состава соперничал с грохотом машины.

Делая вид, что хочет проветриться после попойки, механик незаметно пробрался на палубу, якобы случайно столкнулся с поваром-китайцем, взятым на борт в Буби-Айленде, тихо сказал ему несколько слов и вернулся на прежнее место.

Китаец, выполнявший на офицерском камбузе функции мойщика посуды, пользовался полной свободой передвижения и мог, ни у кого не вызывая никаких подозрений, появляться в любой части корабля. После встречи с механиком он тут же завернул на темени свою косицу, а потом, слегка покачиваясь, отправился в направлении лестницы, ведущей со спардека* в отсеки, где обитали кули. У ее подножия он столкнулся с вахтенным, вооруженным короткой пикой в руке.

— Что ты здесь делаешь? — кинул он поваренку, хорошо видному в свете фонаря.

— Хочу кулить опиум, — ответил тот.

— Ступай на палубу, здесь запрещено ходить.

— У меня нет опиум. Хочу плосить товалищ.

— Нет мне дела ни до твоего опиума, ни до твоего товарища. Проваливай, да побыстрей!

— Лазлеси только луку плотянуть челез лешотка. Я кликну, и товалищ давай опиум.

Клянча таким образом, китаец подошел вплотную к вахтенному. Тот перехватил свою пикку за середину древка, намереваясь ударить его, но так, чтобы не ранить, а лишь оттолкнуть.

Бедняга матрос дорого заплатил за то, что нарушил инструкцию, предписывающую без пощады заколоть каж-

* Спардек — навесная палуба в середине судна.

дого, кто попытается проникнуть ночью в помещение, отведенное кули. Он не успел даже подать сигнал тревоги. Гибким движением с трудно ожидаемой от такой комичной мартышки ловкостью китаец выхватил из-за пояса нож и бросился на вахтенного. Как молния, сверкнуло отточенное лезвие — кок одним движением перерезал вахтенному горло чуть ли не до самых шейных позвонков. Несчастный, не успев издать ни единого крика, ни единого стога, рухнул, обливаясь кровью.

Убийца хладнокровно, словно только что отрубил голову курице, оттащив труп под лестницу, вытерев лезвие о свою робу, заткнул нож за пояс, достал из кармана ключ, открыл тяжелую панель и тихо сказал несколько слов по-китайски.

Изнутри потянуло тошнотворным запахом грязи, свойственным китайским кули, и послышалось приглушенное бормотание. В проеме панели показалось несколько полуголых рабочих с лицами, искаженными страхом и изумлением. Вскоре целая группа нерешительно топталась под фонарем.

Китаец, совершивший все это, поспешил подобрать пику убитого, а затем погасил фонарь, от которого было мало проку — глаза затворников привыкли к темноте.

С момента короткой беседы между злодеем и механиком прошло всего минут пять. Подчиняясь заранее полученному приказу, соблюдая во всех подробностях разработанный план, кули бесшумно выскальзывали из отсеков и скучивались на твиндеке, с тем чтобы сразу захватить весь корабль. Человек сто уже вырвались из заточения, когда близ большого люка раздался крик:

— Тревога! Китайцы разбегаются!

Матросы, лежавшие на баке, все как один вскочили и, схватив оружие, приготовились дать решительный отпор неприятелю, ринувшемуся на штурм верхней палубы. Везде мелькали желтые лица, все такие же нелепые, но теперь — искаженные гневом, ненавистью и внушавшие страх. Полуголые, блестящие от грязи и пота, тела то и дело сбивались в плотные группы столь многочисленные, что под их натиском не могли устоять ни панели, ни переборки, ни обшивка. Чуть ли не на ходу азиаты строили баррикады, чтобы иметь возможность укрыться за ними от града летящих в них снарядов.

До появления капитана и первого помощника вахтенный офицер, приказав застопорить машины, попытался пробиться в центр корабля, к той части экипажа, которая

была отрезана из-за столь внезапного нападения. Но он не успел сделать ни одного выстрела, как прибежал разбуженный первый помощник, сжимая в руке оружие, и принял командование над личным составом. Вот уже более двухсот китайцев прорвались на нос.

— Огонь! — закричал офицер, разряжая всю обойму.

Яркие вспышки осветили палубу. Толпа, беспощадно осыпаемая градом свинца, с криками заметалась. К тому времени главный артиллерист поднял уже на ноги своих людей и провел их в конец нижней палубы — подкрепление для главного канонира* и пулеметчиков.

Хоть китайцы и действовали со всей возможной быстротой, им не удалось освободить всех своих соотечественников — помещения были сконструированы так, что возможность действовать одновременно имели лишь малочисленные группы людей; коридоры были довольно узки и разгорожены решетками, равно как лестницы, ведущие на нижнюю палубу и из трюма на твиндек. Оба унтер-офицера получили подробные инструкции на случай бунта и сейчас спешно их выполняли.

Раздался оглушительный грохот, извергая ураган свинца, застрекотали карабины и пулеметы. Пули расплющивались о прутья решеток, сыпались рикошетом, отскакивая от щитов, крушили все — дерево, металл, человеческие тела. Густой дым медленно стал просачиваться в люки, еще немного, и задыхающиеся солдаты вынуждены будут прекратить стрельбу. Видя, что в ход пошло оружие, китайцы как одержимые, испуская ужасные крики, кидались на решетки, падали и, сбивая друг друга с ног, металась по коридору, пытаясь удрать.

Главный артиллерист, желая опустить и второй щит, обнаружил, что механизм не срабатывает — должно быть, его повредило автоматной очередью, а значит, они лишились действенного средства самозащиты. Корабельное начальство, переоценив прочность решеток, явно недооценило численности китайцев, при которой и двойная предосторожность не была бы лишней.

По правде говоря, на борту предвидели любые неожиданности, но не измену. В данном случае она была тем более неожиданной, что шла от людей, потерпевших кораблекрушение и радушно принятых на судне: с самого отплытия от Буби-Айленда к ним относились по-братски. Вот поэтому-то моряки «Инда» и были застигнуты врас-

* Канонир — артиллерист, пушкарь.

плох; несмотря на их отвагу, хорошее вооружение и дисциплину, приходилось опасаться, что экипаж дрогнет перед численным превосходством захватчиков.

На палубе разыгралась ужасная битва. Вопя и гримасничая, гнусные уродцы, покрытые потом и кровью, укрылись за импровизированными баррикадами. Напрасно матросы открыли по ним ураганный огонь: почти все выстрелы не достигали цели благодаря дьявольской изворотливости и изобретательности желтолицых. Они пускали в дело и уголь из угольных бункеров, и ростры*, и рангутное дерево, и клетки для кур, и обломки вольеров для животных, и даже трупы своих соотечественников.

Раненые бесновались еще больше, чем здоровые, и, дешево цenia свою жизнь, из последних сил старались пробиться вперед или, переключая на себя внимание защитников корабля, дать продвинуться товарищам.

Так было сделано несколько атак. Палубу устилала, не считая тех, кто остался лежать в межпалубном пространстве, сотня трупов. Предположим, столько же было и раненых. В любом случае в живых оставалось еще никак не меньше четырехсот китайцев. То есть один против десяти. Моряки были лучше вооружены, но численное преимущество врага было огромно. И если — а этого стоило опасаться — китайцам надоест, что их отстреливают поодиночке, и они кинутся толпою, то даже автоматические карабины будут бессильны.

Вся эта сцена, так долго нами описываемая, длилась на самом деле всего несколько минут. Но за это время и капитан, и первый помощник стряхнули с себя странное оцепенение, охватившее их после ужина, и в мгновение ока заняли свои посты, среди людей, вооружившихся до их появления.

Старшинам и боцманам, хлебнувшим коварно отравленного бренди, увы, повезло меньше: бунтовщики захватили их сонными в кубрике и истребили с неслыханной жестокостью, вмиг изрубив в куски. К тому же в боцманском кубрике оказалось оружие: сабли, ружья, револьверы и патроны к ним. Завладев ими, кули достаточно метко ответили на огонь экипажа. Тогда-то капитан, боясь поражения, приказал дать сигнал бедствия — были запущены ракеты и дважды выстрелила пушка.

Пулеметные очереди пробили кровавую брешь в рядах

* Ростры — возвышение над верхней палубой, на котором помещают шлюпки.

нападавших, и они, скорее возбужденные, чем испуганные, ринулись на приступ, одним махом преодолев пространство между фок- и грот-мачтами. В это время стоявшие рядом капитан и первый помощник почти одновременно упали, сраженные один — пулей, посланной с правого борта, другой — с левого, но из точек, куда китайцы еще не добрались.

Наступила минута горестного и возмущенного оцепенения, затем те, кто слышал свист пуль и понял, откуда они были выпущены, закричали: «Измена! Измена!» В ответ раздалось еще два выстрела. Вахтенный офицер с пробитой грудью покатился по лесенке с капитанского мостика, второй лейтенант с простреленной головой рухнул на месте. Затем среди молчания, наступившего после такого ужасного побоища, загремел всем знакомый голос:

— Держитесь, друзья! Все офицеры перебиты! Корабль наш!

И злополучный капитан «Тагаля» с еще дымящимся карабином в руке вылез из-за служившего ему укрытием деревянного чана с водой, кинулся к бунтовщикам. Тотчас же к нему присоединился и его сообщник. Желтолицые их приветствовали бешеными криками. Разомкнув ряды, они живой изгородью окружили предателей, испуская вопли, слышные даже на борту «Годавери».

— Да, славное было дельце! — сказал бандит, снимая просмоленный чехол с передней пушки.

— Эге, тысяча чертей, она заряжена и готова стрелять! Отчего же не загорается эта штука? — Он указал в сторону, где были видны лабритные огни «Годавери». — Неужели меня надули?

Сноп огня, взмывший над судном капитана Кристиана, вызвал у захватчика радостный возглас:

— Вот и славно! Это всем диверсиям диверсия! Милейший капитан не станет искать с нами ссоры, ему будет чем заняться. Хорошо всюду иметь дружков. Придет время, и я расплачусь за эту услугу со славным парнем, который рисковал своей шкурой, чтоб зажечь на «Годавери» отменный фейерверк. А теперь — вперед! Спускайся к машине, парень!

Механик в сопровождении трех десятков негодяев кинулся в машинное отделение, где дышало металлическое чудовище, и, увидев главного механика, вдребезги разнес ему череп. Кочегаров порешили прямо возле топков, их заменили знакомые с кочегарным делом преступники, а сам механик занял место своей жертвы.

Сцена резни на палубе была недолгой, но леденящей кровью. Желтолицы, чью алчность изо дня в день, из часу в час разжигал с дьявольской хитростью капитан «Тагала», как бурный поток хлынули на бедных защитников корабля; лишенные возможности защищаться, со всех сторон схваченные грубыми руками, они были повалены на землю, избиты, изрезаны, изрублены с холодной и изобретательной чисто китайской жестокостью.

— Отлично! — радовался бандит. — Разве же мы не у себя дома?

Громкое «ура!», которое испускает это человеческое отребье, перекрыло жалобные стоны умирающих.

— Давайте-ка с этим покончим, — продолжал пират. — Сбросьте в море тех, кто еще дышит и кричит. Никаких пленных, согласны? Нам лишних свидетелей не надо. Трупы — в море! Живых — туда же! В море всех членов прежней команды. Тысяча чертей! И эту, которая приближается к нам с огнем в брюхе, — указал он на «Годавери», пылавшую менее чем в двух кабельтовых, — отправим туда же! — Тотчас же негодяй кинулся к заряженной носовой пушке, навел ее на «Годавери», выстрелил, затем вернулся на капитанский мостик, положил руку на командный пульт. — Полный вперед! Погасить красные и зеленые огни по правому и левому бортам, а также белые огни на фок-мачте!

ГЛАВА 5

Господин Синтез счастлив. — Приемник капитана Кристиана. — Господин Роже-Адамс положительно начинает обожать то, что ранее отвергал. — Результаты этой беседы. — Метод работы. — Через пятое на десятое. — Импровизированная лекция. — Ученые мистификации. — Фальсификация типов животных. — «Слоноподобные крысы». — Капитан Ван Шутен ржет, как конь. — Принципы ассистента-зоолога. — Генеалогическое древо человечества. — Серия живых организмов. — От монеры к амебе. — От амебы к синамебе. — От синамебы к планеаде. — От планеады к брюхоногим. — Лекция внезапно прервана.

Если и был на свете счастливый человек, то это, безусловно, господин Синтез. Вот уже месяц, с тех пор как он душой и телом отдался своему замечательному эксперименту, своему Великому Делу. Все для него было радост-

но, все шло успешно. Даже самые неожиданные события происходили как нельзя более кстати!

Искусственная эволюция, так отважно затеянная старым ученым, происходила без сучка без задоринки. За истекший и уже довольно длительный период — целый месяц — ни единой неполадки с аппаратурой, работавшей паразитально точно и ритмично!

Счастье господина Синтеза хоть и было чисто научного происхождения, но не становилось от этого менее ценным. Хотя кто знал о потаенных мыслях упрямого искателя истины, поминутно жаждавшего подтверждения своих выводов? Кто может описать его опасения и даже тревоги при воплощении гипотезы*, о которой и говорить-то было страшно? Кто объяснит эту отрешенность и полную сосредоточенность исследователя на неотступно стоящей перед ним проблеме?

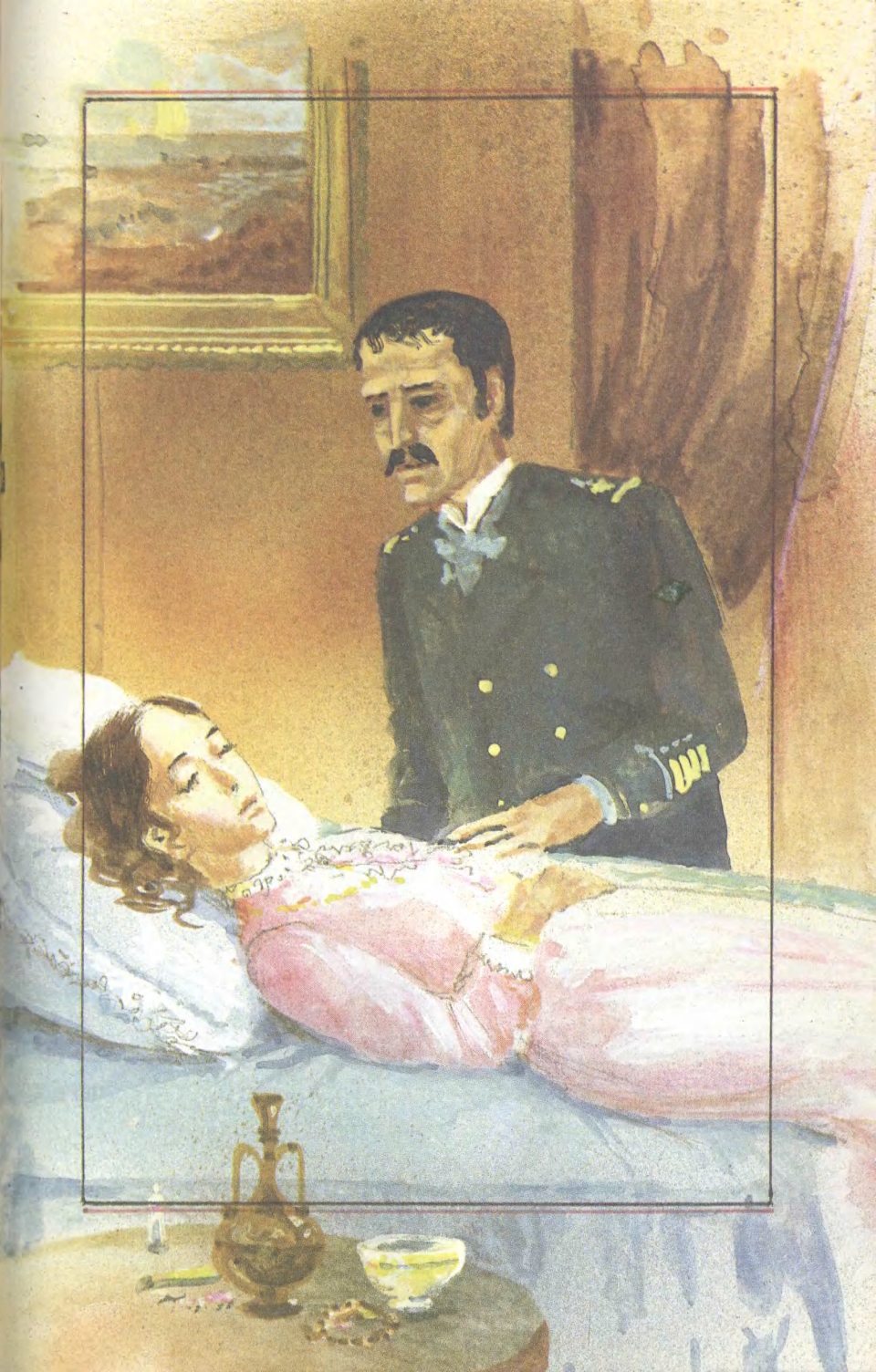
Отрешенность! Именно это слово приложимо к господину Синтезу, машинально поедавшему питательные пилюли и по привычке спавшему гипнотическим сном. Он ни о чем, кроме как о лаборатории, и думать не мог. Казалось, Мэтр совсем позабыл о своей больной внучке, чья жизнь подвергалась опасности морского путешествия и чье состояние здоровья могло ухудшиться.

Было ли такое равнодушие намеренным, вызванным усилием воли, или достигалось сделанным сразу же после отъезда девушки самогипнозом, но внешне оно казалось полным. Быть может, его утешала мысль, что он работает для блага внучки, стараясь извлечь для нее из вечности (точнее сказать, воссоздать из первичных веществ) совершенного, богоподобного, идеального человека. А возможно, зная, как путешествие полезно для девушки, он поручил ее таинственным и необычайным силам своего друга пандита?..

Но вернемся на атолл. Итак, работы шли полным ходом, и все не покладая рук трудились на благо Великого Дела, особенно те, кто не понимал сути данной затеи.

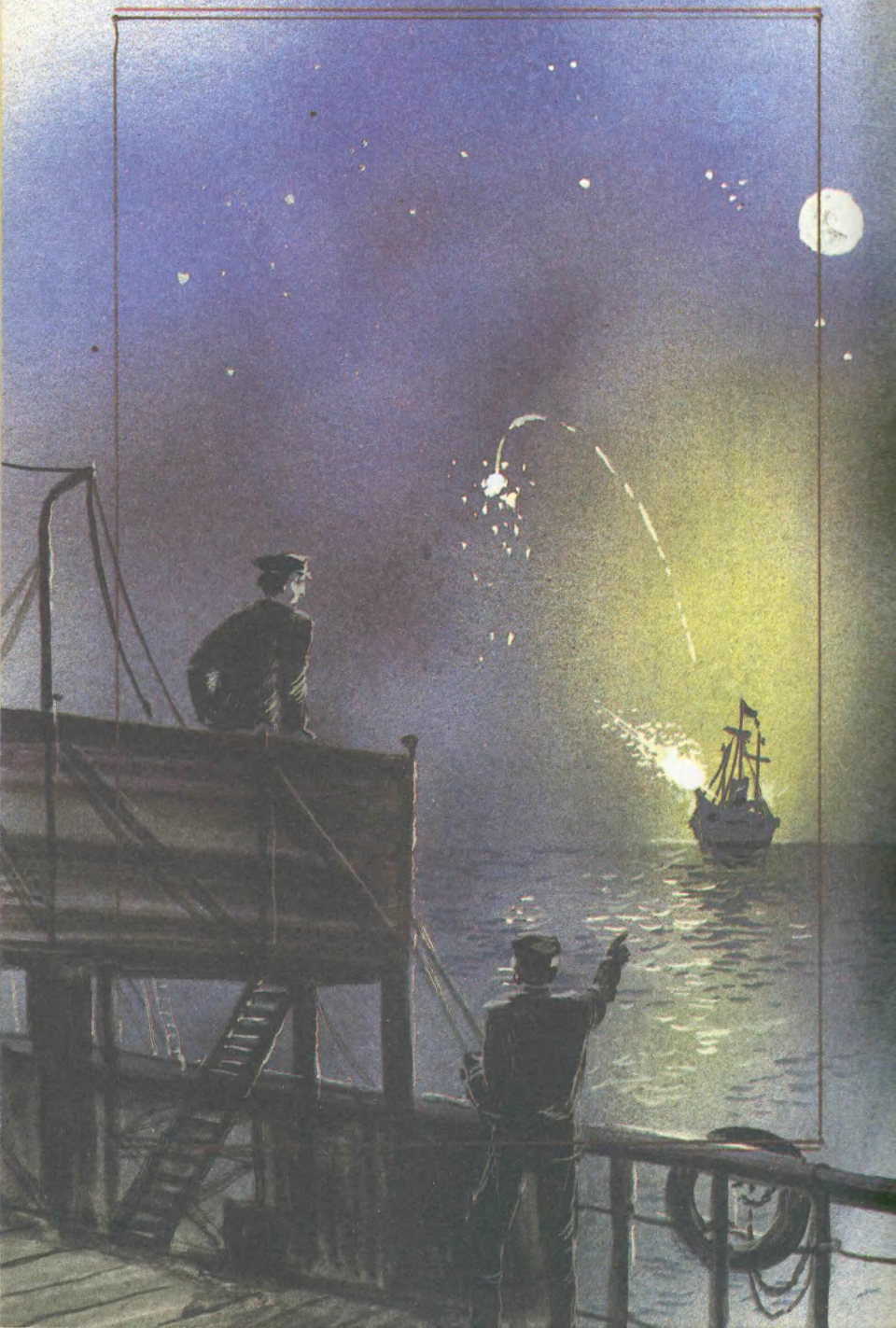
На борту «Анны» появился новый капитан — Корнелис Ван Шутен, сорокалетний светловолосый толстяк с кирпичным лицом, человек с заурядной внешностью, но очень острым умом. Он был полон усердия и служебного рвения, работал не щадя себя и, будучи преемником капитана Кристиана, приносил немалую пользу. Мэтр вскоре привык к нему и использовал его на всю катушку.

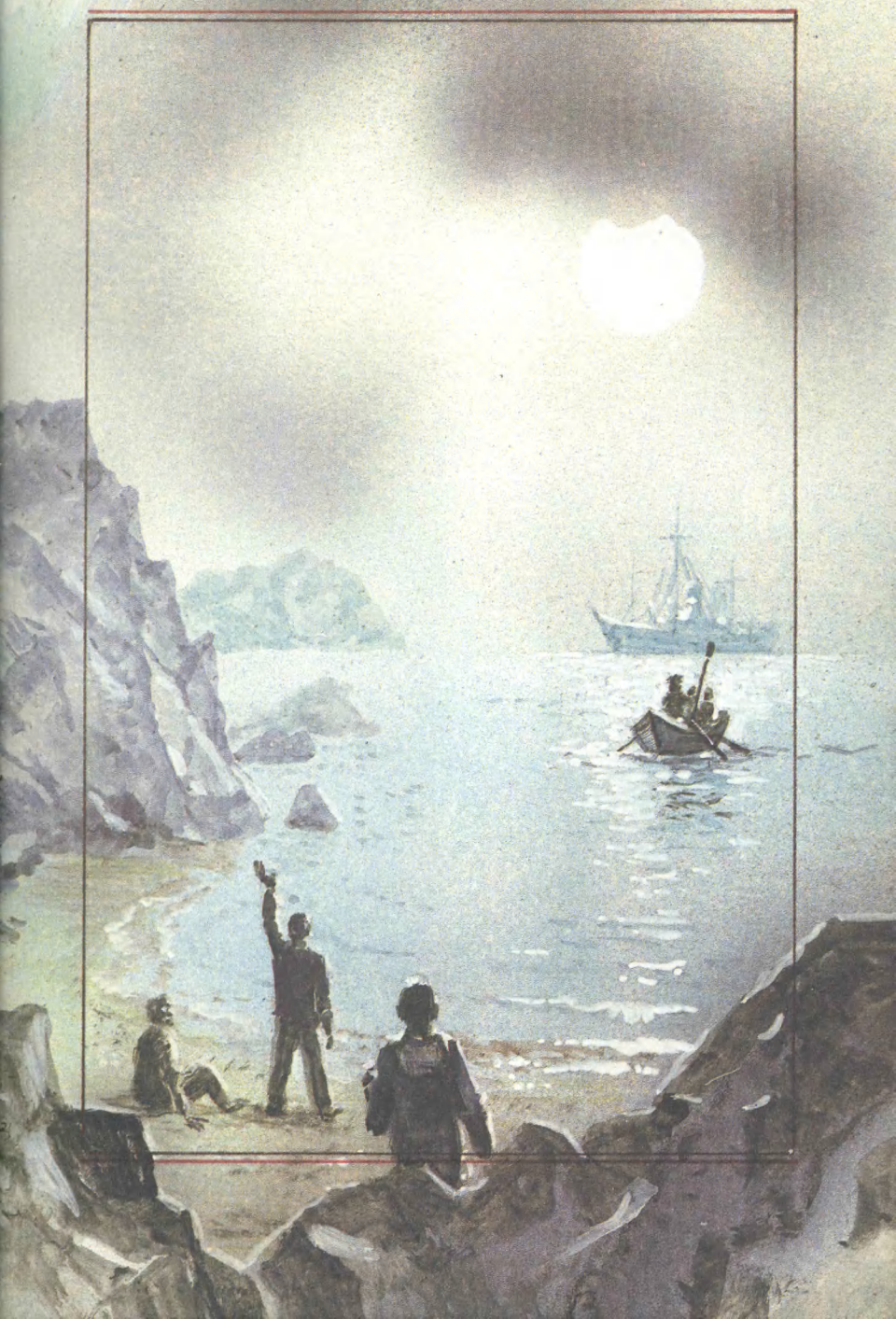
* Гипотеза — научное предположение.

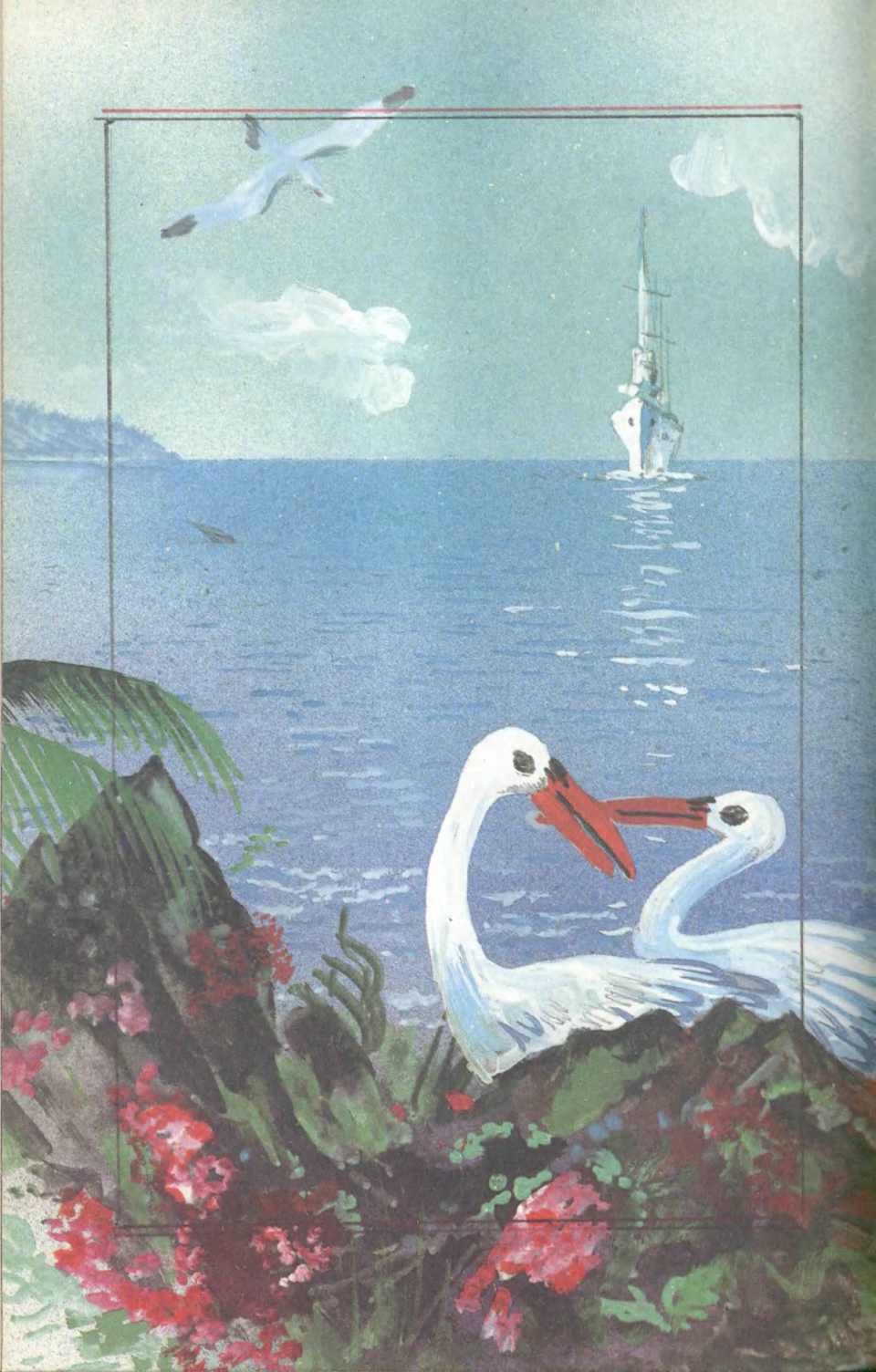

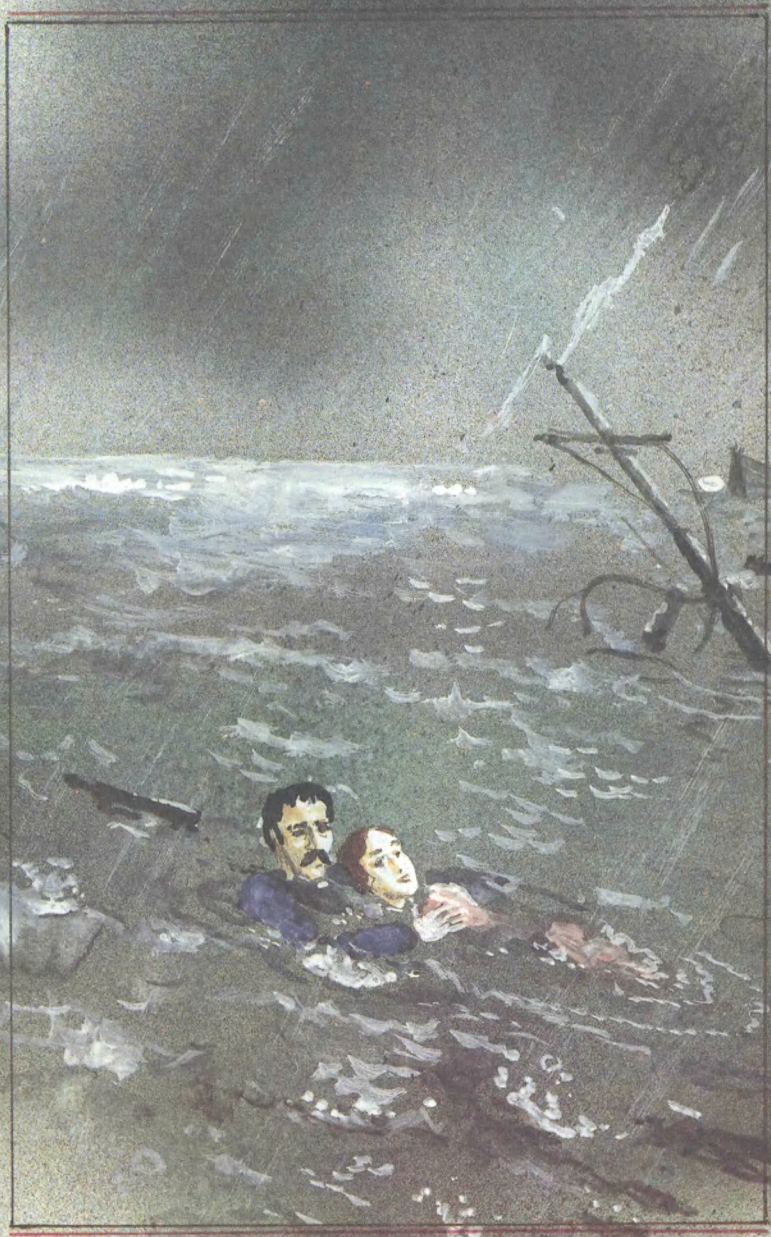

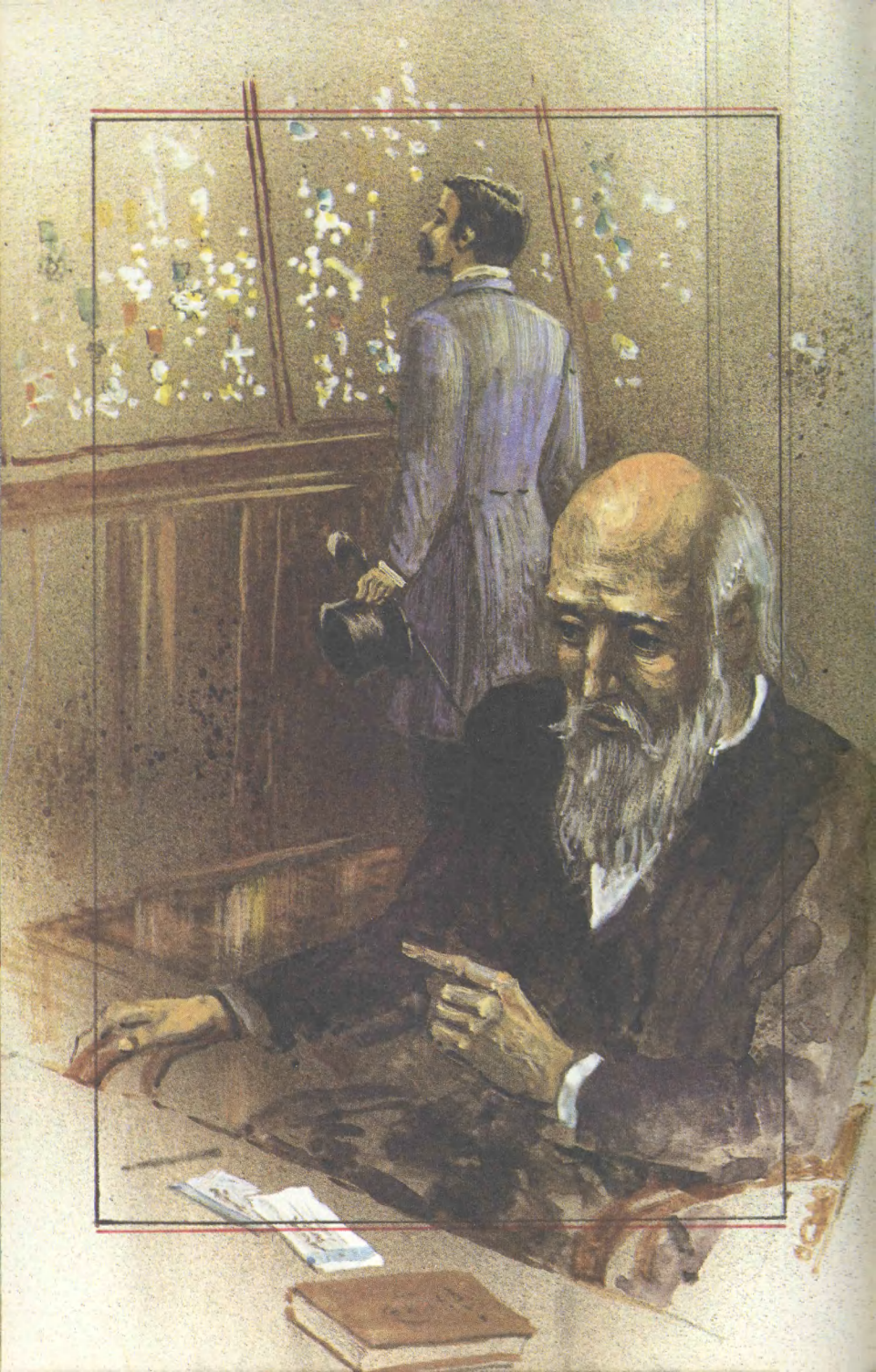

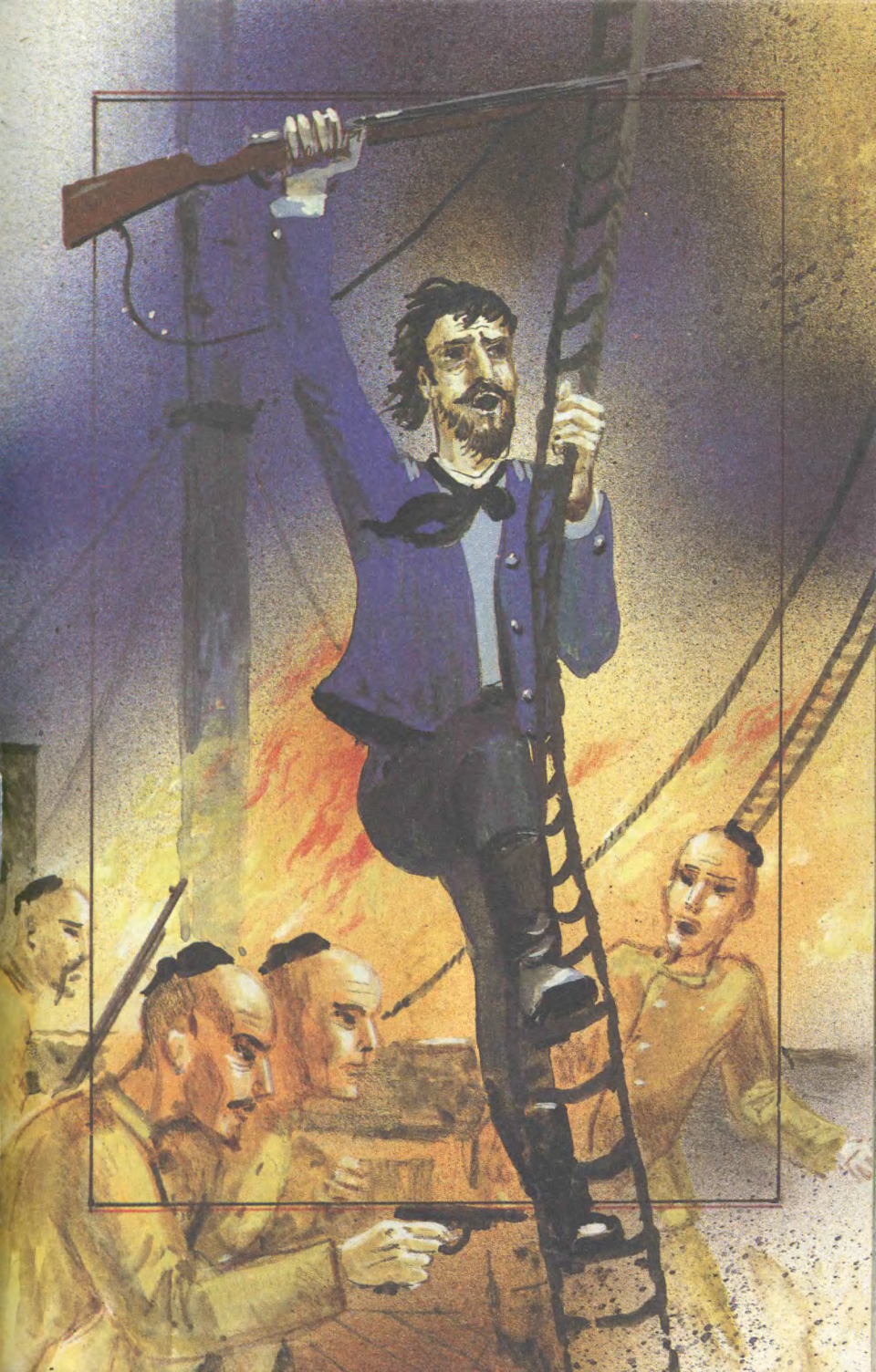

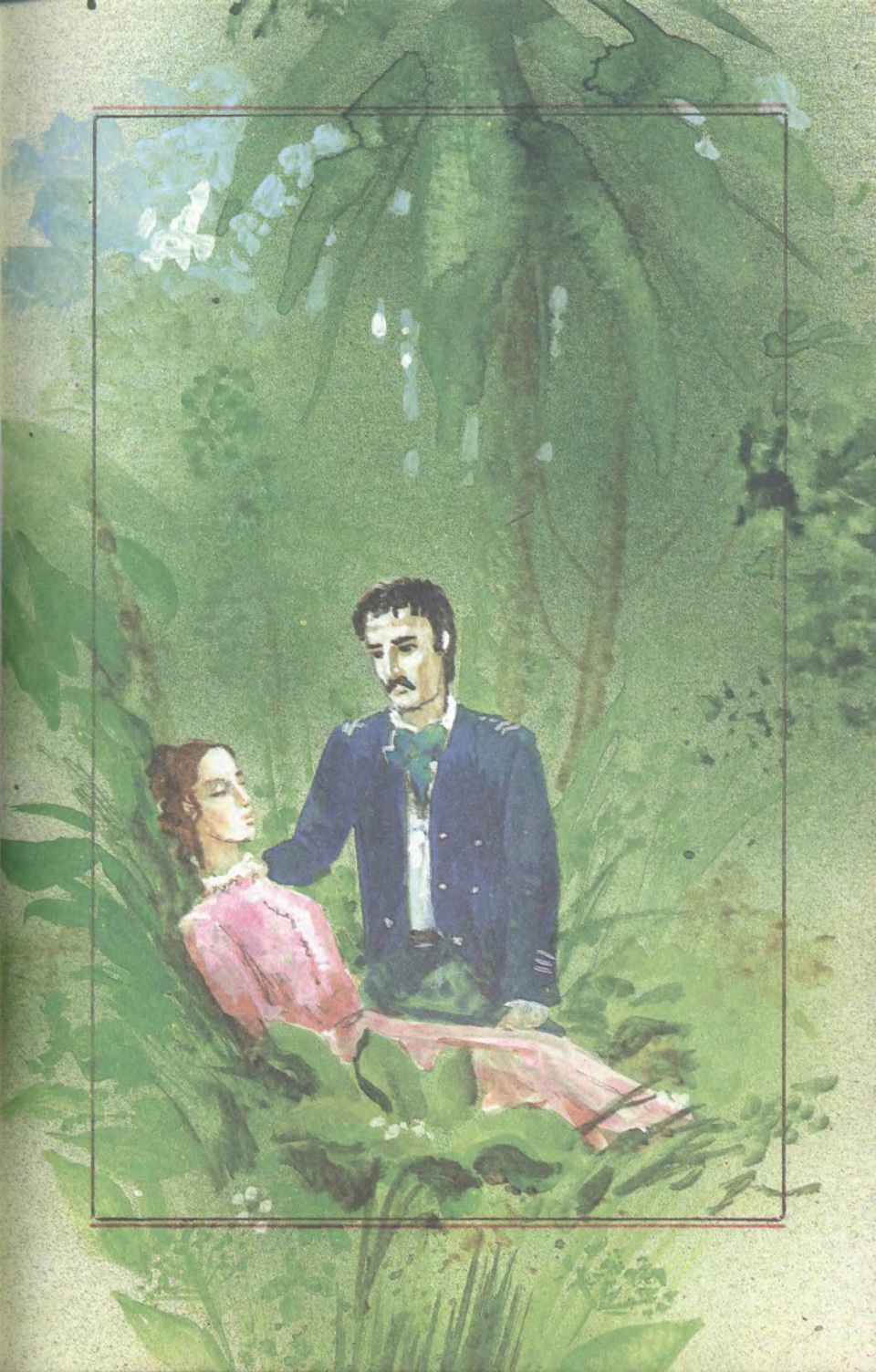

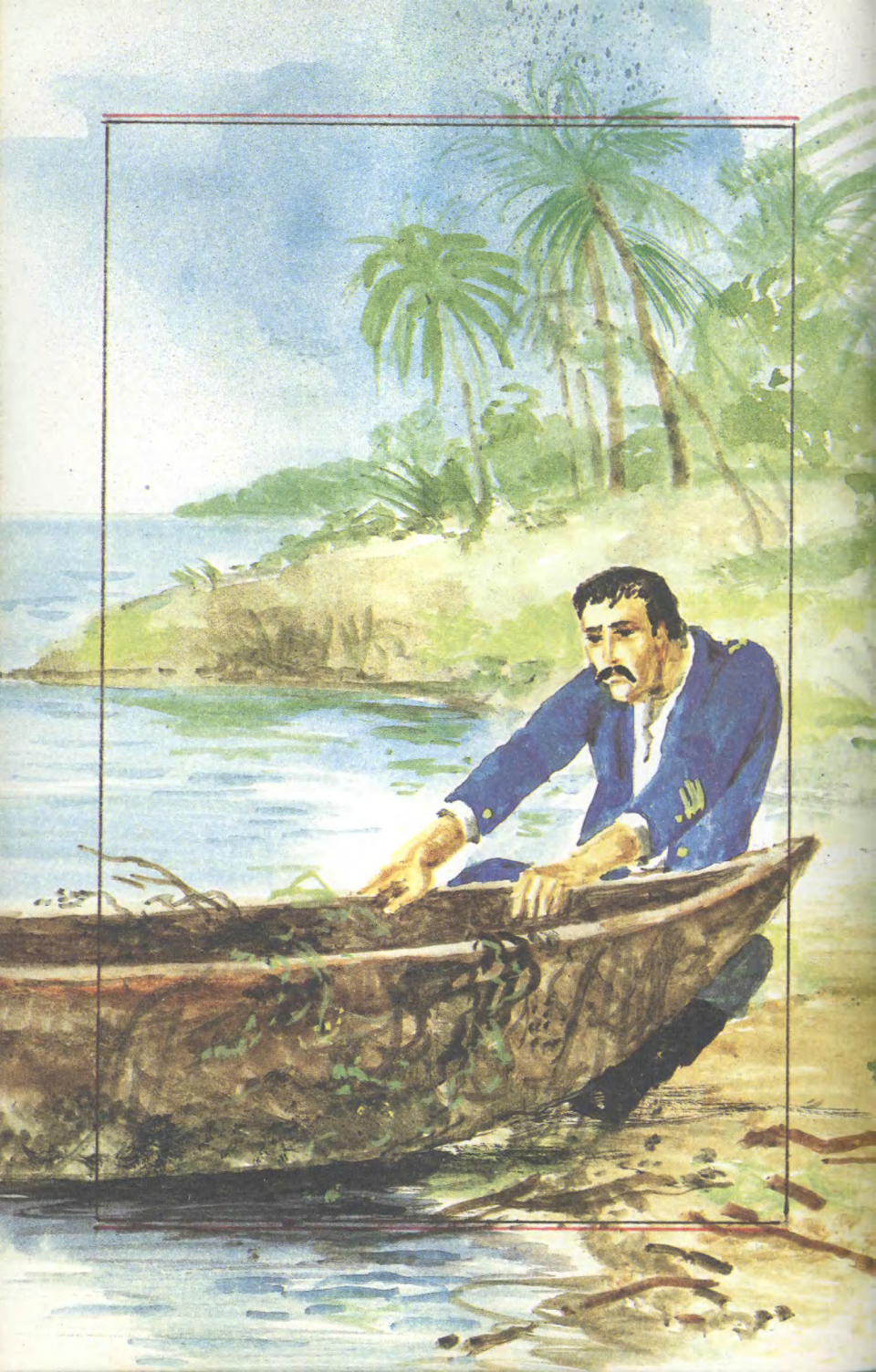

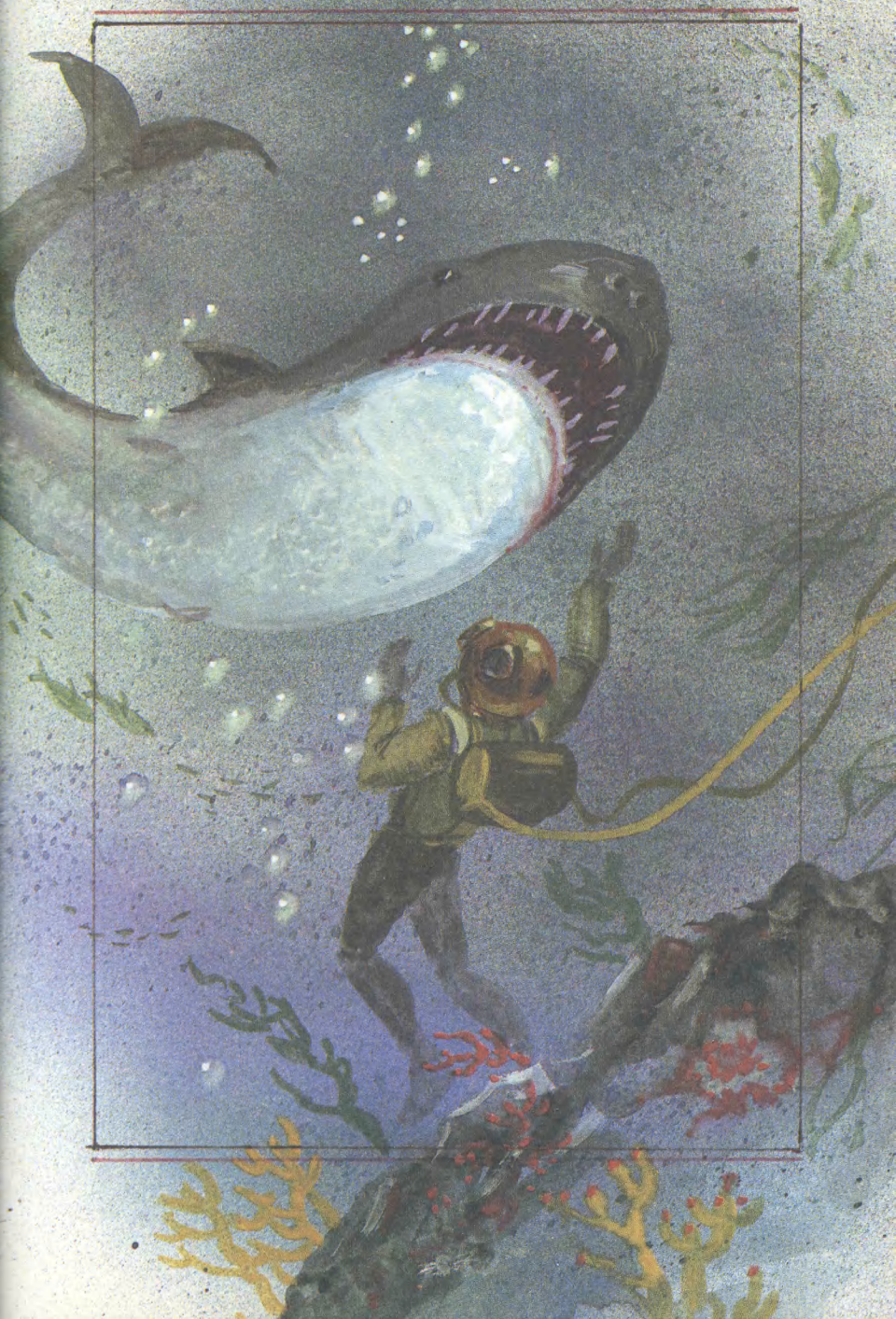

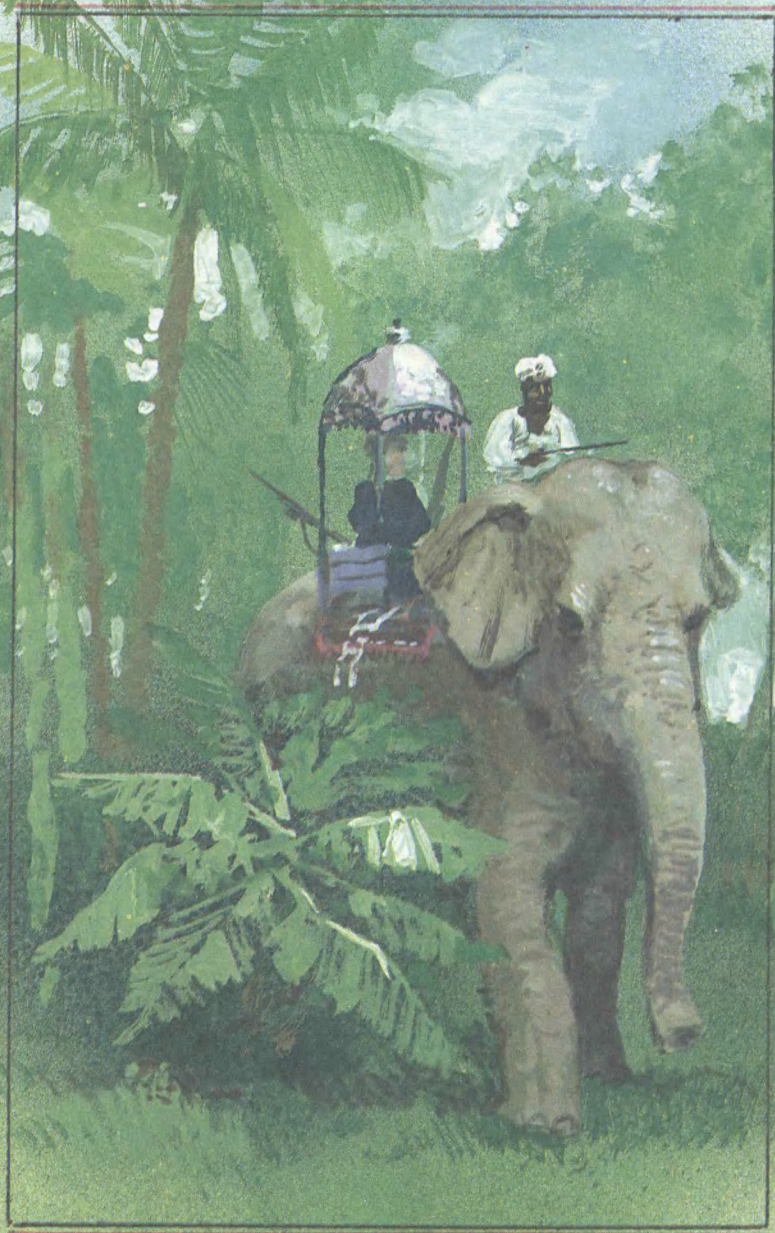

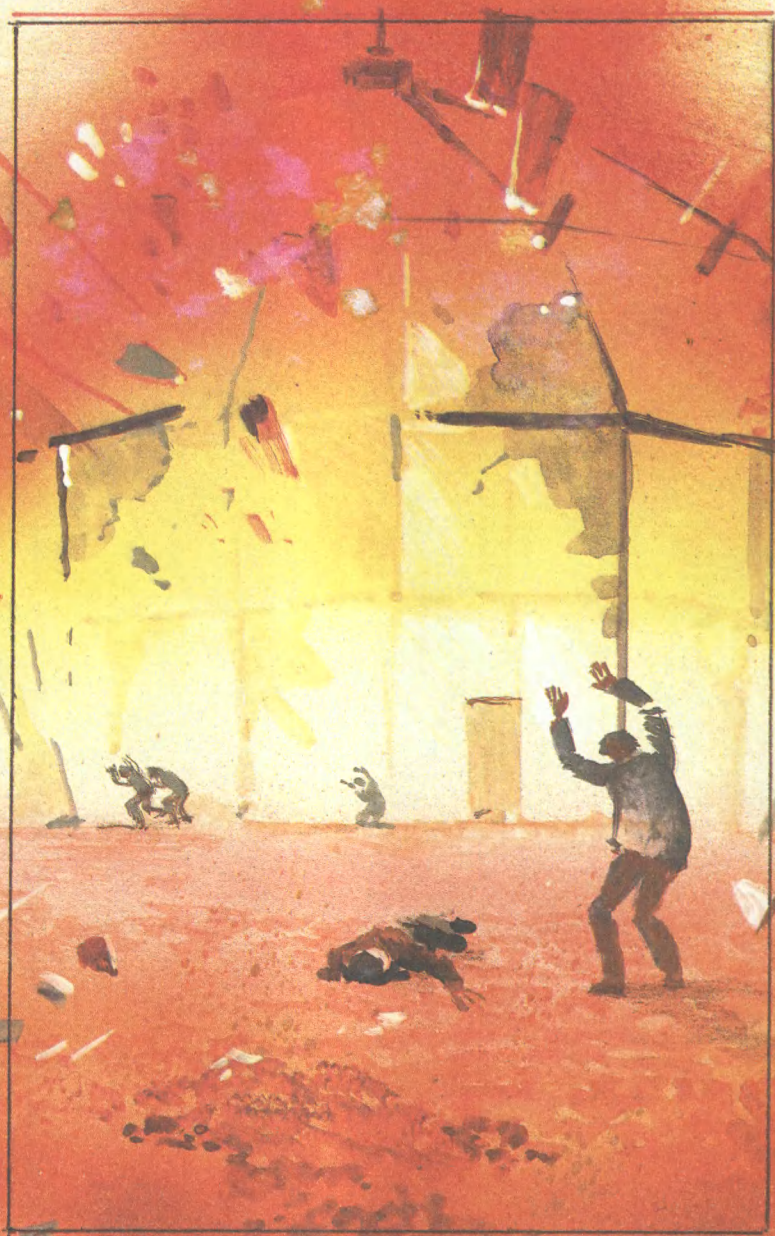

Кто потерял с отъездом блестящего молодого офицера, так это, безусловно, Алексис Фармак. Капитан Кристиан, сразу же оценив, насколько химик предан господину Синтезу, тотчас же проникся к нему сердечным расположением, которое выказывал при каждом удобном случае.

А вот капитану Ван Шутену бывший профессор взрывчатых веществ казался страшным, чудаковатым маньяком и внушал ужас. Зато новый командир корабля сразу же буквально влюбился в Артура Роже-Адамса, денди от науки, медоточивого фразера*, важную персону, удостоенную официального научного звания. Почтенный голландец на каждом шагу величал его «господином профессором».

Необходимо отметить, что господин Синтез постепенно сменил гнев на милость и больше не третировал зоолога. Принимая во внимание реальный вклад Роже-Адамса в проводимый опыт, его активную и разумную работу, Мэтр перестал называть его «господином зоологом», что резало тому ухо, а обращался или просто «месье», или в случае, когда был особенно им доволен, «друг мой». Но сколько же понадобилось усилий, сколько мороки и труда, чтобы чуть-чуть приоткрыть дверь, ведущую к симпатии старика, настезь открытую для Алексиса Фармака!

При поддержке капитана Ван Шутена господин Роже-Адамс ни на минуту не прекращал активной деятельности; то, облачившись в скафандр, он исследовал необычайно разнообразную донную фауну, то устремлялся в морские глубины в недавно еще служившем для него пугалом «Морском кроте», то с помощью большой шлюпки и прикрепленного к ней трапа производил дренажи и подробно изучал улов.

Поначалу химик поражался, видя столь удивительное рвение, пришедшее на смену подчеркнутому презрению к «варварской кухне безумного старикашки». Но зоолог отвечал тоном, не терпящим возражений, решительно пресекая всякий разговор на эту тему:

— Видя, что такой достойнейший человек, как вы, увлекается экспериментом нашего общего патрона, я решил, дорогой коллега, примкнуть к вам.

— Значит, вы верите в успех?

— Я стал ревностным верующим! Из таких, как я, выковываются мученики.

— Пожалуй... Глядя, как вы крутитесь словно белка

* Фразер — любитель щегольнуть «красным словом».

в колесе, и днем и ночью, в вечном поиске, иногда даже с риском для жизни...

— Не преувеличивайте ни моего рвения, ни моих достоинств, если таковые вообще имеются. Просто я разыскиваю рудиментарные организмы*, которые структурой и формой напоминали бы производных от монер, ежедневно видоизменяющихся в нашей лаборатории.

— Прекрасная идея! Поздравляю вас!

— Вы слишком добры. С помощью ежедневных находок я воссоздаю натуральную серию морских существ, начиная от *монеры* до более совершенных типов. Как только это будет сделано, я ее сопоставляю с искусственно выращенной лабораторной серией.

— С тем чтобы с помощью продуктов естественной эволюции можно было контролировать продукты эволюции искусственной?

— Совершенно верно.

Методика господина Артура пришлась по душе Мэтру; благодаря ей он получал возможность, ежедневно и ежедневно следя за ходом эволюции, убеждаться, что процесс движется в соответствии с законами природы.

Образцы, взятые из двух различных источников происхождения, изученные под микроскопом, были одинаковыми по структуре. Фотографии свидетельствовали о полном соответствии происходящих процессов. Однако иногда попадались организмы, отличные от существующих в настоящее время. Вот они-то и становились добычей для исследований зоолога. По большей части эти особи были гибридами** и принадлежали как к высшему, так и к низшему типам.

Неожиданные находки такого рода, свидетельствовавшие о переходе из одного состояния в другое, являлись большими удачами Роже-Адамса, и он спешил в любое время дня и ночи продемонстрировать их господину Синтезу. Мэтр с радостью выслушивал сообщения, убедительно доказывающие, как замечательны средства, запущенные им в дело и сулящие эксперименту полный успех.

Известно, что существа, обитающие в наше время на земном шаре, несмотря на свою многочисленность, про-

* Рудиментарные организмы — недоразвившиеся организмы.

** Гибриды — новые виды животных или растений, выведенные скрещиванием двух видов, генетически различных (например, грейпфрут — гибрид лимона и апельсина).

изошли от совсем небольшого количества видов. Это подтверждают найденные при раскопках останки животных и растений исчезнувших видов. В общих чертах они имеют сходство с семьями, родами и группами ныне существующих. Из чего следует, что если из извлеченной со дна морского протоплазмы выйдут не только аналогичные ныне живущим существа, но также и угасшие на сегодня формы, то Мэтр действительно продублировал условия, в которых земной шар находился в момент зарождения жизни. Наконец, если господин Синтез в короткий срок реализует на практике феномены передачи наследственности и трансформации, это будет значить, что его гений восторжествовал над видимой несбыточностью созданной им неслыханной концепции.

Надо сказать, что ассистент-зоолог очень рьяно разыскивал факты, подтверждающие правоту умозаключений патрона. Кстати, его поиски были на редкость успешны. Но, несмотря на успех, вел он себя довольно скромно и лишь пошучивал, чем приводил химика в настоящий транс.

Последний, как вы уже заметили, был занудой или, вернее, принадлежал к той разновидности фанатиков*, которые не допускают, что пусть даже с деланной легкостью можно относиться к столь важным вопросам. Лаборатория с ее службами была для него архисвященным храмом, Великое Дело господина Синтеза — догмой, требующей религиозного благоговения.

Правда, Роже-Адамс на сей счет придерживался иного мнения. Надо сказать, что за последний месяц от прежнего «юного господина Артура» не осталось и следа. Сумев завоевать расположение Мэтра, он мстил, впрочем вполне невинно, химику за прошлые саркастические замечания и насмешки в свой адрес. Одной из его навязчивых идей было стремление доказать коллеге, что умелый экспериментатор может по желанию видоизменять внешний вид животных, устранять некоторые характерные черты и заменять их другими.

— Но тогда,— огрызался затравленный химик,— вы бы смогли изготовлять нам каких угодно чудищ и выдавать их за результат произведенных вами операций.

— Черт побери! Не вы один попались бы на удочку

* Фанатик — человек, одержимый какой-либо идеей настолько, что готов все принести в жертву ее осуществлению.

моих мистификаций! Кстати, вы напомнили мне одну слышанную от отца историю.

Лет эдак тридцать тому назад в Африке в третьем колониальном полку зуавов* был один военврач, старый оригинал и книголюб, заядлый коллекционер, охотно дававший освобождение от службы тем, кто подносил ему всякие диговинки или интересных зверушек. Но ввиду того, что его коллекция становилась все богаче, увольнительные давались все реже.

И вот какие-то два весельчака решили сыграть с ним гениальную шутку. Они выдумали породу «слоноподобных крыс» и в один прекрасный день триумфально преподнесли двух зверушек, имеющих на кончике носа пятисантиметровые довольно жесткие отростки, которые хоть и не выходили непосредственно из внутреннего канала носовой полости, но действительно смахивали на хобот. Чудак заплатил за них сто франков (лакомый куш для двух плутов).

Ввиду того, что «слоновидные крысы» были самцом и самочкой, доктор поместил их в просторную клетку и в ожидании потомства ухаживал за ними, как за родными детьми. Между тем он готовил доклады для научных обществ, внимательнейшим образом изучал характер и повадки этой странной парочки. Чудак даже отправил в Музей естественной истории сообщение об ожидаемом приплоде.

Наконец долгожданный день наступил. Семья пополнилась целым выводком хорошеньких маленьких крысят. Но, увы, трижды увы,— ни у кого из молодняка на обонятельном отростке не имелось ни малейшего намека на хобот. Вид не имел устойчивого признака — родители не смогли передать своим отпрыскам «хоботовидный аппарат»... Ну, так знаете ли вы,— обратился рассказчик к вытаращившему глаза химику,— в чем ключик к этой загадке? Доктор дорого за него заплатил, потому что весь полк не пожалел для него насмешек.

Обе «слоноподобные крысы» были просто-напросто сфабрикованы двумя мошенниками с помощью способа сколь простого, столь и остроумного. Они поместили грызунов в разные ящики, устроенные так, что один мог просунуть в отверстие в стенке только голову, а другой —

* Зуавы — солдаты французских колониальных войск, комплектовавшихся из жителей Северной Африки, а потом — из числа добровольцев-французов.

хвост. У первого осторожно соскоблили перочинным ножиком кожицу на носу, другому — подрезали хвост, чтобы образовать открытую ранку. Затем наложили шов, соединяющий нос и хвост и за тридцать часов получили срастание. Всего — простая пересадка тканей.

В заключение оператор перерезал хвост номера один на желаемом расстоянии, и номер два таким образом обрел хобот. Вторую пару крыс подвергли той же процедуре. Оставалось лишь подождать, пока шрамы зарубцуются и ткани приобретут свой первоначальный вид. На это ушло еще недельки две.

— Ну, как вам мистификация, коллега? Мой папенька хранит в своем архиве письмо доктора Г., а рассказывая эту историю, смеется до слез. И есть от чего!

— От ваших слов меня в дрожь бросает!

— Стоит ли дрожать от таких пустяков, мой дорогой!

— Однако, хочу вам заметить, после желтухи вы стали гораздо остроумнее!

— Что вы хотите, тогда я пребывал в полном маразме* и на все смотрел через желтые очки.

— Ладно, шутки в сторону. Отныне мне станет мерещиться, что древние или аномальные** типы крыс, которые будут выходить из нашей лаборатории, явятся предками ваших «слоноподобных крыс».

— Вот и не ребячьтесь и не вынуждайте меня искажать истину. Я имею самые веские причины для того, чтобы не слишком усложнять работу природы, особенно в данных обстоятельствах. Прежде всего, мне претит подлог. А к высокоморальным соображениям могут добавиться и другие, более низменные, но более доказательные, опирающиеся на физическую невозможность.

— Тем не менее вы только что привели мне отличный факт мистификации. Представляю себе, как оглушительно хохотал капитан. Вероятно, он до сих пор зубы скалит, вспоминая про крыс с хоботом!

— Должно быть, вы правы. Однако сообразовалите принять во внимание, что подобное оригинальное уродство произвели на материале животных, очень высоко стоящих на лестнице развитых существ.

* Маразм — распад личности, полное расстройство умственной деятельности, вызванное болезнью или предельной дряхлостью.

** Аномальный — отклоняющийся от нормы.

— И какой вы делаете вывод?

— Подобный опыт невозможен на материале организмов, появляющихся в водах нашего бассейна.

— Невозможен? Почему?

— А потому, что на простейшие одноклеточные организмы, в большинстве своем микроскопические, невозможно воздействовать посредством наших инструментов. Структура их очень проста и заключается в слипании клеток, вот почему шутник, вроде производителя «слоноподобных крыс», не сможет их модифицировать.

— Хорошо. Соглашусь с вами, что на данный момент это невозможно. Но позднее не станете ли вы импровизировать, создавая монстров, или возобновлять исчезнувшие типы, видоизменяя ныне существующие?

— Вы уж слишком всерьез воспринимаете остроумную шутку или, точнее, обыкновенное мальчишество. Я просто хотел немного позубоскалить. К тому же господин Синтез, как никто, сведущ в естественной истории, он сразу бы заметил подвох, и несладко бы пришлось мистификатору.

— Вот такое мне приятно слышать. Будь по-вашему, сочтем это шуткой. Но, кстати сказать, где мы сейчас находимся? Не знаю, каково ваше мнение, но мне кажется, что мы продвигаемся вперед достаточно медленно. Судя по тем типам, о которых вы докладываете Мэтру, предшествующая человеку серия слишком долго остается на стадии низших организмов.

— Вы заблуждаетесь, и ваши опасения напрасны. Наоборот, эволюция происходит с изумительной скоростью. Я пораился, когда обнаружил, что мы подошли уже к шестой ступени, предшествующей появлению человечества.

— Сколько всего ступеней в этой цепи совершенствования?

— Ровно двадцать две, включая человека.

— Признаться, мне не слишком хорошо известна эта цепь.

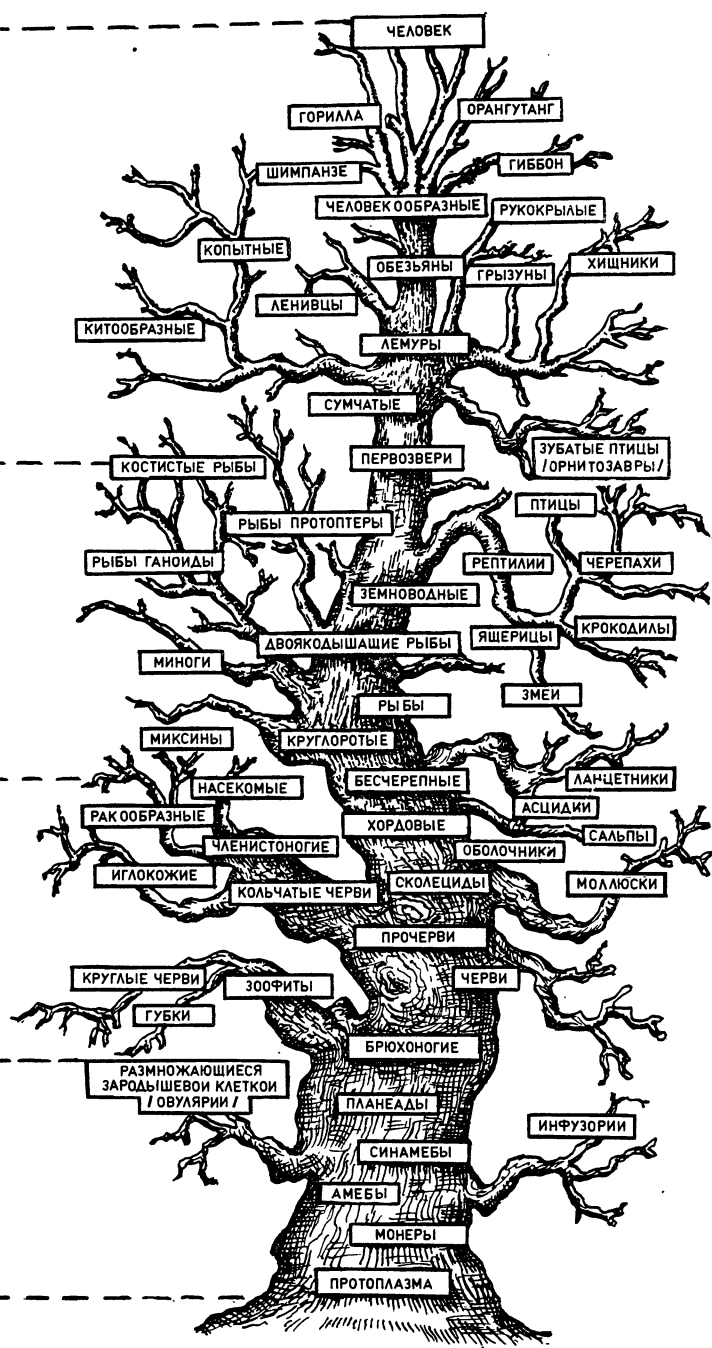
— Дайте-ка я грубо, но ясно несколькими штрихами набросаю вам генеалогическое древо. Это позволит единым взглядом окинуть всю картину последовательного изменения видов.— Зоолог лихо нарисовал на подвернувшемся листке бумаги схему.— Вот вам это символическое древо, изображенное, каюсь, в несколько варварском виде с художественной точки зрения.

ПОЗВОНОЧНЫЕ
МАКОПИТАЮЩИЕ ОРГАНИЗМЫ

ПОЗВОНОЧНЫЕ ОРГАНИЗМЫ

БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ
ОРГАНИЗМЫ

ПРОСТЕЙШИЕ
ОДНОКЛЕТОЧНЫЕ ОРГАНИЗМЫ

— Отлично. Теперь я прекрасно вижу, куда продвинулся опыт. Мы подошли к брюхоногим*.

— Осмотрев мою коллекцию фотографий, вы увидите, что они отличаются от предшествующих планеад следующими характеристиками...

— Извините. Разрешите одно замечание?

— Весь к вашим услугам.

— Видите ли, если я в общих чертах и знаком с теориями происхождения видов и эволюции, то совершенный профан в области естественной истории.

— Вы клеветаете на себя!

— Помилуйте, какие между нами комплименты! Ну так вот, зная общую доктрину, я не знаю ее механизма или, если угодно, материальных фактов, на которых она зиждется. Прошу вас идти от частного к общему, то есть от монеры к брюхоногим, а не наоборот. В этом случае предпочтительнее анализ, а не синтез.

— Вы совершенно правы. Постараюсь быть кратким. Думаю, излишне вновь описывать монеру, вы все это знаете так же хорошо, как и я. Вот, кстати, разные типы этой клетки-матери, найденной нами вместе с *bathybius hækeliï*, чьи поиски едва не закончились так трагически... Это были *protomuxa aurantiaca*, *vampyrelles*, *protononas* и так далее. Их форма и вид постоянно изменялись.

— Совершенно верно.

— Этому типу, который мы так долго изучали, пришла на смену одноклеточная амeba. Первый феномен дифференциации, происходящий в *гомогенной* и *бесструктурной* плазме монеры**, — формирование двух отчетливо различных клеток: одна внутренняя, прочная — ядро; другая — внешняя, более мягкая — протоплазма. А теперь обратите внимание на амebu ползающую, изрядно увеличившуюся в размере, передвигающуюся с помощью ложноножек. Особо отметьте основную ее черту — сходство ядра с яйцом животных.

— Действительно, разительное усовершенствование!

— Это две первые генеалогические цепочки: монеры и амeбы, пока еще простейшие организмы. Все последующие цепочки — организмы комплексные, особи высшего ряда, социальные общности, множественные клеточные соединения. На третьей ступеньке эволюции, как видите,

* Брюхоногие (улитки) — класс морских, пресноводных и наземных моллюсков, включающий около 90 тысяч видов.

** Гомогенная и бесструктурная плазма монеры — однородная, неделимая и не имеющая ядра плазма.

находятся агрегатные амёбы, объединённые в сообщества или союзы. Поэтому-то их и называют *синтезированными амёбами*. Одним из самых своеобразных и любопытных видов является так называемая *mogula*, похожая своим строением на тутовую ягоду. *Mogula*, у которой все клетки идентичны, является продуктом деления, как, кстати говоря, и яйца животных, воспроизводимые непрерывным членением.

— Скорее к третьей ступени! Мы подошли к планеаде — четвертого, исходящего от синамебы, звена цепочки, не так ли?

— Совершенно верно. И здесь вы увидите, как утверждается процесс эволюции. Рассмотрите этот тип планеады, которую Геккель назвал *mogosphera planula*. Она представляет собой наполненный жидкостью тонкостенный пузырь, чья пленка сформирована из единственного ряда клеток. Но вот что главное — если синамеба, состоящая из голых и гомогенных клеток, могла лишь ползать по дну прадавних морей, то *Planula* снабжена мерцательными ресничками, — ползание уступило место плаванию.

— Это верно. Нарисованная вами картина точно воссоздает появление рудиментарных, но очень ярко выраженных двигательных отростков. И вы абсолютно правы, утверждая, что совершенствование происходит с исключительной быстротой.

— Но это все ничто по сравнению с тем изумлением, — я ничуть не преувеличиваю, — которое испытываешь, видя пятую, зародившуюся в водах лагуны группу, а именно брюхоногих.

От планулы или снабженной волосками личинки произошла во всех живых организмах важнейшая животная форма, известная под именем *gastrula* (желудочное или кишечное наращивание тонких клеточных слоев и мембран), послужившая прототипом группы *gastrea*. Пусть внешне она и похожа на планулу, но существеннейшим образом от нее отличается.

Действительно, *gastrula* являет собою полость, замкнутую двухрядной клеточной пленкой, и сообщается она с внешней средой посредством отверстия. Здесь мы впервые встречаемся с рудиментарной формой рта и прямой кишки. *Gastrula* больше не питается эндосмосом, как предыдущие типы, она всасывает непосредственно ртом — *просто*м — питательные субстанции, которые попадают прямо в кишечник, или *прогастер*.

— Действительно, величайший прогресс!..

— Погодите, особое внимание обратите на двуслойные клетки *gastrula*! Внутренний вегетативный слой служит исключительно для пищеварения, верхний — для защиты и перемещения.

Невозможно по заслугам оценить функциональное различие клеток, так как сам человеческий организм во всем разнообразии своих органов происходит из герминативной камеры желудка этой *gastrula*. Но меня сейчас немного заносит, как каждого неофита*, слишком долго сопротивлявшегося истинному учению. Оставим в покое высшие организмы и подождем-ка доказательств, они появятся в свое время. Не будем опираться на вероятность, какой бы очевидной она ни казалась.

Добавлю только в заключение, что достигнутая в нашем опыте пятая ступень эволюции, представленная *gastrula*, заставляет предчувствовать целую цепь — губки, медузы, полипы, кораллы, радиолярии, моллюски и так до низших позвоночных, до самих ланцетников! Именно ланцетники являются связующим звеном между беспозвоночными и позвоночными животными, которые хоть и родственны человеку, но в переходном периоде сохраняют еще и эмбриологическую стадию *gastrula*, то есть простой кишечник с двойной книжкой**.

Капитан Ван Шутен, присутствовавший на этой импровизированной лекции, был совершенно прав, задремав сразу же после истории со слоноподобными крысами. И ассистент-зоолог долго бы еще разглагольствовал на профессиональные темы, интересные лишь умам посвященных и абстрактные для профанов, только его остановил довольно сильный взрыв, раздавшийся со стороны лаборатории и на полуслове прервавший докладчика, а также прекративший храп спящего. Все присутствовавшие, как будто подброшенные пружиной, вскочили и, выбежав из комнаты, бросились на палубу: взгляды их устремились к атоллу, откуда валил густой дым.

* Неофит — новообращенец, человек, недавно примкнувший к какой-либо религии или, в переносном смысле, к какому-либо научному или политическому направлению и т. п.

** Книжка — анатомический термин.

ГЛАВА 6

Героическое противостояние пожару.— Что понимают под словом «притопить» корабль? — Переборки и водонепроницаемые отсеки. Частичное погружение.— Торпеда.— Шлюпка вывозит торпеду.— Взрыв.— Пожар поборот, но какой ценой! — «Лучше уж я все это высажу в воздух!» — Возвращение в Сингапур.— Возврат в Сингапур противоречит желаниям девушки.— У необходимости нет закона.— Отвага и наивность.— Надо купить новый корабль.— Птицы и цветы.— Ветер крепчает.— Внезапное затишье.— Плохой прогноз.— Вслед за пожаром — ураган.

Преследовать исчезнувший в ночи «Инд» было бы безумием. Поскольку капитан Кристиан, изо всех сил пытаясь помочь команде захваченного судна, почти совсем забыл о «Годавери», пожар, все более и более разгораясь ввиду быстроты движения корабля, принял ужасающие размеры.

Напрасно задраили все люки, напрасно работавшие от паровой машины насосы извергали потоки воды и пар. Даром рискуя жизнью, вооруженные портативными огнетушителями люди пытались пробиться к очагу пламени. Оно гудело под палубами, откуда подымались клубы удушливого дыма, несмотря на задраенные люки, заткнутые щели, закрытые портики. Листовое железо обшивки, раскаляясь, трещало на уровне ватерлинии*.

Первый помощник и его люди, вызванные строгим приказом капитана, появились, шатаясь, полузадушенные, с опаленными бровями и бородами. Первый помощник отвел своего командира в сторону и шепотом сообщил ему о том, что в носовой отсек, где произошел взрыв, совершенно невозможно проникнуть, и если не предпринять энергичных, вернее героических мер, то судно обречено на гибель.

Капитан не без основания доверял офицеру. Он знал, что если тот таким образом высказал свое мнение, то ситуация сложилась почти безнадежная.

— Вы говорите, нужны героические усилия, не так ли? Ну что ж, дело за вами...

— Благодарю, капитан.

— Я сегодня не смог осмотреть водонепроницаемые переборки.

* Ватерлиния — грузовая черта, по которую судно погружается в воду.

— Они в отличном состоянии.

— Заградительные щиты опущены, не так ли?

— Это первое, что я приказал сделать сразу же после взрыва.

— Уверены ли вы, что они смогут локализовать пожар?

— На некоторое время, да, капитан.

— Тогда, дружище, нам не остается ничего другого, кроме как притопить корабль.

— Притопить корабль?!

— Торпедировать его, и как можно скорее. Вы этим и займетесь,— спокойно, словно отдавая самое обычное распоряжение, отвечал Кристиан.

— Есть!

— Вы знаете, что вам делать. Доложите мне, когда все будет подготовлено.

— Благодарю за доверие. Я уложусь в пять минут.

Операция, к которой решил прибегнуть капитан «Годавери», хоть и казалась с первого взгляда безнадежной, была единственной возможностью спасти судно. «Притопить» корабль означает прорубить в корпусе ниже ватерлинии отверстие, чтобы внутрь хлынул поток воды. Благодаря новейшему устройству современных кораблей такой план действий мог быть осуществлен без больших помех. Суть устройства заключалась в следующем: водонепроницаемые переборки разделяли судно на отдельные отсеки так, чтобы вода, попав в один из них через пробоину, не смогла бы затопить весь корабль.

Изготавливают переборки из листового железа, а располагают поперечно от киля до мостика. Кроме того, они снабжены вертикальными ребрами жесткости, способными противостоять напору воды. Кстати, размеры отсеков таковы, что если один из них заполнен водой, то благодаря другим судно может держаться на плаву.

На каждом корабле не менее четырех переборок. Одна — на носу, две — отсекают машинное отделение, третья ближе к корме. Но это, разумеется, не предел*. На переборках — клапаны, регулируемые с мостика. Обычно они открыты, что дает возможность собравшейся в любом трюме воде стечь в общий отстойник, откуда ее откачает помпа машины.

* Замечательные суда «Шампань», «Гасконь», «Бургундия» и «Бретань», которые недавно пустила по маршруту Гавр — Нью-Йорк трансатлантическая компания, имеют по тридцать отсеков. (Примеч. авт.)

Разумеется, в случае течи корабль от избыточного веса воды оседает. Однако, если клапаны функционируют исправно, если переборки действительно водонепроницаемы, судно продолжает плыть, частичным погружением спасая себя от затопления.

Итак, ввиду того, что трюм, где хранились паруса и канаты, был охвачен огнем, который вот-вот мог перекинуться на нижнюю палубу и даже охватить угольные кладовые, капитан Кристиан принял решение затопить отсек целиком.

Очень сложно, чтобы не сказать невозможно, срочно проделать отверстия в борту судна. Но, к счастью, на «Годавери» имелось большое количество разнообразных торпед из запасов господина Синтеза, предназначавшихся для взрыва коралловых скал, мешавших входу кораблей в атолл.

Четыре минуты назад первый помощник получил приказ. И вот уже он подошел к капитану, сопровождаемый матросом с фонарем в одной руке и с продолговатым твердым пакетом в темной обертке, словно палка колбасы,— в другой.

— Все готово, капитан. Я решил, что хватит простой торпеды, начиненной двумя килограммами пироксилина.

— Отлично. Каболочный строп, на котором вы закрепите шашку, уже готов. Предупредите людей.

Шлюпка с экипажем на борту висела на таях* над планширом.

— Осторожно, ребята. Это торпеда,— положив сверток на скамейку, предупредил первый помощник.

Он перелез через борт, сел на носу и бегом проверил изготовленный во время его короткого отсутствия каболочный строп, к которому должен был крепиться взрывпакет. Это устройство фиксировало такелажное кольцо, не дававшее тросу сдвинуться в сторону, однако под тяжестью собственного веса и веса взрывчатки позволявшее двигаться вперед и по диагонали.

Шлюпка, тотчас же заскользив по спокойному морю, мигом скрылась в темноте. Три минуты спустя ритмичные всплески весел возвестили о ее возвращении. Такого короткого времени хватило, чтобы прикрепить к концу стропы и укрепить пироксилиновую шашку. Глухой взрыв, похожий на взрыв мины, потряс корабль от киля до верхушек мачт. Извергся столб воды. Должно быть,

* Тали — система веревок с блоками для подъема тяжестей на судне.

пробоина в корпусе получилась изрядная, потому что судно сразу же стало быстро оседать.

Героические меры, предпринятые капитаном, принесли результат — заливаемое со всех сторон пламя шипело, билось, выпускало облака белого пара. Борьба воды и огня была недолгой, но решительной. Вскоре дым рассеялся, шипение стихло. Пожар был побежден. Но какой ценой! Теперь судно было почти полностью лишено возможности продолжать свой путь... А ведь ему, под угрозой необратимых и губительных последствий, необходимо было пройти четыреста километров до ближайшего порта — Сингапура.

При обычных условиях, с неповрежденным корпусом, с исправной машиной, при средней скорости девять узлов в час на это хватило бы и одного дня... К несчастью, машина не работала — отсутствовала тяга. Пришлось погасить топку и заняться серьезным ремонтом, а это значило — потерять не менее суток.

Капитан уже отдал приказ поставить паруса, повернуться другим бортом и взять курс на английский остров. Но, став простым парусником, да еще с затопленным перегруженным сверх всякой меры носовым отсеком, судно будет менее маневренным и, даже подняв все паруса, сможет продвигаться вперед только с очень малой скоростью. К счастью, муссон дул попутный.

Кристиан, охваченный такой сильной тревогой, что даже сам себе боялся в этом признаться, с лихорадочным нетерпением ожидал наступления утра, чтобы послать водолазов в трюм и выяснить, какие повреждения причинил пожар и как велика пробоина, проделанная торпедой. Он ходил взад-вперед по корме, думая о чередѣ столь же драматических, сколь и неожиданных событий, и с трудом мог примириться с подобным несчастьем.

«Инд» был похищен взбунтовавшимися китайцами, перебившими командный состав; «Годавери» грозила опасность из-за преступного сговора кого-то из находящихся на борту! Кто этот злодей? Как его разыскать? Кого подозревать? Кроме того, полностью ли миновала угроза? А что, как захваченный пиратами «Инд» возвратится к «Годавери», настигнет судно, которое, увы, сейчас так легко атаковать, и завладеет им, чтобы ограбить, захватить имеющиеся на борту богатства? Ведь бандиты ни перед чем не остановятся.

При этой мысли моряка охватил такой внезапный приступ ярости, что, закусив сигару, он воскликнул:

— Лучше я все это высажу в воздух!

— Как, капитан, высадите в воздух даже меня? — прозвучал за спиной офицера свежий и звонкий голосок.

— Вы здесь, мадемуазель?! — живо откликнулся Кри-
стиан. — Но я ведь дал приказ, чтобы вам не разрешали
выходить из покоев! Вернее, чтобы вас попросили оста-
ваться в каюте...

— Вот я и повиновалась вашему приказу безропотно,
как простой матрос, пока думала, что мое присутствие
может помешать вам действовать. Но теперь, когда опас-
ность миновала, я решила немного подышать воздухом,
успокоить мои бедные нервы... И невольно подслушала
одно из ваших соображений... Признаться, не слишком
утешительное...

— Извините меня... Я не знал, что вы были здесь...

— А я очень рада услышанному. Сильно сомневаюсь,
что вы бы произнесли такое в моем присутствии.

— Конечно нет, мадемуазель.

— Так, значит, мне в любой момент грозит опасность
взлететь на воздух вместе с этим бедным кораблем?

— Ох, мадемуазель, — прибавил молодой человек
с очаровательной наивностью, — я бы не стал взрывать, не
предупредив вас...

— Спасибо. Вы очень добры. И я ценю всю эффектив-
ность избранного вами способа, хотя и почитаю его не-
сколько... как бы сказать... сильнодействующим...

— В некоторых ситуациях, чтоб добиться развязки,
приходится идти на крайние меры...

— Так вот оно что! Значит, мы уже дошли до крайно-
сти? — В голосе девушки не слышалось ни малейшей
тревоги.

— К счастью, пока еще нет. Но в нашей ситуации мы
должны быть ко всему готовыми. Во всяком случае, пока
не дойдем до Сингапура.

— Как?! Я должна вернуться в этот ужасный город,
где шум, толчея, лихорадка и жара? Быть вынужденной
сносить общество этих непоседливых мисс, которые живут
только для крикета*, верховой езды и лаун-тенниса? Про-
шу вас отвезти меня к дедушке.

— Я сделаю, как вы скажете, мадемуазель. Но предва-
рительно надо зайти в Сингапур. Для нас это вопрос
жизни и смерти.

— Объяснитесь.

— Вы знаете, какие ужасные события только что про-

* Крикет — спортивная командная игра с мячом и битами на
овальном травяном поле.

изошли. Я послал доктора известить вас и своими заботами предотвратить возможные неприятные последствия.

— Ваш доктор чуть в могилу меня не свел своими недомолвками. Вы думаете, что я не слышала пушечной пальбы и не видела сигналов бедствия? Вы считаете, я и пожара не заметила, от которого чуть дотла не сгорел наш корабль, и об аварии машины не догадалась, хотя судно пришлось поставить под паруса? Наконец, вы полагаете, что моряки, пробегая под моими окнами, вели себя так же сдержанно, как доктор, и объяснялись обиняками?

— Меня дрожь пробирает, как подумаю, до чего же вы тревожились!

— В течение получаса, а может быть и дольше — минуты долго тянутся в подобных случаях, — нам грозила смертельная опасность. Но спросите доктора, выказывала ли я хоть малейшие признаки волнения. Разумеется, я плакала, когда на «Инде» началась резня, но материальные потери оставили меня спокойной.

— Я знаю, что вы — девушка отважная, и никто более меня не восхищается вашим присутствием духа, но...

— Вот и говорите со мной так, как если бы я была мужчиной. Чего вы опасаетесь?

— Возможного возвращения бандитов, захвативших «Инд», и того, что на нашем поврежденном корабле мы не сможем им оказать достойного сопротивления. Вот почему я грубо, по-моряцки, выругался при мысли, что корабль и, главное, вы можете попасть им в лапы.

— Так вот в чем дело! Что ж, если надо, то взлетим на воздух. Но идти в Сингапур, на мой взгляд, еще хуже.

— Лишнее перечислять мотивы, заставляющие меня вам перечить. Но, во-первых, это соображения вашей безопасности и безопасности команды...

— Скажите лучше, нашей общей безопасности, ведь мы все находимся в одинаковом положении.

— Кроме того, из Сингапура можно разослать во все порты земного шара телеграммы, возвещающие о катастрофе с «Индом», и дать подробное описание судна, чтобы власти разных стран могли задержать корабль с бунтовщиками.

— Вы правы.

— И еще, я должен заделать пробонну в корпусе «Годавери». А это возможно только в Сингапуре.

— Наверное, ремонт займет много времени?

— По меньшей мере недели две, если предположить, что найдется свободный сухой док.

— Я умру в этом омерзительном городе!

— Есть еще один выход.

— Какой?

— За любую цену купить новый корабль и тотчас же выйти в море.

— А корабль дорого стоит?

— Если он отделан так же шикарно, как «Годавери», то больше миллиона.

— Мне это мало о чем говорит. Я никогда не занималась денежными делами. Однако, мне кажется, это весьма значительная сумма.

— К счастью, не для нас,— улыбнулся капитан наивности этого избалованного ребенка, для которого богатство или нищета являются полнейшей абстракцией.— У меня на борту большой запас бриллиантов, их можно выгодно продать. К тому же господин Синтез перед отъездом выписал мне чеки на крупнейшие банки мира. В случае надобности я могу за несколько часов получить миллионов пятьдесят.

— Ну так поехали же скорее и купим хороший и красивый корабль!

— Быть может, мне удастся приобрести добрую яхту. Вот было бы счастье! Потому что все эти торговые суда так примитивно оборудованы... А может быть, центральное агентство Сингапура, пусть и за бешеные деньги, сможет предложить нам пакетбот...

— Вот именно, пакетбот! Между большими островами Индо-Малазийского архипелага нам встречались такие красивые пакетботы! Купим один из них и продолжим наше прекрасное путешествие. И не заботьтесь о деньгах — их так скучно считать! К тому же дедушка меня не ограничивает в расходах.

— Я сделаю все возможное, мадемуазель, чтобы обеспечить вам комфорт и безопасность.

— Вы купите мне певчих птиц, хорошо? И цветы, много цветов... На суше я выпущу птиц на волю, а цветы пересажу в клумбы, но пока мы плаваем, буду на них смотреть и слушать птичье пение. В море это скрасит мне часы одиночества.

— У вас будут и цветы и птицы.

— Как вы добры! Я расскажу дедушке о вашей заботе, и он будет очень доволен. До свидания, капитан, я возвращаюсь к себе в каюту. Наверное, мои негритянки уже меня разыскивают, боясь, как бы я не простудилась на этом внезапно поднявшемся ветре.

И беззаботное дитя, забыв о мрачных словах капитана в начале этой бессвязной беседы, напевая мелодичную

индусскую песенку, удалось, тем более что ветер действительно посвежел...

Бриз свистел в снастях, надувал паруса, от него гнулись мачты. Судно накренилось, но скорость его увеличилась. Потом все внезапно стихло. Несколько минут длилась гнетущая тишина, затем — новый шквал. Капитан не без основания забеспокоился, взглянув на барометр, показывавший очень низкое давление. Он припомнил, каким было небо вечером перед заходом солнца, — большие белые пушистые облака, несколько радуг и кроваво-красный горизонт... Ночные события заставили его забыть о погоде.

«Значит, — взволнованно подумал Кристнан, — испытания продолжают. Следом за бунтом, резней и пожаром — буря! Либо я сильно ошибаюсь, либо не позже чем через полчаса на нас обрушится тайфун».

ГЛАВА 7

Тайфун. — Внезапная перемена ветра. — Борьба с ураганом. — Великолепные маневры. — «Годавери» дрейфует. — Обреченные на смерть. — Одна мачта рухнула. — Необходимо срубить мачты. — Паника. — Корабль продолжает двигаться. — Риф. — Сели на мель. — Агония корабля. — Твердость духа. — Девушка проявляет характер. — «Я сойду предпоследней». — Шлюпки на воду! — Как масло укрощает волны. — Фок-мачта рухнула. — Ужасающая катастрофа. — Среди волн. — «Годавери» отжила свое. — Одни. — Безнадежная борьба. — Неужели конец?

В морских районах Дальнего Востока, в частности в Китае, тайфуны* представляют собой совершенно особенные тропические циклоны**. Они зарождаются с молниеносной быстротой и почти безо всяких признаков, предвещающих их появление.

Эти ужасные ураганы большей частью трудно предвидеть, так как красный цвет неба и туман на горизонте достаточно часты в китайских и индо-китайских районах, а разнонаправленная зыбь далеко не всегда предвещает

* Тайфун — очень сильный ветер, достигающий разрушительной силы; морской ураган.

** Циклон — атмосферный вихрь огромных размеров с пониженным давлением в центре; обычно сопровождается пасмурной погодой с осадками.

ухудшение погоды. Только внезапное падение показаний барометра — надежное свидетельство приближения тайфуна. К сожалению, большей частью барометр показывает понижение атмосферного давления совсем незадолго до первых порывов ветра. Вот почему судно часто бывает захвачено врасплох и капитан, сколь бы он ни был предусмотрителен, не успевает принять соответствующие меры.

Надо сказать, что тайфун еще сильнее лютует близ берегов, это делает его особенно опасным для кораблей, стоящих на рейде или идущих в прибрежных водах. А «Годавери» находилась вблизи восточного побережья Малакки. Спеша уйти от возможного преследования «Инда», «Годавери» под всеми парусами шла по синеватым волнам. Видя, что ветер внезапно ослабел, и не зная, с какой стороны налетит шквал, капитан кинулся на капитанский мостик и приказал команде свертывать паруса.

— Ввиду близости берега я считаю необходимым сменить курс и двинуться в открытое море,— сказал он помощнику.

— Вне всякого сомнения, капитан. Если ветер, как обычно, в начале урагана задует с севера, мы сможем отклониться к северо-востоку, чтобы избежать идущего на запад течения.

— Вы правы,— согласился капитан,— и я думаю, с другой стороны...

Заглушая разговор, мачты страшно заскрипели — с большой силой задул северный ветер. И напор его вскоре еще увеличился...

— Полундра! — кричали матросы, пробегая на корму.

В этот же момент фор-брамсель-мачта упала, сломавшись, как спичка.

— Держать по ветру! Очистить носовую часть! — командовал Кристиан, поскольку обломки мачты, все еще висящие на снастях, мешали судну слушаться штурвала.

Как только слаженными усилиями команды приказание было выполнено, раздалось оглушительное гудение и на корабль обрушился настоящий смерч. Судно пошло правым галсом*, сильно накренившись на левый борт. А капитан-то надеялся, что у него в запасе еще полчаса! Но ураган не дал ему и пятиминутной отсрочки!

* Галс — курс корабля относительно ветра; идти правым галсом означает идти правым бортом к направлению ветра.

— Ослабить шкоты!* Брасопить правый борт! Держись! Ставь на швартовы! Право руля!

К счастью, команда «Годавери» состояла из высококлассных моряков. Все приказания капитана выполнялись быстро и точно, и это спасало корабль. Правда, положение трехмачтового судна не становилось от этого менее ужасным. Подгоняемое ветром, оно со скоростью четырнадцати узлов несло по направлению к берегу. Мачты и перекладыны зловеще трещали и каждую минуту грозили рухнуть.

— Десять человек к фок-мачте! Десять человек к грот-мачте! Восемь человек к бизань-мачте! Шестеро на нос!

Матросы бросились на свои посты.

— Взять на гитовы грот-брамсель!** — кричит Кристиан, и голос его перекрывает шум урагана.

Послушные командам, матросы кидаются к фалам, шкотам, булинам.

— Отдать булины марселей!*** Отдать фалы! Спустить бизань!****

Матросы так споро убрали паруса, как если бы ничего страшного вокруг не происходило. Капитан решил оставить не марсели, а нижние паруса ввиду того, что носовой отсек «Годавери» был наполнен большой массой воды, из-за чего судно могло перекувыркнуться. Вскоре, однако, видя, как «Годавери» зарывается носом в бушующие волны, он решил убрать еще и большой парус.

Забрезжил рассвет. В мертвенном свете свинцовые валы сливались с чернильно-черными тучами. Море, бурлившее еще больше, если это возможно, с чудовищной силой бросало из стороны в сторону злосчастный корабль. По приказу капитана закрепленные на шлюпбалках*****

* Шкот — снасть (трос) судового бегучего такелажа для управления парусами, часто так называют веревку для растягивания нижней части паруса. Такелаж — совокупность судовых снастей для крепления рангоута, управления парусами, грузоподъемных работ. Бегучий такелаж (фалы, шкоты и проч.) — для подъема и спуска шлюпок, парусов, сигналов, груза.

** Взять на гитовы грот-брамсель — подтянуть при помощи особых канатов верхний парус на грот-мачте.

*** Отдать булины марселей — ослабить веревки, удерживающие паруса на средней мачте.

**** Бизань — косой парус на бизань-мачте.

***** Шлюпбалки — две балки на борту, на которые поднимаются шлюпки с воды.

лодки подняли на уровень вантов*. Найтовы** двух шлюпок, помещенных между рострами***, а также найтовы самих ростров удвоили. Для того, чтобы не мешать матросам производить маневры, на леера**** по правому и левому борту прибили брезент.

Через полтора часа ситуация стала нестерпимой. Каждую минуту можно было ожидать, что под ударами бортовой качки разобьются рангоуты. Капитан решился сделать еще одну попытку выровнять судно.

— Ставить фок!***** Полный вперед! Ставить малый фок! Поднять большой марсель! Поднять бизань!

Сбиваемые с ног потоками морской воды, которую перехлестывало через борт, промокшие до костей, матросы, чтобы их не смыло, цеплялись за выбленки***** вантов. Осевшая под тяжестью затопленного отсека, «Годавери», как смертельно раненная чайка, не могла подняться на гребень.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил между двумя порывами шквального ветра капитан Кристиан у первого помощника.

— Я думаю, что меньше чем через полчаса мы пойдем ко дну.

— А при условии, что мы станем продолжать двигаться вперед...

— Через час.

— Я того же мнения. И поскольку час лучше получаса, то полный вперед! Поднять большой фок!

Волны продолжали захлестывать палубу. Люди, изнуренные беспощадной и, увы, безнадежной борьбой со стихией, судорожно цеплялись за снасти. Трудно было и дальше выдерживать такую ситуацию, тем более безвыходную, что все маневры были уже исчерпаны. Оставалось только срубить мачты. Так хирург ампутирует у больного гангреной пораженные члены, чтобы спасти ему жизнь.

— Готовьте топоры! — приказал капитан, и его энергичное лицо побледнело.

* Ванты — канаты, удерживающие мачты с боков.

** Найтовы — любые веревки, служащие на судне для обвязывания чего-либо.

*** Ростры — место на корабле, где складываются запасные части рангоута, а также устанавливаются шлюпки.

**** Леера — туго натянутые веревки для прикрепления парусов на реях во время качки.

***** Фок — парус на передней мачте (фок-мачте).

***** Выбленки — прикрепленные к вантам веревочные перекладки, по которым моряки поднимаются на мачту.

В этот миг десятка два людей — кочегаров, помощников кочегаров, младших механиков — охватила паника, палуба так сильно накренилась, что, казалось, корабль начал тонуть. Будучи менее привычными, чем матросы, к разгулу стихий, а также не отличаясь ни такой отвагой, ни такой дисциплинированностью, как они, эти люди, словно стадо, ринулись к большой шлюпке и стали пытаться перерезать найтовы, чтобы спустить ее на воду. Их пример мог оказаться заразительным.

— Тысяча чертей! — закричал Кристиан и выхватил из-за пояса пистолет. — Я прострелю голову каждому, кто не выполнит приказ. Все за топоры!

Паникеры знали, что капитан — тот человек, который не задумываясь приведет свою угрозу в исполнение. Поэтому, шатаясь как пьяные, они двинулись на корму, где в кладовой хранились топоры.

Роковая минута наступила. Внезапно «Годавери» так сильно легла на левый борт, что волна лизнула капитанский мостик, а нос зарылся в воду.

— Лево руля! Трави шкот фок-мачты по ветру! Шевелись, ребята!

Но торчащий из воды руль не действует. Колебаться больше нельзя.

— Руби бизань-мачту!

Группа людей бросается к подножью бизань-мачты и начинает рубить ее топорами, другие перерезают талрепы вантов, штаги большого марселя и грот-брамселя. Мачта почти срублена. Еще десяток взмахов топора, и бизань-мачта со страшным треском падает на левый борт, а набежавший вал подхватывает ее и увлекает за собою.

— Руби грот-мачту!

Охваченные яростью разрушения, подогретой грозящей опасностью, люди набросились на мачту, и она вскоре исчезла в волнах. Крик радости вырвался из груди у всех, когда искалеченная «Годавери» наконец выровнялась и продолжила свой путь, подгоняемая ураганом.

Тайфун бесновал целый день, подталкивая к земле злополучный корабль. Чудо еще, что его не выбросило на берег, который, увы, был близок. Что же предпринять, чтоб не быть выброшенным на мель, — ведь в данном случае это еще опаснее, чем идти в открытое море?

Желая двигаться как можно медленней, капитан при-

казал лечь в дрейф*. Приближалась ночь, однако ветер значительно ослабел. Кроме того, барометр поднялся с 728 миллиметров до 739. Во всех сердцах затеплилась надежда, каждый радовался, что чудом спасся от ужасной гибели.

Капитан отдал приказ выдать измученному экипажу двойной паек, но в это время «Годавери» потряс удар такой силы, что и офицеры и матросы попадали, а фок-мачта пошатнулась и страшно закричала. Два быстрых толчка сотрясли судно, и оно застыло неподвижно — корабль натолкнулся на едва торчащий над водой риф.

Если бы в этот момент, при кормовом ветре, «Годавери» шла с полной скоростью, то риф, безусловно, сразу же пропорол бы днище, и судно камнем пошло бы на дно. Но так как корабль дрейфовал, морской вал втиснул его между двумя скалами, которые сжали парусник с обоих бортов. Теперь уже не ликующие крики, а стон ужаса вырывался из груди членов экипажа.

— Мы пропали! Спасайся кто может! — кричала обезумевшая толпа.

Вторично капитан, в интересах этих же несчастных, бросившихся к шлюпкам, прибегнул к угрозам. Такой же спокойный, как если бы его корабль скользил по безмятежной глади волн, он в нескольких словах, полных здравого смысла, обрисовал им всю нелепость их поведения.

— Разрешите мне, — сказал Кристиан в заключение, — позаботиться о вашей безопасности. Подождите, пока уляжется волнение. Завтра я узнаю, на каком расстоянии от берега мы находимся. Если судно все же пойдет ко дну, я первый прикажу его покинуть. Держитесь, ребята, и верьте своему капитану.

Хоть сложившаяся ситуация и не была окончательно безнадежной, от этого положение не становилось менее ужасным. Выдержит ли «Годавери» в течение целой ночи натиск волн, хлещущих со страшной силой с правого борта? Что будет, если корабль внезапно вырвет из расщелины, где он застрял, или под напором неустанно обрушивающихся на него водяных гор лопнет обшивка? Наконец, что станет с людьми, если обрушится фок-мачта, которая и так уже держится на честном слове? Ведь на борту осталось всего две шлюпки, так как все остальные последовали за грот- и за бизань-мачтами. Каким образом удаст-

* Лечь в дрейф — поставить паруса таким образом, чтобы судно оставалось на месте.

ся спустить на воду эти тяжелые челны, если из-за отсутствия фок-мачты нельзя будет использовать грузоподъемник?

Матросы, успокоившись при виде оборудованных и подготовленных к немедленному спуску шлюпок, наконец решили поесть и отдохнуть.

В это время капитан, оставшийся на мостике в течение суток, направился к покоям девушки, которую ни на миг не покидали ни стойкость, ни самообладание. Необходимо было подготовить ее к тому, что придется покинуть корабль.

— Так, значит,— встретила она его чарующей улыбкой,— мы уже не идем в Сингапур?

— Увы, нет...

— Вы говорите об этом с таким сокрушенным видом!

— Если бы я был один, я бестрепетно примирился бы с создавшейся ситуацией. Но ее развязка может оказаться для вас ужасной!

— Разве ситуация безнадежна?

— Разумеется, нет. Но меня дрожь пробирает, когда подумаю, что вам, быть может, придется высадиться на негостеприимный берег, населенный свирепыми малайцами...

— Что делать, дорогой капитан, я разделю общую судьбу.

— Но вы еще совсем дитя и к тому же больны. Вам, привыкшей к утонченной роскоши...

— Приноровиться можно ко всему. И, знаете, может быть, это иллюзия, но мне кажется, что я уже совершенно здорова. Если наше путешествие не принесет нам никакого иного ущерба, кроме материального, то я буду считать, что дешево заплатила за исцеление. К тому же бабушка богат.

И так как офицер, пораженный подобным хладнокровием, коренившимся, быть может, в полной беспечности и неведении опасности, не мог произнести ни слова, девушка продолжала:

— Значит, договорились. Раз уж мы потерпели кораблекрушение, то покинем эту бедную «Годавери»... Я часто читала в приключенческих романах описания подобных несчастий, и они всегда вызывали у меня слезы. Вот уж не предполагала, что сама смогу оказаться в таком же положении! Скажите, капитан, а как пассажиры и команда покидают тонущий корабль?

— Все очень просто, мадемуазель. Если вам повезло

и есть небольшая отсрочка во времени, то в шлюпки грузят провизию, воду, оружие, палатки, навигационные приборы и так далее. Первыми в лодки спускаются пассажиры, если таковые имеются на борту, женщины и дети, затем матросы, сперва — новички, потом старшие, а за ними офицеры. Первый и второй помощники садятся в первую шлюпку — и вперед! Остальные матросы, боцманы и третий помощник занимают вторую шлюпку. Последним покидает тонущий корабль капитан.

— Значит, я, как пассажирка, займу со своими служанками место в первой шлюпке?

— Безусловно.

— А если я не желаю?

— Придется.

— Повторяю, не же-ла-ю!

— Даже если я вынужден буду применить силу, вы сидите в шлюпку первой!

— А я, даже если мне придется броситься в воду, заявляю вам, что спущусь в лодку предпоследней.

— Но это же безумие!

— Может быть. Но и в безумии есть здравый смысл. Я успела заметить некоторые признаки нарушения субординации*, а в какой-то момент это может породить панику. В силу своих обязанностей вы должны последним сойти с корабля. Мое же положение обязывает подумать о собственной безопасности лишь после того, как в безопасности окажутся мои служащие. Нимало не сомневаюсь, что одно ваше присутствие обеспечит полный порядок, но я также убеждена, что подаваемый мной пример поможет этим людям не забыть о своем долге.

В тот миг, когда охваченный восторгом и нежностью при виде такой твердости духа и пораженный неожиданным проявлением столь сильного характера капитан откланивался, по всему кораблю раздались крики ужаса:

— Течь!.. Течь!..

Паника оказалась несколько преждевременной. «Годавери», стонущая от грозных и частых ударов волн, стала медленно оседать на корму.

— Не беспокойтесь обо мне, капитан,— серьезно сказала девушка.— Идите туда, куда вас призывает ваш долг, я буду рядом.

Море все еще оставалось бурным. Но так как валы накатывали с правого борта, с левого — волнение было

* Субординация — подчинение младших чинов старшим.

относительно спокойным. Из-за этого случайного обстоятельства спуск шлюпок на воду имел некоторые шансы на успех. Капитан, желая как можно больше обезопасить предстоящую операцию, велел подать на палубу несколько тонн ворвани*. В тот момент, когда поднятая на таях первая шлюпка зависла над бортовыми кочными сетками, он приказал вылить тонну масла в бушующие волны. Вмиг вся площадь, покрытая тонкой жировой пленкой, как по волшебству, обратилась в морскую гладь.

Не сильно раскачивая, лодку опустили на воду так быстро, что ее экипаж не смог сдержать восторженных криков. Еще один бочонок с машинным маслом поставили на носу лодки. Бочоночную втулку загоя вынули, а в отверстие вставили ручной насос. Один из матросов его безостановочно качал, и струйка масла в мгновение ока растекалась вокруг шлюпки, образуя нечто вроде тихого озерца посреди бушующей стихии.

«Годавери» оседала все ниже. Вот корабль завибрировал и стал задевать дно кормовой частью киля. Мгновения были драгоценны, минута равнялась часу. Капитан приказал повторить операцию, только что так успешно произведенную. Топорами прорубили бочонки и с левого борта вылили в воду еще одну тонну масла. Эвакуация производилась методично, без спешки и без малейших признаков беспорядка.

Люди, полные доверия к командиру, предоставившему убедительные доказательства своего мастерства, от всей души восхищались героической девушкой, отказавшейся от своих привилегий и не пожелавшей покинуть корабль, пока остальные не будут в безопасности.

Такое беззаветное самоотречение дало свои плоды, благодаря нему удалось избежать какого бы то ни было беспорядка. Никто не посмел или не смог думать о себе в такой драматический момент, когда достаточно было одного слова, одного жеста для того, чтобы у каждого разгорелись притязания и самое чудовищное себялюбие дало о себе знать.

Окинув палубу быстрым взглядом, Кристиан убедился, что они с Анной остались вдвоем на корабле.

— Ваша очередь! — кратко бросил он, поддерживая ее могучей рукой и выжидая момент, когда в перерыве между двумя волнами лодка подойдет как можно ближе

* Ворвань — вытопленный жир морских животных, используемый как смазочный материал.

к планширу. И так как матросы, боясь, чтобы шлюпка не разбилась о корпус судна, стравили трос, он крикнул:

— Крепче держи швартовы!

То ли по чьему-то злому умыслу, то ли из-за невозможности удержаться, но, казалось, расстояние между шлюпкой и тонущим кораблем стало увеличиваться.

— Крепче держи швартовы! — в свою очередь, громовым голосом скомандовал третий помощник, содрогаясь от ужаса при мысли, какой опасности подвергаются капитан и девушка.

Страшный треск заглушил его слова. С чрезвычайной силой судно чиркнуло по дну кормовой частью киля. Уже давно треснувшая фок-мачта не смогла выдержать этого удара: она сломалась на высоте менее метра от палубы и, разрывая ванты и штаги, рухнула по правому борту, в щепы раздавив шлюпку.

Те из находившихся в шлюпке, кто не был убит на месте, были сброшены в море и, увлекаемые течением, барахтались в воде, отчаянно цепляясь за обломки. Сраженная этой непредвиденной катастрофой, смутно понимая, что единственный путь к спасению отрезан, бедная девушка отшатнулась и бросила на своего спутника растерянный взгляд.

— Держитесь! — воскликнул офицер, готовый в одиночку бороться против невозможного.

Молодой человек мучительно искал в своем изобретательном мозгу, где хранилось множество способов выхода из тупиковых ситуаций, одно-единственное средство, позволяющее вырвать у подступившей со всех сторон смерти это хрупкое создание, более драгоценное для него, — в этот ужасный миг он наконец решился себе в этом признаться, — чем что бы то ни было в целом мире. Но было уже поздно принимать какие-нибудь меры. Оставались считанные секунды. Внезапно валы перекатали судно с борта на борт, корма резко взлетела и упала...

— Вода!.. Вода!.. — закричала девушка.

Капитан почувствовал, как палуба ушла у него из-под ног. Он понял, что сжатый внутри корабля воздух вскоре, сметая все преграды, со взрывом вырвется на волю. Девушка, которой до сих пор ни разу не изменяло мужество, почувствовала внезапный приступ отчаяния. Тяжело дыша, прижав к груди судорожно сжатые руки, она горестно воскликнула:

— Кристиан! Брат мой, друг мой! Ко мне, Кристиан! Ко мне!

— О, я спасу вас! — воскликнул офицер и, не теряя ни секунды, обхватил Анну левой рукой за талию и вместе с ней устремился в пучину.

Сильный, как гладиатор*, неустомимый пловец, капитан Кристиан, поддерживая свою слабо сопротивлявшуюся спутницу, поспешил отплыть как можно дальше от тонущей «Годавери» — было важно избежать взрыва сжатого под палубой воздуха и воронки, образующейся на месте погружения корпуса.

Молодой человек имел все основания предполагать, что берег близок. Он отдался береговому течению, удивляясь и огорчаясь тому, что они не встретились ни с кем из упавших в воду матросов. Неужто же пассажиры второй шлюпки погибли все до единого?

Не успел Кристиан с девушкой отплыть метров на двести от скалы, на которую напоролось судно, как раздался сильный взрыв. Веер обломков взлетел в воздух, к счастью, не задев пловцов. Отжила свое «Годавери»!

Только теперь капитан вспомнил о сокровищах, находившихся на судне, — о шкатулке с бриллиантами, хранившейся в сейфе у него в каюте, о чеках, подписанных господином Синтезом. Он совсем позабыл обо всем этом во время череды ужасных событий, длившихся сорок восемь часов. Бриллианты были бы легким грузом, бесполезным, кстати говоря, если попадешь в дикие места. Да разве дело в бриллиантах и в богатствах?! Сперва следовало добратся до какой угодно земли! А она ускользала. Силы несчастного капитана были на исходе. Девушка не подает признаков жизни...

Небо прояснилось, заблестели звезды, ветер все слабел и слабел, но море еще волновалось. Вот уже час продолжалась эта отчаянная борьба, и Кристиан в страхе чувствовал, что тело его начинает цепенеть, ему становилось трудно координировать свои движения, но он ценой невероятных усилий продвигался вперед. Ах, если бы схватиться за какую-нибудь рею, обломок, доску, за что угодно!

— Вперед, — говорил он себе, — я выдержу еще десять минут!

При виде своей неподвижной спутницы его пронзил мучительный страх. Он испугался, что держит в руках мертвое тело. Текли минуты. Росла усталость.

* Гладиатор — в Древнем Риме гладиаторами называли бойцов, которые на арене цирка дрались перед зрителями между собой или сражались с дикими зверями.

— Не могу больше.. Нет, я выдержу... Как ужасно вот так умирать вдвоем! Еще! Держись!..

Бедняга захлебывался, всплывал, набирал полные легкие воздуха, делал еще несколько взмахов, снова его накрывало волной, но девушку он не выпускал, и прибой нес их к берегу. Тоска утопающего охватила его, молодому человеку казалось, что каждый волос на голове превратился у него в раскаленную иглу. Страшное рыдание вырвалось из его груди:

— Да буду я проклят, раз не могу ее спасти!

Затем, желая последним героическим усилием хоть на секунду продлить жизнь бедной девочки, он поднял ее над волнами и прошептал безумные слова прощания...

ГЛАВА 8

*Впечатления французского исследователя.— Девственный лес днем и ночью.— Стоянка потерпевших кораблекрушение.— Брат и сестра.— Сестренка просит всего лишь слона и эскорт.— Потеряв «Годавери».— На илистой отмели.— На суше.— Первый завтрак.— Устрицы с черной ризофоры и корень *arum esculentum*.— Невзгоды и мужество.— Средства к существованию.— Затонувшая пирога.— И капитан и команда.— Спуск на воду.— Пойман угорь.— Последние патроны.— Огонь! — Способ, заимствованный у дикарей.— Вперед!*

...Сначала дорога, гладкая, как шоссе, капризно извивалась среди болот, где росли камыши и лотосы*. Затем местность постепенно пошла в гору, путь стал шире, болота исчезли. На смену лотосам, камышам и всей роскоши водяной флоры пришли нежно-зеленые рощицы бамбука с его упругими стволами, росшего пышными букетами.

Речка причудливо петляла по этому бесконечному лесу и текла на восток, к далеким горам, ее голубоватый силуэт был едва различим в темной массе зелени. После бамбуковых зарослей пошли гигантские деревья, чьи кроны высоко над землей образовывали зеленые купола, через которые не проникали солнечные лучи.

Стволы колоссов обвили лианы — повсюду лианы! — грациозные и в то же время устрашающие странные растения. Они поднимались, опускались, висели, раскачива-

* Лотосы — красиво цветущие водные растения семейства лотовых (два вида).

лись, переходили с одного ствола на другой; то круглые, то плоские, то гладкие, то колючие, зеленые, белые, темные, похожие на легкие ленточки или на толстые канаты, извивавшиеся, как удавы, сжимавшие в своих нерасторжимых объятиях могучие столетние деревья. -

Если взглянуть в это зеленое царство, то невольно залюбуешься красотой форм и яркостью красок расстилавшихся пестрым ковром растений; папоротники отливали голубизной и поблескивали словно металлические, снопы орхидей лепились на стволах; на ветвях больших деревьев, цветы — повсюду.

Такой увидел малазийскую природу наш выдающийся соотечественник Бро де Сен-Поль Лиас*, такой он ее красноречиво живописал. Вот почему автору захотелось дословно воспроизвести в нескольких предыдущих абзацах его правдивое и свежее описание.

Но хотя эта реалистическая и ничуть не льстивая картина с ее буйными красками и вызывает в нас восхищение, даже изумление, не должны ли мы все-таки задаться вопросом: а как же человек? Где он? Кем он стал в этом огромном Эдеме?**

Давайте еще раз послушаем автора «Путешествия по полуострову Малайзия». И вы поймете, каков контраст между экваториальной ночью и солнечным днем, льющим свои лучи на девственный лес. А тогда сами судите о положении крошечного человека, затерянного в этой безмерности.

...Среди густых теней луна там и сям высвечивает то огромный букет орхидей, то белоснежную лиану, протянувшуюся с одного берега ручья на другой, то ствол упавшего дерева, то большой клубок ветвей ротанговой пальмы, принимающей в холодном лунном свете самые причудливые формы. Порой ветка, покрытая узорной листвой, колышется под ветром, и можно подумать, что на вас, то приближаясь, то исчезая, движется привидение. Светлячки кажутся вам глазами хищника: а вдруг это тигр? В этих местах такое более чем вероятно...

В быстро сгущающихся сумерках ухо приобретает особую чуткость и человек часами ловит разнообразнейшие

* Бро де Сен-Поль Лиасу, путешественнику и моему отважному другу, наша страна обязана тем, что мирным путем французское влияние распространилось так далеко на Дальний Восток. (Примеч. авт.)

** Эдем — в библейской мифологии страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения; синоним рая.

шорохи, стараясь проникнуть в тайны ночной жизни, пришедшей на смену дневному оживлению. Голоса некоторых из обитателей этих лесов звучат с такой настойчивостью, что образуют нечто вроде постоянного аккомпанемента; земноводное всю ночь повторяет четыре музыкальные ноты, которые мог бы сыграть флейтист; время от времени большая ящерица хрипло перекачивает свои шесть-семь отчетливых слогов; вдали слышится что-то вроде жалобного стона, иногда отчаянный крик наводит на мысль об ужасной драме — это кричат мартышки; раздается пронзительный свист, похожий на звуки медного рожка, — это голос либо самого маленького, либо самого большого животного — свистящего насекомого или слона. Иногда слышится глухое ворчание, напоминающее самую басовую ноту органа, и от этого тремоло дрожат деревья. Это тоже слон, но слон рассерженный; в ярости его крик ужасен, ничего страшнее и быть не может. А издали доносятся звуки, которые можно назвать «небесными голосами», и кажется, что выше самых больших деревьев в небо взлетают стаи белых птиц...

...Тем временем луна скрылась за силуэтами гигантских деревьев. Стало темно, как в пещере. Глазу не на чем отдохнуть — исчезли даже смутные картины, освещавшиеся бледным лунным светом владычицы ночей. Кругом царил непроницаемый мрак, хоть глаз выколи.

Все звуки стали еще страшнее. Перенапряженный слух тщился различить каждый шорох, невольная дрожь пробирала даже самых храбрых. Что это — бесшумный шаг кошки, или огромное насекомое ползло по стеблю, или под цветами пробиралась рептилия?

Однако кошмар человека, который не спал ночью в джунглях, близился к концу. Тягостные часы истекали. Вот уже бео* весело сообщил, что скоро встанет солнце. Смолкли ночные птицы. Широкая пурпурная полоса появилась над самыми высокими верхушками деревьев, истошно закричали попугаи, быстро хлопая крыльями, взлетели в небо стайки зеленых голубей, обезьяны занялись гимнастикой, прыгая с лианы на лиану.

На берегу реки, повитой молочным туманом, под старой смоковницей, на подстилке из листьев, положив голо-

* Разновидность большого черного дрозда. Прекрасно поддается приручению и превосходно имитирует человеческий голос. (Примеч. авт.)

ву на руку, сладко спала женщина. Вооружась толстой веткой, имеющей форму рогатины, мужчина бодрствовал возле небольшого кострища, над которым уже вилась тоненькая струйка дыма. Бледный, растрепанный, в порванной одежде, он с тоской глядел, как отблески разгорающегося пламени падали на красивое девичье лицо, обрамленное белокурыми локонами. Она проснулась, ежась от утреннего холода, и с улыбкой сказала тоном нежного упрека:

— Кристиан, брат, ты по-прежнему на ногах?

— Разве не моя обязанность доставлять вам все необходимое, добывать скудную пищу, оберегать ваш сон...

— И умереть, не выдержав всех этих трудов?

— Дорогая сестричка, вы преувеличиваете!

— Он говорит, что я преувеличиваю, а сам в течение пяти дней и пяти ночей не давал себе ни секунды передышки!

— Я совершенно не устал, уверяю вас. Вы не поверите, какой запас прочности имеют моряки.

— Не надо злоупотреблять выносливостью, если вы не хотите погибнуть в этом нескончаемом лесу. Разве нам следует торопиться?

— Увы, времени у нас более чем достаточно...

— Наш запас продовольствия уже истощился?

— Да, почти. Осталась дюжина испеченных в золе голубиных яиц, и... и больше ничего...

— В крайнем случае можно протянуть денек, хоть и впроголодь. А у меня, с тех пор как мы стали робинзонами из Малакки, разыгрался прекрасный аппетит.

— Мы наверняка отыщем какие-нибудь фрукты. Добудем ящерицу... или черепаху... или рыбу поймаем...

— Все что угодно, друг мой. Любое предложенное вами меню будет встречено благосклонно. Как и любой из способов приготовления пищи.

— Милая сестренка, я восхищаюсь твердостью, с которой вы встречаете обрушившиеся на нас ужасные несчастья и переносите усталость и наше почти безнадежное положение...

— В этом нет моей заслуги! Меня не мучают никакие недомогания, температура у меня нормальная, а спала бы я лучше, чем в собственной спальне, если бы так сильно не боялась всех этих противных зверей, поднимающих по ночам ужасную возню. Но и к ней я вскоре привыкну.

— Значит, вы ни о чем не жалеете?

— Ну, это как сказать! Если бы я была спокойна за судьбу наших товарищей по несчастью, если бы не произошло катастрофы с «Индом», то жалела бы я только об одном.

— О чем же?

— О том, что у меня нету прекрасного слона и эскорта* — очень хотелось бы со всеми удобствами пересечь Малайзийский полуостров.

— Боже, ну что вы такое говорите! — не мог не рассмеяться Кристиан в ответ на подобное неожиданное заявление.

— Но за неимением слона я удовлетворюсь захудалой пирогой**, в которой вы в одном лице и капитан и команда.

— А как вы поступите, когда река перестанет быть судоходной и придется идти пешком?

— Возьму вас под руку, и мы пойдем, там-сям собирая ягоды, как школьники на каникулах. И будем так брести, пока не достигнем цели нашего путешествия.

— Чтoб дойти до Перака, нужно пересечь весь полуостров Малакка.

— А ведь он довольно широк, не так ли?

— Приблизительно двести шестьдесят километров.

— Мы идем уже пять дней.

— Если считать по пятнадцать километров в день, мы прошли шестьдесят.

— Значит, осталось двести?

— Чтoб их преодолеть, нам понадобится, если не случится ничего неожиданного, не менее двух недель.

— Ну что ж! Две недели так две недели!

Не то по неведению, не то благодаря силе характера, но девушка не боялась трудностей пути и твердо верила в возможность спасения. По правде говоря, по сравнению с предшествовавшими трагическими событиями положение наших героев, несмотря на опасности, грозившие им каждую минуту в этой дикой местности, можно было назвать завидным.

Напомним душераздирающий эпизод гибели «Годавери». Под натиском сжатого в трюмах воздуха пароход взорвался. От него ничего не осталось. Все обломки унесло течением. Капитан Кристиан вместе с девушкой плыл

* Эскорт — почетное сопровождение.

** Пирогa — лодка, выдолбленная из ствола дерева.

к берегу. Обессилев от бесплодной борьбы с разъяренными волнами, он почувствовал, что тонет, и инстинктивно приподнял бедное дитя над водой. О счастье! Под ногами, на глубине менее двух морских сажень*, была земля.

К Кристиану тотчас же вернулись силы; оттолкнувшись ногами ото дна, он, полузадохнувшийся, всплыл и услышал вблизи хорошо знакомый звук прибоя. Молодой человек ринулся вперед, выбрал промежуток между двумя гребнями, его снова накрыло волной, но он все же успел схватиться рукой за корень какого-то дерева.

Стоя по плечи в воде, не зная, будет ли еще подниматься ее уровень, Кристиан поспешил с помощью ремня привязать девушку к этому корню. Затем с минуту постоял, не столько готовя себя к новой неудаче, сколько для того, чтобы проверить состояние прилива. Уровень не изменился. Опасность миновала. Минут через семь-восемь начнется отлив. Боясь провалиться в какую-нибудь яму, капитан решил дожидаться рассвета.

Вода вокруг себя руками, молодой человек нащупал и другие, очень широко разросшиеся корни, образующие снизу ствола нечто вроде пьедестала. В дереве он узнал черную ризофору**. Опасаясь довольно сильного течения, образующегося при отливе, вне себя от беспокойства за девушку, все еще не пришедшую в сознание, Кристиан уцепился за корни. Вода убывала. Умирая от жажды, он поднес к губам пригоршню воды и вскрикнул от радости. Вода была почти совсем пресная.

По счастливой случайности потерпевшие кораблекрушение очутились в дельте реки. Жадными глотками офицерпил эту теплую, взбаламученную воду, и она казалась ему вкусной! Сколь бы неудобной ни была занимаемая им позиция, он стремился оказать помощь бедной девушке. Но тут с ее губ сорвался тихий стон.

— Наконец-то! Она жива! — вскричал молодой человек потеряв голову от радости.

Забрезжил рассвет. Можно было различить широкое речное устье, заросшее деревьями с серо-зелеными кронами, илистое дно, где барахтались маленькие голубые крабы.

Желая как можно скорее выбраться из своего ужасного положения, капитан взобрался по корням черной ризофо-

* Морская сажень равна 1 м 62 см.

** Ризофора — корневидный вырост на побегах некоторых растений; достигнув земли, ризофора проникает в почву.

ры, сослужившей ему добрую службу, обломил ветку, поспешно вернулся к продолжавшей стонать Анне, подхватил ее и за четверть часа сверхчеловеческих усилий, прощупывая дно палкой, донес свою спутницу до суши. Ноги у него подкашивались, он боялся, что в любую секунду может рухнуть на землю.

— Пить! — прошептала девушка.

— Что же мне делать! — в отчаянии пробормотал моряк, думая, что ему снова придется преодолеть покрытую илом отмель. — В чем донести воду? — Машинально его горестный взгляд остановился на дереве арум с серобелыми полураспустившимися цветами, напоминавшими чаши, внутри которых переливалась и сверкала прозрачная роса.

— Вода! Вот вода! — закричал Кристиан, вмиг переходя от отчаяния к пылкой радости.

Эти несколько капель возвратили его спутницу к жизни.

— Спасена! Спасена вами! — нежно прошептала она. — А все остальные?

— Здесь нас только двое. Однако я надеюсь, что им удалось доплыть до берега. Быть может, их положение менее шатко, чем наше...

— У нас не осталось никаких средств к существованию?

— Абсолютно никаких.

— И мы промокли до нитки. К счастью, скоро взойдет солнце.

— Необходимо прикрыть голову листьями, чтобы не получить солнечный удар.

— Эти первые лучи мне на пользу — ведь я так замёрзла... А сейчас...

— Что — сейчас?

— Сказать откровенно? Я умираю от голода...

— Я попробую что-нибудь раздобыть.

— Это нелегко, не правда ли? Будет трудно, мне в особенности, приноровиться к нашему новому положению — положению людей, потерпевших кораблекрушение.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы облегчить для вас эту ситуацию.

— Не сомневаюсь, друг мой. И этим вы мне окажете огромную услугу. Вы и представить себе не можете, как я нерасторопна, как неопытна. Дедушка очень добр, но не разумнее ли было бы, вместо того чтобы потакать капри-

зам избалованного ребенка, подготовить меня к разным жизненным обстоятельствам. Подумать только, я ведь и бифштекса толком не сумею поджарить.

— О, мадемуазель, поджарить бифштекс — это весьма сложная операция, тем более в сложившейся ситуации.

— Прежде всего, дорогой мой спаситель, прошу вас оставить это церемонное обращение «мадемуазель». Смотрите на меня как на сестру и любите меня по-братски. Вы это заслужили, правда? Теперь вы — мой брат.

— Да, мадемуазель!

— Вы опять за свое! Итак, давайте, брат, проведем смотр наших ресурсов. У меня есть носовой платок, бусы... бусы... Вот и все. А у вас?

— У меня есть нож. Прекрасный нож со многими лезвиями, настоящее сокровище.

— Действительно это драгоценность, — засмеялась девушка.

— Еще часы... Правда, полные морской воды. Затем револьвер с целой обоймой.

— Чтобы защищать нас от хищников?

— Но обойма, должно быть, промокла так же, как и часы. Затем четыре дуката* в жилетном кармане.

— Золото! Лучше бы там был бисквит...

— Но я надеюсь, мы все-таки будем завтракать...

— Надеюсь. В романах жертвы кораблекрушения после чудесного спасения всегда садятся завтракать.

— Позвольте, я отлучусь минут на десять.

— Позволю. Но не могу ли я пойти с вами?

— Нет, это невозможно! — ответил капитан и смело ринулся на илстую отмель.

Вскоре он вернулся, сияющий, торжествующий, неся на плече вязанку тонких корней черной ризофоры с лепившимися на них неправильной формы устрицами. Такие устрицы, живущие в солоноватой воде, безвкусны и требуют приправ — соли, перца или лимонного сока. Без специй есть их трудно. Но голод — лучший повар!

Укрывшись в бамбуковых зарослях, наши друзья по-братски разделили эту скудную трапезу, сожалея, увы, об отсутствии какой-либо растительной пищи — грозди бананов или плодов хлебного дерева.

Вдруг капитан заметил, что арум, в чьем цветке так кстати сохранилась роса, очень похож на растение, охотно употребляемое индусами в пищу. Он ножом разрыхлил

* Шведский дукат равен 11,66 франка.

землю вокруг стебля, извлек на свет Божий толстый луковичный корень, очистил его, разрезал на кусочки и не без удовольствия принялся грызть.

— Это *colocasia*. Я когда-то пробовал ее в джунглях. По вкусу она напоминает репу. Держите, сестричка, попробуйте.

— Вкусно и очень подходит к устрицам.

После этого завтрака, длившегося довольно долго из-за того, что каждую устрицу приходилось вскрывать, чтобы не сломать нож, очень осторожно, офицер спросил:

— Вы чувствуете себя лучше?

— Намного! И, во всяком случае, сейчас я не голодна. Одежда почти высохла, и у меня появились силы идти.

— Подождите немного. Пока продолжается отлив, я вернусь к черной ризофоре, наберу устриц и крабов на обед. До завтра мы будем обеспечены, а там уж примем какое-либо решение.

Сказав это, молодой человек незамедлительно отправился к илистой отмели. Но, не пройдя и двадцати шагов, он оступился и чуть не растянулся посреди наносной грязи. Увидя, что стало причиной его неловкости, КристIAN, позабыв и о моллюсках, и о будущем обеде, встал на ноги, нагнулся и изо всех сил начал дергать и тащить на себя лежащий на дне предмет.

— Ура! Вот находка так находка! — закричал он.

И, не обращая внимания на ил, перепачкавшись с ног до головы, моряк, прилагая огромные усилия, вытащил на поверхность маленькую узкую пирогу длиной метра три, затонувшую, по всей видимости, уже давно.

— Сестричка, это пирога! Я сейчас перетащу ее на сушу и хорошенько почищу.

— О, какое счастье! — с детской радостью воскликнула девушка.

— Не подходите ко мне, я грязен, как конопатчик!

Не теряя ни минуты, капитан стал вычерпывать ил из лодки и протирать ее листьями бамбука. Он очистил лодку, проконопатил и, убедившись, что она не протекает, сказал:

— Вот на чем мы пойдем по реке против течения и достигнем горной гряды, которая, словно позвоночный столб, тянется через весь Малайзийский полуостров. А теперь мне надо соорудить массивный гребок или, если успею, пару весел, а затем вернуться на отмель

в поисках обеда. После чего дождусь прилива, чтоб выкупаться и смыть с себя слой грязи, сделавший меня похожим на амфибию*.

Молодой человек действовал так споро, что через шесть часов пирогу удалось спустить на воду и, воспользовавшись поднимающимся приливом, отправиться в путь. Подталкиваемая естественным приливным течением вверх от гирла, пирога преодолела довольно большой отрезок реки и продвинулась довольно далеко в глубь континента. Приближающаяся ночь прервала эту навигацию, бывшую не такой уж и тяжелой.

Когда снова дал о себе знать морской отлив, капитан вытащил пирогу на берег и, выстелив ее листьями папоротника, соорудил что-то вроде колыбели для своей спутницы. Ужин опять состоял из устриц и корней *colocasia*.

Наступила ночь. Девушка уютно устроилась на мягкой подстилке из листьев, а офицер, страж столь же бдительный, сколь и преданный, охранял ее до самого рассвета.

На следующее утро они вновь тронулись в путь, естественно, натошак, но надеясь, что счастливый случай поможет им раздобыть какую-нибудь пищу. Случай этот представился в виде толстого угря, которого капитан оглушил ударом гребка и, извивающегося, выбросил на берег. Угорь очень вкусен под винным соусом, под соусом тартар или даже просто испеченный на углях. Но для этого нужен огонь. А жевать сырым это тяжелое, жесткое, волокнистое мясо — уж лучше с голоду умереть!

Огонь! Туземцы всех стран добывают его путем энергичного трения двух кусков дерева. Но этот способ неизвестен большинству европейцев и, кроме того, он требует применения особых масел, которые тоже не везде встречаются.

В большом замешательстве капитан смотрел, как угорь с перебитым хребтом конвульсивно вьется в траве. Внезапно моряк хлопнул себя по лбу характерным жестом человека, осененного какой-то мыслью.

— Ба,— вслух продолжил он свои размышления,— давайте-ка попробуем.

Вынув из кожаной кобуры револьвер, весь покрытый ржавчиной от морской воды, Кристиан достал из барабана патрон, зубами вытащил пулю из медной гильзы и высыпал на ладонь, к счастью, оказавшийся сухим, порох.

* Амфибия — то же, что земноводное животное, ведущее водно-наземный образ жизни (лягушка, жаба, тритон).

— Вы никак не можете обойтись без вашего платочка, сестренка?

— Конечно нет. Я тем более им дорожу, что он у меня единственный.

— Тем не менее соблаговолите оторвать от него кусочек величиной в ладонь, повыдергайте из него нитки, как будто щиплете корпию, и положите их на солнце — пусть просохнут. Это нужно для того, чтобы изжарить угря, — добавил он поощрительным тоном.

Пока девушка занималась этой работой, Кристиан принялся собирать тоненькие сухие ветки, предпочитая смолистые породы деревьев. Все это он сложил в кучу, на верхушку костра положил нити, выдернутые из тонкой ткани, и посыпал их порошком из патрона.

Щепотку пороха капитан оставил в гильзе для того, чтобы способствовать возгоранию всего костра, если запал займет, когда будет спущен курок. Волнуясь больше, чем нужно для выполнения такого в принципе заурядного дела, молодой человек зарядил револьвер, уперся дулом в спутанные нити и нажал на спуск. Раздался негромкий выстрел, порох мигом загорелся, от ткани пошел дымок, нити обуглились.

Осторожно раздув пламя, чихая и кашляя от дыма, Кристиан радостно воскликнул:

— Сестренка! Мы будем есть жареного угря!

Итак, в распоряжении офицера осталось пять патронов, то есть возможность разводить огонь в течение пяти дней, если предположить, что ни один патрон не поврежден. Но если они все повреждены, то...

Кристиан знал, что многие дикие племена умудряются перевозить огонь в своих пирогах. Чтобы тлеющие угли не прожгли корпус челнока, они на носу или на корме кладут плотный слой глины. Засыпанные пеплом головешки могут сохранять жар довольно длительное время.

Капитану превосходным образом удалось симитировать способ дикарей, но девушке пришлось отказаться от ночевки в лодке, поскольку подстилка из сухих листьев не выдержала бы соседства с тлеющими углями.

Невзирая на неустроенность, на мучительную усталость от трудного путешествия, здоровье друзей было в относительном порядке. Так они и плыли по реке в течение пяти дней, не встретив по пути ни единой живой души, ни единого следа, оставленного человеком.

Вот тогда-то, наутро после одной из переполненных шумами ночей, мы и повстречались с ними. Отважные, как

всегда, даже веселые, они готовились совершить, казалось бы, невозможное, во всяком случае для восемнадцатилетней девушки, путешествие — пересечь с востока на запад полуостров Малакка.

ГЛАВА 9

Одиночество.— Клевета, возводимая на малайцев.— Оранги с Малакки.— Бесплодные джунгли.— Голод.— Героизм капитана Кристиана.— Один!— Упадок сил.— Страхи.— Снова вместе.— Бессилие.— Напрасные поиски.— Обречены жевать молодые побеги бамбука.— Пожар в пироге.— Сон.— Бред.— Лихорадка.— Приступ малярии.— Страшное пробуждение.— Безумный страх.— «Он умирает!» — Началась реакция.— Странное появление.— Те, кого они опасались встретить.— Взаимно удивлены.— Лесные люди.

Такой план — пересечь с востока на запад полуостров Малакка — был для двух потерпевших, несмотря на всевозможные трудности, единственно приемлемым.

Капитан Кристиан не знал, где именно их выбросило на берег, но он был уверен, что они не могли далеко уклониться от 5-й северной параллели, а значит, идя все время на запад, можно достигнуть английской колонии в Пераке, расположенной как раз между 4-й и 5-й параллелями.

Речь шла, как мы уже сказали, о том, чтобы преодолеть напрямик около трехсот километров, не имея пищевых запасов, терпя всевозможные лишения, без необходимого в подобных путешествиях многочисленного сопровождения, выючных животных и так далее.

О том, чтобы оставаться на месте кораблекрушения и ожидать более чем маловероятного появления какого-нибудь судна, нечего было и думать, ведь этот район, где в воздухе витали миазмы малярии, был отдален от любого человеческого жилья, лишен каких бы то ни было коммуникаций и не давал путникам даже тех жалких средств к существованию, которые порой попадались им в джунглях.

Но одно обстоятельство удивляло и беспокоило капитана так, что он сам себе боялся в этом признаться. Это полное отсутствие жилья в то время, как полуостров Малакка — место довольно густонаселенное. Кроме кочевых племен, которые неустанно бродят по лесам, на по-

луострове живут еще и оседлые землепашцы, расселившись по большей части на берегах рек. Почему же до сих пор никто не встретился?

Малайцы не всегда враждебно настроены по отношению к европейцам, даже наоборот. Их хозяева, — утверждает г-н А. Р. Валлас*, — клеветают, аттестуя местных жителей как людей кровожадных и хитрых. В частности, обитателей полуострова расписывали потомственными пиратами, живущими грабежом и мошенничеством. Безусловно, прибрежные острова часто служили прибежищем для корсаров, особенно когда европейцы науськивали туземные племена одно на другое и вооружали их. Но основная масса населения за истекший исторический период всегда состояла из мирных крестьян. Часто англичане, оправдывая свои вылазки против них, называли малайцев пиратами. Внутренние таможи у полосы прилива, в местах слияния рек, на горных перевалах выдавались за укрепления против бандитов.

В нормальных условиях малаец — наиболее общительный и спокойный из азиатов, в то же время он наиболее храбр и горд. В деревнях каждый свято блюдет права соседа — нигде больше не увидишь такого реального равенства, и, даже не будучи таким оптимистом, как выдающийся английский натуралист, можно утверждать, что в большинстве случаев европейцу легко ужиться с малайцем, правда, при неперемennom условии, что относиться к нему ты будешь приветливо, без того чванливого высокомерия, которое делает англичан столь ненавистными для побежденных народов.

Что касается дикого населения центральной части Малайзийского полуострова, то оно представлено племенами, раздробленными на бесчисленные кланы. Они носят родовые имена *оранг-бинуа* — земные люди; *оранг-утанг* — лесные люди; *оранг-букит* — горные люди; *оранг-убу* — речные люди; *оранг-дарат-лиар* — дикие люди или просто *оранг-улу* — люди из центрального района.

Ужас, который вызывают *лесные люди*, а также жестокость, с которой с ними обращались белые, породили о дикарях странные легенды. Из них сделали «хвостатых людей», живущих преимущественно на деревьях, а на землю спускающихся лишь затем, чтобы опустошать де-

* Валлас Уоллес Альфред Россел (род. 1822) — известный английский естествоиспытатель, обследовавший с 1854 года в течение восьми лет Малайский архипелаг.

ревни. Рассказывают, будто бы этот народ покрыт густой шерстью, у них клыкастые пасти, а ноги длиной в полметра с огромными когтями. Разорвав ими свою добычу, они пожирают ее сырой.

Само собой разумеется, их считают людоедами, но в конечном итоге это не самое страшное. Позже мы узнаем, что думает об этих обездоленных господин Бро де Сен-Поль Лиас, в числе прочего изучавший нравы и образ жизни местных жителей. Ему также принадлежит несколько фотографий некоторых любопытных типов.

Как бы там ни было, но Кристиан, всей душой желая встретить *земных людей*, приходил в ужас, думая об их *лесных сородичах*. Несмотря на всю свою энергию и выносливость, благодаря которой капитан выдерживал трудности путешествия, он чувствовал время от времени внезапный упадок сил и как мог скрывал эти приступы от своей спутницы. Выжить становилось все труднее. Вот уже три дня, как они почти ничего не ели; их мучил голод, силы таяли, счастливый случай, спасавший их уже неоднократно, кажется, на сей раз отвернулся от них.

Большой ошибкой было бы предполагать, будто буйная растительность тропического леса способна предоставить человеку все нужное для жизни. Годные в пищу растения нуждаются в пусть и примитивной, но хоть какой-то культуре земледелия, охота и рыбалка слишком ненадежны, а фрукты и ягоды редки и большей частью растут на недоступных деревьях. Вот почему даже самые дикие обитатели лесов засевают вырубки, сеют зерновые, собирают корни, коптят мясо и рыбу, делая запасы на случай голода. Плоды же для них всегда — всего лишь закуска.

Только австралийцы, эти горемыки, живут одной охотой да рыбной ловлей, пренебрегая земледелием и бродя куда глаза глядят с места на место по роскошным бесплодным просторам своей страны. Но даже они ежегодно собирают эвкалиптовую камодь и, приготовив специальным образом, прячут ее в разных местах, на случай голода — этого вечного врага примитивных народов.

Оранги из Малакки тоже не живут только сегодняшним днем. Они хорошо знают все скрытые богатства своего леса, заглохшие старые вырубки, где в неслыханном изобилии растут кокосы, саговые пальмы, хлебные деревья, бананы. Кроме того, прекрасно приспособившись к такому образу жизни, не только благодаря наследственности, но и ежедневному привыканию, оранги пробираются

сквозь гигантские чащи с легкостью хищников и обладают инстинктом не меньшим, чем животные. Вооруженные примитивным, но грозным в их руках оружием, они могут прокормиться, оставаясь кочевниками, хотя и у них время от времени свирепствует опустошительный голод.

Европеец же, сколь бы смел, выносив, находчив, неутомим он ни был, погибнет или в когтях хищников, или от укуса змеи, или от неизбежного голода, тем более если у него нет оружия. По сравнению с туземцем он оказывается в слишком невыгодном положении, чтобы оказывать длительное сопротивление.

Вот уже двенадцать часов во рту у бедняги офицера маковой росинки не было. Желая скрыть от своей спутницы весь ужас их положения, а также желая как можно подольше уберечь ее от мук голода, он, стараясь казаться веселым, героически предлагал девушке всю случайно раздобытую по дороге снедь.

— А вы, мой друг, что же вы не едите? — забеспокоилась она, видя, что Кристиан отказывается разделить с ней скудную трапезу.

— Благодарю, я уже поел,— улыбнулся капитан с довольным видом плотно пообедавшего человека.

— Вы меня обманываете! — От внезапного подозрения у Анны сжалось сердце.— Вы совсем не спите...

— О, мы, моряки, привыкшие стоять на вахте, в сне почти не нуждаемся.

— А теперь вы уже и не едите!..

— Извините, но ночью я поел. Признаюсь, меня охватил такой внезапный приступ голода, простительный ввиду скудости нашего рациона, что я запустил руку в нашу провизию. Поэтому совершенно естественно с моей стороны предложить вам то, что осталось.

— Однако вы так бледны!..

— Это вам кажется. Лучи солнца фильтруются сквозь зеленую листву...

— Ах, если бы все, сказанное вами, было правдой!..

— Почему «если бы», сестренка?

— Если бы вы не довели до такой степени ваше самоотречение...

— Не будем говорить об этом! Так как я намного сильнее вас, то совершенно естественно, что мой рацион в случае необходимости меньше вашего. Так поступают, когда на борту корабля не хватает продуктов или когда тебя выбрасывает на берег. Женщин и детей спасают первыми, им же отдают первый кусок.

— Какой вы добрый!

— Бог мой, не знаю... Вы придаете слишком много значения пустякам.

— Вот вы наконец и сознались, что терпите ради меня лишения!

— Ни в чем я не сознался!

— О нет, теперь я все поняла! — воскликнула бедная девушка, и глаза ее наполнились слезами. — Но неужели вы не понимаете, что наше общее несчастье необходимо делить пополам, иначе оно станет нестерпимым!

— Да, безусловно. Но следует принимать во внимание неравенство наших сил. К тому же в данный момент дискуссия сама собой закрывается — у нас не осталось ничего съестного.

— Совсем ничего?! И это впервые за восемь дней. После того, как мы, к своему счастью, нашли гнездо зеленых попугаев, а потом то фрукты, то коренья...

— Из этого следует, что мне надо немедленно отправиться на поиски, не то нам придется съесть лишь воображаемый ужин... Я вынужден оставить вас одну. Вы ведь не боитесь, правда?

— За себя? За себя нет, друг мой. Лишь бы только вы не заблудились.

— Не волнуйтесь; чтобы избежать возможной ошибки, я отмечу свой путь вехами.

— До свидания, брат. И не теряй надежды!

— До свидания, сестричка.

Но когда девушка увидела, как капитан, опираясь на палку, скрывается в зарослях, по дороге ножом кое-где обрезая мелкие ветки, присутствие духа покинуло ее. Открылся ли перед ней весь ужас ситуации, в которой она оказалась? Показалось ли ей одиночество более страшным, чем раньше? Или перевозбужденный от усталости и лишений разум не смог, как прежде, противостоять подступившему ужасу?

Сдавленные рыдания вырвались из ее груди, слезы хлынули из глаз, она бросилась на колени и, простирая руки к зеленому куполу, палимому неумолимым солнцем, душераздирающе возопила:

— Господи! Не покидай нас, Господи!

Долго длился припадок отчаяния. Она не замечала, как тянутся длинные часы. Лишь голод, ужасный приступ голода заставил ее заметить, как удлинились тени на берегу реки.

— Как долго он не возвращается! — прошептала де-

вушка, стараясь проникнуть взглядом в запутанное сплетение ветвей.— Мне страшно, я вся дрожу! Если бы он, считающий меня такой сильной и решительной, знал, что, когда его нет рядом, я пугаюсь каждого шороха, каждого хруста!.. Завтра пойду вместе с ним, чего бы это ни стоило!

Вечерело. Вскоре наступит ночь. Непроглядная ночь в лесу, от которой дрожь пробирала самых отважных. Несчастная девушка почувствовала, как страх ее увеличивается с минуты на минуту.

— О! — обезумев, зарыдала она.— Завтра... До завтра я умру от страха!..

Но ее отчаяние сменяется нервной, истерической радостью. Она слышит тяжелые шаги, шорох раздвигаемых веток.

— Кристиан! Кристиан! Это вы?!

— Анна! Я здесь, Анна!

И офицер, еще более бледный, чем раньше, в разорванной в клочья одежде, с лицом, исцарапанным колючками, изможденный, еле держась на ногах, предстал перед нею в последних отблесках вечерней зари.

— Ничего! — глухо бросил он, и в голосе его прозвучали непередаваемые ноты отчаяния.

— Не все ли равно, раз вы вернулись!

— Действительно, не все ли равно, раз вы рядом со мной! Но мне нечего дать вам поесть! Нечего! О проклятый лес, еще более беспощадный и более обманчивый, чем море!

В этот вечер, чтоб обмануть голод, они пожевали молодые побеги бамбука. Капитан едва успел соорудить на голой земле импровизированное ложе из листьев, на котором обычно спала его спутница. Слишком ослабевший, чтобы развести костер на месте ночлега, измученный бесконечными и бесполезными хождениями по лесу, он упал у подножия дерева и заснул похожим на катаlepsию* сном. Среди ночи его разбудил яркий свет, сопровождающийся едким дымом. Тяжело поднявшись, Кристиан полпелся на берег реки, в сторону света. Каково же было отчаяние капитана, увидевшего, что горит вытащенная на берег пирога.

Накануне вечером он выпустил из виду, что надо достать головешки, прикрытые пеплом и лежащие в лодке

* Катаlepsия — двигательное расстройство, застывание человека в одной позе на более или менее длительное время.

на слое глины. За несколько дней глина растрескалась, изоляция попортилась, и выдолбленная из смолистого дерева лодка запылала.

Это была непоправимая катастрофа. Ведь могло же такое случиться, что проплыви они еще несколько часов, пусть даже день, и встретилась бы им на пути деревня... А без лодчонки невозможно выбраться из этого проклятого места. Кристиан прекрасно знал все препятствия, которыми кишел лес, и понимал, что никогда женщине не преодолеть тут и там поваленные деревья, не пробраться через колючие заросли, овраги, ручьи.

— Вот и все,— горестно прошептал молодой человек,— круг замкнулся...

Он жадно выпил несколько больших глотков воды, и на несколько мгновений вода потушила сжигавший его жар, затем, шатаясь, вернулся под дерево и лег. Виски раскалывались, сердце беспорядочно колотилось, тело стало сухим и горячим, красный туман застлал глаза, мысли путались, кошмары преследовали его.

«Это горячка,— подумал моряк в минуту просветления.— Наверное, лесная лихорадка. Значит, я умру... если не от голода, то от нее». Им овладела странная болтливость, и он заговорил, смутно сознавая, что мелет какую-то чепуху. Практикующий врач сразу узнал бы приступ малярийной лихорадки, до крайности напрягающий нервы.

Девушка, погруженная в тяжелый сон, пришедший на смену бурному отчаянию истекшего дня, сначала не слышала, как стонет ее спутник. Многочисленные шумы леса, с которыми она в конце концов свылась, и жалобные стоны капитана, слившиеся с лесными звуками, не пробуждали ее ото сна. Однако перед самым рассветом, когда в джунглях на несколько мгновений воцарилась тишина, настойчивость этих бессознательных жалоб вывела ее из бесчувственного состояния.

Взволнованная, истомленная, мучимая страшным голодом, она удивилась, что друг ее еще не на ногах. Бросив вокруг себя быстрый испуганный взгляд, она увидела в трех шагах распростертое тело, услышала стон и глухой голос, произносящий ее имя...

В этот момент наступил внезапно, как это бывает в экваториальных районах, рассвет. Солнце окрасило пурпуром верхушки деревьев, как будто над лесом вспыхнул пожар. Утренний туман еще на мгновение задержался над рекой, но тут же исчез, будто подняли полупрозрачный задник театральной декорации.

Анна в ужасе вскочила, не веря своим глазам. Бледный, с блуждающим взглядом, с заостренными чертами лица и стиснутыми кулаками, капитан не видел и не слышал ее. Свистящее дыхание с трудом срывалось с посиневших губ, обильный пот заливал лоб и ручьем стекал на щеки.

Что это — неужели подкошенный неизвестной болезнью могучий и неутомимый капитан Кристиан, ее товарищ по несчастью, умирает?! Неужели это ее преданный друг, чьи нежные и изобретательные заботы до сих пор скрашивали ад, в котором она очутилась?! Анна испустила нечеловеческий крик, подхваченный эхом. Внезапно мысль о смерти предстала перед ней во всей своей ужасной реальности.

— О Боже!.. Он умирает! — пролепетала она в отчаянии.

Видеть, как на твоих глазах медленно умирает дорогое существо, наблюдать, как его черты искажает неумолимая болезнь, и чувствовать себя бессильным помочь, хотя готов перелить ему собственную кровь, отдать собственную жизнь... Что может быть ужаснее!..

Сама не зная что делает, тяжело дыша и думая, вернее, надеясь тоже умереть, девушка бросилась к больному, села рядом, положила его голову себе на колени, вытерла струящийся по лицу пот, ласково позвала по имени... Она с жадностью ловила малейшее слово, малейший жест, который свидетельствовал бы о возвращении к Кристиану проблесков сознания... Ничего!

Бедной девочке было невдомек, как внезапно накатывают приступы малярии, и она со все возрастающим отчаянием спрашивала себя, что могло вдруг подкосить ее друга. Неужели его укусила змея или какое-нибудь ядовитое насекомое? А может быть, он отравился, по неосторожности съев найденный днем плод? Если же он умирает в результате здешнего пагубного климата, усталости и лишений, то почему до сих пор жива она, существо куда более хрупкое и слабое?

Так истекли часы, хотя Анна не чувствовала ни времени, ни даже голода, чьи мучительные спазмы затмевала душевная боль. Она уже не могла надеяться даже на чудо. Однако в состоянии больного наметился некоторый перелом к лучшему. Он уже не обливается потом, а руки и ноги не были такие окоченевшие, как прежде. Дыхание, хоть все еще частое, стало менее нервным.

Кристиан спал. Вот теперь-то и надо было бы принять

срочные лечебные меры, чтобы предотвратить повторный приступ, который, только начнись, неминуемо сведет его в могилу.

Легкий шорох заставил девушку поднять голову. При любых других условиях картина, открывшаяся ее глазам, привела бы Анну в безумный ужас. Но сейчас она пребывала в таком душевном и физическом состоянии, что, появившись перед нею тигр, это бы ее не удивило и не взволновало.

— Ну что ж,— тихо прошептала внучка господина Синтеза, и ни один мускул не дрогнул на ее лице,— значит, мы уйдем вместе!

В то время, как, поглощенная своим горем, равнодушная ко всему окружающему, забыв даже о том, где находится, Анна не отрывала глаз от лица друга, ступая неслышно, по-кошачьи, к ней подкрались причудливого вида люди — человек пятнадцать, полуголых, завернутых в грубую ткань, сделанную из размяченной коры, облегающую на манер индусских лангути.

Довольно высокорослые и ладно сложенные, но очень худые, с желтоватой, с черными пятнами кожей, грязные и отвратительные с виду, они стояли неподвижно и с любопытством разглядывали девушку и ее спутника. не произнося ни единого слова. У каждого за плечами висели закрепленные на лямках корзины, содержавшие, по всей вероятности, запас провизии. И стар и млад казались в равной мере жалкими, хилыми, но за их бесстрашием, отчасти объяснимым всеобщим удивлением, не читалось ни намек на свирепость.

Дикари не были раскрашены и не имели татуировок. Лишь на некоторых из них висели бусы из черного и белого жемчуга. Их выразительные темные глаза смотрели на двух европейцев живо, но отнюдь не сурово. Цветом кожи пришельцы слегка напоминали малайцев, но, несмотря на схожесть оттенка, нетрудно было с первого взгляда различить в них представителей негроидной расы.

Все пятнадцать человек были вооружены *голоками*, *парангами**, стрелометательными трубками и колчанами из бамбука с маленькими отравленными стрелами, которыми туземцы стреляют с поразительной меткостью. После нескольких минут молчаливого созерцания они начали перешептываться и жестикулировать, указывая пальцами на

* Голок представляет собой нож с длинным лезвием в ножнах, паранг — кривой нож на длинной ручке. (Примеч. авт.)

девушку и ее спутника, продолжавшего лежать неподвижно. Затем соплеменники стали, видимо, увещевать седобородого старика с шероховатой кожей, испрашивая позволения приблизиться к белым. Тот, казалось, был категорически против, хотя его живые, несмотря на возраст, глаза горели от любопытства.

В этот момент капитан испустил долгий вздох, посмотрел на свою спутницу, которая ему грустно улыбнулась, услышал голоса, мало-помалу ставшие громче, повернул голову в их сторону, заметил пришельцев и дрогнувшим голосом прошептал:

— Анна, сестричка... Это *лесные люди!*

Конец второй части

Часть третья

ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

ГЛАВА 1

Тревожные новости.— Персонал господина Синтеза выказывает недовольство.— Великому Делу грозит опасность.— Угля больше нет.— Господин Синтез сжигает свои корабли.— Продукты питания пойдут на растопку.— Люди отныне перестанут есть.— Подземные взрывы.— Боцман Порник.— Мэтра подозревают в том, что он знает с нечистой силой.— Попалась рыбка в сети.— Боцман потрясен и усыплен.— Еще раз о гипнозе и внушении.— Порник — ассистент-зоолог! — Как господин Синтез искоренил ростки бунта.

— Что новенького, капитан? — спросил господин Синтез у Корнелиса Ван Шутена, когда один из индусов-бхили ввел временно исполняющего обязанности капитана «Анны» в покои хозяина.

— Много всякой всячины, Мэтр, даже слишком много...

Обычно хладнокровный, Ван Шутен на сей раз казался очень взволнованным.

— Э-э, дружок, так негоже! — заметил господин Синтез. — Девизом моряка должна быть знаменитая сентенция древних «*nil mirari*» — «ничему не удивляйся».

— Но мы очутились в сложном положении... — Замешательство капитана все возрастало. — В очень сложном...

— Разве лаборатории вновь угрожает опасность? Великое Дело под угрозой? Не может быть! Ваше волнение связано с чем-то иным. Всю ответственность за сохранность приборов и оборудования несут господа Фармак и Роже-Адамс.

— Речь идет не о лаборатории и не о физиологических исследованиях...

— А раз работы движутся своим чередом и Великое Дело близится к завершению, к чему беспокоиться?

— Но в том-то и дело, Мэтр, что обстоятельства, о которых я хочу с вами поговорить, могут, правда косвенно, воспрепятствовать работам и свести на нет столько усилий...

— Что же вы раньше не сказали! Говорите!

— Видите ли, Мэтр, люди поговаривают...

— Что?!

— Люди недовольны и не стесняются заявлять об этом вслух.

— В какой-то мере я их понимаю. Они находятся здесь уже семь месяцев, все на одном и том же месте, безо всяких развлечений, не видя ничего, кроме моря и неба. Неудивительно, что такая длительная стоянка вызывает некоторое недовольство. Надо следить за дисциплиной, капитан, и строго наказывать провинившихся.

— У меня десять человек в кандалах сидят, лучшие матросы...

— А боцманы?

— Они соучастники.

— Соучастники чего?

— Готовящегося бунта, цель которого — захватить корабли и, бросив лабораторию на произвол судьбы, немедленно плыть к берегам Австралии. Люди с «Ганга» тоже в заговоре. Если меня правильно информировали, бунт вспыхнет не позже чем через неделю.

Услышав эту в общем-то тревожную новость, господин Синтез, вероятно, впервые за двадцать пять лет рассмеялся, но смех его был едким и как бы ржавым — казалось, человек отвык от подобного проявления радости или иронии. Капитан, ни разу не видевший, чтобы господин Синтез хотя бы улыбнулся, сильно растерялся.

— Известны ли вам мотивы готовящегося мятежа? — Обычная суровость вернулась к господину Синтезу.

— Известны, Мэтр. Первые признаки недовольства появились в тот день, когда кончился уголь.

— Что им до этого? Полагаю, на холод они не жалуются?

— О нет, конечно. Но, видя, как в топках машин сожгли сначала пустые ящики, бочонки, гафеля*, рей**, рангоутное дерево, а потом принялись за мачты...

* Гафель — наклонный рей, закрепленный нижним концом на верхней части мачты, служит для подъема флага и сигналов.

** Рей — круглый брус, горизонтально прикрепленный за середину к мачте.

— Ну и что? Полагаю, эти корабли принадлежат мне и я могу, не спрашивая чужого мнения, превратить их в баркасы. Когда топки поглотят мачты, мы сожжем рубки, полуюты, спардеки — словом, все деревянные предметы, имеющиеся на борту. Так как по причине отсутствия «Инда» и «Годавери» в нашем распоряжении лишь такие ресурсы, мы для осуществления Великого Дела исчерпаем их до конца. Хотелось бы знать, что странного видят в этом члены моих экипажей?

— Людям кажется, что, при отсутствии на судах топлива и мачт, они не смогут вернуться домой.

— Речь идет не о возвращении, а о Великом Деле, которое ждать не может.

— Боюсь, они откажутся повиноваться.

— Для такого случая в Уложении морских законов существуют весьма суровые статьи, и мне не надо вам об этом напоминать.

— Я готов раскроить голову каждому, кто не выполнит приказа, но убежден, что таким образом спровоцирую взрыв, опасаясь...

— Опасаетесь?

— Да, Мэтр, боюсь за вас, то есть за Великое Дело...

— Ну, а прочие мотивы,— голос господина Синтеза смягчился,— каковы они?

— Люди очень жалуются на уменьшение дневного рациона.

— Быть того не может! А мне казалось, они едят слишком много. Кстати, вы навели меня на мысль, на превосходную мысль... Ветчина, копченое сало, бисквиты, сушеные овощи, кофе в зернах, консервы, копченая рыба — все это отличные энергоносители. Добавьте водку, куски просмоленных канатов, обломки дерева, и у нас появится дополнительный источник тепла.

— Мэтр!..— забормотал, опешив, капитан.

— Сообщите на камбуз,— бесстрастно продолжал господин Синтез,— что с завтрашнего, нет, с послезавтрашнего дня прекращается выдача каких бы то ни было твердых или жидких пищевых продуктов.

— Мэтр!..

— Вы поняли, не так ли? Никто на борту «Ганга» и «Анны», будь то юнга или капитан, не получит ни грамма пищи. Имеются ли у моих людей еще какие-либо мотивы нарушать субординацию?

В этот момент вдали послышался громкий взрыв, перешедший в раскаты, напоминающие гром. Между тем стоя-

ла ясная погода. Не видно было ни грозowych туч, ни тем более молний. Лишь море немного волновалось, катя короткие частые волны, которые вздымались, словно следуя за внезапными изменениями рельефа морского дна.

Несколько отдельных глухих ударов прозвучали как пушечные залпы во время боя на фоне ружейной пальбы.

— Мэтр,— после длинной паузы с усилием продолжал капитан,— вы знаете матросов, они ведь сущие дети, наивные и суеверные...

— Куда вы клоните?

— Эти взрывы, слышимые уже давно, хотя нет ни молний, ни грозowych туч, пугают их...

— Вот и объясните им, что эти звуки совершенно безвредны.

— Я прилагал все усилия, но напрасно. Даже индусы...

— Как, мои индусы?! Такие спокойные, такие дисциплинированные...

— Они еще хуже наших европейцев.

— Послушайте, капитан, повторяю, всем немедленно нужно сообщить, что взрывы безопасны, это всего лишь результат вулканической деятельности данного региона.

— Матросы глухи к доводам рассудка; наблюдая за работами, они не понимают ни ваших целей, ни назначения невиданных приборов, которые вы используете, и ни причины электрических разрядов, но если раньше все восхищались Великим Делом, то теперь многие боятся и не доверяют ему. Самые нелепые слухи, передаваясь из уст в уста, становятся навязчивой идеей, делающей экипажи все более и более суеверными. Для них эти подводные шумы — таинственные голоса, предвестники надвигающейся катастрофы, которая погубит всех до единого. Вы представляетесь им магом, колдуном, некромантом*, живущим душа в душу с нечистой силой; мы же, командный состав,— ваши жалкие приспешники. Вот и попробуйте убедить с помощью доводов рассудка тех, кого поражает любой пустяк! Попробуйте предоставить научные объяснения тем, кто свято верит в допотопные легенды!

— Ладно, капитан, но, по моему мнению, все это выведенного яйца не стоит... Спасибо, что предупредили, однако мои предыдущие распоряжения остаются в силе. Как и прежде, я собираюсь снять мачты со своих кораблей, сжечь в топках все их деревянные части и отменить

* Некроманг — человек, пытающийся вызывать души мертвых и общаться с ними.

выдачу суточного пайка. Но, несмотря на это, уверяю вас, у наших людей не возникнет ни малейшего желания бунтовать.

— Однако, Мэтр...

— Хватит, милостивый государь. Я все сказал. Пришлите ко мне старшего боцмана.

Пять минут спустя после этого разговора, прояснившего ситуацию, в которой находился господин Синтез и его помощники, капитан явился в сопровождении моряка и лично представил его хозяину. Это был человек невысокого роста лет под сорок, коренастый, с бычьей шеей, широченными плечами, кирпичным лицом и длинными руками. Ступая босиком по коврам апартаментов Мэтра, он выглядел одновременно и озадаченным и развязным — так выглядит бывалый матрос перед адмиралом. Волосатый, заросший щетиной, с маленькими блестящими глазками под кустистыми бровями, с широким лицом, с видом одновременно и решительным и примерным, он на мгновение застыл на пороге святилища, вынул изо рта жевательный табак, снял берет, спрятал в него жвачку и, зажав в руке головной убор вместе с содержимым, утвердился на ковре так, будто хотел врасти в пол.

Господин Синтез, внимательно осмотрев вошедшего, заговорил:

— Ты француз, и фамилия твоя Порник.

— Извините, хозяин. Я бретонец*, родом из Конке, к вашим услугам.

— Ты был китобоем и потерпел кораблекрушение на Шпицбергене. Я подобрал тебя полуживого и доставил в Тромпсо...

— Совершенно верно, хозяин. И мне не забыть этого, слово бретонского моряка.

— А позже, когда набиралась команда, случай привел тебя на один из моих кораблей.

— Извиняюсь, хозяин, но я очутился у вас на борту, во-первых, потому, что счастлив отблагодарить за свое спасение, а во-вторых, из-за высокого жалованья, которое вы платите.

— Скажи, Порник, ты доволен службой?

— Как вам сказать, хозяин... И да и нет, черт подери!

* Бретонец — житель Бретани, области на северо-западе Франции; бретонцы говорят на особом — бретонском — языке.

— Ответ, достойный нормандского крестьянина*, а не бретонского матроса.

— Может, и так, хозяин. Доволен — не доволен, тут, знаете ли, есть свои плюсы и минусы...

— Да, понимаю. Ты, один из лучших моих моряков, начинаешь подумывать, что дело затягивается, и, жалуясь на условия службы, не мудрствуя лукаво, подумываешь о бунте. Но не забывай, мой мальчик, и другим передай: я нанял вас на пятнадцать месяцев, и, пока вы состоите у меня на службе, следует соблюдать дисциплину.

— Черт возьми, хозяин, дело не в условиях службы и даже не в затянувшемся до бесконечности стоянии на якоре; дело в том, что поговаривают, будто *вы разговариваете с духами!*

— Духами? О чем ты?

— Ну, духи, черт возьми...

— Хорошенькое объяснение, я все понял. Дурак ты, Порник.

— К вашим услугам, хозяин.

— А если я избавлю тебя от голода, от скуки, от страха перед духами, ты будешь доволен?

— Если вы сделаете это не только для меня, но и для других, то, уверяю, все пойдет гладко, как на адмиральском крейсере. Слово моряка!

— Замечательно, дружище. Твое желание понято, и положиись на меня. Мне хватит на это и пяти минут. Приблизься. Смотри мне прямо в лицо. Что ты чувствуешь?

— Пока ничего особенного. Хотя, пожалуй, что я не в своей тарелке. Как пикша в железах...

— Все это пустое. Не сопротивляйся. Ты хочешь спать, Порник. Твои веки тяжелеют... Глаза плохо видят... Они закрываются... Ты сейчас заснешь...

— Извините, хозяин,— скороговоркой молвил моряк,— но... Сдается мне, что я рухну сейчас... да со всего маху...

— Нет, дружище, ты спишь...** Так спи, Порник... Спи и слушай... Я так хочу!

Не прошло и минуты с начала этого странного экспе-

* Нормандский крестьянин — житель Нормандии, области на северо-западе Франции.

** Господин Берюхейм, знаменитый преподаватель мединститута в Нанси, прибегал к таким средствам, чтобы усыпить больных, или, вернее, их загипнотизировать, внушить им необычайное терапевтическое прилежание. (Примеч. авт.)

римента, а старший боцман, неподвижный, словно статуя, сморщив лоб и широко открыв глаза, застыл, не произнося больше ни слова. Капитан молча поглядел на господина Синтеза с удивлением, граничившим с оторопью.

— Ты спишь, Порник, не так ли? — спокойно продолжил господин Синтез.

— Да, хозяин, — изменившимся голосом ответил боцман.

— Попытайся закрыть глаза.

— Я... я не могу...

— Попробуй!

— Не смогу, если вы не захотите...

— Прикрой глаза правой рукой.

— Но дело в том... Дело в том, что я не в силах поднять руку...

— Попробуй.

— Невозможно! Хозяин, ее как будто линем* к телу привязали...

— Но ты-то тем не менее человек сильный...

— Вы делаете меня слабым.

— А теперь я желаю, чтоб твои глаза закрылись и ты вращал руками.

По-прежнему молчавший капитан с нарастающим удивлением увидел, что веки матроса тотчас же опустились, и он с головокружительной скоростью завертел руками.

— Попробуй, — снова заговорил господин Синтез, — открыть глаза и прекратить двигать руками.

— Невозможно, совершенно невозможно, хозяин...

— Собери все свои силы.

— У меня не осталось никаких сил, я не могу больше...

— Хватит! Стоп!

На слове «стоп» вращательные движения прекратились, но глаза боцмана по-прежнему оставались закрытыми.

— Ты ясно все видишь, Порник, не правда ли?

— Совершенно ясно, хозяин.

— Ну тогда, сходи-ка, дружище, в соседнюю комнату, где ты никогда не был, возьми графин, стакан и принеси мне.

Моряк, хотя глаза его оставались по-прежнему закрытыми, решительно направился к двери, otvorил ее, зашел на мгновение внутрь и вернулся с графином и стаканом.

— Знаете ли вы, что находится в сосуде? — обратился господин Синтез к капитану.

* Линь — тонкий судовой трос из пеньки.

— Вероятно, вода.

— Вы правы, вода.

— У тебя, Порник, наверно, жажда. Не хочешь ли промочить себе глотку стаканчиком этой водки?

Моряк не мешкая наполнил стакан и, подняв его, заявил:

— Ваше здоровье, хозяин! — Затем с видимым удовольствием выпил. — Знатная, однако, водка! Настоящая адмиральская! — восхитился он, залпом осушив стакан.

— Если хочешь, можешь выпить всю бутылку до дна.

— Прошу прощения, хозяин, но я буду пьян в стельку.

— Как знаешь. Тогда поставь графин на стол. А теперь, — безо всякого перехода велел господин Синтез, — ты больше не Порник, боцман с «Анны». Ты мой ассистент-зоолог господин Роже-Адамс.

При этих словах матрос приосанился, заправил пряди волос за уши и, кокетливо теребя бородку — жест, свойственный профессору зоологии, — поднес к глазам воображаемый лорнет.

— Ну, что поделяваете сегодня, господин Артур?

— Я возвращаюсь из лаборатории, — объявил боцман несколько манерным голосом Роже-Адамса. — Имею честь и удовольствие сообщить вам массу новостей.

— О-о, ну посмотрим, посмотрим, — с деланным нетерпением сказал Мэтр.

— На настоящем этапе развития науки не подлежит сомнению, что следует рассматривать плавательный пузырь у рыб как предтечу легких наземных позвоночных.

— Вы совершенно правы.

— Однако ныне существующие свидетельства такой трансформации, восходящей к древнейшим временам, достаточно редки.

— Но все-таки они существуют.

— Совершенно верно. Одно из них только что обнаружено в нашей лаборатории. Речь идет о рыбе, которая водится в местных водах и, если не ошибаюсь, в Австралии и Новой Гвинее. Это *ceratodus*, описанная каким-то американским естествоиспытателем (увы, не помню его имени). Так вот, Мэтр, препарируя рыбу, я обнаружил воздушный пузырь, по бокам которого располагались два симметричных дыхательных кармана. Благодаря такому анатомическому расположению, думается, рыба может, пусть и временно, замещать водную среду воздушной.

— Прекрасно. Благодарю вас.

Капитан, которому от происходящего становилось не

по себе, испытывал некоторый ужас и даже не пытался этого скрывать.

— Я намеренно достаточно далеко завел эксперимент,— бесстрастно продолжал господин Синтез,— не столько даже из научного интереса, сколько для того, чтобы убедить вас. Ведь, поскольку вначале речь шла о вещах обыденных, вы могли подумать, будто Порник ломает комедию. Но, услышав, как безграмотный матрос ни с того ни с сего с полным знанием дела рассуждает о сложнейших проблемах зоологии, вы, вне всякого сомнения, убедились, что с его стороны не было никакого подвоха.

— Но это ужасно, Мэтр, ужасно...

— Наоборот, нет ничего более простого и естественно-го. Я нашел прекрасного подопытного и, загипнотизировав, внушил ему то, что мне заблагорассудилось. Очень удачный шарж на Роже-Адамса, показанный нашим испытуемым,— моя заслуга, ибо я выступал в роли суфлера!

— И что же он теперь будет делать?

— Он целиком и полностью в моем распоряжении.

— Вы хотите сказать, Мэтр, что он будет...

— Именно так, и вы это скоро увидите. Когда кончится гипнотический сон, все, что я ему внушил, останется в его сознании и он не сможет ни на йоту отклониться от соблюдения навязанных ему правил. В этом-то и вся штука.

— Скажи-ка мне, Порник, ты больше не боишься злых духов?

— Злых духов? — посмеиваясь, переспросил боцман.— Я ничего не боюсь, хозяин.

— Вот и слава Богу. В дальнейшем, услышав взрывы, ты будешь знать, что это просто результат деятельности вулканов и в них нет ничего таинственного.

— Да, хозяин.

— Теперь ты не посмеешь сомневаться в том, что наши корабли, несмотря на отсутствие пара и мачт, смогут вернуться в цивилизованные страны. Понятно?

— Да, хозяин. Корабли, обритые, как понтоны, не имея угля для топок, вернутся обратно по вашему приказу. Вы знаете для этого способ.

— И наконец, вопрос еды. Вам больше не будут выдавать паек. Но, так как без пищи жить нельзя, вы будете питаться тем, чем ежедневно питаюсь я.

— Хорошо, хозяин.

— От моего обычного рациона, несмотря на отсут-

ствие привычки, ты не будешь испытывать муки голода. Запомни, ты будешь весел, как никогда, и сыт, как если бы съел двойной паек. Ты так же, как раньше, смел и силен. Избавленный от голода и жажды, ни о чем не заботясь, ты сможешь терпеливо дожидаться окончания работ, ревностно служа мне. Я так хочу! Слышишь? Я так хочу! Выкинь из головы все прежние мысли о бунте.

— Уже выкинул, хозяин.

— А теперь с закрытыми глазами ты поднимешься на палубу, дашь доброго пинка рулевому, который вот уже три минуты дремлет на вахте, забыв в полдень отбить склянки*, а затем проснешься.

— Хорошо, хозяин.

— Ты не вспомнишь о том, что здесь происходило, до тех пор, пока я не спросил тебя о злых духах. Об остальном ни о чем не забывай. Ни о чем! Такова моя воля**. Когда проснешься, по одному приведешь ко мне всех боцманов, сначала с «Анны», затем с «Ганга». А теперь вперед, дружище!

— Рад служить, хозяин,— почтительно ответил матрос, с закрытыми глазами двинулся напрямик к задремавшему рулевому и влепил ему пинок под зад.

— Ты снят с винного довольствия! — рявкнул он на опешившего матроса. Затем пробормотал, сам не зная почему: — Э-э, ну не дурень ли я... Винное довольствие...

* Отбить склянки — ударить в судовой колокол, отмечая время (это делается каждые полчаса); выражение сохранилось с тех пор, как на судах пользовались стеклянными песочными часами.

** Как мы уже говорили, внушение очень эффективно излечивает терапевтическим путем многие болезни. В своей книге «Спиритизм» доктор Поль Жибье приводит случай с пациентом доктора Дюфура, которого тот пользовал в психиатрической больнице Сен-Робер (департамент Изер). Этот больной по фамилии Т. страдал сильными истерическими припадками, осложненными слуховыми галлюцинациями и тягой к самоубийству. Т. трижды убежал из лечебницы и разгуливал на свободе. Его загноготизировали, *внушив мысль не убежать*, и он больше не повторял попыток. С другой стороны, он был необычайно чувствителен к действию медикаментов *на расстоянии*. Один грамм рвотного корня, завернутого в бумагу и положенного ему на голову под цилиндр, вызывал у него тошноту и рвотные позывы, которые прекращались, когда ипекакуану убирали. То же самое и с атропином — примененный аналогичным методом, он вызывал у пациента расширение зрачков. Пакетик валерианового корня, помещенного у него на голове под плотным колпаком, дал поразительный эффект. Т. провожал глазами муху, вскакивал, гонялся за ней, становился на четвереньки, резвился, как молодой кот, играя с пробкой, изгибал спину, заслыша собачий лай, облизывал себе руки, почесывал за ухом. Как только валериану вынимали, все проходило. Т. удивлялся, что стоит на четвереньках. Он совершенно не помнил о том, что только что происходило. (Примеч. авт.)

Кажись, его больше не будет ни для него, ни для кого другого... А с чего мне такое в голову пришло? Наверное, патрон сказал. Ладно, молчок! Главное — слушаться начальство и исполнять приказы.

ГЛАВА 2

Великое Дело подвигалось вперед не без осложнений.— Искусственная гроза.— Встряски способствуют развитию нового вида живых организмов.— Невольное дополнение к условиям жизни на Земле в прадавние времена.— Излишек электроэнергии, производимой динамо-машиной.— Влияние света на вегетацию. — Интенсивное освещение.— Шестая ступень в серии животных.— Черви.— Что подразумевает зоолог под «карманными катаклизмами». — Восьмая ступень.— Хордовые.— Вал прилива.— Опасность.— Затопление.— Ланцетники.— Победа.*

С момента начала опыта в лаборатории произошло много перемен и она испытала немало превратностей. Не раз ее существование находилось под угрозой в результате несчастных случаев, обусловленных причинами, которые невозможно было предвидеть, и, следовательно, устранить. Вот почему Великое Дело подвигалось вперед не без осложнений, помех и опасностей.

Первая большая авария приключилась вскоре после пуска, когда, к величайшей радости научного персонала, пятая серия предков человека, представленная брюхоногими, появилась в водах лагуны. В этот период события чередовались с такой быстротой, что невозможно было предугадать, какое бремя ляжет на всех вследствие несчастного случая, происшедшего, как мы помним, в тот момент, когда два ассистента, забыв обо всем, вели философскую дискуссию о происхождении жизни на Земле.

Читатель помнит, что в результате взрыва из купола, под которым в одном из аппаратов происходило таинственное оплодотворение, задуманное гениальным Синтезом, полетели стекла. Химик, в отчаянии от возможных последствий катастрофы, со всех ног кинулся к атоллу. Перепуганный, он кружил вокруг лаборатории, откуда доносился сухой треск, по интенсивности звука не превышавший пистолетных выстрелов.

* Вегетация — активная жизнедеятельность растений, их рост.

Казалось, вершина купола была охвачена пламенем. Со всех сторон вспыхивали ослепительные, похожие на молнии, зарницы, неизменно сопровождавшиеся взрывами. Они следовали через неравные промежутки времени, вырываясь из медных, вмонтированных в купол трубок, связанных с изолированными гуттаперчей проводниками, ведущими к огромной электродинамической машине Эдисона. Эти вспышки и этот сопутствующий им грохот, от которого лопались достаточно толстые стекла купола, привели химика к внезапному откровению.

— Черт меня побери,— возопил он, потрясенный,— да это же гроза! Искусственная гроза в лаборатории! Дьявол! Если я как-нибудь ее не утихомирю, то здесь все будет перебито!

Без промедления Алексис Фармак ринулся к динамо-машине. Отрегулировать производство и подачу энергии было для него делом одной минуты. В это время появился господин Синтез, не столько взволнованный, сколько заинтригованный беспрецедентным на его коралловом острове феноменом.

— Да, Мэтр, гроза! — нервно повторял химик, все еще волнуясь при мысли об угрожающей вверенному ему объекту опасности.— Ничего не пойму! Ах, только бы такой грандиозный выхлоп электроэнергии вредно не повлиял на ход эволюции!

— Не думаю,— ответил господин Синтез,— я даже склонен допустить, что это потрясение окажет скорее благотворное влияние на развитие живых организмов.

— Ах, Мэтр! — вскричал просиявший химик.— Только бы вы не ошиблись!

— Давайте поразмыслим вместе. Мы пытались по мере возможности воссоздать условия, в которых находился земной шар, когда медленно эволюционировали примитивные существа. Искусственно созданная атмосфера должна была быть такой же по температуре, по выделению газов и электричества. Но эти комбинации разрозненных субстанций не могли происходить регулярно и в обстановке полного покоя.

Время от времени на Земле происходили страшные кризисы, неслыханно жестокие потрясения, которые давали жизнь новым производным, глубоко модифицируя как пространство обитания живых существ, так и их самих..

А в лаборатории до сих пор жизнь примитивных организмов протекала целиком и полностью безмятежно. Но золотой век наших предков, находящихся в эмбрио-

нальном состоянии, не мог длиться до бесконечности, и я подумывал было внезапно нарушить их покой. И тут случай исправил мою оплошность или, признаюсь откровенно, восполнил мою забывчивость и внес свою лепту в создание совокупности условий жизни на нашей планете в прадавние времена.

Как и Земля при своем возникновении, наш маленький искусственный мирок пережил свой катаклизм, соразмерный с его величиной и детерминированный искусственно. И вот каким образом. Я забыл сказать, дорогой коллега, что усовершенствованная мной динамо-машина производит куда большее количество энергии, чем другие машины ее класса. Вы предполагали, что вся производимая ею энергия за незначительным вычетом должна быть направлена на электризацию воздуха в лаборатории.

— Да, Мэтр, это так.

— Э-э, дружок, вы бы не могли, даже если бы и захотели, подсчитать ее мощность, поскольку вам неизвестно одно из моих изобретений. Я, не предупредив вас, экспериментировал с новым прибором и, закончив опыт, забыл его выключить. Вот, дорогой мой, единственная причина этого беспорядка, результат которого, надеюсь, ограничится лишь несколькими выбитыми стеклами и поднятой тревогой.

И последнее, чтобы больше не возвращаться ни к избыточной энергии, ни к способу, которым я хочу ее использовать. Вы ведь изучали влияние света на растительные клетки?

— Конечно, Мэтр.

— Следовательно, знаете, что растению для разложения на составные части углекислоты и усвоения углерода,— одним словом, питания,— необходимо некоторое количество тепловых и особенно световых лучей.

— Да, Мэтр, и наиболее удачные опыты, которые я ставил, позволяют прийти к следующему выводу: развитие каждого злака требует теплового и светового действия определенной дозы, а также определенной длительности, причем длительность обратно пропорциональна действию.

— Совершенно верно.

— Таким образом, развитие происходит тем быстрее, чем щедрее дарит Солнце световое тепло в меньший отрезок времени. Продолжительность вегетации, как, кстати, и всего живого, при условии, что пройден первый

период адаптации*, тем меньше, чем выше широта, то есть чем длиннее летний световой день. К примеру, на широте $59^{\circ}47'$ в Хальсне в Норвегии длительность вегетации ячменя — сто семнадцать дней, сто два дня в Бодо на 67° , девяносто восемь дней в Странде, на $66^{\circ}47'$ и девяносто три в Скиботтене на $69^{\circ}28'$.

— И каковы ваши выводы?

— Солнце, вместо того чтобы стоять в небе четырнадцать с половиной часов, как на широте Парижа, в Хальсне стоит восемнадцать, в Бодо — двадцать с половиной и двадцать два часа в Скиботтене при температурах 13° , $11^{\circ}3'$, $10^{\circ}9'$ и $10^{\circ}7'$. Кстати говоря, итог умножения температуры на количество часов, в течение которых растение облучено солнечными лучами, во всех случаях одинаков.

— Отлично, мой мальчик. А теперь, не думаете ли вы, что длительное воздействие световых лучей способствует процессу созревания, вернее усиливает его и у наиболее близко стоящих к растениям примитивных одноклеточных организмов, находящихся в лагуне?

— Охотно в это верю.

— А я это утверждаю. Если бы солнце сияло здесь двадцать и двадцать два часа, как в тех странах, о которых вы только что упомянули, если бы даже оно оставалось на нашем горизонте в течение многих месяцев, как на Полярном круге, наши амебы, наши планеады, наши брюхоногие и прочие развивались бы куда быстрее и давали бы куда больший прирост.

— Мне это кажется вполне возможным.

— Я иду даже дальше. По моему мнению, не только простейшие одноклеточные организмы, но и многоклеточные, и низшие позвоночные используют постоянный солнечный свет — их рост пропорционален количеству световых лучей. Словом, если бы не было ночи, они росли бы вдвое быстрее.

— Но для этого есть один способ, — живо перебил химик, и его единственный глаз засверкал.

— Вы в этом уверены?

— Мэтр, мне думается, я смогу ускорить процесс...

— Вы хотите ночью использовать электрическое освещение, не правда ли?

— Совершенно верно. Припоминаю, что перед самым нашим отъездом господин Сайменс опубликовал отчет об

* Адаптация — приспособление организма к непривычным условиям.

эксперименте, из которого следовало, что электрический свет, интенсивностью равный тысяче четырестам свечей, чей источник расположен на расстоянии двух метров от вызревающих растений, соответствует дневному свету в зимний период, а более эффективные результаты достигаются при увеличении мощности светового источника.

— Вот почему, мой милый, я решил увеличить производительность динамо-машины и, сам того не желая, позволил разбушеваться силе, повлекшей за собой тревогу.

В тот же день одновременно с устранением поломок, вызванных искусственной грозой, начался монтаж электрических осветительных установок. Через неделю работы были закончены. И вот тогда, в одно прекрасное утро, в лабораторию вбежал ликующий Роже-Адамс, неся образцы, при виде которых у господина Синтеза вырвался радостный возглас:

— Черви! Серия сделала огромный скачок.

— Пока еще это очень рудиментарные организмы,— ответил зоолог,— но их появление вскоре после брюхоногих — событие экстраординарное*. Я и надеяться не смел на такую быструю трансформацию.

— Поглядим, что вы тут принесли. Если не ошибаюсь, *ascula*.

— Да, Мэтр. *Ascula* известково-губчатая. Я и впрямь был далек от мысли ее здесь увидеть.

— Ко всему надо быть готовым, месье. Вот вам наглядный пример. Перед вами отличный экземпляр. Как ярко выражена выпирающая зародышевая клетка, примитивный кишечник, рот — простое отверстие, желудочный карман, состоящий из двух книжек (одна — кишечная, другая — кожная). Как мы уже далеки от ресничных червей!

— Это верно.

— Я счастливи встретить тут образчики этой группы, демонстрирующие показательные характеристики примитивного типа, существовавшего в те таинственные эпохи, когда формировались виды.

Подумать только — в течение столетий этот жалкий червь был самым совершенным созданием на Земле! И такие организмы, с трудом передвигающиеся собственными

* Экстраординарное — выходящее за рамки нормального, рядового.

силами, с едва выраженными элементарнейшими физиологическими функциями, в течение тысячелетий были «царями природы»! В общем, превосходный урок для нынешних властителей мира, прапрапрародитель которых всего лишь примитивная *монета*. Да и сами они для исследователя будущего просто-напросто представители одного из звеньев нескончаемой и непрерывной эволюции!

Вскоре за низшими червями или прачервями последовали существа чуть более высокого порядка, специальное изучение которых входит скорее в компетенцию профессиональных естествоиспытателей. Достаточно лишь немного упомянуть об их отличительных характеристиках.

Ученые разделили эти создания на два класса: черви, лишенные настоящей полости внутренних органов (*acoelomathes*) и снабженные ею (*coelomathes*). Для нас они просто черви, простейшие беспозвоночные, которые постепенно совершенствуются для того, чтобы вскоре смешаться с предками другой, более важной секции — позвоночных.

За ресничными червями идут сколециды — это седьмая ступень доисторического развития. Замечательным типом сколецид является *balanoglossus*, очень известный червь, живущий в морских песках и связующий червей с асцидиями и бесчерепными. Затем один за другим появляются *archelminthes*, *plathelminthes*, *nemathelminthes*, *rhynchocoels*, *enteropneustes* и так далее; потом — фундаментальная группа хордовых*, занимающая восьмую ступень (именно от хордовых произошли древнейшие бесчерепные).

Господин Роже-Адамс, которому давно уже чужие авторитеты были не указ, считал, что человек, безусловно, произошел от хордовых, что подтверждало наличие эмбриологического сходства между асцидиями, последними из беспозвоночных, и ланцетниками — первыми из позвоночных. По его мнению, хордовые взяли свое начало от червей седьмой ступени и отличались от своих предшественников образованием спинного мозга и позвоночной струны (*chorda dorsalis*).

Трудно было уследить за мыслью зоолога, продираясь сквозь дебри групп, родов, семейств, типов, видов, подвидов; классов, к которым он относил эти многочисленные живые существа, изученные, препарированные, зарегистрированные, каталогизированные и сфотографирован-

* Хорда (у рыб) — спинная струна, первичная скелетная ось, у человека сменяется в процессе развития зародыша позвоночником.

ные им с достойным восхищения знанием дела, сноровкой и методичностью. Но вот что странно — этот факт следует отметить особо — появление новых типов в лаборатории господина Синтеза почти всегда сопровождалось либо бурными атмосферными явлениями, либо неполадками в работе аппаратуры.

Однажды в купол ударила молния — на сей раз настоящая — и чуть его не уничтожила. Сильно взволнованы были не только командиры, но и члены экипажей. Материальные повреждения были быстро устранены — несколько поломок в конструкции, несколько выбитых стекол. Но пару дней спустя ликующий биолог представил образцы мшанок и *bryozoaires*. В другой раз поломка вытяжной трубы привела к утечке газа, который, вступив в реакцию с другими элементами в атмосфере лаборатории, вызвал кое-где взрывы и спровоцировал удушливые испарения. И Роже-Адамс, с нетерпением ждавший подобных происшествий, обнаружил в водах лагуны асцидий и *phalusiens*, первых среди червей.

Алексис Фармак, следивший за лабораторной аппаратурой, под гнетом такой непомерной ответственности пребывал в состоянии постоянного нервного перевозбуждения. Славный парень, чье рвение вызывало одни похвалы, был ни жив ни мертв, так он страшился катастрофы, способной уничтожить гигантский труд последних лет его жизни. Случалось, что химика пробирала дрожь, когда профессор-зоолог говорил ему после каждой передрыги происходившей почти еженедельно:

— Дорогуша, на что вы сетуете? Разве все это не согласуется с вашими желаниями? Поглядите-ка, даже бессмысленные организмы подчиняются нашей воле.— И добавлял в свойственном ему ироническом тоне: — Природа время от времени преподносит нам карманные катаклизмы*, чтоб сымитировать великие потрясения первобытных времен. Каждая такая пертурбация в масштабах нашего крошечного мира предвещает и, подчеркиваю, содействует появлению новых видов. Когда случается, что Мать-Природа перестает относиться к нам как к балованным детям, сам наш микрокосм по той или иной причине возбуждается и проветривает планету. Не следует закрывать глаза на то, что новые стадии генезиса напрямую связаны с поломкой аппаратуры; чем больше поломка, тем более высокой ступени достигает эволюция.

* Катаклизмы — разрушительные перевороты, катастрофы.

— Но в таком случае,— сокрушался химик,— что же произойдет в тот момент, когда ряд видоизменений приведет к пропасти, отделяющей позвоночных от беспозвоночных?

— И думать боязно. Только представьте себе те потрясения, которые либо порождали, либо сопутствовали великим периодам истории нашей планеты. А грандиозные преобразования климата, ставшие впоследствии причиной возникновения высокоорганизованных существ?.. Думается, что вскоре нам придется принять на себя жестокий удар.

Быть может, господин зоолог и сам не подозревал, насколько он был близок к истине...

С момента обнаружения хордовых жизнь текла своим обычным чередом. И вдруг неожиданно в один прекрасный день с моря послышался оглушительный грохот. Разбегавшиеся, перепуганные люди, работавшие в эту смену на атолле, ринулись на суда, увлекая за собой поддавшихся всеобщей панике ассистентов. Как только они вступили на корабль, ужасное зрелище открылось их глазам: море внезапно вздыбилось и пенной стеной, закрывшей весь горизонт, ринулось на видневшиеся вдали коралловые острова; гигантский гребень, неудержимо двигаясь вперед, докатился и до кораблей. Вал штурмовал суда, сметал мостики, обрывал все, что мог оборвать, хлестал скрипевшие от ветра мачты и, наконец, подступил к стеклянному куполу.

Все, кому удалось стать свидетелями этой ужасной сцены, увидели, что на миг купол был накрыт каскадом зеленоватой воды. Секунд десять он оставался полностью затопленным, затем уровень моря стал прежним, и коралловые рифы вновь появились на поверхности. Как бы странно, невероятно, неправдоподобно это ни было, но лаборатория, несмотря на кажущуюся хрупкость, выдержала натиск моря. Лишь ее сферическая форма изменилась — ось сместилась, меридиональные опоры выгнулись по всей окружности.

По счастью, ввиду прочности использованных материалов и продуманности конструкции разрушения оказались частичными. Что касается стекол, то многие из них были выбиты; из пробоев вырывались столбы дыма и газа, образуя над атоллом что-то наподобие облака. Корабли, стоявшие носом к волне, практически не пострадали. Потoki воды, обрушившиеся на палубы во время прохождения

ния волны, стекла по шпигатам. Воду же, залившуюся в люки, откачали насосами.

Не сговариваясь, капитан и оба ассистента господина Синтеза кинулись вместе с хозяином к лаборатории, полностью открытой с одной стороны. Они были готовы увидеть картину страшного разрушения, но, какова же была их радость, когда оказалось, что повреждения, хоть и серьезные, могут быть устранены.

Так как через бреши в куполе свободно проникал воздух, а стало быть, атмосфера в лаборатории была пригодна для дыхания, люди не колеблясь ринулись к коралловому кольцу, очертившему лагуну. Бегущий впереди зоолог вдруг остановился среди груды всяческих обломков и, склоняясь над копошащимися в углублении скалы тельцами, испустил крик изумления и радости:

— Мэтр! Ланцетники!

— Вы говорите — ланцетники?! Первые позвоночные... Истинные пращуры* человечества... Это значит — полная победа!

ГЛАВА 3

*Ланцетник — прародитель позвоночных. — Человек — это ланцетник, которому повезло. — Зоолог отправляется в научную экспедицию. — Господин Синтез снова живет затворником. — Ремонт лаборатории. — Алексис Фармак весьма заинтеригован. — Подводная вылазка. — Химик-водолаз. — Новые обитатели лагуны. — Воспоминание о лошадях, на которых приманивают пиявок. — Алексис Фармак решил отступить. — Страшное появление. — Лицом к лицу с акулой. — Подводный пожарник. — Акула, пораженная молнией. — Осажденный миногами**. — Десятая и одиннадцатая ступени. — Первые сомнения.*

В 1778 году немецкому натуралисту Палласу*** прислали из Северного моря животное, еще не включенное в классификацию, которое ученый принял за слизняка. Он

* Пращур — далекий предок.

** Миноги — отряд низших позвоночных класса круглоротых (около 20 видов).

*** Паллас Петр Симон (1741—1811) — немецкий и русский естествоиспытатель. С 1767 года жил в России, был членом Петербургской Академии наук. Руководил научной экспедицией академии в 1768—1774 годы.

его внимательнейшим образом изучил, препарировал и, подробно описав, дал ему права гражданства, назвав *limax lanceolata* — ланцетовидным слизняком. Вот и все. Одним слизняком больше, одним меньше — не все ли равно, когда в животном мире существуют тысячи и тысячи более интересных — во всяком случае на первый взгляд — разновидностей!

В течение полувека никто не занимался слизняком Палласа. И лишь в 1834 году это крошечное создание, не привлекавшее ничьих взоров, было замечено в песках Позилиппы близ Неаполя зоологом Костой. Оснащенный более современными, нежели его предшественник, инструментами, а может быть, более эрудированный, Коста без труда доказал, что существо, о котором идет речь, на самом деле рыба. Он поспешил перекрестить лжеслизняка, и *limax lanceolata* стал *branchiostoma lubricum*.

Однако и это имя просуществовало недолго. Почти в то же самое время один из английских натуралистов обнаружил в животном прочную внутреннюю ось и дал ему имя *amphioxus lanceolatus*. У англичанина оказалась легкая рука — его название прижилось. С тех пор ланцетник больше не был мишенью чьих-то если и не компрометирующих его, то все-таки досадных ошибок.

Пять лет спустя, а именно в 1839 году, знаменитый берлинский зоолог Иоганнес Мюллер* произвел столь же серьезный, сколь и подробный анатомический анализ ланцетника. Учитывая важное, можно сказать, основополагающее место, занимаемое этим крохотным созданием в цепи развития животного мира, не будет излишним, если мы, в свою очередь, дадим хотя бы краткое описание анализа Мюллера.

Amphioxus lanceolatus представляет собой существо пяти сантиметров в длину, почти бесцветное, иногда беловатое или с легким розоватым оттенком. Как следует из названия, он имеет форму острого ланцета**, слегка расплющенного и заточенного с двух концов. Тельце его покрыто тонюсенькой и нежной прозрачной оболочкой, состоящей, как у высших животных, из двух слоев: внешнего — эпидермиса и низлежащего волокнистого — кориума. Никаких признаков конечностей. Среднюю позвоночную линию окаймляет тонкий, постепенно утолщающийся спин-

* Мюллер Иоганнес Петер (1801—1858) — немецкий естествоиспытатель и физиолог.

** Ланцет — хирургический инструмент, плоский обоюдоострый нож.

ной плавник, переходящий в хвостовой, а внизу расположен короткий анальный плавник*.

У ланцетника, все еще очень примитивного организма, нет ни черепа, ни головного мозга. Передняя часть тела отличается от задней лишь наличием рта, но что касается внутреннего строения, то ланцетнику присуща самая характерная черта позвоночных: он имеет костный мозг и позвоночную струну (хрящевидный стебель, заостренный с двух концов, вдоль которого протянута пустотелая нить костного мозга).

И вот еще факт, достойный упоминания, целиком и полностью подтверждающий гипотезы господина Синтеза: все позвоночные, в том числе и *человек*, в зародыше имеют ту же, что и у ланцетника, простейшую форму. Лишь много позднее передняя оконечность спинного мозга утолщается для того, чтобы превратиться в головной мозг, а на конце позвоночной струны образуется черепная коробка.

В заключение экскурса добавим еще, что ланцетники живут полузарывшись в песок на морских песчаных пляжах. Их находят на побережье Северного моря, на берегах Великобритании и Скандинавии, близ Средиземного моря, у берегов Бразилии и Перу, на отдаленных тихоокеанских пляжах, на острове Борнео, в Китае и других местах. И везде ланцетники имеют одну и ту же форму.

Читатель имеет все основания спросить: к чему так долго распространяться по поводу столь далекого от совершенства представителя животного мира? Вне всякого сомнения, ланцетник стоит ниже всех ныне существующих позвоночных. У него нет ни головы, ни мозга, ни черепа. Каждый его орган более прост и менее совершенен, чем у других. И тем не менее господин Синтез утверждал, что человек являет собой лишь высший эволюционировавший тип позвоночных, чьи основные черты мы наблюдаем у ланцетника.

Чтобы закрыть этот вопрос, скажем, что, если бы развитие человека и больших млекопитающих остановилось на определенной стадии эмбрионального существования, мы не смогли бы отличить их от ланцетника. Вот почему господин Роже-Адамс позднее заметил в шутку, что человек есть всего лишь ланцетник, которому здорово повезло.

* Анальный плавник — т. е. расположенный возле заднепроходного (анального) отверстия.

Ввиду крайней важности этого маленького звена в цепочке развития животного мира можно представить себе, как обрадовался Мэтр, обнаружив наличие ланцетника в лаборатории, едва не погибшей под напором стихии.

Но если старик так и сиял от счастья, то Роже-Адамс, как только улеглось первое возбуждение, имел вид человека, несколько опешившего. В уединении он бродил по внутреннему краю лагуны, всматриваясь во все еще беспокойную воду, и тихо бормотал:

— А они-то откуда взялись? Их здесь сотни... тысячи... Они повсюду... Ну что ж, тем лучше! Случай сам распорядился... Да здравствуют ланцетники!

Произнеся эти загадочные слова, небезынтересные для внимательного слушателя, зоолог вернулся к своим товарищам и оповестил их о чрезмерной рождаемости позвоночных.

Его коллега-химик осматривал разрушения, нанесенные приливной волной, прикидывал, как бы побыстрее отремонтировать здание, и от всей души проклинал прилив, задавший ему такую работенку.

— Э-э, дорогуша, а вы кошунствуете! — живо прервал его биолог.

— Что вы хотите этим сказать? — откликнулся озадаченный химик.

— Как?! Разве вы не признали ниспосланный свыше катаклизм, вследствие которого начался новый период творения? Вы должны благословлять это замечательное событие, так далеко вперед продвинувшее Великое Дело. Мы отнюдь не каждый день встречаемся с организмом, который является связующим звеном между двумя отрезками длиннейшей зоологической цепи. Не знаю, что готовит будущее, но надеюсь, нынешнее потрясение пускай и не последнее, но, во всяком случае, самое сильное.

— Я тоже на это надеюсь, потому что хоть и говорят: нет худа без добра, но последствия аварии не устранишь с помощью пословиц. И потом, у нас не осталось запасных стекол для купола.

— Ну, вы что-нибудь придумаете. Хозяин поможет вам советом.

— Выкрутиться будет нелегко.

— А я, с позволения господина Синтеза, воспользуюсь временной приостановкой работ. Выпрошу у него паровой баркас, чтобы совершить подробную геологическую разведку.

— Думаю, Мэтр охотно отпустит вас. Счастливый

смертный! Прокатитесь с ветерком в то время, как я буду изошряться, ремонтируя лабораторное оборудование.

Воистину, зоолог вошел в милость, потому что господин Синтез с большой готовностью предоставил в его распоряжение паровой баркас, четырех матросов, двух кочегаров и механика.

Новый капитан, которого бездействие тяготило еще больше, чем зоолога, подзадоренный такой благосклонностью Мэтра, в свою очередь решил просить разрешения присоединиться к научной экспедиции, под предлогом изучения гидрографических особенностей столь трудного для навигации региона*. Господин Синтез, видя в этом случае возможность развлечь, и не без пользы, нескольких членов персонала, с легкостью уважил просьбу Ван Шутена, предоставив ему двухнедельный отпуск.

Итак, зоолог с капитаном, отдыхая, бороздили океан, а бедный химик вынужден был все время устранять последствия катастрофы; он укреплял меридиональные опоры, заменял выбитые стекла кусками просмоленного брезента, чинил выхлопные трубы и электропроводку, устанавливал новые печи — словом, повторно производил работы, стоившие ему неисчислимых усилий при строительстве лаборатории. Только на этот раз наш славный Алексис Фармак был безутешен, видя, как его драгоценный купол превращается в безобразный горб. А тут еще, к его превеликой досаде, Мэтр не ободрял его и не критиковал в случае надобности; повинувся одной из своих таинственных привычек исчезать на целые недели, господин Синтез заперся у себя в апартаментах, откуда время от времени появлялись лишь прислуживавшие ему индусы-бхили.

Химику ничего не оставалось, кроме как в одиночку изыскивать способы ремонта. Хотя, надо сказать, ему помогал довольно разумными советами первый помощник капитана, замещавший Корнелиуса Ван Шутена в его отсутствие.

Итак, силою обстоятельств работы, касающиеся непосредственно эксперимента, были приостановлены, Великое Дело отдыхало. Надо сказать, что после внезапно налетевшего приливного вала природные условия региона стали постепенно меняться. Глухие подводные взрывы следова-

* Гидрографические особенности... региона — особенности судоходных трасс и форм дна.

ли через неравные промежутки времени. Волны то внезапно вздымались (не нанося, впрочем, вреда ни кораблям, ни лаборатории), то мгновенно успокаивались. Стоял небывалый палящий зной, царило полное безветрие. Небо было неизменно лазурным, хотя гальванометр указывал на высокое электрическое напряжение. Все эти тревожные симптомы предвещали новые, быть может, разрушительные потрясения, вселявшие в химика страх, в котором ему даже самому себе не хотелось признаваться.

— Нас ждут еще новые испытания,— бормотал он.

Ремонтные работы подходили к концу; уже вновь запустили динамо-машину, вскоре должны были затопить и печи. В лабораторию возвращалась жизнь. И вот наступил день, когда ожидали возвращения баркаса. В это утро господин Синтез наконец подал признаки жизни; поинтересовавшись ходом восстановительных работ, он остался доволен. Все было хорошо. Хорошо-то хорошо, но на душе у Алексиса Фармака становилось час от часу тяжелее. И причиной его тревоги была вовсе не черда природных феноменов, неустанно теперь дающая о себе знать. Его беспокоила лагуна, и только лагуна.

В течение последних двух недель находясь безотлучно на коралловом кольце, химик неоднократно замечал странное оживление в водах бассейна, обычно гладких, словно скованных льдом. Оживление это проявлялось следующим образом: то мгновенно возникали водовороты, от которых шли концентрические круги, то что-то мощное быстро проносилось близ самой поверхности, оставляя на ней пенный след. А иногда нечто таинственное и сильное с громким всплеском выныривало из воды.

— Надо что-либо предпринять для очистки совести,— решил в одно прекрасное утро сбитый с толку и окончательно потерявший терпение химик.

«Что-либо предпринять» означало просто-напросто спуститься на дно лагуны — операция, собственно говоря, совсем несложная, сплошь и рядом предпринимаемая коллегой-зоологом в поисках новых организмов.

Сказано — сделано, и вот уже мэтр Алексис облачается в костюм ныряльщика и неторопливо спускается по железной лесенке, вмурованной в коралловую стену близ ворот из листового железа, перекрывавших выход из лагуны в открытое море. Он медленно погружается на дно.

Устройство, с помощью которого человек может, не соприкасаясь с океаном, проникнуть в бассейн, очень простое. В центре одной из больших железных створок про-

резано квадратное отверстие с подъемной металлической рамой, герметичной благодаря резиновой прокладке. Когда рама поднята, человек оказывается в закрытой со всех сторон полости, естественно, наполненной водой. Вторая же рама, тоже снабженная резиновой прокладкой, открывает выход в лагуну. Подводник, предварительно закрыв первую раму, открывает вторую и проходит через некое подобие шлюза, обеспечивающего полную изоляцию лагуны от моря.

Стоял яркий солнечный день, потоки света проникали сквозь стеклянный купол, и необходимости в искусственном освещении не было. Несмотря на мутность вод в бассейне, все предметы просматривались достаточно четко. Алексис Фармак, передвигаясь с трудом из-за покрывавшей дно желеобразной, клейкой массы, природа которой была ему неизвестна, обогнул внутренний риф, рассмотрел его строение, убедился, что все кораллы давно умерли, и вдруг, пораженный, застыл на месте — подножие рифа было усеяно множеством маленьких существ цилиндрической формы, похожих на червей, длиной от пятнадцати до двадцати сантиметров. Они трепетали, сматывая и разматывая свои длинные тельца, и, казалось, не имели ни малейшего желания покидать найденную ими точку опоры.

— А это еще что за подводный мирок? — удивился химик.

Вытянув руку и решительно схватив одно из существ, он почувствовал невероятное сопротивление, абсолютно не соответствующее размерам животного, которое, гибкое как угорь, выскользнуло у него из рук и снова впилося в мадрепоровую породу.

— Черт возьми! — в растерянности воскликнул химик. — Присасываются, как медицинские банки! Надо бы прихватить с собой парочку. То-то шеф обрадуется!

Говоря это, он схватил еще один экземпляр и рывком оторвал его от скалы. Но вторая особь, несомненно более возбудимая, чем первая, потеряв точку опоры, обвила схватившую ее руку и так в нее вцепилась, что Алексис Фармак вскрикнул от боли. Животное, прокусив кожу, стало жадно сосать кровь. Чтоб избавиться от него, несчастному химику пришлось буквально размозжить эту тварь о выступ коралловой скалы. Рука его посинела, из раны сочилась кровь. «Надо сматывать удочки, — подумал он. — Их здесь тысячи и тысячи. Плохо мне придется, если они решат мною отобедать».

Опасения химика оказались верными; все члены колонии, мигом почуяв вкус крови, как по команде, снялись со своих мест и, изгибаясь, словно змеи, со всех сторон кинулись к водолазу. Омерзительный рой окружил бедного Фармака. Животные бились о гермошлем, присасывались к резиновому скафандру, впивались в, увы, ничем не защищенные руки.

— Да они взбесились! — закричал не на шутку встревоженный химик. — Если им удастся прокусить костюм, я пропал. Скорее назад!

Со всех ног он кинулся обратно, шатаясь, скользя и падая, невольно вспоминая о варварском способе отлавливать пиявок (этих отвратительных, хоть и полезных подручных медицины), которых приманивают, заводя в пруд старую лошадь.

Еще несколько шагов, и Алексис достигнет шлюза. Но тут он видит такое, отчего кровь застывает в жилах; перед ним уже не червяк десяти дюймов в длину, а многометровый, обладающий огромной силой монстр...* Внезапно громадное существо стало быстро приближаться к химику.

— Акула! — прошептал бедолага, узнав свирепое чудовище тихоокеанских вод.

Увидев, как над ним раскрылась огромная пасть, усеянная частоколом устрашающих зубов, он машинально присел на корточки, забыв на миг о вампирах**, словно клещами терзавших его руки. Это бессознательное движение спасло ему жизнь: акула промахнулась, и на какое-то мгновение химик оказался вне пределов досягаемости свирепого противника, который, вместо того чтобы отхватить ему руку, лишь пропустил широкую струю воды меж челюстями, клацнувшими, будто кровельные ножницы.

— Акула! Это акула! — кричал несчастный, оглушая себя собственным криком, звучащим в шлеме.

Промахнувшись с первого раза, морской разбойник отплыл на другой конец лагуны, чтобы с разгону вновь кинуться на человека. Алексис находился всего в двух-трех метрах от выхода, но ему никоим образом не хватило бы времени открутить два винта, блокирующие ворота. Тем не менее он бросился к выходу, страхивая с себя омерзительный рой кровососов, но поскользнулся и рухнул на дно бассейна.

Рука его, шаря между каких-то непонятных тел, нащу-

* Монстр — чудовище.

** Вампиры — здесь: кровососы.

пала протянутый по забетонированному дну жесткий кабель, блестящий, несмотря на продолжительное пребывание под водой, заканчивающийся металлическим шаром. Химик тотчас же отважно вскочил на ноги. Он схватил этот таинственный снаряд и принял классическую позу пожарника, изготовившегося для схватки с огнем.

Акула пулей ринулась на подводника. Правда, чтобы захватить жертву пастью, ей пришлось немного сбросить скорость. Ловко воспользовавшись этой провололочкой, Алексис ударил хищника по носу круглым набалдашником кабеля. Эффект был ошеломляющим; акула, как молнией пораженная, внезапно остановилась, и ее начали бить судороги. Затем плавники опали, а страшная оскаленная пасть так и осталась открытой. Всего лишь секундное соприкосновение с кабелем, и вот уже не хищник, а труп хищника плавал в воде.

— Какая жалость,— воскликнул про себя химик, переходя от полного отчаяния к живой радости,— что я здесь один и не с кем посмеяться над кончиной этого нечестивца. А теперь — отступаем!

И не мешкая он швырнул кабель на дно, открыл ворота шлюза и, так и не избавившись от копошащихся на его одежде кровососов, поднялся по лесенке на поверхность.

Трудно себе представить, как оторопели рабочие, увидев своего начальника, буквально облепленного непонятными тварями, которые, будучи извлеченными из привычной среды обитания, злобно извиваясь, медленно, как бы неохотно отваливались от своей жертвы.

— Уф, наконец-то! — воскликнул химик, когда с него сняли медный шлем.— Ещё немного, и они разодрали бы меня в клочья, сожрали бы живьем, и это после того, как я чудом спасся от... от той, другой! — Затем, внимательно приглядевшись к свирепым тварям, изранившим ему руки, добавил: — Клянусь честью, да это же миноги! Ну да, миноги! Долгожданные круглоротые, занимающие десятую ступень на пути к человеку! Хороши предки! Но та, другая... Бандитка, чуть меня не проглотила... Постойте-ка... Ведь акула — это хрящевая рыба... А хрящевые рыбы стоят на одиннадцатой ступени вышеупомянутой серии. Да, что и говорить, прародители человека чем дальше, тем любезнее ведут себя по отношению к своему потомку... А вы, друзья мои,— обратился химик к помощникам,— полдесятка этих гнусных тварей поместите в чан с морской водой, а остальных сбросьте обратно в лагуну.

Распорядившись таким образом, Алексис Фармак двинулся к себе, чтобы приложить свинцовые примочки к ранам, причинявшим жгучую боль. Первой его мыслью было пойти и рассказать господину Синтезу о странной и драматической череде событий, однако он удержался, полагая, что все это выглядит неправдоподобно.

Появление вслед за ланцетниками молодых, судя по их небольшим размерам, круглоротых, в частности, миног, казалось более чем логичным ревностному стороннику Великого Дела. Но появление в лагуне, превращенной в аквариум, огромной взрослой акулы... Нет, это смахивало на вымысел. Пусть бы хоть размеры этой хрящевой рыбы были пропорциональны величине миног! Тогда можно было бы, с научной точки зрения, признать факт ее существования. Но появление такого монстра было необъяснимо ни научно, ни эмпирически... Если только... Черт побери! Если только волна прилива, подхватив акулу, как соломинку, не забросила ее в бассейн через пролом в куполе!.. Но тогда... Тогда и ланцетники, и миноги... Кто может утверждать, что и их появление не является результатом катаклизма? В таком случае Великое Дело — надувательство, гадкая шутка разбушевавшейся стихии.

Бедный химик не мог без содрогания думать об этом. Потому-то он и принял на вооружение куда более безобидную гипотезу: акула, охотясь за голотуриями, которых было на атолле видимо-невидимо, была приливом выброшена на коралловое кольцо, а оттуда попала в лагуну через еще не заделанную брешь. Что, кстати говоря, было вполне вероятно. Но, зная скрупулезную точность Мэтра при проведении опытов, его презрение ко всему, что не является строго научным, химик решил вплоть до новых распоряжений скрыть от хозяина свое приключение.

— Поведем себя осмотрительно, — рассуждал он, меняя примочки. — Мэтр с его педантизмом* может даже заболеть после такого известия. Что до меня, то, могу похвастаться, я легко отделался. Если б электрический кабель, попавшийся в нужную минуту под руку, был вынут из бассейна неделю назад или электродинамическая машина в тот момент бездействовала, мне ни за что не удалось бы уложить эту проклятую акулу. Она сожрала бы меня в одно мгновение! А теперь сей хищник пойдет на корм нашим молодым миногам. На здоровье!

Мораль же всей этой истории такова: отныне я буду

* Педантизм — чрезмерная точность и аккуратность.

спускаться в лагуну только в сопровождении хорошо вооруженной охраны. Посещать нашу лабораторию становится небезопасно!

ГЛАВА 4

Двоякдышащие рыбы.— Рыба и амфибия одновременно.— Вера в будущее.— Первые жители земли господина Синтеза.— Сцена из первобытных времен.— Натуральнейшая селекция.— Обед крокодила.— Рыбалка с удочкой.— Вскрытие ящерицы.— Господин Синтез прекращает опыты, боясь убить будущего человека.— Новое и самое страшное восстание стихий.— Ужас.— Подземный вулкан.— Извержение лавы.— Гибель «Ганга».— Другие последствия катаклизма.— Узники «Анны».

Итак, если не считать загадочного отсутствия «Инда» и «Годавери», которые давно уже должны были вернуться, если сбросить со счетов глодавшую всех тревогу об их экипажах, все шло прекрасно в этом лучшем из всех больших и малых миров. В лаборатории происходили важные для науки события, на сей раз не сопряженные ни с какими природными катаклизмами. Серия предков человека существенно пополнилась — к ней добавились четыре вида, соответствующие четырем ответвлениям генеалогического древа.

Алексис Фармак предусмотрительно умолчал о своей драматической вылазке на дно лагуны; ни господин Синтез, ни профессор зоологии, вернувшийся на паровом баркасе в назначенный день, не подозревали о наличии акулы в водах бассейна. К тому же никто так и не заметил никаких следов чудовища — должно быть, миноги полакомились всласть.

Роже-Адамс, сопровождаемый капитаном Ван Шутеном, проникшимся страстью к зоологии, обследовали дно лагуны. Возвратившись, зоолог объявил, как о чем-то само собой разумеющемся, о появлении двоякдышащих рыб, считающихся промежуточной стадией между рыбами и амфибиями. Несколько живехоньких представителей нового вида, получившего свое название из-за того, что данные существа обладают двойным дыханием (легочным и жаберным) были доставлены господину Синтезу. Этими представителями стали великолепные *ceratodus forsterii*, обитающие в Австралии и обнаруженные в Сиднее в 1870 году Жераром Крефтом. Рыбы длиной всего сантиметров

двадцать — взрослые особи достигают двух метров — уже были покрыты жесткой чешуей.

Когда опытный экземпляр подробно рассмотрели и мастерски сфотографировали, профессор зоологии приступил к вскрытию. Он обнаружил мягкий хрящеватый скелет, подобный скелету низших хрящевых рыб, с прекрасно сохранившейся хордой. Четыре конечности были выражены рудиментарными плавниками примитивных и наиболее низко стоящих рыб.

Странная вещь, сходство с низшими рыбами наблюдалось также в строении мозга и пищевого тракта. Казалось, природа, совершив большой рывок вперед, а именно, приспособив *ceratodus forsterii* к вдыханию воздуха, пожелала сохранить в строении этих древнейших предков человека некоторые анатомические особенности, свидетельствующие о вехах на пути их развития.

Промежуточный характер этого любопытного вида так ярко выражен, что некоторые зоологи в своих классификациях иногда относят их к амфибиям. Однако, по нашему разумению, это все же рыбы. Хотя черты двух видов в них так перемешаны, что вопрос становится сугубо терминологическим. Все зависит от того, кто что подразумевает под словами «амфибия» и «рыба».

По образу жизни двоякодышащие рыбы являются настоящими амфибиями. В течение тропической зимы, то есть во время сезона дождей, они плавают в воде и дышат жабрами. Во время засушливого летнего периода они закапываются в сухую глину и дышат легкими.

Пока зоолог с невероятной ловкостью препарировал подопытное животное, он не без изящества комментировал происходящее и по-профессорски давал пояснения. Господин Синтез одобрительно кивал головой, а обрадованный химик думал про себя:

«Наконец-то! Вот очень характерное животное, обитающее в болотах в глубине континента. Его-то никак не могло занести в бассейн приливом! Как я правильно поступил, когда держал язык за зубами и напрасно не встревожил Мэтра! Значит, все идет хорошо, и Великое Дело, пошатнувшись на миг, сейчас упрочилось как никогда!»

Долгожданный вид амфибий появился в тот момент, когда вечно настороженный, вечно озабоченный делами химик уже отчаялся его увидеть. Именно ему выпала честь их впервые обнаружить.

В одно прекрасное утро, расхаживая по коралловому кольцу вокруг купола и вглядываясь своим единственным глазом в тихие воды лагуны, Фармак заметил, что близ центральной скалы бурлят короткие маленькие волны. Химик сбегал на судно, схватил бинокль и немедленно вернулся на то же место.

Вообразите себе его радость, когда с помощью оптического прибора он сумел разглядеть морских черепашек, резвящихся в компании саламандр* и тритонов. Черепашки гонялись за ними, те же, отталкиваясь от ветвей madreporовых зарослей, запрыгивали на скалу и чувствовали себя там как в собственных владениях.

Вот они, первые поселенцы девственной земли, сотворенной господином Синтезом! Их было около пятидесяти особей, они разнились формами и внешним видом, но вели себя вполне непринужденно, весело, дружелюбно, как бы говоря: и море и земля достаточно велики, чтобы всем жить в мире.

Химик залюбовался представшей перед его глазами сценой, воображение унесло его в прадавние эпохи, когда амфибии были безусловными царями нашего мира. Но тут в тени, которую отбрасывало в море освещенное солнцем коралловое кольцо, появились отвратительные плоские, словно приплюснутые, морды ящеров, увеличенные линзами бинокля до немыслимых размеров. Короткие лапы, приземистые тела не мешали этим тварям двигаться с большой прытью... Длинные хвосты были продолжением бугорчатого позвоночного гребня и, казалось, служили рулями управления.

— Господи Боже! Если не ошибаюсь... крокодилы!

Это действительно были молодые крокодилы, чьи размеры соответствовали размерам других обитателей лагуны, а именно — они достигали сантиметров тридцати в длину, что ни в коей мере не уменьшало их свирепости...

Крокодилы заметили себе подобных и, подстрекаемые врожденным инстинктом, кинулись на них с такой злобой, как если бы единственным их предназначением было уничтожать. Черепахи, тритоны, саламандры, куда менее проворные и хуже приспособленные к передвижению по суше, пытались спастись бегством. Но бесполезно! Хищники, разинув пасти, наугад хватали свои жертвы, разрывали их на части и жадно пожирали.

* Саламандры — семейство хвостатых земноводных (около 45 видов), к которым относятся и упомянутые далее тритоны.

Напрасно черепахи втягивали голову и лапы под панцирь. Пустая предосторожность... Лишь впоследствии окостеневший панцирь станет неприступной крепостью, а пока он являл собой просто хрящевидную пластину и обеспечивал животному лишь воображаемую защиту. Черепахи так и хрустели на зубах у крокодилов, которые хватали их по две и по три за раз, заглатывали, чуть ли не давясь. Нападающих был добрый десяток, и им хватило пяти минут, чтобы расправиться со всеми жертвами.

— Вот вам исчерпывающий пример естественного отбора! — вскричал потрясенный химик. — Настоящая сцена разрушения, какие часто должны были происходить на нашей планете в незапамятные времена... Крокодилы оказались единственными хозяевами положения! Надо признать, их строение более совершенно, так что эволюция ничего не потеряет. Тем не менее я был бы рад, если бы господин Синтез повидал этих бедных животных.

— Нет ничего проще, — раздался веселый голос за спиной Алексиса Фармака.

— А?! Что вы говорите? — опешил химик.

— Черт возьми, я услышал ваш монолог и пожелание, которым он заканчивался, — продолжал зоолог, чьих шагов не расслышал ученый, поглощенный маленькой драмой, происшедшей на его глазах.

— Что за способ?

— Вскрыть одного из этих обжор.

— Как же его поймать?

— С помощью обыкновенного куска сала, крючка и двадцати пяти саженей бечевки.

— Прекрасная мысль!

— Первый подошедший из наших людей займется этим и доставит нам пойманную особь.

Прошло ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы разложить складную удочку да наживить приманку, и вот уже крокодил — жертва собственной ненасытной прожорливости — бьется со стальным крючком в горле.

Рыболов, волоча на удочке дрыгающегося хищника, подтащил его прямо к корабельной лаборатории и вручил конец бечевки Роже-Адамсу. Но амфибия сопротивлялась так яростно и энергично, что обуздать ее удалось, лишь

поместив под стеклянный колпак, куда предварительно положили губку, смоченную хлороформом*.

Вскоре, под действием сильного анестезирующего средства, животное перестало подпрыгивать и трепыхаться, поджав лапы, перевернулось на спину, и зоолог буквально располосовал его от горла до кончика хвоста. На свет Божий из желудочного кармана извлекли помятую, пожеванную, расплюснутую морскую черепаху и двух саламандр, причем одна из них оказалась живой!

Профессор зоологии тотчас же велел оповестить господина Синтеза. Тот, явившись незамедлительно, с живейшим интересом рассмотрел всю эту братию.

— Вы хорошо сделали, что показали мне новые особи, — одобрил Мэтр. — Но отныне хватит вскрытий. Пусть все живые существа, явившиеся в результате эволюции, свободно развиваются в водах лагуны. Опыт представляется мне вполне убедительным. Чтоб достичь конечного результата, нам остается только ждать.

Не следует приносить в жертву ни одного экземпляра, чье существование, можно сказать, не менее ценно, чем человеческая жизнь. К тому же, чем совершеннее вид, тем меньше особей он насчитывает. Быть может, уничтожив одно из данных подопытных животных, мы убьем будущего человека. Ограничивайтесь впредь лишь активным наблюдением и, как только обнаружите новых представителей фауны, где бы они ни появились: на скале, в воде или на атолле — дайте мне знать. Честь имею кланяться, господа.

— Ну, что вы на это скажете, коллега? Думали ли вы, что щепетильность нашего шефа зайдет так далеко? — сразу же после ухода Мэтра обратился зоолог к Фармаку.

— Я полагаю, он прав.

— Ах, оставьте. В подопытных экземплярах недостатка не будет, уверяю вас.

— Возможно, но что касается меня, то, признаюсь, я не могу отделаться от ощущения, что мы совершили убийство.

Господин Роже-Адамс громко рассмеялся.

— Вот уж не думал, что и вы так размякнете.

— Вы знаете, я фанатически верю в успех...

* Хлороформ — органическое вещество, бесцветная летучая жидкость, применяется (путем вдыхания) для наркоза, а также для местного обезболивания в составе мазей, растираний.

— Разумеется, я тоже. Но как бы сильна ни была моя вера, позвольте задать один вопрос.

— Задавайте.

— Разве в этой мерзкой твари, в нашем материальном пращуре, вы находите хотя бы частичку человеческой души, частичку Божественного духа, который делает вас несравненным химиком, капитана — опытным моряком, а меня — приемлемым зоологом?

Несомненно, химик поддержал бы одну из множества дискуссий, соответствующих методичному складу его ума, и, быть может, изыскал бы доводы, способные поставить зоолога в тупик. Но тут постоянно доносившийся со дна моря грохот внезапно усилился. Дискуссия заглохла, не успев начаться, а бедняга Алексис, вечно дрожащий за лабораторию, мигом был сброшен с высот трансцендентальной психологии* на грешную землю.

— Увы,— горестно заметил он,— что толку философствовать, когда стихии ополчились против нас? Слово чести, я иногда склонен думать, что мы сидим на подводном вулкане. Если он рванет, а это может случиться в любую минуту, то лаборатория господина Синтеза разлетится вдребезги. Ах, если бы прежде, чем это случится, я увидел завершение Великого Дела!

— Предвестники катаклизма,— откликнулся зоолог, внезапно встревожившись,— становятся час от часу более очевидными, это факт.

— А Мэтр, кажется, ничего не замечает!

— И не говорите! Представить себе не могу, что могло бы нарушить его невозмутимость! Уголь на исходе, продовольствие тоже, санитарное состояние команды оставляет желать лучшего, машины, работающие день и ночь, еле тянут, электричество действует только чудом, лаборатория грозит взлететь на воздух. И даже стихии против нас... А этот дьявол в человеческом образе, это воплощение эгоизма, ничего не видит, ничего не слышит, ни о чем не догадывается! Его внучка отбыла почти полгода назад, и с тех пор от нее нет никаких известий. А дедуле хоть бы хны, ни малейшего намека на то, что он хотя бы вспоминает о родном существе!

— Вы слишком далеко заходите!

* Трансцендентальная психология.— Здесь скорее всего имеются в виду попытки анализировать ощущения мистического порядка в человеке, его внутренние связи с «потусторонним» миром. Трансцендентальная, точнее трансперсональная, психология как научное направление возникла лишь в XX веке.

— Что?! Далеко захожу?! Я просто называю вещи своими именами. Это очень мило — пытаться превратить первичную клетку в человека, но что потом? Я перенапрягаю свой мозг, задаваясь этим вопросом.

Каким образом добиться хотя бы появления вида млекопитающих, когда нет главных элементов, необходимых для такой эволюции? Я взываю к вашему здравому смыслу: скажите, разве мы не стоим на пороге катастрофы?

В это время и впрямь оглушительные взрывы стали похожи на артиллерийскую канонаду. Оба ученых опрометью кинулись прочь с твиндека и наткнулись по дороге на встревоженного Ван Шутена.

— Что случилось, капитан? — в один голос спросили они.

— Об этом надобно спросить у вас, господа, — отвечал моряк. — Вы лучше моего подкованы в области природных явлений.

Внезапный толчок прервал его речь. Чтобы не упасть, все трое инстинктивно схватились за релинги*.

— Боже мой! — вскричал голландец.

— Что это?

— Если бы судно было на ходу, я сказал бы, что оно напоролось на подводный риф.

Все взоры непроизвольно обратились к «Гангу», стоявшему на одном траверзе** с «Анной». Ужасное зрелище открылось их глазам. Словно повинувшись таинственному и непреодолимому импульсу***, судно медленно, как бы нехотя, раскручивалось и вдруг застыло, удержанное швартовыми. Но ненадолго; канаты лопались с ужасным звуком, хлестали по воде, судно относилось течением.

Капитан приказал немедленно бросить якоря. Напрасные усилия! Якоря не успели зацепиться за донный грунт. «Ганг» оказался среди странного бурлящего водоворота, его мотало, как пробку, и сносило к атбллу, о который он неминуемо должен был разбиться. Крики ужаса раздавались со всех сторон. Но самый отчаянный вопль вырвался из груди химика.

— Лаборатория! Он протаранит лабораторию! Мне надо быть там, даже если придется погибнуть! Разве нельзя выстрелить по нему из пушки?! Пустить его ко дну?! Ах, сколько трудов пошло прахом!

* Релинг — перила на корабле.

** Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна.

*** Импульс — здесь: побуждение, первоначальный толчок.

Грозя кулаками надвигающейся машине, Алексис Фармак помчался к атолла. В этот момент судно потряс мощный удар, оно затрещало. Одновременно попадали сложенные мачты. Обезумевшие люди бросались в море и вплавь добирались до атолла.

Как всегда бестрепетный, господин Синтез холодно наблюдал за происходящим.

— Что делать, Мэтр? Что делать? — вопрошал капитан.

— Посмотрите, за кормой «Ганга» образуется отмель и подталкивает его к атолла. Через три минуты он будет здесь. Рубите на «Анне» все швартовы и ставьте ее перпендикулярно «Гангу», — молвил старик, и ни один мускул не дрогнул на его суровом лице.

— Но он разобьет нас в щепки... — мямлил капитан.

— Повинуйтесь, сударь, — проговорил Мэтр таким тихим и страшным голосом, какого офицер еще не слышивал. — Хотя судно само останавливается, но я попомню вам ваше неповиновение.

Внезапно «Ганг», который вздымала некая неведомая сила, стал погружаться в состоящую из шлаков, хлынувших со дна, густую кашу. Это была полуостывшая лава, бывшая из-под земли; она застывала, твердела, становилась крепкой, как скальная порода, образуя под килем корабля нечто наподобие трехметрового пьедестала.

Людей, попрыгавших с корабля, обжигала нагретая лавой вода, они, визжа,плыли к берегу и, к счастью, добирались до атолла, не получив телесных повреждений, а только натерпевшись страху. Сиюминутная опасность больше никому не угрожала. Однако «Ганг» был безвозвратно потерян.

К сожалению, бедствия, причиненные такой беспрецедентной катастрофой, этим не ограничивались. Хотя лаборатория не пострадала, о чем с лихорадочной радостью оповестил ассистент-химик, да и «Анна», находясь вне зоны подводного извержения, не получила никаких повреждений, но без того плачевная ситуация стала еще тяжелее. Конфигурация морского дна настолько изменилась, что там, где только что был пролив, мутные от растворенного в них известняка волны яростно бились о самую настоящую стену. В промежутках между гребнями волн можно было рассмотреть нагромождение крохотных коралловых континентов, которые неожиданно появились над водой, в то время как другие исчезли без следа.

В результате всех этих перемен корабль, составляющий теперь для всех членов экипажа единственную надежду на спасение, оказался буквально заточенным в бассейн

не длиной около пятисот и шириной менее трехсот метров. Две отмели вулканического происхождения наглухо заблокировали оба пролива, пригодные ранее для якорной стоянки,— вне всякого сомнения, они не оставляли судну ни малейшей возможности выхода в открытое море. Ни малейшей щелочки, через которую смогла бы проскочить хоть какая-нибудь лодчонка! Полное заточение...

Всем было очевидно, что из атолла не только невозможно выйти, невозможно даже получить помощь извне, если, как люди еще смели надеяться, ушедшие корабли вернутся обратно. Оставалось лишь уповать на чудо. В такой ужасной обстановке как никогда ясно проявился гений господина Синтеза, человека неисчерпаемой стойкости, способного управлять людьми даже в безнадежном положении.

Сделав строгий выговор капитану, он не произнес больше ни слова, не сделал ни единого жеста. Однако, когда первая паника улеглась, никто даже головы поднять не посмел; матросы, еще накануне замышлявшие бунт, невозмутимо выполняли приказы командиров так, как если бы ничего особенного не происходило. Они совершенно не заботились о своем будущем, их доверчивость была просто удивительной.

Впавший же в отчаяние профессор зоологии бранился и вел себя так несдержанно, что химик смотрел на него сперва удивленно, а затем и недоверчиво. Капитан вынужден был отвести Роже-Адамса в сторону и шепнуть со странной откровенностью:

— Осторожно, на нас смотрят...

ГЛАВА 5

Потерпевшие кораблекрушение на Малакке.— У лесных людей.— Безнадежность.— Туземная медицина.— Спасен.— Через джунгли.— Широкое гостеприимство.— Тифаническая дружба.— Соображения Ба-Итанна.— Туземная одежда и местная кухня.— Привыкание к образу жизни дикарей.— Случай представился.— Что произошло после появления четырех слонов.— Резидент из Перака.— Отъезд.— Горе сакеев.— Из Перака в Калькутту.— Тревога.— Бурная деятельность.— Приготовление.— Пандит Кришна и его откровения.— Тревожные новости.

Прошло уже много времени с тех пор, как мы потеряли из виду двух, быть может самых симпатичных, героев нашего рассказа. Произошло это вовсе не потому, что

автор прибегнул к свойственным всем писателям ухищрениям, подогревающим читательское любопытство. Совсем напротив! Просто бывают случаи, когда рассказчик, как бы ни хотел, не может неотступно ходить по пятам за тем или иным персонажем, не рискуя нарушить ясность и последовательность своего повествования...

Так давайте же вернемся на полуостров Малакку в тот момент, когда капитан Кристиан, умиравший от малярийной лихорадки, увидел перед собой многочисленную группу оранг-сакейев и горестно воскликнул:

— Анна, сестра моя! Это «лесные люди»!

Седобородый старик, которого туземцы вытолкнули вперед, медленно приблизился, разглядывая белых с каким-то испуганным любопытством. Девушка же, охваченная ужасом, стала потихоньку пятиться назад. Видя ее состояние, старик остановился и, пытаясь, поелику возможно, смягчить свой грубый голос, гортанно заговорил:

— Ка иту! (Не бойся!)

И все остальные, безусловно желая подтвердить свои мирные намерения, хором повторили:

— Ка иту!

Если Анна и не поняла смысла сказанного, то, глядя на удивленные, но ничуть не враждебные лица, на которых теперь появилось даже выражение сердечности, она успокоилась. Поверив, что эти иссохшие люди никакие не враги, поборов последние опасения и черпая уверенность в безвыходности своего положения, девушка попыталась знаками объяснить старику, что и она сама, и ее спутник умирают от голода. Лесной человек уловил смысл этой пантомимы, рассмеялся и, сбросив с плеча корзину, начал прилежно рыться в ней.

— Ак! — воскликнул он.

В его руке появился закупоренный деревянной пробкой длинный сосуд из бамбука. Старик осторожно вытащил пробку и вытряхнул горсть белого, сваренного на пару риса, насыпал его в полую продолговатую тыквочку и подал Анне эту примитивную плошку со словами:

— Таша джарой! (Съешь этот рис!)

Несмотря на более чем сомнительную чистоту рук своего кормильца, бедная девушка, которую нужда заставила превозмочь брезгливость, взяла щепотку риса, поднесла ко рту и с жадностью проглотила. Радуюсь, словно дети, дикари захохотали во всю глотку, как будто такая

простая вещь казалась им верхом комизма (потом Анна узнала, что у сакеев был обычай таким образом выражать свое расположение).

— И вы, друг мой, тоже поешьте,— обратилась она к офицеру, который, видя, что им не угрожает опасность, снова впал в прострацию.

— Спасибо,— глухо ответил он.— У меня жжет в груди... Я задыхаюсь... Мне очень нехорошо...

— Попробуйте, прошу вас!

— Не могу... Но вы ешьте, восстанавливайте силы. Они вам еще понадобятся... Я счастлив, что мы встретили этих бедолаг. Кажется, они гостеприимны. Вы не погибнете с ними, а потом... потом, надеюсь, сможете добраться до английских владений. Ну, а что до меня...— горестно продолжал бедный офицер,— то думаю, нам следует проститься...

— Проститься?! Да вы просто бредите! Нет, это невозможно! Я не хочу! Провидение ниспошлет чудо... Эти люди должны знать местные болезни. Они спасут вас!

Тем временем туземцы, заинтригованные этой берущей за душу сценой, смысл которой им был не вполне понятен, подошли ближе. Они скороговоркой поговорили между собой, указывая на больного. Без малейшей робости и стеснения старик взял бессильную, пылавшую от жара руку капитана. Видя, что офицер лежит неподвижно, дышит часто и прерывисто, а лицо его налито кровью, он озадаченно покачал головой. Затем после долгих размышлений, с видом человека, принявшего окончательное решение, дикарь снова стал рыться в своей плетенке, раскрыл мешочек из очень тонкой пеньковой ткани и извлек оттуда белую перламутровую раковину, остро заточенную по краю. Успокоив девушку жестами, он, осторожно держа раковину правой рукой, отогнул больному ухо и с необычайной ловкостью сделал за ушной раковинкой четыре длинных насечки, из которых обильно хлынула кровь. Такую же операцию он повторил и за другим ухом и безотлагательно начал смешивать различные вещества, также добытые из мешка.

Мастерски сделанное местным лекарем кровопускание принесло чудесные плоды в том смысле, что приступ, могущий оказаться роковым, не повторился; больному полегчало, кровь отлила от головы, и он пришел в себя.

Ободренный таким началом, туземец продолжал месить свои снадобья, затем присел перед своим пациентом

в классической позе портных и мусульман, жёстами уговаривая его принять штук шесть шариков размером с дикую вишню. Капитан, к которому вернулась ясность мысли, понял, что эта варварская медицина может его спасти, и решил попытаться. Он легко проглотил шарики, запив их водой, но содрогнулся от отвращения, таким горьким оказалось лекарство. Четверть часа спустя больной уже крепко спал.

Все это время сакейи не оставались без дела. Решительно, как и все кочевники, они выбрали место стоянки и разбили, по обычаям своего племени, лагерь весьма примитивный, состоящий из обыкновенных шалашей, покрытых листьями. Но этого было достаточно, чтобы предохранить себя от ночной росы. После чего одни отправились на охоту, вооружаясь стрелометательными трубками, а другие — разожгли костер и стали печь в золе обисы, съедобные клубни, которые «лесные люди» ели часто и с удовольствием, предпочитая их даже рису.

Анна испытывала доверие к туземцам, видя, какой заботой они окружают ее и Кристиана. Забыв о голоде, она думала теперь только о своем друге, спавшем крепче, чем можно было ожидать после подобного приступа. Вскоре молодой человек начал обильно потеть. И вот что характерно — от его пота, ручьями струившегося по всему телу, так сильно пахло болотом, что запах этот можно было различить на расстоянии пяти-шести метров.

Старик, по-прежнему сидя на корточках возле больного, принялся жевать жвачку, не спуская глаз с пациента. Время от времени он потирал руки, залиvisto смеялся, плевывал жвачку, брал новую и бормотал на местном наречии нечто, напоминающее заклинания.

Через четыре часа потовыделение еще усилилось, если такое только возможно, но болотное зловоние исчезло. Тогда старый сакейя подозвал двух дикарей, сделал им знак поднять белого и отнести его на берег реки. Они немедленно повиновались, трижды быстро окунули капитана в воду и бегом отнесли в уже готовый шалаш.

Очнувшись от такого неожиданного омовения, Кристиан вскрикнул, но это был крик радости — он почувствовал, что его муки кончились. Чтобы довершить курс примитивного, но необычайно действенного лечения, старик знаками показал капитану, что тот не должен раздеваться до тех пор, пока одежда на нем не высохнет.

Странная вещь, но офицер не чувствовал ни малейшего недомогания, наоборот, после страшного кризиса, едва

не стоившего ему жизни, он пребывал в блаженном состоянии. Кристиана настолько измучила высокая температура, что холодное купание не только не оказалось опасным для его здоровья, но, напротив, благотворно подействовало на ослабленный организм и привело к значительному снижению температуры. Не секрет, что многие известные врачи и даже руководители целых школ применяют для лечения тифозной горячки холодные ванны и укутывают пациента мокрыми простынями. Не следует ли нам подивиться могучему инстинкту туземцев, опытным путем изобретших способ лечения, который применяют медики в цивилизованных странах?

Однако, хоть приступ малярии и был предотвращен чудесными усилиями туземного эскулапа, период полного выздоровления обещал быть долгим. Десять дней прожили наши друзья в примитивном лагере, но Кристиан все еще не мог долго находиться на ногах — его охватывала слабость, доходящая чуть ли не до обморока.

Все это время «лесные люди» ни на секунду не переставали заботиться о своих новых друзьях. Скромные, услужливые, наивные, словно дети, они умудрялись создать для них максимум удобств. Сакейи в изобилии снабжали наших путников рыбой, дичью, приносили дикие плоды и коренья, смеялись до слез, когда капитан и девушка пытались произнести несколько слов на местном наречии, и радовались, видя, как те отдают должное их кушаньям.

Спустя некоторое время хозяева и гости стали с грехом пополам понимать друг друга, а вскоре офицер почувствовал достаточно сил, чтобы снова идти в английскую колонию, и сообщил гостеприимным хозяевам о своем намерении отправиться в Перак.

Все двинулись в путь, и, безусловно, без помощи этих славных людей капитан и девушка недалеко бы ушли.. С необычайной легкостью пробираясь сквозь непролазную чашу, сквозь непроходимые заросли колючего кустарника, дикари прокладывали дорогу для своих гостей. Более того, когда девушка не смогла больше передвигаться пешком, сакейи соорудили носилки и, устлав сиденье мягкой листвой, несли ее без толчков и тряски до следующей стоянки.

Но дни шли за днями, и, ориентируясь по солнцу, капитан постепенно убедился, что они движутся вовсе не по направлению к Пераку. Так как его познания в местном наречии значительно расширились, он обратился к старику, откликавшемуся на имя Ба-Итанн:

— Ты ведешь меня не в Перак.

Ба-Итанн к каждой своей фразе прибавлял восклицание: апа иту! (Ну и что с того!)

— Апа иту, йа, туан (да, господин).

— Так нельзя!

— Апа иту, все дороги ведут к туан-гобернор (к губернатору).

— Значит, ты выбрал самую длинную.

— Апа иту! (И что с того?) Разве тебе скучно с Ба-Итанном и сакейями?

— Нет, не скучно, но я хотел бы вернуться к белым.

— Апа иту! Сакейи любят тебя, они любят белую женщину. Зайди сперва в гости к сакейям, а потом Ба-Итанн проводит тебя к туану-губернатору в Перак.

Невозможно было переспорить старика, более своеговольного, чем ребенок, то есть своеговольного, как истинный дикарь.

— Видишь ли, Ба-Итанн, одежда моя истрепалась. Я в этих лохмотьях скоро не смогу на глаза людям показаться.

— Ба-Итанн даст тебя кайн-кайу*, ты сошьешь себе одежду.

— А моя сестра, которую ты называешь Белая Птица?

— Белая Птица тоже наденет платье из кайн-кайу.

Волей-неволей пришлось зайти в то место, которое старик подразумевал под словом «деревня», представлявшее собой скопление соломенных хижин, крытых листьями, возле которых росли *джагун* (кукуруза), *писанг* (банановые деревья) и *джарой* (рис).

Это нескончаемое путешествие длилось почти три недели. Зато клан «лесных людей» принял у себя двух европейцев. чуть ли не восторженно, что, конечно же, радовало путников, хоть и не могло восполнить утраченного времени. Надо было воспользоваться этой передышкой, тем более сакейи и мысли не допускали, что белые с радостью уклонились бы от их гостеприимства.

По прибытии капитан и его спутница обновили свой гардероб. Кристиан скроил себе из большого куска кайн-кайу «пиджачную пару», а для девушки хозяйственные сакейи сшили очень аккуратно нечто наподобие пеньюара. Кстати говоря, ей на диво шла эта одежда.

Наряженные в новые платья, обутые в шнурованные

* Ткань из лыка темно-коричневого цвета, из которой сакейи шьют себе одежду. (Примеч. авт.)

башмаки из буйволиной кожи; в панамах из листьев ротанговой пальмы, европейцы могли теперь беспрепятственно пробираться сквозь самые густые заросли, так как кайн-кайу предохранял от шипов.

Мужчины, женщины, дети соревновались между собой, стараясь угодить гостям и обеспечить им максимум дикарского комфорта, который, после пережитых путниками передраг, был оценен по достоинству.

К сожалению, все реже и реже заходила речь о Пераке. Дни шли за днями, а привязанность сакеев к жертвам кораблекрушения все крепла и становилась все более тиранической. К молодым людям относились в точности как к королю и королеве, но к королю и королеве плененным или почти плененным. Хоть и не была тяжела удерживавшая их цепь, тем не менее она существовала.

Но нет худа без добра. Благодаря тому, что насильственное гостеприимство оставляло много досуга, молодые люди быстро приуспокоились ко всем требованиям здешнего быта. Через месяц их было не узнать. Жизнь на свежем воздухе под лучами солнца благотворно повлияла на девушку — чувствовала она себя как никогда прекрасно; цвет лица приобрел золотистый оттенок, что дивно гармонировало с цветом ее волос. Наконец-то стало ясно, какая горячая кровь струится по сети тоненьких голубоватых жилок, проступавших под загорелой кожей.

Мужественно борясь с праздностью, которой так охотно предаются на экваторе европейки, Анна окунулась в доселе ей неведомые материальные тяготы жизни. Нисколько не теряя обычного своего изящества, она первобытным способом разжигала огонь, готовила некоторые простые, но питательные блюда, составлявшие каждодневный рацион; насадить на вертел куропатку, зажарить олений окорок, приправить перцем съедобные клубни — все это стало для нее привычным делом.

Кристиан вскоре окончательно поправился. К превеликой радости его друзей-дикарей, он как настоящий сакей достиг высочайшего мастерства в стрельбе из стрелометательной трубки, а *голоком* и *пафангом* орудовал так, словно его юные годы прошли не в Стокгольмской гимназии, а среди «лесных людей». Туземная жизнь перестала быть для капитана загадочной. Теперь при желании он мог бы без труда в одиночку пересечь джунгли и добраться до английского поселения, чтобы потом, в сопровождении эскорта, вернуться за своей спутницей. Но — и пусть кто как хочет объясняет это противоречие — офицер,

несмотря на все желание очутиться в цивилизованной стране, ощущал тяжесть на сердце при мысли, что надо покинуть эту солнечную жизнь. Анна, со своей стороны, тоже, казалось, совсем не торопилась идти к англичанам в Перак... Будут ли они еще когда-нибудь так счастливы?.. Но капитан Кристиан был человеком долга. Мэтр дал ему поручение, и он выполнит его во что бы то ни стало.

В ожидании удобного случая для расставания с «лесными людьми» прошло три месяца, надо сказать, приятных как для Кристиана, так и для Анны. И вот однажды в одно прекрасное утро, когда племя почти полностью отсутствовало — оставались лишь женщины, дети, Ба-Итанны, несколько вождей и двое потерпевших кораблекрушение, — среди поляны вдруг, позвякивая бубенчиками, появился... слон! За ним второй... третий... четвертый... Со спины каждого животного по обе стороны свисали огромные плетеные корзины, между которыми крепились полотняные паланкины. В корзинах — палатки, провизия; верхом — люди кто в форме индусских сипаев, а кто в малайских костюмах. На первом слоне, кроме погонщика, восседал всего лишь один человек, одетый в европейское платье.

— Т-р-р-р-онк! — во всю глотку загорланил погонщик.

Животное тотчас же остановилось и, присев на задние ноги, чтобы седок, сразу же заметивший в толпе орангов двух европейцев, мог спрыгнуть на землю.

— Поди ж ты, меня не обманули. Действительно, белые люди! — пробормотал он себе под нос по-английски, затем, обернувшись к девушке, в изумлении застывшей рядом с молодым человеком, отвесил ей почтительный поклон. — Ввиду того, что представить меня вам некому, возьму на себя смелость сам исполнить эту формальность. Я сэр Генри Брейд, представитель Ее Величества королевы в Пераке.

— Мадемуазель Анна Ван Прет, — тотчас же представил свою спутницу Кристиан. — Ну а я — офицер королевского шведского флота капитан Кристиан. Мы оба потерпели кораблекрушение приблизительно четыре месяца тому назад... И с тех пор пользуемся гостеприимством этих добрых сакейев.

— Всего лишь десять дней, как мне донесли малайские бродяги, что среди орангов живут двое белых. Боясь, как бы вас не держали в плену и в любом случае предполагая, что вы рады будете вернуться на родину, я без промедле-

ния ринулся на поиски, и вот наша экспедиция перед вами. Правильно я поступил? — приветливо и сердечно спросил англичанин.

— Ах, сэр Брейд! Мы так благодарны вам!

— Оставьте, дорогой капитан. Я просто выполнял свой долг цивилизованного человека, стоящего, как часовой, на посту среди здешнего варварства... Но нам следует поторопиться, потому что через десять дней в рейс уходит пакетбот. Надеюсь, вы не откажетесь занять место на моем слоне?

— Излишне говорить, что мы с живейшей благодарностью принимаем ваше приглашение. Позвольте только попрощаться с этими милыми людьми, ставшими нашими благодетелями, и можно трогаться в путь.

Обернувшись к Ба-Итанну, из глаз которого катились слезы, сам растроганный видом его горя, капитан сказал:

— Ба-Итанн, старый дружище, мы уезжаем. Белая Птица возвратится к своему отцу, а я буду ее сопровождать.

— До свидания, дети,— прошептал старик.— «Лесные люди» будут оплакивать ваш уход.

— Мы никогда не забудем вас, старый друг, память о наших братьях сакейях навсегда сохранится в наших сердцах.

— Ба-Итанн уже стар, он вас больше не увидит.

— Кстати говоря,— вмешался английский джентльмен,— почему бы этому старику и нескольким его соплеменникам не проводить вас до английской миссии? Магазин ломится от товаров, вы могли бы по своему усмотрению, если и не в полной мере вознаградить их за заботы, но, во всяком случае, приобрести подарки, способные смягчить горечь разлуки.

— Ах, как вы добры, сэр Генри! Я от всего сердца принимаю ваше предложение. Слышишь, Ба-Итанн, туангобернор спрашивает, не хочешь ли ты проехаться в Перак?

— Ба-Итанн рад, он поедет!

— Ну вот, все и уладилось как нельзя лучше. А теперь — в путь!

Молодые люди заняли места на спине первого слона, рядом с сэром Брейдом; погонщик уселся прямо на шею животного, упершись ступнями в ошейник, на котором был прикреплен бубенец. Раздался пронзительный свист. Слоны встали, и процессия, замыкаемая эскортом, состоящим из десяти сакейев, двинулась в путь.

Через четыре дня экспедиция добралась до английской миссии. Трудно поверить, но ни один пешеход не отстал от каравана. Вот до чего быстроходны и неутомимы дикие обитатели Малайского полуострова; они не только шутя идут вровень с бегущими рысью одомашненными слонами, но умудряются даже иногда перегонять их.

Нет смысла распространяться о том, какой гостеприимный прием оказали жертвам кораблекрушения представители английской королевы и его милое семейство. Молодые люди сняли с себя грубые одежды из кайн-кайу и облачились в приличествующее им платье. Они спали в настоящих постелях, ели с настоящих тарелок, иными словами, наслаждались всеми благами цивилизации. Но их пребывание в Пераке вскоре было прервано приходом пакетбота, который, после короткого захода в порт, собирался взять курс на Индию.

Сакееи, нагруженные подарками и ослепленные великолепием резиденции, вернулись в джунгли. Капитан утешил их, пообещав вскоре вернуться и побродить с ними по лесам.

Вслушав подробный рассказ о злключениях молодых людей, сэр Генри Брейд понял, как не терпится им поскорее уехать, потому и не стал задерживать гостей. Он снабдил их всем необходимым и лично проводил на пакетбот, сделавший остановку лишь затем, чтобы забрать почту.

Восемь дней спустя путешественники благополучно высадились в Калькутте. Шел шестой месяц их странствий.

По личному опыту зная, как должен был беспокоиться затерянный среди Кораллового моря господин Синтез, наши молодые люди поспешили пустить в дело свои вновь обретенные громадные средства для подготовки экспедиции на атолл.

Поселив Анну в огромном дворце, построенном когда-то господином Синтезом в Човрингхе и содержавшем неисчислимые сокровища, Кристиан кинулся на поиски корабля и экипажа. Он развернул такую бурную деятельность, так щедро тратил рупии* и разбрасывал пригоршни золота, что всего лишь через пять дней все было готово: судно, команда, вооружение, запасы продовольствия — словом, все необходимое.

* Рупия — денежная единица Индии и некоторых других стран.

Корабль представлял собой яхту водоизмещением тысяча двести тонн, которую за бешеные деньги уступил один полуразорившийся лорд. Но разве имели значение лишние несколько тысяч Живров, если парусник делал сорок узлов в час!

Вооружение его состояло из двух стодвадцатимиллиметровых пушек, двух пулеметов и большого числа многозарядных карабинов; экипаж — двадцать суровых матросов-шотландцев, служивших преждему хозяину и подписавших контракт с новым владельцем. Опытные моряки — смелые, неустоимые, преданные. Кроме того, капитан выбрал среди дворцовой челяди пятнадцать индусов-сикхов* и непальцев — железных людей, фанатично преданных Мэтру. Четыре служанки — две негритянки и две индуски из Бенгалии — должны были прислуживать мадемуазель Ван Прет.

Кристиан не раздумывая запускать руки в ломившиеся от сокровищ сундуки, пытаясь приобрести то, что не всегда можно купить за деньги — а именно, время. Земля Индостана горела у него под ногами. Мэтр в опасности!.. Еще немного, и его положение станет безнадежным... Он останется без средств к существованию, без всякой опоры... Успеет ли яхта дойти вовремя?

Откуда пришло к молодому человеку такое озарение, как он узнал факты, которых знать не мог, — ведь господин Синтез был полностью лишен связи с внешним миром?! Мы помним загадочного пандита Кришну, таинственным образом промелькнувшего на страницах этого рассказа, чтобы отговорить ученого от его Великого Дела. Действительно ли Кришна, посвященный и ясновидящий, принадлежал к тем брахманам, чей дух, закаленный бедствиями, постами и медитацией, прозревал неведомое другим людям — воссоздавал прошлое, знал настоящее, предчувствовал будущее? Мог ли его столь далеко оторвавшийся от материи дух путем внушения на расстоянии получить от господина Синтеза сведения о драматических событиях, происшедших на атолле?

Никто того не ведал. Но как бы там ни было, в первый же вечер по прибытии наших героев в Калькутту пандит нанес им визит, хотя сообщить о том, что моряк и девушка остановились во дворце, было некому.

* Индусы-сикхи — последователи религии сикхизма, исповедующие единобожие и равенство людей всех сословий.

Удивленный его появлением, которое в конечном счете можно было объяснить совпадением или любыми другими естественными причинами, офицер буквально остолбенел, когда брахман изложил ему всю череду происшедших на атолле событий. Кришна упоминал не только факты, известные людям, составлявшим окружение Мэтра, но и некоторые сугубо личные детали, известные, как полагал Кристиан, только ему одному.

Зная об удивительной правдивости этого необыкновенного человека, капитан не смог подвергнуть сомнению рассказ о событиях, последовавших после его отъезда, которые брахман, ничуть не заботясь о внешних эффектах, описывал своим всегдашним тихим и немного монотонным голосом.

— Но в таком случае Мэтр пропал! — воскликнул Кристиан, не в силах превозмочь охватившее его волнение.

— Нет, дитя мое, пока положение всего лишь осложнилось, правда, осложнилось весьма серьезно. Но ты еще можешь изменить его своим вмешательством, правда, для этого следует поторопиться!

— Вы меня пугаете, пандит.

— Чем? Тем, что говорю правду? Но людей твоего склада истина должна скорее успокаивать, чем пугать.

— Но, будучи человеком, наделенным таким могуществом, не можете ли вы чем-нибудь помочь Мэтру?

— Разве мало того, что я сообщил тебе о том, в какую западню попал твой хозяин, этот гордец, самонадеянно считающий себя выше наших самых высоких вероучений? Я мог бы сделать для него меньше, но не могу сделать больше. Действовать предстоит тебе. Надеюсь, вы поспеете вовремя, чтобы сохранить ему жизнь и уберечь его рассудок. Надеюсь и всем сердцем желаю этого. Мне будет горько, если ты опоздаешь, потому что я люблю его. Прощай!

Шесть дней спустя яхта на всех парах неслась по направлению к Коралловому морю.

Письмо агента полиции.— Новые подробности о его коллеге — помощнике кочегара.— Ненависть индуса.— Кто перерезал трос «Подводного крота»? — Перемирие.— Интрига драмы усложняется.— Во время экспедиции на паровом баркасе.— Человек за бортом.— К чему привело то, что человек утонул.— Отловленный траловой сетью.— Филантропы себе на уме.— Воскресение из мертвых.— Ненависть и любовь повосточному.— Эволюция живых существ продолжается.— Каким будет человек? — Замена.— Человек найден.— Каждый получит свою часть наследства Мэтра.— Прежде чем получить часть добычи.

Господин префект!

За долгий истекший период мне представилась всего одна возможность послать вам свое донесение. Я поспешил ею воспользоваться, чтобы ввести вас в курс дела и ознакомить с ситуацией, которая, судя по всему, должна привлечь к себе пристальное внимание властей.

Не знаю, дошло ли до вас это первое, вернее, единственное послание. Надеюсь, что да, ибо в нем ключ к тайне господина Синтеза,— планы на будущее, цель экспедиции, а также характеристика его окружения. Кроме всего прочего, письмо это являлось свидетельством того, что ваш агент, не отличаясь другими достоинствами, все же сделал все от него зависящее, дабы ревностно выполнить полученное задание.

Собрав обширную информацию о личности старого ученого, убедившись, что его экстравагантная идея* создать свой собственный мир не несет в себе угрозы государственной безопасности, я мог бы или, во всяком случае, должен был бы вновь заступить на свой пост в Центре. К сожалению, обстоятельства, совершенно не зависящие от моей воли, до сих пор мешали моему возвращению.

Говорю «к сожалению», но не следует думать, что, застряв в Коралловом море, я горько сетую на судьбу; каждый новый день дает такую пищу моей любознательности, что это смягчает тоску по родине. Короче говоря, моя ностальгия имеет вполне благодушный характер.

Надо сказать,— а искренность велит мне ничего от вас не утаивать,— я являюсь сейчас свидетелем драмы,

* Экстравагантная идея — не соответствующая привычным представлениям, причудливая, необычная.

написав которую любой драматург составил бы себе состояние. И развязка ее близка. Драма эта, куда более захватывающая и заслуживающая более многочисленной публики, чем любая пьеса из репертуаров наших театров. Я иногда прихожу в отчаяние от того, что являюсь единственным незаинтересованным зрителем на диво хитроумно сплетенной интриги.

К тому же не следует употреблять определение «незаинтересованный» в прямом смысле слова, ибо я, помимо своей воли, стал хоть и пассивным, но соучастником происходящего и, по окончании дела, вынужден буду принять участие в дележе головокружительного клада, слухи о котором разжигают безумные страсти и всеобщую алчность...

Я лишен права выбирать, тем более рассуждать и под страхом смерти вынужден присутствовать при развитии этой драмы,— все видеть, все слышать и лишь в самую последнюю очередь получить воздаяние за свое пассивное созерцание. Надеюсь только, что мне доля будущего богатства достанется нисколько не предосудительным образом.

Припоминаю название одного водевиля: «Эзб, или Кабриолет поневоле». Драму, в которой я невольно участвую, можно озаглавить: «Три икса, или Капиталист поневоле». Бедный папаша Синтез! Слово чести, этот старый ученый педант вызывает у меня сочувствие, тем более с тех пор, как я узнал, что вскоре он падет жертвой кучки мерзавцев.

Если бы мне не было известно, как Синтезу претит все, что так или иначе связано с полицией, я поспешил бы его предупредить о готовящихся кознях. Но он не поверит мне. Этот человек способен при первых же словах приказать отправить меня на глубину ста сажень с ядром, привязанным к ногам. Поэтому я, чтобы ввести Мэтра в курс дела, дожидаясь возвращения капитана Кристиана, славного малого, немного наивного, но, во всяком случае, человека непредубежденного. Ах, лучше бы он поторопился. Время не ждет...

Итак, приступаю к последовательному изложению нашей драмы. Перо мое бессильно начертать на бумаге слова, которые соответствовали бы мыслям, что спуют в моей голове, но вот действующих лиц с их страстями, жадной наживы и отсутствием моральных устоев позвольте вам представить.

Личность наиболее замечательная — мой коллега, лже-помощник кочегара, вернее, помощник кочегара по убеждениям. Во всяком случае, он не метит в денежную кубышку, при мысли о которой его дружки теряют голову. Это

не мешает ему оставаться человеком, лишенным того, что мы называем предрассудками, и способным при случае, если замыслит, пойти на любую крайность.

Я описывал вам и его, и обстоятельства нашего знакомства в те уже ставшие далекими времена, когда мы подносили кочегарам уголь в плетеных корзинах. Кажется, он действительно урожденный принц, ставший изгоем. Он вообразил,— как я вам писал,— с поводом или без повода, что господин Синтез — виновник его падения, вследствие чего испытывает к старику такую яростную ненависть, какую мы, европейцы, и представить себе не можем.

Уже давно этот бывший принц пытается отомстить господину Синтезу, но к нему, простому смертному, невозможно и подступиться без достаточных оснований — телохранители, люди неподкупные, ни на миг не оставляют хозяина одного. Правда, наш мститель, нетерпеливый и хитрый, как тигр, выбрал правильную тактику; он ловко проник в самое сердце событий, то есть на корабль, и остался на нем никем не замеченный, а стало быть, вдвойне опасный.

Так, гонимый жаждой мести, он встретил внучку господина Синтеза — очаровательную особу в стиле Офелии — и безумно в нее влюбился. Я говорю «безумно», поскольку мне не хватает более сильных выражений, чтобы передать всю напряженность этой доведенной до крайности страсти. Настоящий солнечный удар, полученный на экваторе.

Если вы думаете, что такое сильное чувство к единственной внучке заклятого врага смягчит его ненависть, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди, в отличие от нас, вылеплены из другого теста, они крепки, как бронзовые двери их пагод. От любви его ненависть лишь увеличилась, а от ненависти — возросла любовь.

Здравомыслящий сын старой доброй Европы в подобном случае заключил бы мир и лаской попытался бы обратить своего врага в доброго папашу. А мой индус положительно сбесился. Холодное бешенство — вот что самое страшное... В довершение всего, тот идеальный человек, чьи предки эволюционируют сейчас в лаборатории господина Синтеза, предназначается в мужья (что, по моему, более чем проблематично) внучке старого ученого. И следовательно, если бы мой друг по всем правилам просил бы ее руки, господин Синтез не стал бы с ним и разговаривать. Потому-то индус даже во сне мечтает убрать старика с дороги, нимало не заботясь о том, как посмотрит на это его избранница.

Кстати, я думаю, да простит меня Бог, что наш принц палец о палец не ударил, чтобы вызвать у девушки хоть намек на симпатию к себе. Как бы там ни было, но он жаждет получить ее, предварительно укокошив старика. Эти люди хуже тигров и не имеют ни малейшего представления об общественных отношениях, во всяком случае, в нашем понимании этого слова.

Однако не подумайте, что сей юноша просто фанфарон и что его ненависть — пустое бахвальство. Отнюдь нет. Один раз из-за него господин Синтез, несмотря на все принятые предосторожности, чуть было не отправился к своим предкам.

Однажды старик предпринял подводное погружение в сопровождении ассистента-зоолога в хитроумно сконструированном подводном аппарате, обеспечивающем, казалось бы, полную безопасность. Индус не долго думая отправил обоих ученых на дно, и вот как это произошло: в тот момент, когда аппарат с людьми, именуемый «Морским кротом», пребывал под несколькокилометровой толщей воды, принц умудрился, уже не знаю каким способом, перерезать стальной трос, с помощью которого их должны были поднять со дна. Я видел, как он неоднократно нырял с носа судна, что-то делал под водой, а когда выныривал, из носа у него шла кровь, так длительны были эти погружения.

Этот дикарь с легким сердцем и без малейших угрызений совести пожертвовал жизнью биолога, хотя тот не сделал ему ничего плохого. Как вспомню, до сих пор мороз пробирает по коже! Господин Синтез и его спутник спаслись чудом, чем несказанно разозлили убийцу, который в тот же вечер сказал мне:

— Ну что ж, хорошо, я все начну сначала.

То ли господин Синтез бросил ему вызов, то ли старику неимоверно везло, но все новые попытки этого мрачного типа не имели успеха. Отчего его характер стал, если это только возможно, еще более мрачным.

Два из трех кораблей ушли с атолла в неизвестном направлении (жалкие помощники кочегара не имеют право знать секреты богов). На одном из судов вывели китайских кули, на другом отбыла мадемуазель Ван Прет, внука господина Синтеза. После ее отъезда приятель мой пришел в еще большее иступление. Но нет худа без добра, ибо с тех пор он, казалось, на короткое время разоружился.

Обыкновенное перемирие. Но, вне всякого сомнения, чтобы разом со всем покончить, военные действия возоб-

новятся после возвращения бедняжки. Под словами «разом со всем покончить» пылкий влюбленный подразумевает: убить господина Синтеза и капитана Кристиана, в котором мой напарник нюхом чует соперника, а затем овладеть девушкой, ее согласие в данном вопросе для него не требуется.

Если бы автор этого плана в сложившейся ситуации мог рассчитывать только лишь на собственные силы, то я, в случае надобности, обязательно вмешался бы в последний момент и поговорил бы с ним по-мужски, взяв на себя роль благородного господина, который в мелодрамах карает порок и способствует торжеству добродетели. Но в настоящее время добиться классической развязки и согласно всем правилам драматургии закончить пятый акт невозможно, потому что этот злополучный принц имеет теперь опасных сообщников; им достаточно его слова или жеста, чтобы немедленно меня укокошить.

Увы! Я не Дон-Кихот. Да к тому же все эти мерзости происходят не на территории Франции, и поэтому не стоит играть в геройство, изображать из себя сторожевую собаку ради людей, со всех точек зрения мне безразличных. Позже, если обрету точку опоры, буду действовать из гуманных соображений предупрежу капитана Кристиана и, в случае нужды помогу ему. Но пока я одинок и ничего не могу поделать.

Что касается сообщников моего приятеля, это целая история, и ее следует рассказать в мельчайших подробностях, поскольку она красноречиво характеризует небезызвестного вам господина Синтеза, в котором, надо сказать, я сильно разочаровался. Но перейдем к фактам.

Профессору зоологии по неизвестным мне причинам пришлось отправиться в довольно продолжительную научную экспедицию. Господин Синтез предоставил в его распоряжение паровой баркас и необходимое количество матросов.

Так как мы уже долгое время томились в бездействии, а у остальных членов экипажа дел было по горло, нас послали в экспедицию в качестве кочегаров. Такое вот продвижение вверх по служебной лестнице. Капитан нашего корабля принимал участие в экспедиции как зоолог-любитель и, ясное дело, командовал баркасом.

Мне понадобилось совсем мало времени, чтобы заметить, какая близкая дружба связывает капитана и Роже-Адамса, сына известного вам знаменитого ученого. Такая близость между людьми, не имевшими решительно ничего

общего, казалась странной, с первого взгляда во всяком случае.

Капитан — толстый голландец, круглый словно бочонок, выпивоха с вульгарными манерами, не интересующийся ничем, кроме своей профессии. Но при этом вид у него хитроватый, как у барышника из Нижней Нормандии. Я лично опасаюсь подобных толстяков с их поджатыми губами, глазами-буравчиками, елейными речами, сдержанными и чопорными жестами. Другой же — университетский преподаватель, светский щеголь, педант, очень себе на уме, но в конечном счете человек эрудированный, напичканный, словно целая библиотека, всевозможной информацией.

Смутно предчувствуя какую-то тайну и не имея иных развлечений, я стал наблюдать за этой парочкой, одновременно делая вид, что по горло занят идиотской работой кочегара. Признаюсь, поначалу казалось, что мои подозрения беспочвенны — слишком долго я совершенно безрезультатно не спускал с них своего полицейского ока и остро держал свое полицейское ухо.

С раннего утра до позднего вечера баркас сновал между низкими островками и рифами мадрепорического происхождения. За нами день и ночь волочилась траловая сеть, приносявшая более-менее интересные образцы морской фауны. Часть из них помещали в специальный резервуар с водой, других использовали в пищу. Особей, не представлявших ни научного, ни гастрономического интереса, выбрасывали обратно в море.

Между тем мы подошли к красивым и плодородным островам, на которых перегнившие водоросли образовали толстый слой гумуса, что благоприятствовало появлению на них богатой флоры. Основные обитатели этих островов — рептилии*, ящерицы и ракообразные. Зоолог, млея от удовольствия, беспощадно их отлавливал и присоединял к коллекции. Наш баркас вскоре стал напоминать настоящий Ноев ковчег**.

Капитан принимал живейшее участие в поиске этих тварей, чье присутствие на судне становилось чем дальше, тем более тягостным. Казалось, его увлечение зоологией

* Рептилии — пресмыкающиеся (змеи, ящерицы, черепахи, крокодилы).

** Ноев ковчег — судно, по библейскому мифу, построенное пророком Ноем перед всемирным потопом; по указанию Бога Ной поместил на судно по одной паре всех живых существ и спас их от гибели.

изо дня в день возрастало. В конечном счете оно и к лучшему, изучение естественной истории — дело чрезвычайно захватывающее, способное увлечь даже голландца, до сих пор подразделявшего всех животных на съедобных и несъедобных.

Я же досадовал, что до сих пор ничего не выведal об этих либо вполне порядочных, либо очень осторожных людях. Инстинктивно чувствуя «нечто» и пророчески говоря себе, что разгадка тайны мне по плечу, я выжидал. И наконец мои усилия увенчались успехом. Путешествие длилось уже почти неделю, когда в один прекрасный день наш индийский принц оступился и упал за борт. Думая, что для такого прекрасного пловца это пустяк, я ждал, когда он вынырнет на поверхность. Но время шло, а бедняга все еще пребывал под водой.

Гибель человека — пусть малоинтересного, пусть даже преступника — всегда тягостное и за душу берущее зрелище. И сколько бы я ни уговаривал себя в том, что эта неожиданная смерть — промысел Божий, что она очень кстати отводит угрозу от господина Синтеза, я все же оплакивал этого красавца, еще совсем недавно полного сил.

Бесплодные поиски продолжались уже минут десять, стало ясно: все наши надежды тщетны.

— Всего-то и делов, что какой-то индус! — как бы в утешение заявил капитан.

— Мне казалось, он — европеец, — откликнулся профессор зоологии.

— Под слоем угольной пыли можно и не распознать. Однако в корабельных списках он значится как индус.

В это время вытащили трал.

— Черт побери, а вот и наш парень! — воскликнул капитан, заметив лжекочегара, запутавшегося в ячейках сети и буквально задавленного огромными рыбинами. Теперь меня не удивляет, что он не смог выкарабкаться!

Господин Роже-Адамс, надо отдать ему должное, вел себя надлежащим образом. Не ответив капитану, он поспешил разрезать сеть, вытащить утопленника и оказать ему весьма профессионально неотложную помощь. Но, несмотря на самые энергичные меры, пострадавший долго не подавал никаких признаков жизни.

— Да оставьте вы этого утопленника! — снова вмешался капитан с чудовищным эгоизмом европейца, привыкшего торговать восточными людьми.

— Он — человек, капитан! — не без достоинства возразил господин Роже-Адамс.

Слово чести, это было сказано так веско, что я готов был восхититься, но вдруг заметил, как зоолог сделал тупице голландцу знак, могущий означать: «Вы что, тронутый, мой бедный капитан?»

— Человек — венец природы! — как ни в чем не бывало подхватил капитан, без сомнения, поняв посланный ему сигнал.

— Буду признателен, если вы прикажете перенести беднягу вон на тот островок. Там мне будет удобнее привести его в чувство.

— Как вы думаете, он очухается?

— Надеюсь, что да, капитан. Мне кажется, кровообращение восстанавливается... Но поспешите, прошу вас!

Принца перенесли на коралловый остров, а мы, крайне заинтригованные, остались на судне, недоумевая, зачем зоолог до седьмого пота трудится, растирая нашего товарища, в то время, как проще было бы использовать нас поочередно для этой тяжелой работы. (С радостью сообщаю, что позже я нашел ключик к этой загадке.)

Не прошло и часу, как сознание вернулось к моему приятелю. После долгого разговора с капитаном и профессором индус вернулся к нам в полном здравии, промытый изнутри, растертый докрасна, в расцвете всех своих сил.

Он, поев за обе щеки, скромно занял свое место у машины и принялся вновь крошить уголь, чтобы измазать лицо и руки в столь им любимый черный цвет.

Я горел нетерпением остаться с беднягой с глазу на глаз и расспросить о случившемся, поскольку от меня, как от своего сообщника, он ничего не скрывал. К счастью, капитан сообщил нам, что ввиду чрезвычайного происшествия после обеда мы будем свободны и можем прогуляться по заросшему кокосовыми пальмами островку.

Воспользовавшись этой неожиданной удачей, мы вскоре оказались вдвоем, и мой приятель, не делая никакой тайны из своего приключения, так подробно мне все пересказал, что я вольно или невольно стал как бы его соучастником. Видимо, одурев от радости, на сей раз он был слишком говорлив. Не стану детально излагать его историю, ибо тогда мой доклад превратится в целый роман. Сообщу лишь самое главное.

Ранее я писал, что мой новый знакомец, если стереть с него толстый слой копоти, являл собою совершенный тип красоты, все еще встречающийся в Индии. Не стану распространяться по этому поводу — я смогу создать лишь поверхностный и лишенный поэзии образ.

Стоило профессору зоологии увидеть бездыханным это тело — воплощение людской красоты, как дьявольский план зародился у него в голове. «Мне необходимо вернуть нашего красавчика к жизни», — подумал он про себя в то время, как потерпевшего по его требованию несли на островок — подальше от посторонних глаз и, особенно, ушей.

Энергично применяя к утопленнику все способы реанимации, зоолог изложил свой план капитану, который, должно быть, целиком и полностью его одобрил, потому что, когда индус очнулся и с удивлением обнаружил, что жив, между его спасителями царило полное единомыслие. Первыми словами принца были проклятия в адрес господина Синтеза, затем, со странным выражением нежности и сожаления, он произнес имя его внучки.

— Ну и ну, — заметил профессор зоологии, — он, если не ошибаюсь, страстно влюблен в девушку!

— И враг старика... Все складывается как нельзя лучше. Мы еще к самому главному и не приступали, а дело уже в шляпе!

— Так ты, парень, — капитан обратился к испуганно глядевшему на него индусу, — так сильно ненавидишь хозяина?

— Я готов съесть его сердце, даже если б оно еще билось...

— А ее?

— Замолчи. Что тебе за дело до моей ненависти к нему и до моей любви к ней?..

— Ты об этом только что говорил.

— Повторяю — что тебе за дело! Ты — раб этого проклятого старика, и ты знаешь мой секрет... Можешь снова бросить меня в воду! Я не боюсь смерти.

— Не о том речь. Скажи, мой мальчик, разве не хотелось бы тебе одним махом удовлетворить обе страсти, составляющие, как мне кажется, смысл твоей жизни?

— Что надо для этого сделать? Говори, я готов на все.

— Понадобятся кое-какие предварительные пояснения, которые могут оказаться не по силам твоему интеллекту.

— Я вовсе не тот, за кого здесь себя выдаю. Нет, я не пария, я учился в ваших школах и кое-что понимаю в науках.

— Вот и отлично! Знай же в общих чертах — подробности узнаешь позже, — что господин Синтез вознамерил-

ся в некотором роде искусственным путем сотворить в своей лаборатории человека.

— Знаю, мой товарищ рассказал мне об этом.

— Ах, значит, у тебя есть товарищ, то есть сообщник!

— Да, один европеец, детектив.

— Вот как?! — воскликнул пораженный профессор зоологии. — Нами интересуется полиция?!

— Нет, больше не интересуется.

— Впрочем, не важно. Но нам следовало бы с ним познакомиться.

— Скажи сперва, что ты намерен со мной делать.

— Это справедливо. Так вот, этого человека, этот продукт лабораторного опыта, старик замыслил отдать в мужья своей внучке.

— Я убью его!

— Не убьешь, потому что сам займешь его место.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню, но будь добр, не перебивай меня. Опыт подходит к концу, сильно сомневаюсь, что эта теория эволюции господина Синтеза будет до конца реализована на практике. Но так как наши интересы требуют пусть внешнего, но эффекта, ты в назначенный час проникнешь под стеклянный купол и спрячешься в зарослях водорослей (я сам займусь постановкой этой сцены). Появившись в нужный момент, ты станешь идеальным человеком, о котором так мечтает господин Синтез.

Благодаря нашему спектаклю он примет тебя с распростертыми объятиями, а мадемуазель Анна, как ей и подобает, выполнит волю деда. Претендент ты хоть куда, и, думаю, у нее не возникнет возражений. Не правда ли, план не из трудных.

— Да. И даже слишком... Но каковы ваши условия? Ведь не из любви же ко мне все это затевается.

— Черт побери! Не в бровь, а в глаз. Одно удовольствие иметь с тобой дело. Известно ли тебе, что господин Синтез сказочно богат?

— Меня это не интересует!

— Зато нас очень интересует. Даже малая часть его состояния для меня и для добрейшего капитана была бы огромным богатством.

— Так, значит, вы жаждете денег? — спросил индус с плохо скрытым презрением.

— Каждому — свое. На борту находятся неисчислимые запасы золота и бриллиантов. Ты добудешь для нас часть сокровищ на сумму, которую мы позже оговорим. Ну как, согласен?

— Согласен. А Синтез... Что мне потом делать с Синтезом?

— Решай сам. Мы исполним твои самые заветные желания, ты же поможешь нам разбогатеть. Остальное нас не касается. Став членом семьи, выкручивайся как хочешь.

— А если Синтез заподозрит обман?

— Об этом не беспокойся. Я уверен, что сумею его убедить в чем угодно.

— Но она!.. Когда она вернется?

— Ее ожидают совсем скоро, со дня на день. Есть у тебя еще возражения?

— Ни малейших. Если все будет так, как вы говорите, я исполню любые ваши приказания.

— Кстати, как насчет детектива?

— Я не хочу, чтоб ему причинили вред. Он когда-то спас мне жизнь.

— Если ты ручаешься за него, мы его озолотим. Если же он человек неверный и вздумает нас предать, мы от него избавимся. Не правда ли, капитан?

— Да.

— За детектива отвечаю я!

Вот вам, господин префект, в общих чертах ситуация, в которой я оказался. И теперь, заканчивая рапорт, повторю: «Бедный папаша Синтез!» Нечего сказать, благоразумно он поступил, облекши своим доверием этих двух негодяев, связавших его по рукам и ногам!

Я всегда опасался капитана, но зоолог казался мне человеком порядочным. Вот уж не ожидал, что наследника столь громкого в науке имени, чтимого два поколения кряду, жажда наживы может толкнуть на такие поступки!

Ну как не удивляться подобному отсутствию каких бы то ни было нравственных устоев?! И такие людишки еще смеют гнушаться нами, полицейскими! Но философию в сторону. Итак, я невольно вовлечен в подлый заговор, результатом которого может стать убийство или даже несколько убийств. Развязка близится, и боюсь, как бы она не была ужасной. Ах, если бы капитан Кристиан воротился на атолл! Если бы к господину Синтезу легче было подступиться! Если бы ассистент-химик, мой бывший профессор взрывчатых наук, не был бы таким чудаковатым!

Однако надеюсь улучшить момент и вступить в борьбу, хотя риску в сложившейся ситуации многовато. Но не могу же я сбрасывать со счетов заботу о сохранности собственной шкуры...

В ожидании того дня, когда я буду иметь честь явиться в Центр и вновь предоставить себя в ваше распоряжение, примите, господин префект, изъявления глубочайшей преданности от вашего номера 32.

Р. С. Возможно, я припишу к этому письму постскрип-тум, если не найду способа раньше его переправить.

ГЛАВА 7

Плачевная история.— Родители Анны.— Умершая от горя.— Негодяй.— Страх за будущее.— Дедушка.— Почему возникло Великое Дело.— Новый Прометей.— Зачем искать так далеко?..— Неожиданные осложнения.— Воспоминание об «Инде».— Проклятая семья.— Подвиги негодяя.— Славные братья.— Над господином Синтезом нависла серьезная опасность.— В Куктауне.— Комедия, предшествовавшая драме.— Тайны объяснены.— После катастрофы с «Годавери».— Кули возвращаются на родину.— Пан или пропал.— В направлении Кораллового моря.

То, что господин Синтез при всяком удобном случае демонстрировал к искателям руки его внучки, какими бы достойными людьми они ни были, не только недоверие, но и определенное предубеждение, имело свои основания.

Когда-то старик испытал жестокое разочарование. Его единственная дочь, в течение восемнадцати лет доставлявшая ему только радости, к которым так чувствительны старики, получила предложение руки и сердца от блестящего офицера, моряка голландского флота, недавно вернувшегося из Индии. Поскольку девушка благосклонно отнеслась к сделанному по всем правилам предложению этого человека, встал вопрос о свадьбе.

Будущий супруг, хоть и не обладавший крупным состоянием, носил почтенное имя, был в довольно высоком чине и имел весьма привлекательную наружность. Любя свою дочь и владея многомиллионным богатством, господин Синтез поддержал ясно выраженное желание девушки выйти замуж, думая про себя: «У меня станет двое детей».

Никогда еще так щедро не одаривали молодых, что, безусловно, должно было способствовать самому безоблачному счастью. К тому же эта пара на удивление хорошо смотрелась: оба красивы, оба очень умны и так богаты, что

всю жизнь могли, не считая денег, утопать в роскоши. Все, казалось, предвещало полное и длительное счастье. Но, увы, никогда еще брачный союз не был столь несчастлив, а выбор — таким неудачным.

Несмотря на красоту, внешний лоск, строгое воспитание, полученное в почтенной семье, господин Хендрик Ван Прет, муж несчастной девушки, был законченным мерзавцем. Его репутация истинного джентльмена? Ложь! Его любовь к невесте? Ложь! Его порядочность? Еще и еще раз ложь! Корыстолюбец, игрок, распутник, пьяница, лицемер, короче говоря, человек порочный, как ка-торжник, он прикарманил царское приданое, не испытывая ни малейшей симпатии к очаровательному созданию, питавшему к нему безграничную привязанность. Ах, как ловко подлец притворялся, играя роль воздыхателя!

Сразу же после свадьбы картина резко изменилась. Негодяй оставил всякое стеснение, все его ранее подавляемые инстинкты проявились с возмутительной наглостью. Он решил, что теперь церемониться нечего, сбросил маску и предстал в своем истинном виде.

Наивная, как ребенок, с колыбели окруженная обожанием, бедная молодая женщина, рожденная для любви, но теперь отвергнутая, покинутая грубияном мужем, получила незаживающую сердечную рану. Но, наделенная характером столь же героическим, сколь и гордым, она не проронила ни единой жалобы, старательно скрывает свою беду от отца. Господин Синтез безумно любил дочь, видел, как молодая женщина медленно угасает; отчасти догадываясь о том, что происходит на самом деле, он ловко задавал ей вопросы, надеясь на откровенное признание, но ничего не добился. Его дочь страдала в одиночку. Она таяла, как свеча, а бедный отец, проклиная свою в первый раз бессильную науку, только в последний момент узнал ужасную правду: умирающая проговорила в бреду.

Старик использовал самые сильнодействующие средства, в том числе и подвластный ему *гипноз*, который лишь нынче стал с большим успехом широко применяться врачами. В данном случае все было напрасно: любое потрясение могло привести к катастрофе. Таким потрясением оказалось рождение очаровательной дочки. Девочка, чья колыбель стояла рядом с гробом, наречена была, как и ее мать, Анной.

Можно себе представить, что испытывал господин Синтез по отношению к бандиту, убившему его дочь. Старик отказал Хендрику в отцовских нравах на ребенка.

Считая себя вправе вершить правосудие, Мэтр жаждал мести — око за око и зуб за зуб; он неотступно преследовал несчастного, однако пройдоха сумел скрыться. Два года спустя дошли слухи о том, что Ван Прет был убит во время восстания на Суматре. Это было к лучшему, ибо иначе господин Синтезу пришлось бы предстать перед внучкой обогранным кровью ее пусть и недостойного, но все же родного отца.

Легко понять, какой нежностью старик, получивший такой удар, окружил ребенка. Наблюдая, как внучка изо дня в день подрастает, он не спускал с нее глаз, радовался ее первой улыбке, первому лепету, приходил в отчаяние от малейшего крика и пустячной царапины. Ради нее знаменитый ученый мог бросить даже свою работу, какой бы интересной она ни была — ему хотелось уделить внучке все свое внимание и все свое сердце.

Рядом с девочкой семидесятилетний дед сам превращался в ребенка. Он принимал участие в ее играх и в ее обучении, начавшемся сразу же, как Анна сделала первые шаги и заговорила. Господин Синтез был вознагражден за все свои заботы огромной, безграничной любовью этого хрупкого создания! Во внучке мало-помалу воскресала дорогая покойница, чья грация, доброта, нежность, непосредственность и ум были когда-то ему отрадой. Ничто, решительно ничто в ее облике не напоминало об изверге, чье имя она носила, правда, и имени было достаточно!

Однако годы шли, девочка превращалась в пленительную девушку, и господин Синтез чувствовал, как его опасения, чтобы не сказать страхи, растут. Хотя время отчасти и приглушило боль, хоть дитя постепенно, не убив воспоминаний, заняло место своей матери, сердечная рана не зарубцевалась, несмотря даже на чудесное перевоплощение... Господин Синтез волновался и переживал все чаще и чаще — ведь его девочка входила в тот возраст, когда жизнь ее матери была разбита. Наученный горьким опытом, зная, что не сможет превозмочь законы природы, ведущие в конечном итоге к фатальному исходу, старик горестно вопрошал себя: не покинет ли его и это дитя?

К тому же господин Синтез, хотя и был по-прежнему крепок и, казалось, возраст еще долго будет не властен над ним, чувствовал себя старым, очень старым! Впервые, должно быть, он с тоской начал задумываться, что настает миг, когда ему придется уйти из жизни. Но не сама смерть пугала его. «Бедная девочка,— сокрушался он,— что с ней станет, когда меня не будет?!»

Увы, людям в годах приходится терзаться подобными заботами, если их уход лишает помощи и опоры несовершеннолетних детей... Кому доверить эту безупречную красоту, эту добрую душу? Кто способен понять, оценить по достоинству столь хрупкую натуру и почти болезненную впечатлительность, полученную в наследство от матери?.. Сыщется ли в целом мире мужчина, обладающий не только должными душевными качествами, но и добродетелями, способными составить счастье этой очаровательной особы; сможет ли он любить ее всю жизнь, окружая той нежностью, к которой она привыкла и которая у нее в крови с самого рождения?

Господин Синтез, последний представитель долгой и славной династии ученых, наследник их традиций, их работ и открытий, совершенно искренне полагал, что лишь для науки нет ничего невозможного. Давно уже физика и биохимия, находящиеся сегодня в младенческом состоянии, были для него открытой книгой. Трансцендентная физиология, изучающая выработку мысли, механизм восприятия, потаенные связи материи и духа, функции мозга и так далее,— все это с самого начала не являлось для него тайной за семью печатями, равно как и теории наследственности, еле-еле сформулированные нынешними научными школами.

Поэтому совсем неудивительно, что в голове у Мэтра родилась эта на первый взгляд абсурдная идея — создать искусственного человека. Человека ни хорошего, ни плохого, не знающего ни добра, ни зла; человека, чей мозг никогда не работал, чье тело не таит в себе ни одного атавистического ростка наследственных болезней, чья девственная душа будет замешана таким образом, чтобы сразу же воспринять самые возвышенные представления о красоте, величии и порядочности.

Этот мужчина,— как надеялся ученый,— будет обладать всеми возможными и невозможными совершенствами. Как новый Прометей, старик вдохнет в него дух и с первых же минут внушит ему идею восхищения и преданности, идею любви к своей внучке. А как же иначе? Ведь его творение станет мужем Анны. Вот зачем нужно Великое Дело.

Безумие! — скажете вы. Будь по-вашему. Но безумие грандиозное и даже трогательное, а если принимать во внимание предыдущие научные достижения Мэтра, в случае успеха способные принести ему неслыханное, оглушительное беспрецедентное признание...

К сожалению, все было не так гладко, как хотелось бы господину Синтезу: работы продвигались вперед не без серьезных осложнений, не было недостатка и в горьких разочарованиях. Несомненно, самым тяжелым испытанием для старика был отъезд Анны. Сколь ни велика была эта жертва, он пошел на нее, видя, как сильно пошатнулось здоровье девушки. Слишком уж были свежи в его сердце воспоминания об умершей, чтобы не заметить, как болезнь внучки походила на болезнь, которая свела в могилу ее мать,— то же увядание, та же потеря аппетита, та же вялотекущая лихорадка. К счастью, другой была причина заболевания, а значит, оно подлежало лечению. Но лекарства приходилось искать в перемене образа жизни. Необходимость заставляла расстаться.

Старик, зная об отваге, неисчерпаемой доброте и верности капитана Кристиана, не колеблясь доверил свое дитя попечением достойного моряка. Зачем было так далеко искать совершенного человека,— скажут многие,— когда само воплощение долга и благородства находилось здесь, под рукой, являя собой живой упрек всем, кто его недооценивал.

Кристиан, друг детства Анны, был тем человеком, кто с того самого момента, когда господин Синтез взял его под свое попечение, постоянно проявлял сначала к ребенку, потом к девушке не только глубокое почтение, но и постоянное обожание. Разве он не возместил бы старику все когда-то пережитые горести и перенесенный позор? Разве не был бы капитан Кристиан тем идеальным опекуном, которого искал Мэтр? Разве Анна не согласилась бы с таким решением? И кому, кстати говоря, нужна была бы эта морская прогулка, принесшая больной столько необычайных несчастий, столько непредвиденных катастроф?

К тяжелой ситуации Мэтра, терзаемого продолжительным отсутствием внучки, вскоре добавились и новые неприятности... Нам с вами уже известно о подлом заговоре временного командующего Ван Шутена, профессора зоологии и индийского принца, чьей ненавистью не следовало пренебрегать. Но это еще не все. Читатель, надеюсь, не забыл об «Инде», захваченном взбунтовавшимися китайцами, незадолго до того, как вблизи берегов Малакки потерпела кораблекрушение «Годавери»? Так вот, у этих разбойников были далеко идущие планы. Но не будем забегать вперед и расскажем все по порядку.

«Тагаль» был судном двойного назначения, оснащенным не только для ловли голотуррии, но и для ловли рыбы

в мутной водице, то есть для пиратства, которое, как уже говорилось ранее, пышным цветом процветало в малайских водах. Суденышко это вовсе не случайно, как можно было думать, оказалось близ Буби-Айленда, приюта потерпевших кораблекрушение. Покажется невероятным, но капитан «Тагала» был заранее осведомлен не только о личности господина Синтеза, но и о его проектах. Каким образом? — спросите вы, но подождите, не будем забегать вперед. Сначала познакомимся с этим злодеем поближе.

Опытный моряк, однако человек, лишенный малейших признаков совести, бывший поочередно контрабандистом, партизаном, торговцем цветными, при случае — ловцом трепангов, но чаще и охотнее всего — пиратом, был трижды приговорен к смерти в Америке, в Китае и в Индии. За мошенничество изгнанный из португальских колоний, господин Ван Прет* должным образом увенчал свою карьеру, похитив у господина Синтеза один из его кораблей и перебив на нем всю команду. Снова Ван Прет! Неужели однофамилец?..

У Хендрика Ван Прета, недостойного отца Анны, был брат, тоже моряк. Такой же подлец, не имевший ни стыда ни совести, он был с позором изгнан из незапятнанного королевского морского корпуса Нидерландов. Звали этого брата Фабрициус. После женитьбы брата на дочери господина Синтеза, осыпая знаками внимания свою уже тогда начавшую хворать невестку, лицемерно взяв на себя роль утешителя, он сумел провести бедную девочку, которая охотно представила его своему отцу, заранее расположенному к нему из-за такого с виду бескорыстного и доброго отношения к дочери.

Мерзавцу удалось, притворившись честным добряком, втереться в доверие к ученому и выколлотить из него значительные суммы денег. В тот самый день, когда бедняжка скончалась, шурин, воспользовавшись смятением, вызванным этим несчастьем, прикарманил все ценное, что попало под руку: деньги, ювелирные украшения, драгоценные камни, безделушки — и скрылся.

Награбленное быстро разлетелось в различных притонах, после чего Фабрициус занялся всякими махинациями, пытаясь, но безуспешно, разбогатеть, принимал участие во множестве грязных делишек, неоднократно приводивших

* Более подробные сведения об этом невымышленном персонаже вы можете почерпнуть из нашего романа «Приключения парижанина в Океании». (Примеч. авт.)

его за решетку, и даже оказался замешанным в убийствах. Дальше ехать было некуда.

После бесчисленных превратностей негодяй, под вымышленным именем, без гроша в кармане очутился в Европе в тот момент, когда господин Синтез познакомился с командой, набранной для его экспедиции. Нюхом почуяв подходящий случай, он, добравшись до Парижа, раздобыл довольно важные сведения насчет старика и вернулся обратно в Гавр, где повстречал американца мастера Холлидея, своего бывшего компаньона, когда-то ограбленного им до нитки в Макао. Холлидей теперь командовал шхуной, перевозившей лесоматериалы. Американец великодушно решил закрыть на прошлое глаза, и тут старый товарищ поведал ему, какой лакомой добычей является господин Синтез для тех, кому чужое добро всегда служит приманкой.

Целыми днями слоняясь вокруг пришвартованных в доках судов, Ван Прет и Холлидей наблюдали за тем, как поднимается на борт команда, и с громадным удивлением узнали под личиной помощника кочегара индийского принца, с которым раньше имели дело по поводу одного выгодного для них убийства. Наши приятели побывали и кондотьерами*, предлагавшими свои «услуги» всем, кто захочет их купить. Вышеупомянутый принц запомнился им лишь по тому презрению, с каким вместо себя подставил под нож одного бедолагу, имевшего с ним поразительное сходство.

Зная, что флотилия господина Синтеза направляется к берегам Австралии и снаряжена для длительного там пребывания, они решили опередить его корабли и первыми достичь великого океанского континента.

С решительностью, присущей истинному американцу, мастер Холлидей продал шхуну, положил деньги в карман, и дружки тотчас же поездом отправились в Марсель. Из Марселя — на пароходе в Австралию, куда прибыли значительно раньше, чем господин Синтез дошел до Гибралтара. В Сиднее компаньоны устроили свою штаб-квартиру — отсюда было легче получать информацию обо всех судах, входящих в тот или иной порт (переданные по телеграфу, эти сведения печатались в здешних газетах и давали полную картину морских сообщений всего мира).

Последним портом, куда заходил господин Синтез, был

* Кондотьер — продажный человек, готовый за плату защищать любое дело, наемник.

Куктаун. С этого момента сведения прекратились. Напрасно два товарища с терпением, прилежанием и сноровкой, достойными лучшего применения, прочесывали побережье, нанимали ловких агентов и щедро им платили, напрасно изо дня в день в течение нескольких месяцев рылись в коммерческих вестниках — нигде и следа этих кораблей не было. Следовательно, суда или затонули со всем своим добром, или бросили якорь в Коралловом море.

Ринуться на поиски флотилии было бы верхом безумия. Тем более что, даже разыскав их, завладеть богатствами господина Синтеза с помощью силы не представлялось возможным. Приходилось, соблюдая крайнюю осторожность, терпеливо ждать дальнейшего развития событий. Вот они и обосновались в Куктауне, не без основания полагая, что рано или поздно старик, желая пополнить запасы топлива и продовольствия, пошлет один или несколько кораблей именно сюда, в ближайший от его таинственной стоянки порт.

Но ожидание длилось долго, намного дольше, нежели предполагали разбойники. Они уже начали терять надежду, когда в один прекрасный день в Куктаун зашли «Инд» и «Годавери», идущие в Кантон.

Теперь необходимо было занять место на борту. Просто обратиться с просьбой предоставить им каюту значило пойти на риск получить категорический отказ, что, естественно, могло провалить всю операцию. Поэтому негодяи с дьявольской хитростью разработали план, благодаря которому их незамедлительно пригласят на один из кораблей.

Да уж, пушки к бою готовились заранее. Злоумышленники могли действовать, не теряя ни минуты. Под их началом было тридцать китайцев, сорвиголов, по которым уже давно плачет виселица. Узнав, что на одном из кораблей господина Синтеза перевозят громадное количество китайских кули, они наказали своим подручным, чтобы те со всей возможной ловкостью смешались с толпой, проникли на палубу и не попадались никому на глаза до выхода судна в открытое море.

— О нас не беспокойтесь, мы появимся в нужное время и в нужном месте,— резюмировали свои наставления компаньоны.

В ожидании решающего момента они зафрахтовали небольшое быстроходное суденышко с очень малым водоизмещением, занимавшееся ранее ловлей трепангов. Суд-

но все время стояло наготове, чтобы по первому же сигналу поднять якорь и зажечь топки.

Когда их люди, под видом грузчиков, проникли на борт «Инда», заговорщики, поскольку путь на Кантон проходил через Торресов пролив, не колеблясь двинулись в этом направлении. Обогнав оба парохода, один из которых, сильно нагруженный, двигался относительно медленно, за пятнадцать часов они дошли до Буби-Айленда, где покинули свое суденышко, спокойно ушедшее на обычный для себя промысел. Ну, а как развивались события в дальнейшем, читателю уже известно.

Став капитаном великолепного судна, Ван Прет и его дружок мастер Холлидей, руководивший машинным отделением, как только улеглась первая радость, осознали, с каким риском связано их безрассудно смелое предприятие.

Не желая нарываться на возможные неприятности в битве с охваченной пламенем «Годавери», захватчики поспешили удрать с поля боя и растаять во тьме, надеясь, что корабль капитана Кристиана и без их помощи вскорости пойдет ко дну.

Однако позже, по зрелому размышлению, сменившему горячечный задор жестокой борьбы, бандиты засомневались, правильно ли они поступили, отказавшись от схватки, и не лучше ли было бы посмотреть, к чему приведет пожар, а в случае надобности поспособствовать гибели поврежденного корабля. Но почти сразу же налетел свирепый тайфун, усыпивший их подозрения,— очевидно, что «Годавери», изуродованная взрывом и пожаром, не выдержит урагана.

Но что будет, если, вопреки всем ожиданиям, «Годавери» не пойдет ко дну и капитану удастся связаться с Сингапуром? Или, если хоть кто-то из матросов спасется и по телеграфу оповестит власти о факте подлого пиратства? Об этом компаньоны и думать не могли без содрогания. Поэтому-то злодеи прежде всего решили при первой же возможности переделать захваченное судно до неузнаваемости.

Но пока надо было отделаться от китайцев; продукты питания, вода, уголь на исходе... Казалось, что проще всего сбросить их в море. Но каким образом совершить это массовое убийство? И кто знает, быть может, разохотившись во время происшедшего бунта, они разорвут в клочья двух белых, таким странным образом выполняющих свои обещания?

— Сто чертей,— сказал в конце концов мастер Холлидей, наиболее решительный из двоих, или, во всяком случае, больший фаталист*,— по-моему, следует проследить за сдачей карт и играть по правилам. Будь что будет!

— То есть? — не понял его напарник.

— Взять курс на Кантон, освободиться от этой нечисти, нанять пару-тройку разбитных молодчиков и плыви себе куда хочешь!

— Ладно! Во всяком случае, мы от них или избавимся, или получим вдвойне. Там будет видно.

Благодаря стечению ужасных обстоятельств, приведших к гибели «Годаверн», бандитам беспрепятственно удалось отвезти кули на родину; часть из них, что-то около десятка, согласились принять участие в будущей экспедиции и послужить проводниками, указав путь между бесчисленными коралловыми рифами.

Итак, под началом компаньонов оказался человек тридцать пять, но команду необходимо было усилить бельями. Вербовка разбойников оказалась делом затяжным, требовавшим рассудительного отбора,— надо было выбрать худших из худших, да к тому же еще и опытных моряков. Также следовало пополнить запасы топлива и провизии. Поэтому большую партию кули пришлось доставить в Сан-Франциско. Отсюда — значительная и неизбежная проволочка. Но зато теперь все было готово для экспедиции, которая обещала им огромные барыши. Состоящая из шестидесяти человек, команда горела желанием тронуться в путь.

Прибыв из Сан-Франциско в Кантон, «Инд», высадив оставшихся китайцев, взял курс в Коралловое море, где скоро разыграется последний акт ужасной драмы.

ГЛАВА 8

Фантазия австралийской природы.— Утконос парадоксальный.— Четвероногое с утиным носом.— Птица на четырех лапах.— Находка Алексиса Фармака.— Плачевный вид представителя шестнадцатой серии.— Протухший француз.— Кошунство! — Слишком высокообразит, чтобы быть съеденным.— Рыба ловится с помощью заступа и плуга.— Боцман Порник не туда ступил и что из этого вышло.— История

* Фаталист — человек, слепо верующий в неизбежность того, что ему предназначено судьбой.

крокодила, который сожрал австралийского летяга.— Почему вместо обезьяны мы должны удовлетвориться летающим фалангером.— Серия пращуров будет австралийской.— Судно по борту!

Одним из самых странных, самых причудливых созданий во всей австралийской природе, вне всякого сомнения, является *ornithoryngue paradoxal*, или утконос парадоксальный. Четвероногое это или птица? Вкратце ответ можно сформулировать так: птица, которая бежит на четырех лапах и кормит детенышей молоком, или — четвероногое с утиным клювом, откладывающее яйца.

Утконос парадоксальный имеет сплюснутое тело длиной сантиметров тридцать и пятнадцатисантиметровый хвост. Все это покрыто рыжеватой шерстью, местами длинной и жесткой, местами мягкой и шелковистой, как у выдры. Передвигается он на четырех коротких, приземистых лапах с небольшой косолапой пястью* и длинными перепонками — вот черты, роднящие его с четвероногими. Что касается головы, то она являет собой верх неожиданности: маленькие острые ушки, живые глазбуравчики и... настоящий утиный или лебединый клюв.

Важнейшие внутренние органы (в том числе и половые) в большинстве своем подобны птичьим. Кладка яиц происходит в глубочайшем уединении, которое утконос, животное в основном водоплавающее, находит, устраиваясь на берегах рек. Когда малыши появляются из яйца, мать кормит их молоком и проявляет такую любовь и такую заботу, что ни птицы, ни четвероногие, вместе взятые, не могут соперничать с ней в этом вопросе.

После данного, хоть и беглого, но точного, описания можно себе представить, какая шумиха поднялась в ученом мире, когда в 1796 году было открыто это животное. К какому виду его отнести? Какую ступень занимает оно на лестнице животного мира? Правомерно ли считать его птицей? А как же тогда четыре лапы и сосцы, источающие молоко?! Причислить ли его к млекопитающим? Но утиный клюв!.. Но яйца!..

Как бы там ни было, но немецкий природовед Блюменбах, первый, кто серьезно изучил это животное, задумал дать ему гражданский статус, в чем неожиданно и преуспел, назвав его — *ornithoryngue paradoxal* — утконос парадоксальный. Имя хоть и имело варварское звучание, но было

* Пясть — часть верхней (передней) пятипалой конечности у наземных позвоночных между запястьем и основными фалангами пальцев.

вполне оправданным, ибо подчеркивало взаимное несоответствие его органов.

Этьен Жоффруа Сент-Илер* широким жестом создал для австралийского животного отдельную подгруппу так называемых *монотрем* — от двух греческих слов *monos* — один и *trema* — узкий проход, и да будет стыдно тому, кто плохо думает... Бленвиль** поместил его в подкласс *didelphes* и утверждал, что утконос вовсе не принадлежит, как думали раньше, к явлениям аномальным, но служит первым звеном в цепи млекопитающих, вернее, промежуточным звеном между двумя видами позвоночных — птицами и млекопитающими. Вполне рациональный подход, лишней раз подтверждающий знаменитое: *natura non facit saltus* — природа не любит резких скачков!

...Итак, в один прекрасный день Алексис Фармак, для которого весь внешний мир сводился к его драгоценной лаборатории, внимательно наблюдал, как работает сложнейший организм огромной машины, поглядывая на тихую гладь лагуны. Достопочтенный ученый, отдавая отчет в важности своих функций, мерял шагами атолл, проверяя показания манометров, гальванометров, термометров, гигрометров и барометров. Он то смазывал шатуны, то выпрямлял кабель, то регулировал нагрев печи, но, не упуская из виду ни приборы, ни обслуживающий персонал, химик был погружен в свои мысли.

Да, дни мелькали все быстрее, и Великое Дело, которое ничуть не затормозили многочисленные помехи, как нарочно, следовавшие друг за другом, близилось к оглушительному успеху. До сих пор гений господина Синтеза торжествовал над всеми препятствиями. Бунтарские настроения улетучились как по мановению волшебной палочки — достаточно было одного слова, одного жеста, одного приказа. Никогда еще члены экипажа не были так послушны и так смиренны, никогда еще не работали с таким рвением и с такой отдачей. Загипнотизированные господином Синтезом матросы питались, как и их хозяин, принимая в день десяток пилюль, и чувствовали себя превосходно.

Единожды внушенная идея повиновения и необходимости выполнять обязанности крепко засела у них в голове, так что никто не выражал ни малейшего недовольства,

* Жоффруа Сент-Илер Этьен (1772—1844) — французский зоолог, сторонник учения о единстве строения всех живых существ.

** Бленвиль Анри (1777—1850) — французский зоолог и анатом, автор классификации земноводных, пресмыкающихся и млекопитающих.

видя, как в печах постепенно сгорают последние продукты питания, корабельные снасти, мачты, реи, мостики. Никогда еще общая одержимость не была такой полной, такой абсолютной.

Преисполненный оптимизма, Алексис Фармак считал, что все идет как нельзя лучше, несмотря на грохот из морских глубин, становившийся день ото дня все ужаснее, несмотря на затянувшееся отсутствие ушедших кораблей.

— Эх,— говорил себе этот добрый малый,— ничто не дается даром. Стоит ли обращать внимание на мелочи, раз все идет прекрасно? Не понимаю, почему юный господин Артур и толстяк капитан так расстраиваются из-за того, что мой славный друг капитан Кристиан до сих пор не вернулся? Стоит ли беспокоиться? Слово чести, эта дрянь зоолог начал уклоняться от работы в лаборатории. Видимо, у него кончился запас крахмальных воротничков, манжет и манишек, а грубая шерстяная рубаша внушает чистоплюю ужас. Да уж, это теперь не тот элегантный красавчик-профессор. В такой ситуации ему, разумеется, не до Великого Дела. Ну, ничего, уж я-то за всех смотрю в оба и буду бдеть, даже если останусь один-одинешенек!.. Стоп! Что я вижу?! Неужели я снова совершил открытие?..

Химик на полуслове оборвал свой монолог, так как его зоркий глаз приметил нечто новое, необычное, до сих пор им невиданное. Откинув брезент, он кинулся под купол, на атолл, помчался по кольцу, рискуя, поскользнувшись, грохнуться в воду, и застыл как вкопанный, глядя на неподвижный предмет в метре от берега. Вид существо имело плачевный — круглое, толстое, распухшее... раскоряченные лапы окоченели, как у дохлых собак, которых несет течение... Вне всякого сомнения, это труп животного... четвероногого.

Алексис протянул руку, без малейшей брезгливости вытащил из воды труп, внимательно его рассмотрел, держа за хвост, и тут у него вырывается крик удивления:

— Ба! Да это же утконос! Первое млекопитающее! Право слово, можно рехнуться от счастья! И подумать только, я один констатирую факт такой огромной важности, а рядом никого способного понять и оценить происшедшее! Где он, этот чертов зоолог?! Наверняка где-нибудь заперся со своим придурковатым капитаном. И Мэтр запретил к себе входить! Подумать только — утконос! Шестнадцатая ступень развития животного мира! Пусть он мертв, но это не важно! Главное, подтверждается принцип!.. К тому же, если я не ошибаюсь, это любо-

пытное животное обитает исключительно в пресных водах. Он родился в среде, неблагоприятной для его существования, и среда убила его... Это логично и не наносит ни малейшего ущерба теории эволюции, совершенно даже наоборот. Но не могу же я тут торчать и не уведомить кого положено!

Сказав это, химик, по-прежнему держа утконоса за хвост, вернулся к входу, через который проник под купол, кинулся к кораблю, где матросы лихо рубили деревянные части на растопку, помчался по лестнице, прыгая через две ступеньки, как смерч ворвался в лабораторию и швырнул труп животного на стол, между зоологом и капитаном.

— Ну что, коллеги, узнаете ли вы это?! — воскликнул он.

Роже-Адамс водрузил на нос пенсне, поджал губы, чтобы вслух не рассмеяться при виде такой эпической картины, и ответил, как всегда, фальцетом:

— Черт побери, да это утконос. Вы разве не знаете?

— Да, но... Серия наших пращуров... Первое млекопитающее...

— В данный момент именно об этом и речь... Видимо, придется умереть от голода, ведь нас господин Синтез не гипнотизировал и мы не живем за счет его знаменитых пилюль. А больше есть нечего, дорогой. Вам это известно?

— Понимаю, но... серия... Вам же все-таки какой-никакой обед подадут...

— А из чего его приготовят, скажите на милость? Если бы эта ваша монотрема была жива, из нее хотя бы можно было сделать фрикасе под белым вином.

— Фрикасе?! Потреблять в пищу продукт естественной эволюции?! Осквернить Великое Дело?! Это кощунство!

— Честное слово, вы голову потеряли! Ну что ж, если настаиваете, я скажу правду...

— Замолчите! — внезапно прервал его капитан, шагнув кулаком по столу.

— Умолкаю, капитан. Но вы ведь понимаете, голод не тетка.

— Э-э, оставьте. Закинем сеть. Что-нибудь да выловим для заправки.

— Как знаете. Тогда я, чтоб убить время и хоть ненадолго забыть о терзающем меня голоде, пойду и проанализирую этого пращура. Ты смотри, а он основательно протух...

— Бедное животное,— с нотками несколько комической растроганности в голосе заговорил химик,— совсем не успело пожить в этой среде. Где ему найти себе пропитание...

— Да вы что, шутите? В лагуне — морские водоросли, на них он продержался какой-то период.

— Как вы полагаете, когда он появился на свет?

— Не менее трех недель тому назад. И уже дня четыре как сдох. Этот интересный представитель австралийской фауны, я хочу сказать, нашей эволюционной серии, дней пятнадцать — восемнадцать вкушал радости своего научного существования.

— Что вас навело на эту мысль?

— Признаюсь, я давно ждал появления утконоса и его отсутствие уже начало меня беспокоить. По-моему, он должен был появиться почти одновременно с подотрядом ящериц и почти сразу же вслед за двоякодышащими рыбами.

— Однако это же млекопитающее!

— Предмлекопитающее.

— Будь по-вашему.

— Я его рассматриваю как очень любопытный промежуточный тип, набросок, сделанный природой в те времена, когда двоякодышащие рыбы становились амфибиями. Все мы знаем, что до появления млекопитающих произошли великие органические преобразования: например, чешуя превратилась в волосяной покров, сформировались сосцы для кормления приплода.

— Да, это так. Ведь первым млекопитающим пришлось выйти на сушу из жидкой среды, в которой они до сих пор жили.

— В этом не было необходимости, ведь существуют же водные млекопитающие, среди них — китообразные.

— А ведь вы правы!

— Как существуют и рыбы, живущие вне воды. Вспомните цератодуса, ведущего попеременно то подводное, то наземное существование. А лепидосирены*, достигшие еще большего зоологического совершенства,— они даже засуху выносят. Но и это еще не все. Если немного поразмыслить над необычайно интересным вопросом адаптации к более благоприятной среде, мы ежедневно станем заме-

* Лепидосирен — рыба семейства чешуйчатых, может обитать во временных водоемах, надолго пересыхающих; на это время лепидосирен зарывается в грунт и дышит атмосферным воздухом.

чать примеры того, как животное, бессознательно повинаясь законам природы, производит бесконечное совершенствование вида.

И сегодня, кстати говоря, многие рыбы делают попытки завоевать сушу. Один из видов, индийский *anabas**, пытается даже лазить по деревьям. Есть и такие, для которых периодическое существование вне жидкой среды является настоящей потребностью. На Цейлоне рыбы, в огромном количестве населяющие маленькие высыхающие водоемы, летом зарываются в ил и ждут нового сезона дождей. Там можно присутствовать при весьма странной, не виданной в других местах рыбной ловле с помощью заступа или плуга; сингалцы своими сельскохозяйственными инструментами взрыхляют твердую глину, снимая пласты, под которыми кое-где еще сохранилась влага, и, постепенно отделяя комья, обнаруживают внутри совершенно живых, трепыхающихся рыб.

— Из чего вы делаете вывод...

— О, никаких выводов! Я просто говорю, что первые млекопитающие — утконосы и ехидны — должны были появиться в триасовом периоде** и стать современниками тех рыб, для которых двойное существование стало необходимостью.

— Вернемся, если вы не возражаете, к утконосу, чье появление, по-вашему, несколько запоздало.

— Да уж, запоздало! По моим расчетам, нам следовало бы ждать появления обезьян!

— Обезьян?! Вы так думаете?!

— Мы же производим эволюцию, черт подери! Вот я и пришел в замешательство, видя, как все наши усилия, чтобы не сказать все наши страдания, привели к такому жалкому результату, как появление дохлого утконоса!

— Однако!..

— Дайте закончить, и вы согласитесь со мною. Если мыслить логически, сначала должны были бы появиться сумчатые — опоссумы и кенгуру, затем — более малочис-

* Индийский *anabas* — анабас, или ползун, небольшая (10 см в длину) рыба отряда окунеобразных, способная дышать атмосферным воздухом и передвигаться по суше при помощи плавников.

** Триасовый период — самый ранний период мезозойской эры истории Земли, начавшийся около 225 миллионов лет назад; в этот период появились первые млекопитающие — яйцекладущие, к которым относятся ехидна и утконос.

ленная группа лемурув. За неимением лемурув я удовольствовался бы кем-нибудь из более совершенных сумчатых, фалангером например.

— За неимением кого?..

— За неимением того, ввиду отсутствия которого я опасаясь, что Великое Дело может упереться в... хвост утконоса.

— Немыслимо!..— в отчаянье воскликнул побледневший химик.

— Хотел бы я, чтобы мои опасения не подтвердились, однако нужны доказательства.

— Кто там? — вдруг спросил химик, заслышав, как в дверь дважды громко постучали.— Войдите. А-а, это вы, Порник? Заходите, дружище.

— Извините за беспокойство, господа,— проговорил боцман, почтительно снимая берет,— но я только что сделал одну находку, а так как вы занимаетесь всякими тварями, то думаю, что она может вас заинтересовать.

— И очень хорошо поступили, спасибо,— откликнулся Алексис, уважавший бретонского моряка.— Расскажите же нам, как это произошло.

— Надо вам сказать, что в мои обязанности входит дважды в день осматривать железные леса того большого стеклянного камбуза, что похож на железнодорожный вокзал. И вот я, со всем нашим почтением, обходил дозором вокруг бассейна, точно по инструкции. И глядячи в оба, на все те стыки и на все те стеклашки,— а вдруг они повредились от этих треклятых толчков,— наступил на что-то... Смотрю и вижу — наступил-то я прямо на какую-то тварь, а она-то пасть свою как разинет! Эге,— думаю,— крокодильчик молоденький, салага, но, должно быть, я ему кишки сильно придавил. Знаете ли, когда моряк в обуви, он не чувствует, куда ступает... А тварюка еще потрепыхалась, пастью похлопала и сдохла. Сначала хотел ее в воду скинуть... Да твари ж эти — ваши выкор-мыши, вот я и подумал: лучше все честь по чести рассказать...

— Вы правильно подумали и замечательно поступили, папаша Порник,— сказал профессор зоологии.— Я со своей стороны благодарю вас и гарантирую, что ничего плохого не случится.

— Добрые вы люди, господа. Так вот, тварюку эту сдохшую я взял за хвост и принес, чтоб вы ее распотрошили. Тут она, за дверью, и, если желаете, я вам ее представлю.

— Конечно же, папаша Порник, конечно же.

— Вот, господа,— после краткого отсутствия продолжил боцман, держа улику кончиками пальцев.

— Прекрасно, Порник, вы можете быть свободны.

— Мое почтение, господа.

— До свидания.

— Скажите, коллега,— сказал профессор зоологии,— знаете ли вы, что сегодня день открытий?

— Открытие отнюдь не в подвиге ящериц, потому что мы уже давно знаем о их наличии.

— С точки зрения зоологии, согласен. Но с точки зрения кулинарии!..

— Вы всерьез намереваетесь съесть эту жуткую гадину? Она же отвратительна!

— Старые крокодилы, да. Но молоденькие, как этот, не должны быть уж совсем несъедобными. Осмелюсь даже заявить, что вкусом они напоминают игуану. И даже если капитан ничего не поймает, мы все равно получим свое фрикасе. Как сказал только что боцман Порник, я выпотрошу эту тварь, но не ради научного интереса, а ради гастрономического удовлетворения. Нам повезло, что этот молодой крокодилик ничем не был болен и что у боцмана тяжелая поступь.

Говоря это, господин Артур взял скальпель, со всегдашней своей ловкостью вспорол брюхо ящерицы, выпустив ей кишки наружу.

— Ой-ой-ой! Он счастливее нас с вами, у него полон желудок. Разберемся-ка в его меню. Черт побери!

— Что там? — спросил химик.

— Попробуйте-ка угадайте!

— Сдаюсь.

— Так вот, дорогуша, я отказываюсь быть доктором естественных наук и лауреатом всевозможных премий, если это не останки австралийского летяга.

— Ну и что с того?

— И только? Да вы, милейший, должны были бы быть вне себя от восторга! Ведь я оповещаю вас о факте необычайной важности!

— Сначала объясните, в чем дело!

— Знаете ли вы, что такое «австралийский летяг»?

— Что-то вроде летающей белки...

— Австралийский летяг — сумчатое млекопитающее, род фалангера, по бокам которого тянется мембрана, связующая его передние и задние лапы. Когда зверек прыгает с высоты, растопырив лапы, эта мембрана образует пара-

шют, помогающий ему перепрыгивать с дерева на дерево. Отсюда и название — фалангер летающий...

— Но я пока ногами не сучу от восторга...

— Погодите. Знаете ли вы, что это животное так же совершенно по своей организации, как и обезьяна, об отсутствии которой мы только что сожалели?

— Быть не может!

— Будьте уверены. Раз нет обезьян, то развитие человеческих предков вполне может, базируясь на наличии австралийских летягов, привести к появлению антропоидов.

— После чего предполагается лишь возникновение человека?

— После чего возникновение человека неизбежно, — важно заключил профессор зоологии.

— Но почему не обезьяна? — спросил химик, здраво полагая, что от сумчатых до человека ого-го как далеко.

— А как вы думаете, почему в Австралии, на этом огромном материке, величиной в четыре пятых Европы, от природы не водятся ни хищники, ни жвачные животные? Почему деревья здесь в основном односемядольные, а жители приближаются к типу так называемых первобытных людей?.. И в том, что наша лабораторная эволюция точь-в-точь повторяет естественную, природную эволюцию Австралийского континента — нет ничего удивительного. Появление иных существ, дорогой мой, невозможно. Это было бы чудовищно, это — нонсенс*.

— Верно! Черт побери! А вдруг как человек, долженствующий завершить серию, будет австралийцем, темнокожим людоедом со вздутым животом, с кривыми берцовыми костями!..

— Вот обрадуется хозяин. — Зоолог не смог удержаться от смеха. — Но он-то начатое закончит, попытается превратить своего австралийца в безупречного кавказца. Правда, в данный момент говорить об этом рановато. Лучше вернемся к нашему австралийскому летяге.

— Да, действительно, вернемся к чему-либо осязаемому.

— Поскольку этот фалангер не мог упасть с луны, мы вынуждены думать, что он, как и все его предшественники, является лабораторным продуктом, берущим свое начало от монеры.

— Безусловно! Развитие серии прашуров до сих пор

* Нонсенс — бессмыслица, нелепость.

происходило безо всяких препон и, кстати, совершенно общепризнанным путем.

— Только вот беда: утверждавшееся изо дня в день развитие теперь имеет уклон к австралийскому опыту.

— Не важно, главное, чтоб наш эксперимент состоялся.

— В этом, дорогой коллега, не сомневайтесь.

— Сейчас я верю в успех более, чем когда-либо. Кстати, стоило бы оповестить Мэтра.

— Думаю, что известие о событии такой важности не может доставить патрону ничего, кроме удовольствия. К сожалению, он сейчас пребывает в одной из своих лун и к нему никого не пускают.

Но тут разговор был внезапно прерван — топот ног, крики, взрывы смеха сменили господствующую на «Анне» тишину. Химик и биолог оставили свои споры над трупом крокодила и, выскочив на палубу, увидели матросов, возбужденных настолько, что это граничило с помешательством. Рядом с ними боцман Порник подбрасывал в воздух свой берет.

— Что стряслось, боцман? — спросил его химик.

— А то, мой добрый господин! Что... Что судно по борту.

ГЛАВА 10

«Инд». — Бред. — Судно, принадлежащее Мэтру. — Черный вымпел. — Пушечный выстрел. — Отец и ученый. — Артиллерийская дуэль. — Хитрость. — В клубах дыма. — Алексис Фармак остается человеком долга. — Вулканические явления проявляются с удвоенной силой. — Маленький мирок господина Синтеза перевернут. — Предатели. — Подлая уловка. — Как снаряд помешал индийскому принцу завершить собой серию развития животного мира. — Подвиги бывшего студента взрывчатых наук. — Извержение подводного вулкана. — Спасение. — На искусственном острове. — Наконец первобытный человек?

И действительно, на горизонте только что появился пароход. Корпус судна еще не был виден, но верхушки мачт высились над облаком черного дыма, валившего из трубы. Корабль двигался чрезвычайно медленно. Причиной такого тихого хода были изменения в фарватере — вся гидрография района из-за непрерывных подземных толчков была нарушена.

Никто из членов экспедиции не сомневался, хоть название корабля пока еще и невозможно было прочесть, что он принадлежит к флотилии господина Синтеза. Это, вне всяких сомнений, «Инд» или «Годавери» — все равно какое судно, второе появится следом! Ура! — первому возвратившемуся, первому, несущему надежду на спасение!

Капитан Ван Шутен, хоть и разделял всеобщее ликование, не мог удовольствоваться одной лишь вероятностью. Он втихаря ругая ругал господина Синтеза за то, что тот превратил «Анну» в понтон. Хоть бы нижние мачты оставил! Человек на стеньге*, вооружась подзорной трубой, мигом бы положил конец неуверенности и определил бы, каково название этой черной точки, почти неразличимой в морской дали.

Тем временем судно, вместо того чтобы направиться прямо к «Анне», которую, безусловно, заметили с борта, описало круг, лишь немного приблизившись к атоллу.

Важная новость о появлении парохода заставила господина Синтеза выйти из своего уединения. Как всегда, торжественный и важный, он жестом подозвал капитана и, окинув холодным взглядом горизонт, приказал:

— Следует зажечь топки парового баркаса, проверить, судоходен ли фарватер, подойти к судну и послужить ему лоцманом.

— Слушаю, Мэтр.

— Как только баркас подойдет к нему, старший офицер от моего имени прикажет капитану обменяться с нами сигналами.

— Как мы сможем им ответить? Ведь у нас нет больше мачт, на которых можно было бы поднять вымпела.

— Вон там, на носу, я вижу рею. Прикажите ее поднять.

— Слушаю, Мэтр.

Господин Синтез, отрывисто отдав приказы, стал мерить шагами палубу, невольно волнуясь из-за того, что корабль не подает никаких сигналов.

Из трубы баркаса, пришвартованного у шлюзов, потянулся легонький дымок — за неимением угля кочегары давно уже жгли дерево. Давление паров поднималось медленно, к превеликому неудовольствию капитана, топавшего ногами от нетерпения. Но в это время судно,

* Стеньга — продолжение верхнего конца мачты. На стеньгах крепятся гафели, судовые огни, паруса.

вероятно, найдя проход, ускорило ход и появилось перед восхищенными взорами моряков, громко кричавших от радости.

— Безусловно, это «Инд»,— заявил боцман Порник, нервно теребя пачку с табаком.

— Ты говоришь «Инд»? — резко перебил его господин Синтез.— А почему не «Годавери»?

— Извините, хозяин, но при всем моем почтении должен заметить, что у этого судна корпус как у голландского галеона, а «Годавери» похожа на быстроходный французский крейсер.

— Но это судно находится еще на расстоянии не меньше четырех километров!

— Да уж, не менее двадцати кабельтовых... Эге, да оно стопорит машины!

— «Инд»! Это «Инд»! Да здравствует «Инд»! — кричали матросы.

— Тем не менее,— продолжал заинтригованный боцман Порник,— одного не могу понять, почему не подают сигналов? Могли бы поднять какой-нибудь флагдук*.

Указанная хозяином рея была поднята, к ней привязан фал.

— Прикажете поднять мой вымпел,— велел господин Синтез.

Свернутый флаг быстро заскользил вверх по рее, затем его белоснежные складки развернулись, и засиял гордый девиз Мэтра: ET EGO CREATOR.

Две долгих минуты прошли во взволнованном ожидании. Затем внезапно по борту корабля появились клубы белого дыма, а на флагштоке бизань-мачты взмыло широкое черное полотнище. Среди зловещего молчания, пришедшего на смену радостным возгласам, послышался звук разрезаемого воздуха, перешедший в пронзительный залп, от которого все, даже самые храбрые, инстинктивно втянули голову в плечи.

— Вот так дела! Снаряд...— пробормотал боцман Порник.

Ядро прошило верхушку стеклянного купола, громко разорвалось, круша все вокруг, корежа арматуру, извергая в лагуну ливень осколков и обломков. Первый раз хладнокровие изменило господину Синтезу.

— Бандиты! — вне себя от ярости воскликнул он.—

* Флагдук, правильно: флагтук — шерстяная ткань для флагов на судне или просто кусок такой ткани.

Стрелять по атоллу! Пусть лучше бы меня разорвали на куски! Но Великое Дело! К оружию, дети мой, к оружию! Я награжу вас, я озолочу вас, вы станете миллионерами, но только защитите Великое Дело!

— Проще простого,— бормотал боцман Порник,— людюшки, которые салютуют при помощи этой подлой тряпки и вместо приветствия «забивают» в пушечное жерло снаряд,— это настоящее отребье, всем пиратам пираты... Но ничего, зададим им славную трепку!

И тут только господин Синтез вспомнил, что он не только ученый, но и отец. Его экзальтация внезапно угасла, он сорванным голосом прошептал:

— Бедное дитя!.. Где она? Увижу ли я ее когда-нибудь?

Благодаря тому, что намерения пришельцев не оставляли никаких сомнений, мужественный персонал господина Синтеза приготовился оказать решительное сопротивление. Предвидя возможность abordaja, все торопливо вооружались. Артиллерийские орудия зарядили не только на «Анне», но также и на «Ганге», более чем когда-либо неподвижном на своей мадрепоровой подставке. Теперь оба корабля представляли собой опасные крепости, и врагу пришлось бы немало повозиться, чтобы их взять.

Бесполезно распространяться о неправдоподобных историях, о немыслимых слухах, бродивших среди членов обеих команд, чье первоначальное оцепенение быстро сменилось воинственным пылом. Все пришли к единому заключению: «Инд» попал в руки морских разбойников. Пираты напали на нас, но мы им еще покажем или, как выразился боцман Порник, зададим им славную трепку.

Тем не менее, положение не становилось легче. Правда, корпус «Ганга» отчасти заслонял собой центральный риф, землю господина Синтеза. Да и «Анну» можно было подтянуть на тросах и защитить таким образом от вражеских ядер железные переборки шлюзов. Что же касается купола, то Алексис Фармак, здраво поразмыслив о прогрессе, который произошел в развитии биологической цепи, пришел к выводу, что уже можно обойтись и без газового генератора, и без динамо-машины. Эксперимент может продолжаться и при атмосферном воздухе, если учесть, что водная среда достаточно насыщена всеми необходимыми для этого элементами.

После первой наглой вылазки вот уже полчаса пираты не подавали признаков жизни. Быть может, ожидали при-

бытия парламентаров, возможно, хотели вступить в контакт с самим господином Синтезом. Такая проволочка, на которую сначала никто даже рассчитывать не смел, была с пользой использована для защиты атолла.

Тем временем небо потускнело, воздух стал, если такое возможно, еще удушливей, подземный грохот вдвое усилился, от толчков дрожало все кругом. Порою мрачный темный пар, поднимавшийся, казалось, из морских глубин, отнесенный порывом раскаленного ветра, медленно перемещался, образуя вихри мельчайшей пыли. Такой ливень из пепла ясно указывал на то, что где-то в более или менее отдаленном радиусе находится действующий вулкан.

Каждую секунду можно было ожидать, что рухнет купол,— его опоры мрачно гудели и потрескивали. Казалось, все ополчилось против Великого Дела, и люди и природа, которая, устав терпеть производимые над ней издевательства, решила отомстить тому, чей девиз сверкал на большом полотнище вымпела.

Наконец «Инд» начал действовать; один за другим два белых облачка появились у него по борту, и два новых снаряда со свистом пронеслись над «Анной», хотя и не задели ее.

— Эти людишки стреляют как сапожники,— прорычал боцман Порник,— наверняка нас попытаются взять на abordаж. Но почему? Что мы им плохого сделали?

«Анна» отвечала на неприятельский огонь, но безуспешно. Оно и понятно — «Инд» стоял к атоллу так, что мишенью могла служить лишь небольшая по площади его носовая часть.

Вскоре непроницаемая туча порохового дыма заволокла обоих противников, мешая им видеть друг друга. Старый бретонский моряк угадал правильно.

— Вот этого я и боялся,— произнес он, по привычке разговаривая сам с собою.— Чертовы нехристи! Теперь нам не удастся засадить пару добрых килограммчиков чугуна в его поганое нутро!

С обеих сторон стреляли наугад. Лишенная мачт, «Анна» сидела очень низко в воде и практически не страдала, а вот купол, с его громадным диаметром, представлял для снарядов слишком легкую мишень.

Алексис Фармак, пришедший в отчаяние, видя, как на глазах рушится дело его жизни, сбежал с корабля и занял место в самом пекле — на атолле. Бестрепетно стоя под ураганным огнем, он героически наблюдал за экспериментом, до последней минуты надеясь увидеть новые биологи-

ческие феномены, услышать последнее слово эволюции. Что нашему доблестному профессору свистящие вокруг куски железа, грохот взрывов, ливень осколков, шатающиеся опоры купола, ежесекундно грозящего раздавить беднягу в лепешку! Наплевать ему, что зоолог, который по долгу службы тоже обязан в случае опасности находиться при лаборатории, как сквозь землю провалился!

Если борьба между людьми становилась с каждой минутой все яростней, то и буйство стихий принимало неслыханные размеры. Даже пушечные выстрелы были едва слышны среди грохота, производившегося подземными толчками, которые колебали и смещали подводные пласты. Целые рифы исчезали, поглощенные бездной. Конфигурация окружающего пространства неузнаваемо менялась прямо на глазах. Нет сомнения, вскоре должно было произойти извержение вулкана, находящегося либо в самом атолле, либо вблизи него.

С дерзкой отвагой, достойной лучшего применения, бандиты решили воспользоваться землетрясением, чтобы завладеть «Анной». Не заботясь о препятствиях, не думая о возможных способах целыми и невредимыми унести ноги, они, за дымовой завесой, подошли к атоллу на расстояние четырехсот метров. Все их шлюпки были полны вооруженными людьми и спущены на воду; «Инд» прикрывал корпусом от встречного огня пиратов, решившихся идти на абордаж!

Мужественные защитники «Анны», воодушевленные примером офицеров и самого хозяина, рисковавшего головой, как простой матрос, грудью встречали опасность.

Несмотря на то, что атоллу ежеминутно грозила гибель, неукротимая энергия химика не оскудевала. Он по-прежнему был один, наблюдая за кошмарным видением.

Внезапно вода в лагуне вскипела, забулжила, будто рука титана* попыталась вырвать с корнем блок мадрепоровой породы, служивший подставкой для этой гигантской чаши. Потрясенный, перепуганный химик, сомневаясь, в своем ли он уме, увидел, как завертелся, закружился причудливый мир рыб, ящеров, ракообразных, черепах... Все это натывалось друг на друга, подскакивало в воздух, взлетая до самой коралловой кромки, до самой искусственной земли.

* Титан.— В греческой мифологии титанами называли могучих сыновей отца богов Урана и Геи, богини Земли; титаны были побеждены в битве с богами Олимпа, которых возглавлял Зевс, и сброшены в подземное царство Тартар.

«Естественно, то же самое должно было происходить и тогда, когда тектонические сдвиги перемещали континенты», — подумал Алексис, разглядывая представителей самых разных видов и форм, выброшенных из родной стихии и вперемешку валявшихся на земле.

Шум голосов оторвал Фармака от созерцания. Трое мужчин, которых никто не ожидал бы увидеть вместе, да еще и на атолле, да еще и в подобный момент, осторожно приближались к разрушенному куполу. Донельзя удивленный химик узнал своего коллегу Роже-Адамса и недостойного капитана, в опаснейший момент покинувшего свой пост. Третий был ему незнаком. Они разговаривали очень громко, иначе им было не услышать друг друга среди оглушительного грохота битвы и вулканического извержения. Живо заинтригованный, Алексис спрятался за обрывком брезента, чтобы все видеть и не пропустить ни слова.

— Мы здесь одни, — сказал капитан.

— Да, одни! — отозвался зоолог. — Этот недотепа-химик куда-то запропастился. Что ж, доброго ему пути в страну, откуда нет возврата!.. Ты хорошо понял свою роль? — обратился господин Артур к третьему. — Бросишься сейчас в воду, доплывешь до скалы, что в центре лагуны, заберешься на нее и будешь лежать тихо, словно спящий. Не страшно?

— Мне никогда не бывает страшно.

— Совсем скоро, когда нападающих отбросят, мы приведем сюда Мэтра. Я, указывая на тебя, воскликну: «Великое Дело завершено! Победа! Человек появился!» Дай себя рассмотреть, пощупать, изучить, но не делай ни одного движения, не произноси ни слова.

— Договорились.

— Помни о нашем соглашении.

— Я никогда ни о чем не забываю.

— Сними с себя всю одежду, иначе старикашка заподозрит подвох.

Вне себя от возмущения и ярости, химик не мог больше слушать. Он собирался уже броситься на негодаев и, рискуя собственной жизнью, разоблачить заговорщиков. Но в этот момент пущенный с «Инда» снаряд в полете раздробил на части тела всех трех заговорщиков, стоявших тесной группой, а затем понесся дальше и разорвался, разрушив один из меридианов.

При виде разбросанных повсюду человеческих останков Алексис испустил безумный крик ужаса. Земля трясась под его ногами. Он не успел вернуться на корабль; от

страшного толчка атолл содрогнулся до основания, коралловое кольцо стало сжиматься, громоздя друг на друга обломки. Потерявший все точки сцепления и опоры, купол упал в море.

Бедного химика, жертву долга, мощнейшим ударом вышвырнуло по направлению к «Инду» с такой силой, как будто под ногами у него взорвалась мина. Он слышал громкие крики, глухой звук взрыва и, падая в воду, увидел, как пиратский корабль, раскачиваясь, завертелся на месте и стал постепенно тонуть. Алексис, как и всякий не умеющий плавать человек, принялся конвульсивно барахтаться, все больше и больше захлебываясь.

— Я пропал! — решил он, сознавая, что идет ко дну.

Но тут могучая рука подхватила его и вытащила с глубины шести морских саженей. Уже теряя сознание, достойный ученый машинально открыл единственный глаз и смутно разглядел, что держится за какое-то страшилище, вцепившись в него, однако, как свойственно тонущим, мертвой хваткой.

А страшилище-то это было всего-навсего человеком, облаченным в скафандр. По тому, как судорожно химик вцепился, водолаз понял, что еще немного — и спасти утопающего не удастся. Тогда, мигом сбросив свинцовые подошвы и держа Алексиса в объятиях, подводник быстро всплыл, словно бакен. С «Анны» их заметили, бросили линь и подтянули к борту. Все бросились обнимать и поздравлять спасателя, даже шлема не дали снять, такое ликование вызвало появление этого человека.

Алексис, чей обморок был не очень глубок, пришел в сознание, громко высморкался, взглянул на героя и узнал... своего бывшего ученика из женевской лаборатории!

— Вы?! Какими судьбами?! — вскричал химик с комическим изумлением, под которым невозможно было скрыть, как он в действительности растроган. — Откуда вы взялись, дорогой мой?!

— Из воды. После того, как подложил торпеду под «Инд», затонувший в ста метрах отсюда.

— Мой добрый друг, вы мне жизнь спасли... И к тому же торпедировали это пиратское судно!..

— Мог ли я поступить иначе, раз был студентом в классе взрывчатых наук? Взорвать корабль — так повелевал мне... профессиональный долг. Что же касается вашего спасения, то это чистый случай, чему я всем сердцем рад.

— Но почему вы вступились только сейчас?!

— Об этом я пока умолчу. Это целая история. Заранее прошу вас простить мне некоторые малые грешки... Ах, дорогой учитель, довольно поздравлений!.. «Инд» затоплен, но пираты, деморализованные на какое-то время, еще соберутся с силами. Битва будет продолжена.

Агент номер 32 не ошибся. Бандиты, которые рассчитывали с налету завоевать позиции, после гибели своего корабля поняли, что спасти их может только победа. Во время предшествующих атак почти половина головорезов погибла. Ну и что! Ведь и моряки господина Синтеза понесли большие потери — шансы более или менее были равны! Пиратские шлюпки, изрешеченные со всех сторон, текли и с трудом продвигались вперед. Опять-таки — ну и что! Здоровые люди яростно гребли, раненые — отстреливались.

Среди разбушевавшейся стихии, под небом, становившимся час от часу все смурнее, на волнах, похожих на расплавленный металл, битва эта превращалась в зверское побоище. Защитники «Анны» и моряки, переброшенные с «Ганга», удвоили усилия, они творили чудеса. Но, как ни храбры были люди господина Синтеза, их частично оттеснили, и группа преступников оказалась на палубе. Некоторые негодяи уцелели после кораблекрушения и, цепляясь за всплывшие снасти «Инды», вплавь добрались до поля боя — хотели подсобить товарищам. Даже юнги, совсем еще дети, проявляли неистовое ожесточение. Кровь текла рекой, резня была ужасна.

И вдруг внезапно бой стих, — доселе постепенно сгущавшийся сумрак неожиданно сменился непроглядной тьмой. Небо почернело. Синеватые молнии рассекли плотные тучи, все слышней стали громовые раскаты. И тут раздался взрыв, грохот которого разнесся не менее чем на сотню километров. Толчком небывалой силы район бедствия был потрясен до основания. Гигантский столб огня взмыл в небо из морских глубин всего в пятистах метрах от атолла. Сила извержения оказалась такова, что и остов «Ганга», и корпус «Анны», и паровой баркас, и пиратские шлюпки — все рухнуло, провалилось, все погрузилось в бездну.

Крик предсмертного ужаса прозвучал над внезапно накатившей и схлынувшей волной. При свете колоссального факела, осветившего эту кошмарную сцену, обезумевшие люди устремились вплавь к чудом уцелевшей ответственней земле господина Синтеза.

В тот момент, когда корпус «Анны» вместе со своей

доблестной командой начал погружаться в воду, боцман Порник заметил господина Синтеза. Безучастный к происходящему, увидевший крушение всех надежд, тот пассивно ожидал гибели. Рядом со стариком морской волк увидел и агента номер 32, отбросившего карабин.

— Слушай, парижанин,— крикнул ему боцман,— ты плаваешь как рыба. Держись-ка рядом с Мэтром и помоги мне поддержать его над водой.

— Слушаюсь,— коротко бросил полицейский.

— Ну что, брат, приналяжем на весла?!

Мужчины подхватили под обе руки безжизненное тело старика и, гребя одной рукой, поплыли к искусственной земле.

Со всех сторон люди, пережившие эту чудовищную гекатомбу* движимые единым для всех инстинктом самосохранения, устремились к руинам атолла.

— Осторожно, дружище, осторожно, держись прямо по курсу! — командовал боцман. — Наше дело — не дать хозяину нахлебаться и сгрузить его в целости вон на ту отличнейшую платформу. На атолле уже порядочная толкучка.

Все трое скоро добрались до островка, освещенного мрачными отблесками действующего вулкана, островка, на котором старик надеялся отпраздновать завершение Великого Дела. Спасители поставили хозяина на ноги. Бесчувственный ко всему, Мэтр озирает блуждающим взглядом сушу, по его велению возникшую из морских глубин.

Среди нанесенных морем водорослей копошился диковинный мир, состоявший из самых причудливых животных, тоже ставших жертвами стихий. Откуда они? Из глубин ли разрушенной лагуны, где проходила искусственная эволюция, гениальная концепция которой едва не была доказана? Быть может, они последние уцелевшие представители биологической цепи превращений, которой, увы, недоставало последнего звена?

Господин Синтез в одиночестве медленно расхаживал по своему крохотному континенту, среди созданий, названных им из небытия, и вдруг замер, скрестив руки на груди и затаив дыхание. Станный звук заставил его вздрогнуть. Можно подумать — человеческий крик!.. Жалобный плач больного или испуганного ребенка...

* Гекатомба — в Древней Греции жертвоприношение, состоящее из ста быков (от *греч.* *hekaton* — сто и *bis* — бык); в переносном смысле — огромные жертвы войны, катастрофы.

Безумная, абсурдная надежда затеплилась в сердце старика. Он преобразился — глаза засверкали, спина горделиво выпрямилась. Мэтр ступил еще несколько шагов вперед, остановился. Совершенно голый ребенок, негритенок, контуженный, полумертвый, умоляюще тянул к нему ручонки, крича нечто нечленораздельное. Дитя... одно... в подобном месте...

Не задумываясь ни о происхождении ребенка, ни о том, как он мог очутиться среди животных, которые ползают, бегают, извиваются на подстилке из фукуса, старик подошел вплотную к кричащему младенцу и долго безумным взглядом рассматривал его при свете извергающегося вулкана. И вдруг хриплым, нечеловеческим голосом возопил:

— Негритенок!.. Чуть позже это был бы мужчина... негр! А еще позже — мужчина, белый! Эволюция... Великое Дело... трансформация... Я могу сказать: *et ego creator!*

Конец третьей части

Эпилог

Прошло сорок восемь часов. Все, кто пережил драму, разыгравшуюся в Коралловом море, и друзья и враги, сбились в кучу на бесплодной скале, возвышавшейся когда-то посреди лагуны и единственно выдержавшей подводное извержение вулкана. Каждую минуту их могло смыть волной. Нешадно палило солнце. Вулканический пепел продолжал медленно оседать. Не было ни капли питьевой воды, ни атома пищи.

Оставшиеся в живых пираты-китайцы и члены команд «Анны» и «Годавери» делали вид, что не замечали друг друга. Ненависть отступила на задний план: слишком велика была опасность, слишком ужасно положение, в котором они оказались. Точно так же, когда пылает саванна или горят джунгли, гонимые огнем, все вместе, вперемешку убегают от пожара самые разные звери; забывая и об инстинктах, и о видовой несовместимости, они могут находиться рядом друг с другом в течение многих часов и даже дней.

После того как все было кончено, господин Синтез не вымолвил ни слова. Бессмысленный остановившийся взгляд старика неуверенно задерживался то на морских барашках, то на кратере вулкана, но ни единой искры интеллекта не загоралось в его глазах.

Ассистент-химик, преданно окруживший Мэтра нежными заботами, приходил в отчаяние при мысли, что столь могучий ум не выдержал постигшего удара: Алексис Фармак безуспешно старался разговорить старика, заставить сделать его хоть какой-нибудь жест.

На третьи сутки страдания оставшихся в живых стали воистину невыносимыми. Все понимали, что спастись можно только чудом. Однако никаких беспорядков не происходило — таким сильным и длительным оказалось действие гипноза, принудившее матросов к повиновению. Они знали, что медленно умирают, но хотели погибнуть молча, без стонов и жалоб, к превеликому изумлению пиратов, не понимавших, как в таких обстоятельствах можно сохранять подобную твердость.

И вдруг, среди этого отчаяния, умирающие от голода люди увидели тонкое элегантное судно с высокими мачтами, медленно приближавшееся к скале.

Несчастные, испытав несколько дней назад, после появления «Инды», горчайшее разочарование, не знали, что

теперь и думать при появлении этого совершенно им незнакомого парохода. Но шведский выппел бился на гафеле — четко виден был его белый крест! На грот-мачте высился стяг господина Синтеза — можно было прочесть его гордый девиз, который, увы, в данных обстоятельствах звучал жестокой иронией.

Алексис Фармак сделал попытку одним махом возвратить старика к жизни, без преамбул сообщив ему известие, в которое никто еще не осмеливался поверить:

— Мэтр! Пришел корабль, под шведским флагом. На нем ваш выппел!

В ответ — ни слова. Господин Синтез был неподвижен, словно статуя, глаза его продолжали глядеть в какую-то неведомую точку пространства. Зато остальных сказанные химиком слова заставили кричать от радости, но в общем хоре раздавались также и крики страха. Если смельчаки, до конца выполнившие долг, были опьянены надеждой на избавление, то пираты, выйдя из оцепенения, чувствовали себя зверьми, попавшими в ловушку, и гадали, какое возмездие им предстоит.

Прибой крепчал, и капитан Кристиан, опасаясь, что чем дальше, тем труднее будет причалить к рифу, приказал бросить якорь и спустить шлюпки на воду. Господин Синтез покорно дал посадить себя в большую лодку и, не говоря ни слова, уселся рядом с Алексисом Фармаком, не спускавшим с него глаз. Вскоре шлюпка пришвартовалась к кораблю.

Близ выхода на наружный трап стояли цветущие, сияющие молодостью и здоровьем Анна Ван Прет и капитан Кристиан. Счастье вновь увидеть старика, увы, было омрачено удручающим видом окрестностей, где произошла небывалая драма. Но это еще не все. Бедная девочка, взглянув на господина Синтеза, который ее даже не заметил, осознала всю глубину постигшей ее беды. Она бросилась к деду, простерла к нему руки и душераздирающим голосом прокричала:

— Отец!.. Отец!.. Это я! Неужели же вы меня не узнаете?!

Внезапно господин Синтез, порывисто обернувшись, стал искать глазами только что покинутый им риф. За исключением этого совершенно инстинктивного проявления остаточной памяти ничто не нарушило его бесчувственного покоя.

Один из уцелевших в бою офицеров в общих чертах изложил капитану Кристиану положение вещей. Свой рассказ он завершил сообщением о том, что на острове остались пираты.

— Благодарю вас, лейтенант,— ответил офицер.— Что до бандитов, то пусть остаются на рифе. Если вы уверены, что никто из наших товарищей не забыт, то мы тотчас же поднимем якорь.

При этих словах девушка, державшая деда за руки, обратила к Кристиану свое залитое слезами лицо и, рыдая, произнесла:

— Вы оставляете на рифе людей, обрекая их тем самым на ужасную смерть?!

— Мадемуазель,— почтительно, но твердо ответил ей молодой человек,— бывают преступления, к которым невозможно снисхождение.

— Значит, вы хотите отнять у виновных даже возможность раскаяния?

— Вспомните о наших товарищах, погибших на «Инде», о катастрофе, случившейся с «Годавери», подумайте, что всего лишь три дня тому назад они явились сюда, намереваясь перебить всех оставшихся в живых участников экспедиции. Само существование таких головорезов является постоянной угрозой для общества. Не желая присваивать себе право на суд и расправу, я оставляю их на произвол судьбы.

— Умоляю вас... Пощадите их! Послушайте только, как отчаянно они кричат... Я убеждена, что после столь жестокого урока раскаяние все-таки постучится в их сердца.

— Все, что я могу сделать, так это доставить их в ближайший порт и передать в руки правосудия. Но... поглядите, сама судьба решает иначе!

И действительно, с острова в этот миг раздались еще более ужасные, более душераздирающие крики — скала, за которую так судорожно цеплялись несчастные, стала оседать, не выдержав ударов волн и подземных толчков. С каждым мгновением риф все глубже и глубже погружался в пучину, еще минута, и он скрылся под водой...

Увидев, что и следа не осталось от его творения, господин Синтез обратил на внуку тусклый взгляд. Он долго смотрел на нее, затем со странным болезненным выражением перевел глаза на капитана Кристиана и столь же долго и пристально изучал его.

— Биологическая цепочка... предки... человек...— еле ворочая языком, как паралитик, забормотал Мэтр.— Будь этим человеком... избранником... Великого Дела. Анна, девочка... твой супруг... Кристиан.

Это были последние слова господина Синтеза.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайны господина Синтеза. Роман

Пролог. <i>Ученые и полицейские</i>	7
Часть первая. Коралловый остров.	63
Часть вторая. Потерпевшие кораблекрушение на Малакке	182
Часть третья. Великое Дело	274
Эпилог	363

БУССЕНАР Л.

- Б 92 Собрание романов.— Серия 2; Т. 3: **Тайны господина Синтеза:** Роман: Пер. с фр. Е. Квитницкой-Рыжовой; примеч. Л. Лебедевой; художник А. Махов.— М.: Ладомир, 1993.— 368 с., ил.

ББК 84.4 Фр

В третий том второй серии Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошел впервые полностью переведенный роман «Тайны господина Синтеза».

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Серия 2

Том 3

Редактор **Свердлова Е. Е.**

Технический редактор **Суровцева С. И.**

Корректор **Наренкова О. Г.**

Сдано в набор 05.07.93. Подписано в печать 02.09.93. Формат 84×108½. Бумага офс. № 1.
Гарнитура «Басквервиль». Офсетная печать. Печ. л. 11,5. Тираж 60 000 экз. Заказ № 4475

Научно-издательский центр «Ладомир», 103527, Москва К-617, кор 1436, а/я 202.

Набрано в типографии издательства «Пресса»

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
«Красный пролетарий» РГИИЦ «Республика»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»**

предлагает Вашему вниманию

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
О. ГЕНРИ**

(в 3-х томах)

*популярнейшего американского рассказчика-
юмориста начала столетия, одного из корифеев
этого жанра, имеющего давнюю традицию в США.*

В литературном наследии О. Генри насчитывается свыше 250 рассказов, веселых, увлекательных, динамичных, с ошеломляющей развязкой и яркими, незабываемыми обаятельными героями.

Задорная манера повествования, умение найти занимательную и забавную сторону в любом непримечательном на первый взгляд явлении, неиссякаемый запас шутки и каламбуров, блестящие сатиры характеризуют почти каждую страницу рассказов О. Генри.

Его неповторимая особенность — тяга к игре. Во всем, что он пишет, присутствует элемент стремительной, ловкой, виртуозной игры.

В предлагаемое издание вошли сборники рассказов: «Короли и капуста», «Четыре миллиона», «Сердце Запада», «Коловращение», «Деловые люди», «Всего понемножку», «Под лежащий камень», «Остатки», «Горящий светильник», «Голос большого города», «Благородный жулик», «Дороги судьбы», «На выбор».

Объем томов 447 стр., 432 стр., 560 стр., прекрасное оформление.

Формат 84×108/32, тв. п., офс. № 1, илл.

Наш адрес:

**103617, Москва, г. Зеленоград, корп. 1435,
коммерческий отдел НИЦ «Ладомир»**

Телефон: (095) 530-43-20, факс (095) 530-47-42

